

А. Д. СКОРОДОВ

СЛОВО,
ВЕДУЩЕЕ
В БОЙ

Андрей Дмитриевич
ОКОРОКОВ
(фото 1941 года)

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ
А. Д. ОКРОКОВ

*СЛОВО,
ВЕДУЩЕЕ
В БОЙ*

Ордена Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА — 1980

ББК 63.3(2)722

О-51

Окороков А. Д.

О-51 Слово, ведущее в бой.— М.: Воениздат, 1980.— 351 с., 10 л. ил.— (Военные мемуары).

В пер.: 1 р. 60 к.

Автор воспоминаний — член Военного совета 8-й армии, военный комиссар управления перевозок по Ладожскому озеру, начальник политуправления Северо-Западного и 2-го Белорусского фронтов — воссоздаст живые картины многих военных событий, в том числе под Ораниенбаумом, на Невской Дубровке, в северо-западных районах России, в Белоруссии, Польше, на немецкой земле. В книге рассказывается о боевых действиях войск, опыте партийно-политической работы в различных условиях. Тепло говорится о встречах автора с командирами, политработниками, бойцами, с видными военачальниками.

О 11202-248 50.80.1304010000.
068(02)-80

ББК63.3(2)722
9(С)27

© Воениздат, 1980

ПЕРВЫЕ НЕДЕЛИ ВОЙНЫ

Вогда я перебираю в памяти эпизоды первых, самых трудных дней войны, то неизменно возвращаюсь к жаркому августовскому дню сорок первого года.

Полдень, нестерпимо печет солнце. С группой политработников я выехал под Колпино, где шло строительство оборонительных сооружений. На одном из участков несколько десятков женщин и пожилых мужчин рыли траншею. Усталые, серые лица, запачканная глиной, припорошенная пылью одежда. Мы подошли к траншее. Один за другим люди втыкали в землю лопаты. Поздоровались. Помолчали. Что сказать этим донельзя измученным людям, как вдохнуть в них новые силы, думал я. Они знают, что работают для защиты родного города, знают, что их труд необходим. Нужно ли напоминать об этом?

И тогда я тихо — так, что в задних рядах окружившего меня плотного кольца людей мой голос, наверное, был еле слышен, — стал рассказывать о том, что я видел собственными глазами на фронте. О том, как гибли молодые парни от вражеских пуль и снарядов, о том, как удесятеряет силу обороны нехитрое инженерное сооружение — траншея, о мужестве и героизме их сыновей, мужей, братьев.

Один из мужчин, совсем седой, с морщинистым лицом, вдруг перебил меня: «Чего уж там говорить... Можст, мой сын завтра здесь драться будет. И твой... И твой...» Он поочередно обращался к своим товарищам, называл по именам их сыновей. Он многих знал, этот старик. И люди отходили, брали лопаты.

Мы попрощались. Быстро стигались и разгибались спины, летели из траншеи комья глины. Казалось, что люди отдыхали не считанные минуты, пока длилась наша

беседа, а несколько часов. И я подумал о животворной силе слова, о самых точных, самых нужных словах, которые нашел старый ленинградец.

Партийное слово, личный пример коммуниста с первых дней войны стали нашим острейшим оружием. Они помогли выдержать самые суровые испытания, звали и вели к победе.

...22 июня 1941 года. На этот день у меня был вполне определенный план — до позднего вечера готовиться к экзамену. Я как раз заканчивал курсы усовершенствования высшего начсостава РККА при Военной академии имени М. В. Фрунзе и уже получил назначение на должность начальника организационно-партийного отдела управления политпропаганды Ленинградского военного округа.

Но экзамен сдавать так и не пришлось. Утром по радио передали сообщение о вероломном нападении гитлеровской Германии на Советский Союз, и я сразу же пошел в Главное управление политической пропаганды.

Все работники Главного управления были собраны по тревоге. В управлении кадров было многолюдно, однако кадровики действовали, по обыкновению, четко, и вскоре я получил приказ: немедленно выезжать в Ленинград. Сдавать дела в Белостоке, где я служил до этого в 4-м стрелковом корпусе, было некогда. «На белостокскую квартиру за вещами съездишь позже», — пошутил кто-то. Мы надеялись на скорую победу и рассчитывали, что в недалеком времени будем воевать на территории врага...

В Ленинград я выехал в тот же день. В городе уже ощущалось дыхание войны: памятники обкладывались мешками с песком на случай бомбежки, зенитные батареи занимали огневые позиции, там и тут можно было видеть аэростаты воздушного заграждения.

Представившись командующему Северным фронтом генерал-лейтенанту М. М. Попову и члену Военного совета корпусному комиссару Н. Н. Клементьеву, я направился в управление политической пропаганды. С начальником управления дивизионным комиссаром Е. Т. Пожидаевым мы были давно знакомы: еще в двадцатые годы состояли в одной комсомольской организации. А вот с заместителем начальника бригадным комиссаром И. В. Шикиным встретились впервые. Иосиф Васильевич лишь незадолго до войны был направлен в

армию по партийной мобилизации. Однако он отнюдь не казался новичком в военном деле и, судя по всему, быстро освоился с особенностями партийной работы в армии. И. В. Шикин был отзывчивым и душевным человеком. С ним легко было установить рабочий контакт. Наверное, это свойство характера немало способствовало его высокому авторитету.

Организационно-партийный отдел, где мне предстояло работать, состоял из двух отделений — информации и партийного учета — и группы инспекторов по родам войск. Ежедневно мы получали информацию из войск, обобщали ее и составляли политические донесения Военному совету фронта и начальнику Главного управления политической пропаганды. Признаться, поначалу я несколько растерялся от обилия бумаг.

Как-то докладывая члену Военного совета фронта А. А. Жданову, я решился задать мучивший меня вопрос: зачем столько документов, столько бумаг, не лучше ли нам больше бывать в войсках, проверять на местах, как ведется партийно-политическая работа, а потом докладывать об увиденном и услышанном?

Андрей Александрович согласился с тем, что не нужно увлекаться составлением пространных документов. Он посоветовал установить такой порядок: начальник отдела политпропаганды дивизии готовит лишь одно политическое донесение — в конце дня, а все остальное время может проводить в войсках, среди бойцов, командиров, политработников. Что же касается организационно-партийного отдела фронта, то он должен подходить к документам творчески, выбирать для донесений самое главное, самое яркое.

— Однако, — заметил А. А. Жданов, — вашему отделу и впредь придется много обобщать и много писать. Это необходимо и для сегодняшней нашей работы, и для будущего — когда по документам этих дней будут писать историю войны. Мы должны позаботиться и об историях, — шутливо закончил он.

Сколько раз потом я убеждался в его правоте! Сколько бесценных для истории фактов безвозвратно утеряно из-за того, что в трудные военные годы не было порою времени что-то записать, составить какой-либо документ, казавшийся тогда не особенно нужным.

Впрочем, не надо думать, будто наш отдел занимался только обработкой документов и составлением донесений.

Очень много сил мы отдавали организации партийной работы в войсках. К примеру, в тот же день, когда состоялась беседа с А. А. Ждановым, командование фронта направило меня в 1-й механизированный корпус, которым командовал генерал-лейтенант М. Л. Чернявский, для оказания помощи в организации партполитработы на марше. Дело в том, что этот корпус должен был передислоцироваться из Пскова под Ленинград: Первая моя поездка в войска, однако, оказалась короткой: в связи с обострением обстановки на юге Прибалтики корпусу было приказано вернуться обратно в Псков.

Как только я вновь прибыл в Ленинград, меня вызвал член Военного совета фронта корпусной комиссар И. Н. Клементьев. Николай Николаевич ознакомил меня с постановлением ЦК ВКП(б) от 27 июня 1941 года о мобилизации коммунистов для усиления партийно-политической работы в частях Красной Армии.

Ленинградский городской комитет партии, райкомы должны были выделить самых опытных коммунистов для политической работы на фронте. Заместитель начальника управления политпропаганды фронта И. В. Шикин, горвоенком Ленинграда полковник Ф. Ф. Расторгуев, начальники отделов и инспекторы управления политпропаганды побеседовали в эти дни с сотнями коммунистов, побывали на десятках предприятий города. Мобилизованных коммунистов инструктировали и направляли в воинские части.

Неоценимую помощь в те дни оказали нам секретарь Ленинградского горкома партии А. А. Кузнецов — человек высокой партийной принципиальности, чуткий и отзывчивый, — и заведующий военным отделом горкома А. А. Верхоглазов.

Мы просматривали с Верхоглазовым списки мобилизованных коммунистов и понимали, что это не последняя мобилизация. Фронт подходил к Пскову, войска Красной Армии дрались с врагом на дальних подступах к Ленинграду, шли упорные бои на Карельском перешейке и севернее Ладожского озера. Без ленинградских коммунистов фронт обойтись не мог. Влившись в войска Ленинградского фронта, в ряды моряков Краснознаменного Балтийского флота, они показывали образцы самоотверженности, бесстрашия и мужества.

Мы доложили А. А. Жданову о завершении работы по выполнению постановления ЦК партии и сразу же получили новое задание. В городе началось формирование

дивизий народного ополчения. Работники управления политпропаганды фронта должны были в кратчайшие сроки подготовить для этих дивизий политработников, обучить их основам партийно-политической работы в условиях боевой обстановки.

По решению Государственного Комитета Обороны 10 июля были образованы главнокомандования Северо-Западного, Западного и Юго-Западного направлений. К нам в Ленинград прибыл главнокомандующий Северо-Западным направлением Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов. Членом Военного совета направления стал член Политбюро ЦК ВКП(б) первый секретарь Ленинградского обкома и горкома партии А. А. Жданов. Главнокомандование непосредственно руководило Северным и Северо-Западным фронтами, Краснознаменным Балтийским и Северным флотами.

В первые недели войны я не раз встречался с Климентом Ефремовичем Ворошиловым. В невероятно трудные дни лета сорок первого года он работал неутомимо и самоотверженно. Его видели на переднем крае под Лугой и Кингисеппом. Он никогда не терял присутствия духа и не гнулся под пулями. Сопровождая его во время поездок в войска, я не раз имел возможность убедиться в этом.

Многие считали, что главнокомандующему направлению не место на переднем крае, и порою упрекали К. Е. Ворошилова за его частые поездки на оборонительные рубежи. Думаю, что упрекали безосновательно. Это была не бравада, не показная храбрость. В те дни личный пример, мужество одного из самых популярных военачальников Красной Армии значили очень много и были отличным средством воспитания бойцов.

Андрей Александрович Жданов постоянно уделял большое внимание работе управления политпропаганды, знал в лицо многих политработников, давал четкие и конкретные задания. Хорошо помню одно из поручений Жданова. В конце июля, когда Пожидаев и Шикин были в войсках, Андрей Александрович позвонил мне по телефону:

— Срочно направьте группу инспекторов на север Ладogi. Там ведет бои сто шестьдесят восьмая стрелковая дивизия. Будем передислоцировать ее под Ленинград для усиления войск на колпинском направлении. Поставьте политработникам управления задачу: личным при-

мером воодушевить бойцов в этих боях, а потом помочь командирам организованно переправить дивизию через Ладогу.

Подобные четкие, точно сформулированные задания мы получали от А. А. Жданова чуть ли не ежедневно.

В это тяжелое время множество сложнейших задач стояло перед управлением политпропаганды. Инспекторы и пропагандисты, выполнив очередное задание, докладывали о результатах своей поездки и, практически не отдохнув, вновь выезжали в войска. Некоторые, впрочем, оставались работать в городе; но и они спали не более трех-четырёх часов в сутки. Дел было невпроворот, и времени не хватало. Политработники участвовали в формировании дивизий народного ополчения, помогали райкомам партии организовать политическую работу среди гражданского населения, мобилизовать людей на строительство оборонительных сооружений...

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 июля 1941 года в Красной Армии вводился институт военных комиссаров. Управления и отделы политпропаганды переименовывались в политические управления и отделы. Уже само изменение названий свидетельствовало о расширении функций политорганов. В дивизиях и полках вводилась должность военкома, который стал отвечать за боевые действия наравне с командиром. Политотделы были призваны конкретно руководить партийными и комсомольскими организациями, отвечать за всестороннее политическое обеспечение боевых действий.

Естественно, что столь серьезная перестройка политорганов потребовала большой организационной и разъяснительной работы в войсках. Нам вновь пришлось серьезно заняться расстановкой кадров политработников. Ведь далеко не всякий заместитель по политчасти мог стать настоящим комиссаром, готовым разделить с командиром и власть, и ответственность. На посты военкомов мы назначили наших лучших политработников — людей, глубоко преданных делу партии, смелых, имеющих необходимую военную и политическую подготовку, способных отдать все свои силы, а если потребуется, и жизнь на защиту Родины.

В трудных условиях начала войны введение института военных комиссаров резко подняло авторитет политработников в войсках, повысило роль коммунистов и комсомольцев.

Как раз в эти дни пришли радостные сообщения о боевых успехах нашего соседа — Северо-Западного фронта. 14—18 июля 11-я армия этого фронта нанесла противнику контрудар в районе Сольды, Шимск, в результате которого были разбиты и отброшены соединения 56-го мехкорпуса врага. В начале августа контрудар в направлении Старой Руссы нанесла 34-я армия.

Незадолго до этого, 10 июля, войска нашей 8-й армии остановили часть сил 18-й немецкой армии на рубеже Пярну, Тарту, Чудское озеро. Затем 8-я армия стала вести боевые действия в полосе нашего Северного фронта и была передана в его состав. Я получил от А. А. Жданова задание выехать с группой политработников в расположение армии, чтобы на месте ознакомиться с партийно-политической работой в войсках.

Как выглядит армия теперь, после тяжелых оборонительных боев? Ведь она, сдерживая натиск превосходящих сил противника, вынуждена была отходить через Прибалтику от границы с Восточной Пруссией.

Мы без особого труда добрались до командного пункта 8-й армии, нашли землянку политотдела. Открываю дверь — и вижу своего хорошего знакомого Сергея Ивановича Панкова, начальника политотдела. Еще так недавно мы учились с ним вместе на курсах усовершенствования высшего начсостава РККА при Военной академии имени М. В. Фрунзе...

Мы обнялись. Подвижный, энергичный, предпочитающий живое дело кабинетной работе, Сергей Иванович и на этот раз сразу предложил поехать в дивизию.

Личный состав армии укреплял линию обороны, одновременно отбивая атаки вражеских частей. Там, где это было возможно, мы собирали коммунистов. Говорили об итогах первых недель войны, разъясняли требовавшая момента, подчеркивали ведущую роль коммунистов в бою.

В ротах мы проводили короткие собрания, в резервных частях — митинги. Мы объехали все дивизии армии, и я мог убедиться, что всюду царил боевой дух, что красноармейцы, несмотря на недавние трудные бои, настроены бодро и полны мужества.

Стойкость и отвага воинов 8-й армии, сумевших после тяжелейших оборонительных боев в течение двух недель удерживать гитлеровские войска на рубеже Пярну, Тарту, а в последующем — на приморском плацдарме, сыграли огромную роль в срыве планов гитлеровского коман-

дования на подступах к Ленинграду. Активные, изматывающие противника оборонительные бои, которые вела 8-я армия против превосходящих сил врага, заставляли гитлеровцев снимать войска с самых опасных для Ленинграда направлений.

Лишь 22 июля превосходящие силы гитлеровцев сумели потеснить 11-й стрелковый корпус 8-й армии к Нарве, а 10-й — к Таллину. Организованно отступая, армия постоянно наносила врагу чувствительные удары, изматывала его силы. В этих боях в частях и подразделениях армии постоянно находились работники политического управления.

...Из поездки в 8-ю армию я вернулся смертельно усталый и сразу же с дороги попал на совещание, которое проводил А. А. Жданов. Опустившись в мягкое кресло, я мгновенно уснул. Потом мне рассказывали, что товарищи хотели было меня разбудить, но Андрей Александрович не позволил.

— Не будите! — мягко сказал он и шутливо добавил: — Пусть хоть немного поработает на себя...

Так я и проспал до конца совещания, а когда проснулся, не сразу понял, где нахожусь, чем доставил несколько веселых минут всем присутствующим.

Между прочим, на совещании, которое я столь безмятежно проспал, обсуждалось политическое обеспечение строительства оборонительных рубежей на подступах к Ленинграду. На это строительство была направлена значительная часть дислоцированных под Ленинградом саперных частей, все силы ленинградских гражданских строительных организаций. Особое внимание уделялось Лужской оперативной группе.

Войскам этой группы командовал генерал-лейтенант К. П. Пядышев. Членом Военного совета был назначен И. В. Шикин.

Мне часто приходилось выезжать в Лужскую оперативную группу. Здесь до подхода противника ее войска создавали оборону по реке Луга.. Но самое главное, к чему стремилось командование фронта и политическое управление, — поддерживался высокий боевой дух бойцов, командиров и политработников. Пока враг был еще далеко, политорганы проводили здесь митинги и собрания, разъясняли значение Лужской линии обороны для защиты Ленинграда. Обстановка позволяла командирам и политработникам вести кропотливую индивидуальную работу с

людьми, беседовать с каждым бойцом, разъяснить ему и общие задачи части и подразделения, и его личную задачу.

Вспоминаю встречу с молодым пулеметчиком во время одной из своих поездок под Лугу. Во время беседы я попросил его рассказать о стоящей перед ним боевой задаче. Он вытащил из кармана стрелковую карточку, в которой были отмечены каждое дерево, каждый куст. Все цели и ориентиры были пронумерованы. И второй номер расчета — уже немолодой боец — тоже отлично знал все цели, по которым предстояло вести огонь.

Подготовка оборонительного рубежа, высокое сознание бойцов и понимание ими своих боевых задач дали свои результаты. Когда фашистские войска подошли к Луге, все их попытки прорваться через Лужскую линию обороны оказались безуспешными. Часть вражеских войск вынуждена была повернуть на север, другая часть предприняла наступление в направлении Чудово, Любань. Темп наступления существенно замедлился.

Опыт успешной обороны под Лугой свидетельствовал о том, что наступление гитлеровцев замедляется или вовсе прекращается там, где враг встречает стойкое сопротивление на хорошо подготовленных рубежах.

Военный совет фронта уделял много внимания строительству оборонительных рубежей. За всеми районами Ленинграда были закреплены определенные участки строительства, которыми руководили представители фронта и райкомы партии. Возглавлял строительство оборонительных рубежей член Военного совета фронта, секретарь Ленинградского горкома партии А. А. Кузнецов.

Около полумиллиона ленинградцев, среди которых было много женщин, по призыву партии вышли на строительство. За короткое время они отрыли 626 километров противотанковых рвов, установили около 50 тысяч надолбов, устроили лесные завалы общей протяженностью 306 километров, построили 15 тысяч дотов и дзотов, установили 635 километров проволочных заграждений¹. Этот перечень далеко не полон.

Как-то в конце июля А. А. Кузнецов направил меня с группой политработников на проверку хода строительства и состояния политической работы на рубеже Пушкин, Гатчина, Колпино. Мы принимали участие в реше-

¹ Очерки истории Ленинграда. М.—Л., 1967, т. V, с. 85—86.

нии самых разнообразных вопросов, вплоть до снабжения строителей продуктами, одеждой, инструментами, машинами. И конечно, прежде всего старались как-то поддерживать, вдохновить людей. В строительных отрядах мы проводили митинги и собрания, индивидуальные беседы, разъясняли строителям их задачи, от выполнения которых во многом зависела стойкость нашей обороны.

Гитлеровцы знали, что среди строителей оборонительных сооружений десятки тысяч ленинградок. Как-то под Лугой меня окружили смеющиеся женщины. Оказывается, только что пролетел вражеский самолет и разбросал листовки, которые и вызвали смех. Мне протянули одну из них. Вот ее содержание: «Ленинградочки! Не копайте ямочки! Все равно пройдут наши таночки!» Я тоже не мог не рассмеяться. Вряд ли фашисты рассчитывали, что их пропагандистский «шедевр» вызовет такую реакцию.

— Так что же, дорогие женщины, будем копать ямочки? — спросил я.

Одна из них, миловидная девушка в пестром летнем платье, задорно ответила:

— Накопаем такие ямочки, товарищ военный, что все фашистские таночки в них застрянут, как в волчьих ямах. Вы бы нам только с обувью помогли.

Поглядел — и вправду: почти на всех легкие городские туфельки.

Вернувшись в Ленинград, обратился в интендантскую службу с просьбой обеспечить женщин солдатскими сапогами — незаменимой обувью на земляных работах. Интенданты с пониманием отнеслись к этой просьбе, даже сапоги у них были, да только одна беда — с размерами дело обстояло неважно. Как-никак солдатские сапоги не на женщины шьются...

Выручила знаменитая ленинградская фабрика «Скорород». До войны среди прочей продукции здесь выпускали прекрасную модельную обувь — лакированные туфли. Но когда потребовались сапоги, скороходовцы сумели быстро перестроить производство и сделали десятки тысяч пар сапог подходящих размеров. Это была не ахти какая изящная обувь, зато крепкая и удобная. Словом, именно такая, какая необходима на строительстве оборонительных сооружений.

Как не поражаться великой силе и самоотверженному труду ленинградцев! Они сделали все, что могли, для обо-

роны своего великого города. Мне запомнились слова старого строителя инженера М. В. Басова, сказанные им в августе сорок первого: «Я много строил за свою жизнь... Но никогда не видел такого великого подъема, такой подлинной трудовой ярости». Немолодая работница Кипровского завода А. А. Иванова сказала на одном из митингов, которые проводили политработники фронта на строительстве оборонительных сооружений: «Пусть здесь много будет пота, но зато меньше будет пролита крови наших сыновей, братьев, мужей. А для врага здесь каждый шаг будет смертелен».

24 августа я связался по телефону с А. А. Кузнецовым, доложил ему о ходе строительства, о политическом обеспечении.

— Вы знаете, где находится хозяйство Бондарева? — неожиданно спросил Алексей Александрович.

— Знаю, был у них.

— Выезжайте туда, и поскорее. Маршал Ворошилов к нему выехал. Возможно, у командующего будет задание и для вас, как для представителя политуправления фронта.

Я немедленно отправился с группой политработников в Гатчину и около восьми часов вечера прибыл в штаб 168-й стрелковой дивизии, которой командовал генерал-майор Андрей Леонтьевич Бондарев. Полки дивизии расположились в оврагах на южной окраине Гатчины, а штаб находился в одноэтажном деревянном домике, крыльцо и наличники которого были украшены незатейливой резьбой. Видимо, это была дача, и те, кто отдыхал здесь в июне сорок первого, поспешно покинули ее в первые дни войны.

В штабе у меня было немало знакомых. Среди них и начальник штаба полковник Семен Николаевич Борщев. С дороги он угостил меня консервами. Когда мы наскоро перекусывали, на утоптанном пяточке возле дачи затормозила легковая машина. В комнату, где мы сидели, в сопровождении генерал-майора Андрея Леонтьевича Бондарева и нескольких командиров вошел Маршал Советского Союза Климент Ефремович Ворошилов.

Маршал был мало похож на моложавого военного, которого все так хорошо знали по портретам. Его форма забылилась и слегка помялась. Лицо казалось усталым. Видно было, что он давно не спал: веки его набухли, под глазами обозначились мешки.

Ворошилов вопросительно глянул на меня. Я представился, попросил разрешения присутствовать. Маршал кивнул.

На столе, с которого быстро убрали остатки еды, расстелили карту. Климент Ефремович сразу приступил к делу.

В 50—60 километрах от Гатчины, близ Тосно, превосходящие силы гитлеровцев прорвали линию нашей обороны. Возникла угроза выхода вражеских войск через железнодорожную станцию Мга на берег Ладоги, к Шлисельбургу. Ближе всех к месту событий находилась 168-я дивизия, между прочим, единственная в то время дивизия, составлявшая резерв фронта.

Дивизии Бондарева надлежало незамедлительно выйти к Тосно, решительно контратаковать противника и во что бы то ни стало удержать железнодорожную станцию.

Я смотрел через плечо К. Е. Ворошилова на карту и подсчитывал в уме, сколько времени потребуется дивизии, чтобы достичь Тосно. Получалось, что пешим маршем она сможет прибыть туда только через двадцать часов. И сразу же, без передышки, бойцам, измотанным долгим переходом, пришлось бы вступить в тяжелый бой с противником. Сумеют ли они в этой ситуации удержать столь важный для нашей обороны пункт?

Нужен был автомобильный транспорт. Но 168-я дивизия стояла в резерве, а в резервном соединении не могло быть своего транспорта, по крайней мере в количестве, необходимом для такой переброски.

Разъяснив обстановку, Климент Ефремович помолчал, как бы давая нам время уяснить нелегкую задачу. Потом он повернулся к Бондареву и задал ему вопрос, который в ту минуту волновал всех:

— Автомобилей хватит?— И после небольшой паузы добавил негромко: — Пешим маршем не поспеете...

Командир дивизии задумался на мгновение, а потом твердо ответил, что поставленную задачу сможет выполнить только в том случае, если будет обеспечен автотранспортом. Бондарев не преувеличивал своих трудностей. Для переброски полков к Тосно ему требовалось хотя бы триста грузовиков, а в наличии имелось всего пятьдесят. И взять остальные было неоткуда.

Лицо Ворошилова стало еще более суровым. Он понимал тревогу комдива и знал, что пеший марш выматает бойцов и затянет контратаку — может быть, нас-

только, что она вообще потеряет смысл. И все же Ворошилов резко повторил приказ: утром дивизия должна занять указанный район. Иного выхода не было.

Все, кто присутствовал в тот момент в комнате, молчали, опустив глаза. Положение казалось безвыходным...

— Товарищ Маршал Советского Союза! — сказал я. — Разрешите мне заяться транспортом. Думаю, к утру машины будут.

Ворошилов поднял голову от карты и посмотрел на меня.

— А где возьмешь столько машин, бригадный комиссар? — недоверчиво спросил он, сразу переходя на «ты».

Я коротко изложил командующему свои соображения: машины можно взять на время в строительных отрядах, которые возводили укрепления на подступах к Ленинграду. С помощью своих товарищей, политработников фронта и политотдела дивизии, я надеялся раздобыть грузовики за песколько часов. Честно говоря, докладывая Ворошилову, я не был полностью уверен в успехе.

Наверное, в моих словах нота сомнения все же прозвучала, потому что маршал недоверчиво спросил:

— Где же ты их найдешь ночью, этих владельцев машин?

— Товарищ Маршал Советского Союза, политработники не подведут, — сказал я как можно увереннее. — Всех найдем. Только разрешите действовать от вашего имени.

— Разрешаю, — ответил Ворошилов. И, обращаясь к Бондареву, добавил: — Если О कोरोков сдержит слово, утром будете в Тосно.

Проверяя ход строительства, организуя политическую работу в рабочих отрядах, я объездил практически весь укрепленный район. И повсюду записывал, где и какой отряд работает, сколько в нем человек, как обеспечен автотранспортом. Поэтому каждая трехтонка и полуторка оказались у меня на учете. Записывал я и номера телефонов, полагая, что эти сведения рано или поздно могут понадобиться. Областная телефонная сеть в то время работала еще хорошо. В общем, надежда на успех была. «Если я не добуду машин, то, наверное, никто их сейчас не достанет», — думал я. А разрешение действовать от имени командующего мою задачу значительно облегчало.

Я поблагодарил Климента Ефремовича за доверие, а потом, набравшись смелости, сказал:

— Вы бы, товарищ маршал, прилегали немного, у вас вид очень утомленный.

Ворошилов сначала отрицательно покачал головой, но затем, немного помедлив, проговорил:

— А, пожалуй, ты прав, бригадный комиссар. Где тут можно отдохнуть, товарищ Бондарев?

Ворошилов ушел в соседнюю комнату. Было уже близко к полуночи. Для меня, инспекторов политуправления и инструкторов политотдела дивизии началась трудная ночь...

Я достал свою карту, раскрыл блокнот с телефонами и принялся обзванивать строителей. Представьте себе, что вы руководите участком строительства, и не просто строительства, а оборонительного рубежа, и вдруг посреди ночи вам кто-то звонит и осипшим голосом требует, чтобы вы немедленно прислали драгоценные машины, да еще с запасом горючего. А обойтись без грузовиков вам решительно невозможно: на них подвозят людей, доставляют продукты, материалы, инструмент. Отдашь машины, а потом вся работа застопорится.

Я шептал и кричал в телефонную трубку, просил, требовал, приказывал... Признаюсь, что далеко не все слова, с которыми я обращался в ту ночь к руководителям строительства, можно повторить в печати...

Когда уговоры становились бессмысленными, я бросал телефонную трубку и посылал политработников к упорным хозяйственникам, чтобы те на месте объяснили, что к чему, — и приказывал без грузовиков не возвращаться. Товарищи садились в дивизионные легковые машины и исчезали в темноте. По правде говоря, меня самого немного удивляло, когда они возвращались обратно с грузовиками. Но так оно и было — ни один не подвел. Особенно большую помощь оказал мне инспектор политуправления старший батальонный комиссар Давид Соломонович Занис.

Еще не рассвело, когда перед домиком штаба стояла внушительная автоколонна — все двести пятьдесят полторок и трехтонных ЗИСов. С запасом горючего.

Ровно в три часа утра Бондарев поднял дивизию по тревоге. Бойцов накормили, и вскоре дивизия была полностью готова к маршу. Вместе с Бондаревым я вошел

в дачный домик, из которого уже вынесли штабное имущество.

Климент Ефремович выглядел значительно лучше, чем накануне. Видно, не часто представлялась ему возможность отдохнуть.

Голосом, охрипшим от бесконечных телефонных разговоров, я доложил маршалу о том, что все требуемые машины найдены в стройотрядах и временно переданы дивизии. Потом Бондарев доложил, что дивизия к маршу готова. К. Е. Ворошилов вместе с нами вышел на крыльцо. Оглядел колонну, обернулся к командиру дивизии и сказал:

— Хорошо. Приступайте к выполнению боевой задачи, товарищ Бондарев. Желаю успеха.

Заработали моторы. Колонна медленно двинулась в сторону Тосно. Маршал, стоя на крыльце, поднятой рукой приветствовал уходящих в бой бойцов и командиров.

Когда последняя машина скрылась из виду, Климент Ефремович направился к своей машине, но вдруг обернулся ко мне и сказал:

— Спасибо тебе, бригадный комиссар. И людям твоим спасибо. Здорово нас выручили. Счастливо вам воевать!

Мы проводили К. Е. Ворошилова. А затем я вместе с военкомом 462-го стрелкового полка 168-й дивизии майором В. М. Домниковым тоже сел в машину. Вскоре мы нагнали автоколонну дивизии.

Часа через два, уже у самой станции Тосно, показалась двигавшаяся нам навстречу колонна гитлеровцев. А. Л. Бондарев приказал дивизионной артиллерии открыть огонь по врагу. Начался встречный бой.

Личный состав дивизии действовал четко и слаженно. Бойцы быстро соскакивали с грузовиков и под прикрытием огня артиллерии вступали в бой. (Надо сказать, что машины, которые мы с таким трудом добыли минувшей ночью, все до одной вернулись в свои хозяйства.)

Тяжелый бой длился до самого вечера. Был момент, когда некоторые бойцы дрогнули: одна рота стала отступать. Мы с военкомом Домниковым остановили ее на опушке рощи.

— Гитлеровцев надо встречать огнем, — говорили мы смущенным бойцам, — а вы подставляете им спины...

Красноармейцы вместе с нами пошли в коптратаку и вновь заняли только что оставленные позиции.

Однако превосходство противника в живой силе и артиллерии было слишком велико. Не имея связи с командованием, А. Л. Бондарев принял решение выводить дивизию из боя. Думаю, что это решение было правильным. 168-я дивизия, задержав на какое-то время гитлеровцев у Тосно, позволила войскам фронта выиграть время.

Дивизия с боями отошла к Колпино, где комдив и начальник штаба полковник С. Н. Борщев сумели организовать прочную оборону. На этом рубеже 168-я дивизия вместе с 4-й дивизией народного ополчения длительное время сдерживала яростные атаки фашистов.

С прославленной 168-й дивизией, бойцы которой называли себя бондаревцами, с генералом А. Л. Бондаревым читатель еще встретится на страницах этой книги. А здесь замечу только, что Бондарев был удостоен высокой чести командовать сводным полком 4-го Украинского фронта на Параде Победы в Москве.

Ратный труд воинов Северного, Северо-Западного фронтов, моряков Балтийского и Северного флотов увенчался первыми успехами над фашистскими войсками. После ожесточенных боев дивизии 14-й армии во взаимодействии с Северным флотом остановили врага на мурманском направлении, войска Северного фронта — на петрозаводском и олонецком направлениях. Вскоре 23-я армия преградила путь гитлеровцам на Карельском перешейке, остановив их на рубеже старого укрепленного района.

23 августа Северный фронт был разделен на два — Карельский и Ленинградский, а 29 августа было упразднено главное командование Северо-Западного направления. Главком К. Е. Ворошилов стал командующим Ленинградским фронтом, а генерал-лейтенант М. М. Попов — начальником штаба.

Вражеские войска все ближе и ближе подходили к Ленинграду. 30 августа фашисты вышли на левый берег Невы. Об упорстве наших войск свидетельствует тот факт, что Шлиссельбург был захвачен врагом лишь 8 сентября, причем фашисты не смогли преодолеть сопротивление защитников Шлиссельбургской крепости (Орешек) — ее небольшой гарнизон героически оборонялся более пятисот дней!

Однако с захватом Шлиссельбурга гитлеровцам удалось блокировать Ленинград. Началась беспримерная по мужеству и стойкости оборона города Ленина, длившаяся девятьсот дней и закончившаяся поражением врага.

ОБОРОНА ПРИМОРСКОГО ПЛАЦДАРМА

У меня сохранилось командировочное предписание, выданное 17 сентября 1941 года и подписанное начальником политического управления Ленинградского фронта Е. Т. Пожидаевым. Четвертушка бумаги с красной звездочкой в левом углу и с детства знакомым призывом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — в правом. Согласно этому предписанию мне надлежало немедленно отправиться в район Ораниенбаума.

17 сентября, один из последних погожих дней. Невский проспект залит солнцем. Жизнь в городе идет своим чередом, хотя враг уже совсем близко. Ленинградцы вообще славятся спокойствием, но к нему сейчас добавляется твердая уверенность в собственных силах.

В этот день мы, работники политуправления фронта, хоронили на Пискаревском кладбище отважного сына Родины военкома 10-й стрелковой дивизии А. Л. Колосова, погибшего в боях с немецко-фашистскими захватчиками. Гремят выстрелы прощального салюта, звучит торжественная и печальная музыка. Меня тихо окликают сзади:

— Товарищ Окорочков, Андрей Александрович просит вас срочно приехать к нему в Смольный.

Оглядываюсь — порученец А. А. Жданова.

Положение на фронте тревожное, и я понимаю, что срочный вызов не сулит хороших вестей.

Немедленно еду в Смольный, где меня сразу же приглашают в кабинет А. А. Жданова. Лицо у Андрея Александровича суровое, озабоченное.

— Вы знаете, — спрашивает Жданов, — что немцы взяли Урицк и крупными силами вышли к Финскому заливу, отрезав восьмую армию от остальных войск фронта?

Вот она, новость: гитлеровцы прорвали фронт!

Андрей Александрович говорит о том, что обстановка на фронте резко осложнилась, связь с армией прервана. В штабе фронта нет данных об обстановке даже в районе Петергофа. Может быть, удастся восстановить связь через Кронштадт, но это потребует времени. И вызов мой связан с тревожным положением на участке фронта Урицк, Стрельна. Жданов подходит к большой карте Северо-Запада СССР.

— Смотрите и делайте для себя выводы, — говорит он. — Против Кронштадта, на берегу Финского залива, — Ораниенбаум. Если немцы им овладеют, они смогут тяжелыми орудиями расстрелять с берега кронштадтские форты и военные корабли.

— Мне это понятно, — отвечаю я, — но пока не ясны мои задачи в новой обстановке.

— Вы поедете в восьмую армию, такое решение принял Военный совет фронта. Мы посылаем вас и генерал-майора Кокорева из штаба фронта. Вместе с Военным советом армии вы отвечаете за то, чтобы ни при каких обстоятельствах Ораниенбаум не был сдан немцам. Подчеркиваю — ни при каких!

Жданов замолчал и снова поглядел на карту, на тот ее участок, где должна была находиться 8-я армия. Потом повернулся ко мне и стал подробно рассказывать о задачах, которые нам с Кокоревым предстояло решать.

Он напомнил, что 8-я армия прошла с боями всю Прибалтику, вела тяжелые оборонительные бои, особенно на рубеже Тарту, Пярну, упорно сражалась за Ропшу и Красное Село. После долгих тяжелых боев люди устали. Нужно воодушевить их на защиту Ленинграда и, опираясь на командиров и политработников, на партийные и комсомольские организации, повысить боеспособность армии. Нам предстояло вместе с командармом В. И. Щербаковым и членом Военного совета армии И. Ф. Чухновым принять все необходимые меры, чтобы бойцы и командиры 8-й армии проявили высочайшую политическую сознательность и сплоченность в бою, отстояли от врага Ораниенбаум.

— Не забывайте, товарищ Окороков, что речь идет не просто об удержании какого-то населенного пункта, а о судьбе Ленинграда, — сказал Жданов.

— Благодарю за оказанное доверие, — ответил я. —

Сделаю все, что в моих силах. Разрешите взять с собой группу политработников?

С этим Жданов согласился: обстановка требовала присутствия в армии опытных политработников.

— К сожалению, — продолжал Андрей Александрович, — не все командиры оправдали наши надежды. Военный совет фронта отстранил генерала Фадеева от командования десятой дивизией. Посмотрите на месте, кого можно назначить вместо него, и доложите.

В конце нашей беседы в кабинет Жданова вошел генерал-майор Петр Иванович Кокорев — он получил инструкции раньше. Мы познакомились. Жданов дал указание, чтобы с наступлением темноты нас отправили к Петергофу на боевом катере. Вопрос о том, где высаживаться — в Петергофе или в Ораниенбауме, остался открытым: по-прежнему не было известно, захватили немцы Петергоф или нет. Жданов пожелал нам успеха и попрощался.

Мы с Кокоревым пошли представиться повому командующему войсками фронта генералу армии Г. К. Жукову. Георгий Константинович подтвердил указания А. А. Жданова и добавил, что главное сейчас — укрепить дисциплину в войсках, довести до сознания каждого бойца, что отступать некуда.

Г. К. Жуков принял командование войсками фронта в самые тяжелые для Ленинграда дни. Человек исключительной воли, настойчивости и требовательности, он сумел твердо взять в свои руки управление войсками. Он приказывал не только обороняться, но и активно контратаковать, используя для этого каждый благоприятный момент. Порою командующий бывал суров, но и время было суровое, и руководить следовало твердо и требовательно.

Заслуги Маршала Советского Союза Г. К. Жукова в деле обороны Ленинграда велики, и ленинградцы по сей день вспоминают Георгия Константиновича с большой благодарностью.

Вечером мы встретились с Петром Ивановичем Кокоревым у Литейного моста. В назначенное время катер подошел к речному причалу.

Уже стемнело. Очертания зданий едва угадывались, берега были темны, лишь кое-где мерцали маленькие синие огоньки сигнальных ламп на военных кораблях. Безмолвие, тишина...

Подходим к Петергофу. И здесь тишина — города не видно и не слышно. Лишь вдалеке у горизонта видны отблески пожаров.

Вглядываясь в темноту, мы пытались разобраться, кто же все-таки на берегу — наши или немцы? Ни звука, ни огонька... Высаживаться наобум нельзя: можно попасть в лапы к гитлеровцам. И вдруг на берегу негромко, но отчетливо кто-то произнес весьма и весьма соленые выражения. Смешно вспомнить — такими родными они показались нам тогда...

Катер подошел к причалу. Там уже стояла баржа с боеприпасами, на ней работала разгрузочная команда. Как выяснилось, капитан, начальник боепитания 10-й дивизии, приехал проверить, как идет разгрузка, и остался недоволен работой команды. Его гневная тирада и разрешила наши сомнения...

Командный пункт 10-й стрелковой дивизии располагался в подвале полуразрушенного старинного здания. Коптилки еле-еле освещали запутанные подземные коридоры. В этих катакомбах мы не без труда отыскивали временно исполнявшего обязанности командира дивизии полковника Н. А. Кожевникова. Он помог связаться по телефону с командующим 8-й армией генерал-майором В. И. Щербаковым. Договорились, что командарм немедленно выезжает к нам вместе с членом Военного совета армии дивизионным комиссаром И. Ф. Чухновым и начальником политотдела полковым комиссаром С. И. Панковым. А в ожидании их приезда мы ознакомилась с обстановкой на участке 10-й дивизии.

Эта дивизия еще недавно входила в состав 42-й армии, но после того, как гитлеровцы овладели Урицком и вышли к Финскому заливу, она оказалась отрезанной от своей армии и отошла на запад, в полосу 8-й армии, куда и была передана командованием фронта. Сейчас дивизия обороняла город Стрельбу и удерживала рубеж по берегу реки того же названия.

Генерал Щербаков и дивизионный комиссар Чухпов приехали довольно быстро. Несколько позднее прибыл и полковой комиссар Панков.

Владимир Иванович Щербаков принадлежал к числу старейших и опытейших командиров Красной Армии. Он предельно четко и ясно познакомил нас с обстановкой. Гляжу на воспаленное от бессонницы лицо генерала и понимаю, как трудно, невыносимо трудно командовать ар-

мией, когда приходится вести ожесточенные бои с противником, располагая малочисленными, измотанными в боях дивизиями, когда не хватает орудий, техники, боеприпасов. Сохранить в таких условиях ясность мысли, трезвость оценок — это тоже кое-что значит.

Армия имеет дело с превосходящими силами противника. Правда, на правом фланге, у Копорского залива, в районе Кернова, используя благоприятные условия для создания оборонительного рубежа, успешно действуют две отдельные бригады морской пехоты: 5-я (командир — полковник В. К. Зайончковский, военком — полковой комиссар И. М. Соколов) и 2-я (командир — полковник В. М. Ржанов, военком — полковой комиссар Г. Т. Земляков), а также курсанты школы береговой обороны. Противник в Копорском районе особой активности не проявляет. Там наша оборона достаточно прочная. А в случае если гитлеровцы перейдут в наступление на нашем правом фланге, чтобы захватить форты Красная Горка и Серая Лошадь, морские бригады дадут противнику должный отпор.

Однако в центре и на левом фланге фронт армии неустойчив. 281-я дивизия после упорного боя оставила населенные пункты Гостилицы и Порожки и под давлением превосходящих сил противника медленно отходит на север. 48-я дивизия, которой командует подполковник П. С. Романцев (военком — полковой комиссар И. С. Бакланов), находится в еще более трудном положении. После тяжелых боев в дивизии осталось всего 1700 человек, 3 станковых пулемета, 8 минометов и 2 орудия.

Далее к востоку бой за поселки Михайловский, Липицы и Олики ведут 191-я стрелковая дивизия и 1-я дивизия народного ополчения. Только мужество и стойкость бойцов, командиров и политработников позволяли вести здесь упорные оборонительные бои — ведь в 191-й дивизии, например, осталось лишь два станковых пулемета. Не сумела удержать своих позиций 118-я стрелковая дивизия (командир — полковник А. И. Сафронов, военком — полковой комиссар В. П. Мжаванадзе); 11-я стрелковая дивизия (командир — генерал-майор Н. А. Соколов, исполняющий обязанности военкома — батальонный комиссар И. П. Фокин), сражаясь за каждый населенный пункт, за каждую удобную для обороны высоту, вынуждена была отойти на рубеж Велигопт, Горбуники. О положении в 10-й дивизии мы уже знали.

Вражеские агенты успели распусть слухи, будто армию будут грузить на суда и эвакуировать в Ленинград, что для этого якобы уже подошли к Ораниенбауму корабли Балтийского флота.

Первый вопрос, который мы задали генералу Щербакову, был о том, какие боевые действия намечены на ближайшие сутки.

— Час назад по телеграфу получен приказ за номером 960, — доложил генерал. — Он подписан командующим войсками фронта генералом Жуковым. Нам ставится задача: прочно удерживая занимаемые позиции, с рубежа Хабони, Разбег, Павкули на рассвете нанести удар в направлении Красного Села силами пяти дивизий. Все необходимые распоряжения дивизиям уже переданы.

Это был неожиданный приказ. Только что мы выслушали доклад о тяжелом положении армии — и вдруг наступление. Одно дело закрепиться на обороняемом рубеже и не допустить сдачи Ораниенбаума, другое — атаковать превосходящие силы противника.

— Не отрицаю, положение сложное, — сказал Владимир Иванович Щербаков. — Но где же оно легче? Фронт категорически требует активных действий. Очевидно, у стен Ленинграда еще труднее, и мы обязаны хотя бы часть вражеских сил оттянуть на себя.

— А кроме того, — добавил Петр Иванович Кокорев, — наступление поднимет боевой дух в войсках и дезориентирует противника, покажет ему, что у Красной Армии на приморском плацдарме есть еще резервы.

Командарм сообщил, что Военный совет принял решение наступать силами 10, 11, 191-й стрелковых дивизий и 2-й дивизии народного ополчения. Мы договорились немедленно разехать по дивизиям, чтобы на месте помочь командирам и политорганам разъяснить бойцам сложившуюся обстановку, помочь в организации наступления, для подготовки которого оставалось так мало времени. В. И. Щербаков и П. И. Кокорев отправились в 10-ю стрелковую дивизию, а я с заместителем начальника политотдела армии старшим батальонным комиссаром Я. Ф. Ватолиным и инспектором политуправления Д. С. Записом — в 11-ю стрелковую.

В первые дни войны на петергофском направлении было построено много оборонительных рубежей, обращенных фронтом на запад. Сейчас их захватили гитлеровцы, и

нашим дивизиям, переходившим в наступление, предстояло эти рубежи преодолевать. Чтобы подавить огневые средства противника, требовались орудия и снаряды; для прикрытия пехоты от авиации врага — зенитная артиллерия; нужны были и истребители, чтобы отражать авиапалеты. Мы не располагали ни снарядами, ни зенитками, ни истребителями, что существенно осложняло и без того трудную задачу.

Ночь на 18 сентября была уже на исходе. С этого времени, собственно, и началось мое участие в боевых действиях на приморском плацдарме. Постараюсь рассказать, как развивались события, как изо дня в день наши войска упорно бились за каждый метр родной земли, как в тяжелых боях, обретая с каждым днем уверенность и силу, остановили врага на подступах к Ораниенбауму.

На рассвете мы с Я. Ф. Ватолиным и Д. С. Занисом прибыли на командный пункт 11-й стрелковой дивизии. Он был расположен в роще к северу от деревни Горбунки. В штабной палатке нас встретил командир дивизии генерал-майор Н. А. Соколов.

- Вчера ваша дивизия атаковала противника?
- Никак нет, вчера мы отступали.
- А есть ли сегодня уверенность в успехе?
- Постараемся выполнить приказ, товарищ бригадный комиссар!

Однако, чтобы выполнить приказ, одного желания мало, необходима еще подготовка личного состава, разведка обороны противника. Но для этого командиры частей и подразделений должны иметь хоть какое-то время. А в ходе нашей беседы выяснилось, что приказ командарма о наступлении получен час назад, что штаб дивизии лишь недавно передал по телефону распоряжения командирам полков, а в те части, с которыми нет телефонной связи, четверть часа назад отбыли штабные командиры.

В таких условиях трудно говорить о серьезной подготовке к наступлению. По моей просьбе комдив собрал работников штаба и политотдела дивизии. Беседа была краткой. Перед командирами и политработниками была поставлена задача: опередить врага, захватить инициативу в бою, в оставшееся время политработникам обойти подразделения, подбодрить бойцов, напомнить им, что они защищают город Ленина, твердыню революции.

На командном пункте дивизии остались только началь-

ник штаба да несколько связных. Все остальные разъехались по полкам.

Противнику все же удалось опередить нас: с рассветом после короткой артиллерийско-минометной подготовки гитлеровцы пошли в наступление. Некоторые наши подразделения, не успевшие за ночь открыть окопы, стали нести потери в живой силе, а отдельные бойцы начали отходить. Мы бросились им навстречу, заставили их возвратиться назад и вновь занять оставленные позиции. В этот критический момент отлично проявили себя командиры и политработники 11-й дивизии.

Среди политработников особенно выделялись военком дивизии И. П. Фокин и заместитель начальника политотдела армии Я. Ф. Ватолнн. В этот день они успели побывать во всех полках дивизии. В сложной боевой обстановке, под непрерывным обстрелом врага Фокин и Ватолнн быстро находили нужных командиров и политработников, передавали им распоряжения, а затем шли к бойцам. Их видели во многих ротах. Они призывали людей к мужеству и стойкости, поднимали их в атаку, а в бою были всегда впереди.

В условиях тяжелого встречного боя, как никогда, важна была поддержка артиллерии. Командир дивизии Н. А. Соколов отправился в 72-й артиллерийский полк и потребовал от командира полка немедленно выслать наблюдателей от каждой батареи в боевые порядки пехоты для своевременного указания целей. Командир полка выполнил распоряжение четко и с поразительной быстротой. Командиры батарей очень скоро засекали движущиеся вражеские колонны, и артиллеристы незамедлительно открыли по ним беглый огонь. Снаряды ложились точно. Потеряв много убитыми и ранеными, противник стал оканываться.

Наши бойцы заметно приободрились, когда услышали и увидели впереди разрывы снарядов своей артиллерии. Изредка подавали голос и минометы. Большую помощь дивизии оказал метким артиллерийским огнем бронепоезд № 7 Краснознаменного Балтийского флота. Командиром бронепоезда был капитан В. Г. Кропачев, военкомом старший политрук А. В. Кузьмин.

Настроение бойцов заметно изменилось. А когда одна из рот заставила гитлеровцев отступить, у нас на душе даже как-то полегчало. Генерал Соколов четко управлял боем,

посылал командирам частей через связных офицеров короткие распоряжения.

Спустя четыре часа противник ввел в бой танки. Вскоре две вражеские машины уже горели. Их подбили расчеты наших полковых пушек, стреляя прямой наводкой.

— Молодцы артиллеристы! — восхищенно произнес, обращаясь ко мне, военком дивизии И. П. Фокин.

— А вы бы, товарищ батальонный комиссар, добрались до орудийных расчетов и поблагодарили их за отличную стрельбу, — сказал я.

— Слушаюсь! — звонко ответил он, и не успел я оглянуться, как военком уже скрылся в роще, отделявшей нас от артиллеристов.

Увидев горящие танки врага, до сих пор казавшиеся неуязвимыми, бойцы воодушевились. По нашей цепи прокатилось громкое «ура», несколько рот поднялись в атаку.

Но положение по-прежнему оставалось сложным: у гитлеровцев было явное превосходство в технике и огневой мощи. Недостаточно подготовленное наступление не принесло желаемого успеха, более того, кое-где противнику удалось продвинуться вперед. Однако события этого дня показали, что командиры твердо управляют войсками, боевой дух частей высок. Все это давало надежду на успех. Еще совсем недавно, буквально накануне, фашистские войска продвигались вперед на 15—20 километров в сутки, а сегодня они преодолели не больше 1—2 километров.

В этот день многие вопы проявили высочайшее мужество и героизм. Неподалеку от поселка Сашино двое суток обороняла дзот горстка бойцов 277-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона. Лишь когда кончились патроны, комсомолец лейтенант Юрий Никитин приказал взорвать дзот и отойти на новый рубеж. Неподалеку от поселка Разбегай сражалась рота старшего лейтенанта И. К. Львова. Во время контратаки немцев командир роты вызвал огонь артиллерийской батареи на себя. Под огнем наших орудий гитлеровцы бежали. В этом бою погибли отважный командир роты старший лейтенант Львов и политрук Альтшулер.

К концу дня, когда я возвращался на командный пункт армии, уже действовали контрольно-пропускные пункты, на которых придирчиво проверяли каждого, кто возвращался с передовой в тыл. Несколько раз, причем весьма тщательно, проверяли и меня.

На командном пункте армии в Тамепгопте, в восьми километрах юго-западнее Ораниенбаума, все были уже в сборе. Мы обменялись мнениями о положении дел и пришли к выводу, что боевая обстановка меняется в нашу пользу. Военный совет армии вместе с нами, представителями фронта, выработал план дальнейших боевых действий: всеми имеющимися резервами усилить основное направление предполагаемого удара противника — на Петергоф и Ораниенбаум (вдоль морского побережья); направить из тыловых подразделений в войска первого эшелона часть бойцов и командиров; организовать надежную связь артиллерийских батарей с командирами батальонов. Что же касается политической работы, то политорганам предлагалось повысить авангардную роль коммунистов и комсомольцев в предстоящих боях, поставить перед ними конкретные боевые задачи, в беседах, в листовках и газетах пропагандировать мужество и стойкость лучших бойцов и командиров.

В тот же вечер, 18 сентября, на катере прибыл генерал-майор М. П. Духанов, назначенный командиром 10-й стрелковой дивизии. Он доставил из Ленинграда директиву Г. К. Жукова: принять самые решительные меры к усилению обороны города Стрельны.

Уже почью, после заседания Военного совета армии, начальник политотдела армии С. И. Панков и я собрали вернувшихся из частей работников политотдела и вместе выработали конкретные меры по усилению политической работы в войсках. Прежде всего решили усилить печатную пропаганду. Тут же написали две листовки: войскам, которые прикрывали подступы к Петергофу и Ораниенбауму, и морякам 2-й и 5-й отдельных бригад морской пехоты. Содержание обеих листовок сводилось к одной главной мысли: ни шагу назад.

Вскоре комиссары бригад Г. Т. Земляков (2-я бригада) и И. М. Соколов (5-я бригада) доложили мне, что листовки уже доставлены в роты и обсуждены на коротких митингах. К слову сказать, военкомы моряков были в числе лучших политработников армии. Георгий Тимофеевич Земляков исключительно четко и организованно вел политическую работу в своей бригаде, всегда по-отечески заботился о бойцах. Большим уважением и любовью моряков пользовался Иван Михайлович Соколов, общительный, жизнерадостный, душевно красивый человек. Он умел найти пужное слово, чтобы подбодрить в бою и

опытного командира, и молодого солдата. Комиссар всегда был среди людей. Он и похоронен на плацдарме рядом с братской могилой моряков 5-й бригады. Такова была предсмертная воля Ивана Михайловича Соколова, скончавшегося в Ленинграде в 1961 году.

Все работники политотдела армии были распределены по стрелковым дивизиям для оказания всемерной помощи работникам частей и соединений. Чтобы укрепить рогные и батарейные партийные организации, в 10-ю и 11-ю стрелковые дивизии, находящиеся на направлении главного удара, направили группу коммунистов — бойцов и командиров, прибывших из запасного полка. Редактору армейской газеты «Ленинский путь» В. С. Гричуку предложили широко освещать на страницах газеты факты мужества воинов, печатать материалы о доблести лучших подразделений.

В заключение я поблагодарил армейских политработников за инициативу и смелость в прошедшем бою, назвал имена особо отличившихся: помощника начальника политотдела по комсомольской работе политрука П. Ф. Николаева, инструкторов Гусихина и Моргулиса. Весь боевой день эти политработники провели на передовой, ходили в атаки вместе с подразделениями, увлекали бойцов партийным словом, личным примером. Это была самая действенная, самая эффективная форма политической работы в войсках.

Называя здесь имена отличившихся в боях армейских политработников, не могу еще раз не вспомнить начальника политотдела 8-й армии бригадного комиссара Сергея Ивановича Панкова. Он был замечательным политработником, человеком удивительной, неукротимой энергии. Сергей Иванович буквально загорался, когда требовалось выполнить какое-нибудь трудное задание, причем чем сложнее оно было, тем активнее Сергей Иванович брался за дело. Высокой активности он требовал и от своих подчиненных и в то же время был с ними по-товарищески близок. После первых же встреч с С. И. Панковым на фронте у меня возникло к нему чувство глубокого уважения. Мы стали добрыми фронтовыми друзьями, и я всегда с особой теплотой вспоминал о нем.

Под утро я поехал в 10-ю стрелковую дивизию, оборонявшую Стрельну. Новый комдив генерал М. П. Духанов уже ознакомил командиров и комиссаров частей с директивой Г. К. Жукова об усилении обороны Стрельны

и рубежа по восточному берегу реки Стрельна. Вместе с военком дивизии С. Я. Бакаповым я отправился в полки. Мы беседовали с коммунистами, принимали участие в ротных митингах, которые длились буквально минуты, но тем не менее оставляли глубокий след в сознании бойцов. На окраине Стрельны парторг роты, темно-волосый с проседью мужчина, говорил, наегаая по-вологодски на «о»: «Объяснять долго не надо: город Ленина отдать врагу нельзя. А от Стрельны до Ленинграда рукой подать. Мы врага не задержим, так кто же его задержит? Будем это помнить, товарищи, когда пойдем в бой».

Утром фашисты вновь начали наступление. Однако организованный пулеметный и ружейный огонь частей 10-й стрелковой дивизии остановил противника. Через некоторое время гитлеровцы подтянули резервы и после артиллерийской подготовки опять начали атаки. Они, видимо, считали, что имеют дело с обескровленным противником, и кое-где пошли вперед в колоннах. За это фашисты поплатились сотнями убитых и раненых. Прицельный огонь из наших траншей косил врагов. Было хорошо видно, как колошны рассыпаются, уцелевшие гитлеровские солдаты, попукаемые офицерами, начинают зарываться в землю.

Я воочию убедился, как воодушевились красноармейцы, увидев дрогнувших и залегших под нашим огнем гитлеровцев. Уверенность в своих силах значит в бою очень много. Но мы понимали, что эта уверенность придет тогда, когда наши войска в совершенстве овладели искусством обороны, и в первую очередь саперным делом. Командиры и политработники продолжали разъяснять бойцам, что окопы и траншеи удесятерят силы обороняющихся, спасают многие жизни. Воспользовавшись тем, что атака врага захлебнулась, бойцы стали углублять окопы и траншеи, рыть новые. Думаю, что это сыграло свою роль: за весь день гитлеровцы так и не смогли преодолеть нашу оборону и лишь в отдельных местах вклинились в нее.

Буквально на следующий день политотдел армии выпустил и распространил в войсках листовку — о необходимости быстро окапываться, о друге солдата — малой саперной лопате...

Что греха таить, в первые месяцы войны были случаи, когда необстрелянные бойцы и не очень опытные коман-

дыри терялись под огнем врага. И тут от командиров и политработников требовались самые срочные меры:

Политической работе в бою чужд шаблонный подход: нет и не может быть единого, на все случаи годного решения. Порой требуется личный пример, порой острое партийное слово, а иногда и что-то другое. Это подсказывают сами обстоятельства.

...Под сильным огнем противника в небольшом населенном пункте отходил стрелковый батальон. Бойцы прижимались к стенам домов и заборам, изредка отстреливались. Как помочь батальону, как повести его в бой?

Выручил случай. Я увидел отходящих музыкантов, духовой оркестр, и, бросившись к ним, приказал остановиться и играть «Интернационал». Оркестр заиграл — сначала неслаженно, то и дело сбиваясь, а потом все увереннее и увереннее. Развернули знамя полка. И отступающие стали останавливаться. Через несколько минут батальон уже встречал прицельным огнем наступающего противника.

Иногда, чтобы снять напряжение бойцов, чтобы вернуть им силы, нужна хорошая шутка, веселый, неожиданный розыгрыш. Как-то в разгар тяжелых боев на приморском плацдарме 1-й батальон 5-й бригады морской пехоты попал под сильнейший обстрел. Комбат С. И. Боковня заметил, что некоторые бойцы растерялись: сказывалось напряжение недавних боев. И тогда молодой командир неожиданно для бойцов поднялся и спокойно вошел в лес (батальон занимал позицию на опушке). Несколько мгновений спустя Боковня появился из леса с огромным боровиком в руке. «Когда же, как не в сентябре, по грибы ходить», — весело сказал он. По цепи бойцов пробежал веселый смех. Психологическое напряжение сняло как рукой. И командир поднял батальон в атаку...

Вечером мы вновь собрались в Таменгонте и подвели итоги дня. В целом наши позиции были сохранены. Впоследствии Маршал Советского Союза Г. К. Жуков так оценил боевые действия 8-й армии на этом участке фронта: «Хотя это наступление и не привело к восстановлению здесь обороны, но оно вынудило немцев перегруппировать часть сил с самого опасного для нас направления... на петергофское»¹.

¹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1974, т. 1, с. 411.

Начальник разведотдела армии доложил Военному совету о том, что гитлеровцы, встретив сильное сопротивление на нашем участке фронта, перебрасывают туда войска. Противник поднял свежую пехотную дивизию, которая до того находилась в резерве 18-й немецкой армии. Видимо, назавтра следовало ждать нового удара. Об этом штаб армии предупредил командиров дивизий. Те части, которые держали оборону в районе предполагаемого удара, были по приказу генерала В. И. Щербакова усилены, правда весьма скудно, так как армия располагала крайне незначительными резервами. Одновременно командарм решил предпринять наступление в общем направлении на Красное Село силами 10, 11, 118-й стрелковых дивизий и 1-й гвардейской дивизии народного ополчения.

С. И. Панков, И. Ф. Чухнов и я подготовили Обращение Военного совета к воинам армии. В нем говорилось: «Красноармейцы, командиры и политработники! Враг стремится нанести удар по нашим войскам. На его удар ответим своим контрударом. Смелей наступайте! Помните, за нами наш Ленинград». Листовки были быстро отпечатаны и разосланы в войска.

День 20 сентября принес нам новые тяжелые испытания. После двухчасовой артиллерийской подготовки в 10 часов 30 минут противник атаковал наши позиции на участке Разбегай, Горбунки. 11-я, 191-я стрелковые дивизии, а также 2-я дивизия народного ополчения приняли на себя основной удар, но не смогли противостоять ему и с боями стали медленно отходить к Ораниенбауму. К исходу дня врагу удалось овладеть несколькими населенными пунктами, в том числе Разбегаем, Велигонтом и Узигонтом; 11-я дивизия отошла на новый рубеж в районе Сашино, Знаменск. В результате возникла опасность и для 10-й стрелковой дивизии, так как противник смог нанести удар по ее открытому правому флангу.

Чтобы усилить основное направление, на автомашинах туда был выдвинут батальон, сформированный из курсантов Военно-морского хозяйственного училища, под командованием начальника училища полковника А. С. Дементьева (военком — старший политрук Г. М. Суздалов). Батальон занял рубеж Большой Симоногонт, Низино, Костино. Моряки и занимавшие здесь же оборону бойцы 264-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона сражались стойко и самоотверженно. На окраине Костино героически погиб заместитель секретаря комсомольской ор-

Т. И. Шевалдин

П. И. Кокорев

Я. Ф. Ватолин

Ленинградцы на строительстве оборонительных рубежей

Приморский плацдарм. Испытания самодельной «зенитной установки»

На Невской Дубровке. Бойцы роты химзащиты ставят дымовую завесу перед переправой

ганизации 264-го батальона Евгений Мармур. Когда враг начал теснить наших бойцов, Евгений, уже раненный, в полный рост, с гранатой в руке пошел на фашистский танк. Увидев, что отважный комсомолец упал, его товарищу с возгласом «Бей фашистов!» бросились в рукопашную схватку с врагом...

Сейчас на десятом километре шоссе Петергоф — Гостилицы стоит памятник. На розовом граните высечена надпись: «На этом рубеже осенью 1941 года в составе войск 8-й армии вели ожесточенные бои и сдерживали яростные атаки противника, рвавшегося к Ленинграду, курсанты и офицеры ВМХУ ВМФ...» Здесь же — имена пятидесяти курсантов и командиров, павших в боях с врагом.

21 сентября поступил приказ командующего фронтом: восстановить положение войск по реке Стрельна. В. И. Щербаков в свою очередь приказал 2-й и 11-й дивизиям, 3-му сводному батальону моряков, 8-му танковому полку, в котором к тому времени оставалось всего шесть танков, уничтожить прорвавшегося противника и восстановить линию обороны по реке Стрельна.

Бойцы 10-й дивизии, оборонявшей город Стрельну и подступы к нему, сражались за каждый дом, каждый клочок земли. Особенно отличилась рота старшего лейтенанта М. П. Шейко, которая не раз контратаковала противника, отбрасывая его на сотни метров назад.

К исходу дня стало ясно, что наши дивизии не располагают достаточными силами для наступления. В. И. Щербаков приказал войскам левого фланга армии временно перейти к обороне, с тем чтобы подготовиться к новому наступлению.

Противник вводил в бой все новые и новые силы, усиливал артиллерийский и минометный огонь. К тому же возникла угроза флангового удара со стороны Сашинских высот. С боями 10-я дивизия отошла на новый рубеж.

В ночь на 22 сентября работники штаба и политотдела армии разъехались по дивизиям, чтобы помочь командирам частей организовать оборону, подвезти боеприпасы, накормить бойцов горячей пищей. Политотдел армии распространил листовку, в которой разъяснялись действия бойцов в условиях обороны. Повсюду были проведены короткие собрания коммунистов и комсомольцев.

Находясь непрерывно в войсках, мы неоднократно были свидетелями стойкости и мужества красноармейцев и командиров. Вдоль Ропшинского шоссе занимал оборону

79-й истребительный батальон. В нем был пулеметный расчет братьев Гаркушенко. Старший брат, восемнадцатилетний Владимир, был первым номером расчета, шестнадцатилетний Глеб — вторым. Ведя прицельный огонь по атакующим гитлеровцам, братья нанесли им большой урон и заставили залечь. Осколком мины был смертельно ранен Владимир. Огонь продолжал вести, тоже раненный, Глеб.

Гитлеровцы вновь пошли в атаку, и в этот момент у Глеба кончились пулеметные ленты. Тогда Глеб стал в упор расстреливать фашистов из ручного пулемета. Он вел огонь до тех пор, пока его не сразила автоматная очередь.

В прекрасном городе Петродворце, бывшем Петергофе, есть сейчас улица братьев Гаркушенко.

Как мы и предполагали, основные события развернулись на левом фланге армии. Двумя группами, с востока и с юга, гитлеровцы начали наступление на Петергоф. Южная группировка врага ворвалась в поселок Луизино и одновременно нанесла удар в направлении поселка Сашино, который обороняла 11-я стрелковая дивизия. Сашинские высоты господствуют над окрестностями Петергофа, поэтому фашисты так стремились завладеть ими. Они бросили сюда большие силы и после кровопролитного боя с частями 11-й дивизии захватили Сашино.

Положение Петергофа становилось угрожающим. В. И. Щербаков приказал командиру 19-го стрелкового корпуса (в состав которого входила и 11-я дивизия) генерал-майору Ф. Н. Старикову готовиться к уличным боям. Командарм остался на КП корпуса в Петергофе. Он пытался как можно скорее подтянуть к месту прорыва скудные армейские резервы. Я вместе с инспектором политуправления батальонным комиссаром Д. С. Записом поехал на южную окраину Нового Петергофа в 11-ю дивизию. Остановились на лесной опушке, откуда были хорошо видны Сашинские высоты. Картина перед нами открывалась неутешительная: с высот спускались вражеские танки, числом около десяти, следом цепью шли немецкие пехотинцы, стреляя из автоматов. А в поле перед высотами лишь кое-где виднелись небольшие группы бойцов 11-й дивизии, отходившие к роще. Если ничто не изменится, минут через сорок — пятьдесят враг подойдет сюда, к опушке леса, и, скопив необходимые силы, нанесет удар.

по Петергофу. Это было очевидно, и каждая минута промедления могла обойтись слишком дорого.

Самое печальное заключалось в том, что ни слева, ни справа не было видно наших подразделений — помощи ждать было неоткуда. У меня возникло ощущение, что мы с Занисом одни на этой опушке.

— Что будем делать, Давид?

Занис молчит. Лицо у него бледное и упрямое...

За поворотом дороги, тянущейся вдоль опушки, слышался шум. Мигом поворачиваем головы и сквозь редкие деревья видим, что прямо к нам движется батарея 76-миллиметровых пушек.

Командир батареи, совсем молоденький лейтенант, подбежал ко мне и представился. Его фамилию я, к сожалению, не запомнил и не записал — не до того было...

— Куда передвигаетесь? — спрашиваю лейтенанта.

— По правде говоря, сам не знаю. То ли я отстал от полка, то ли полк отстал от меня, — ответил лейтенант шутливо, кажется, довольный тем, что нашел наконец начальника и сможет получить боевую задачу.

— Бронебойные снаряды есть?

— Так точно! А кроме них еще фугасные и картечь.

— Тогда вот ваша задача: попробуйте остановить немецкие танки, которые спускаются с Сашинских высот. Сможете?

— Попытаемся! Разрешите приступить к выполнению?

Расторопный лейтенант тут же отдал распоряжения своим батареям. Упряжки лошадей артиллеристы отвели в рощу, орудия поставили на огневые позиции, хорошо замаскировали ветками.

Подхожу к бойцам, которые окапывают свои пушки.

— Товарищи бойцы! — обращаюсь к артиллеристам. — Нам отсюда отступать нельзя. Так что будем стоять и биться насмерть!

Один из артиллеристов ответил:

— Это мы понимаем. Одно вот жаль — нет пехоты, С пехотой как-то веселей.

Правду сказал солдат. Без пехоты нам придется туго. Я приказал Занису бежать на восточную опушку рощи, где держит оборону 163-й полк 11-й дивизии, и привести оттуда людей. Сам же остался с лейтенантом и его бойцами.

Только Занис исчез за деревьями, как на дороге появилась группа бойцов, отходивших к Петергофу. Оста-

навливаю их. Оказывается, это рота того же 163-го полка во главе со своим командиром. Приказываю занять оборону между орудиями. Бойцы быстро начинают окапываться.

Тем временем фашистские танки с пехотой подходят все ближе. От наших позиций до головной машины метров триста, не больше.

Надо было бы подпустить танки еще ближе, да нервы все же не выдержали. Даю сигнал командиру батареи открыть огонь. На наших глазах загораются три танка, потом еще два. Остальные развернулись и быстро скрылись в ложине. Пехота противника залегла и стала окапываться. Лейтенант, оценив обстановку, приказал открыть по залегшим фашистам беглый огонь фугасными снарядами. Стрелковая рота помогает артиллеристам ружейным и автоматным огнем.

Гитлеровцы открывают ответный огонь. Когда красные ракеты обозначают направление на цель, то есть на нас, начинают бить немецкие минометы. Мы лежим в канаве, вырытой вдоль опушки, а впереди нас рвутся мины. Пока у нас потерь нет. Лейтенант засекает вражеские минометы и открывает по ним огонь.

В это самое время из рощи появляется запыхавшийся Запис, а за ним — бойцы. Запис сползает в канаву и докладывает, что привел один из батальонов 163-го стрелкового полка. Подчиняю комбату роту и батарею, ставлю задачу оборонять опушку рощи. Комбат сообщает, что на южной окраине села Троицкое находится 830-й полк 2-й дивизии народного ополчения и там же командир дивизии генерал-майор И. М. Любовцев. Убедившись, что комбат уяснил задачу и начал по-деловому отдавать распоряжения, спешу к генералу — своему довоенному сослуживцу по 84-й стрелковой дивизии.

Быстро отыскав Илью Михайловича Любовцева, в нескольких словах обрисовал ему обстановку в районе Сашино. Генерал принял решение контратаковать противника в направлении Сашинских высот, завладеть высотами и оборонять их до установления связи с 11-й стрелковой дивизией.

Вскоре справа от нас развернулся полк 2-й дивизии народного ополчения, и сразу же ополченцы бросились в контратаку. Враг не выдержал натиска и побежал...

Связавшись с промежуточного узла связи с В. И. Щербачевым, я сообщил ему обстановку у Сашинских высот.

Оказывается, только что получен приказ Г. К. Жукова. Командование фронта требует продолжать наступление в общем направлении на Стрельну, поселок Володарский.

На восточной окраине Нового Петергофа я разыскал командный пункт 10-й стрелковой дивизии. Противник в этом районе проявлял особую активность, и дивизия вела тяжелый бой. Командир дивизии М. П. Духанов организовал оборону на восточной окраине Петергофа, но превосходящие силы противника потеснили наши войска.

К исходу дня 10-я дивизия вела бои уже в центре Петергофа. 48-я дивизия во главе с новым комдивом полковником А. И. Сафроновым после тяжелого встречного боя с противником отошла севернее поселка Петровское. 191-я дивизия, начав было продвижение к Узигонту, встретила серьезное сопротивление гитлеровцев и стала отходить к поселку Туюзи. К исходу дня 23 сентября она заняла оборону в лесу южнее населенного пункта Большие Илики.

Штаб и политотдел 11-й дивизии при активном участии С. И. Панкова и Я. Ф. Ватолина организовали оборону у села Троицкое, примерно там же, где накануне нам удалось задержать гитлеровцев, двигавшихся с Сашинских высот.

Действия 11-й дивизии успешно поддерживал балтийский бронепоезд капитана В. Г. Кропачева. Он подавил артиллерийскую и минометную батареи гитлеровцев, много вражеских пулеметных точек, метким артиллерийским и пулеметным огнем уничтожил десятки фашистов. Краснофлотцы бронепоезда вели бой под сильным вражеским огнем. Отлично проявил себя командир батареи лейтенант Ефимов. Среди гула боя то и дело был слышен его голос: «За Родину! За город Ленина! Огонь!» У одного из орудий из всего расчета остался в живых лишь заряжающий комсомолец Корневский, у другого — тяжело раненный, истекающий кровью краснофлотец Бедняков. Но оба орудия продолжали вести огонь. Под прикрытием огня бронепоезда части 11-й дивизии перешли в контратаку и выбили фашистов из Троицкого.

Наступление на Большой Симоногонт предприняла 2-я дивизия народного ополчения, но успеха не имела. Штаб дивизии оказался временно отрезанным от своих частей, с ним была потеряна связь. На выручку послали отдельный курсантский батальон Ново-Петергофского пограничного военно-политического училища НКВД имени

К. Е. Ворошилова под командованием майора Н. А. Шорина. Батальон отбросил гитлеровцев у Большого Симонюнта и соединился со штабом дивизии.

Батальон отлично воювал на ораниенбаумском плацдарме. Курсант Е. А. Гагарин в своем последнем бою подбил два вражеских танка. Храбростью и точным расчетом славился командир разведчиков лейтенант Б. А. Григорьев.

Майор Н. А. Шорин рассказал мне, как после боя курсанты нашли в перелеске тело командира роты старшего лейтенанта Бринькова. В руках убитого был зажат окровавленный партийный билет. На странице партбилета кровью было написано: «Коммунисты в плен не сдаются». Курсанты поклялись отомстить за гибель командира.

Несколько дней спустя батальон, понесший большие потери, вошел в 1062-й стрелковый полк, а майор Н. А. Шорин был назначен командиром этого полка. Не зная дальнейшей судьбы курсантов, но уверен, что они стали хорошими политработниками: непосредственное участие в боях стало для них подлинной школой мужества, столь необходимой для успешной политической работы в войсках.

Около поселка Туюзп наши бойцы захватили пять пленных. На допросе пленные сообщили, что 291-я немецкая пехотная дивизия получила приказ на следующие сутки полностью овладеть Петергофом и после этого наступать на Ораниенбаум. Всего же наступали четыре вражеские дивизии, причем силы противника постоянно наращивались — гитлеровцы ввели в бой уже немалые резервы. Судя по всему, командующий гитлеровской 18-й армией генерал Линдеман рассчитывал со дня на день захватить Петергоф и Ораниенбаум.

Мы отчетливо сознавали сложность положения, однако настроение было совсем иным, нежели несколько дней назад. Командиров и политработников, действовавших на приморском плацдарме, радовало, что наша оборона стала несравненно организованнее. Гитлеровские войска несли большие потери. Повсеместно встречая ожесточенное сопротивление, они продвигались за день не на километры, как прежде, а в лучшем случае на несколько сот метров.

23 сентября пришел приказ командующего войсками фронта: командующий 8-й армией генерал В. И. Щербаков и член Военного совета армии дивизионный комиссар И. Ф. Чухнов отзывались в распоряжение командования

фронта. Своей самоотверженной деятельностью В. И. Щербаков и И. Ф. Чухнов добились серьезного перелома в действиях 8-й армии. Правда, физически они очень устали. И это, вероятно, затрудняло оперативное руководство войсками в сложившейся тяжелой обстановке. Новым командармом стал генерал-лейтенант Трифон Иванович Шевалдин. Членом Военного совета армии назначили меня.

Прекрасно зарекомендовавшие себя в боях дивизии народного ополчения получили новые наименования: 1-я дивизия народного ополчения стала 86-й стрелковой дивизией, 2-я дивизия народного ополчения — 80-й стрелковой. Они стали кадровыми соединениями Красной Армии.

На рассвете пришел катер, на котором прибыл новый командарм генерал-лейтенант Т. И. Шевалдин. В. И. Щербаков, П. И. Кокорев и я встретили его у причала в Ораниенбауме. На командном пункте в Таменгонте В. И. Щербаков доложил обстановку. Генерал Шевалдин слушал внимательно. Был он небольшого роста, плотный. Из-под густых седых бровей на собеседника глядели неожиданно молодые, веселые глубокие глаза. По первому впечатлению, он был человеком опытным и знающим. Всем нам хотелось верить, что армия получила хорошего командующего.

Петр Иванович Кокорев был также отозван командованием фронта и собирался ближайшей ночью отбыть в Ленинград. Жаль было, что из армии уйдет храбрый, знающий, прекрасно знакомый с боевой обстановкой и людьми генерал. К тому же с Петром Ивановичем мы во время нашей командировки на ораниенбаумский плацдарм по-настоящему сдружились.

В. И. Щербаков обратился к Военному совету армии с просьбой возбудить ходатайство перед командующим фронтом, чтобы его оставили в армии на любой должности.

— Я слишком много пережил здесь, — сказал Владимир Иванович, — чтобы уйти из армии в такой серьезный момент.

Таковую же просьбу изложил и И. Ф. Чухнов.

Командарм Т. И. Шевалдин, я и второй член Военного совета армии бригадный комиссар Н. Е. Субботин решили просить фронт назначить В. И. Щербакова командиром 11-й стрелковой дивизии, а И. Ф. Чухнова — военкомом 86-й дивизии. Что же касается П. И. Кокорева, то в ар-

мии оставалась пезанятой должность начальника штаба и лучшей кандидатуры, чем П. И. Кокорев, на эту должность трудно было подыскать.

Все эти предложения мы передали командованию фронта, и через несколько часов они были приняты и подтверждены приказом.

Забегая вперед, скажу, что В. И. Щербаков и И. Ф. Чухнов отлично воевали на плацдарме. Впоследствии генерал Щербаков был назначен командующим 14-й армией, самой северной на фронтах Великой Отечественной войны. Он показал себя незаурядным военачальником. Под его командованием 14-я армия помогла норвежскому народу изгнать со своей земли фашистских захватчиков. С Иваном Филипповичем Чухновым, военкомом 86-й, а затем 177-й дивизии, я еще не раз встречался под Ленинградом. Позже он был назначен членом Военного совета Приморской армии, действовавшей в Крыму, принял участие в героической обороне Севастополя. Службу в Советской Армии он закончил на посту начальника одного из главных управлений.

Когда я сказал П. И. Кокореву о его назначении, он откровенно обрадовался и сразу же отправился в блиндаж начштаба — принимать дела у исполнявшего обязанности начальника штаба полковника А. И. Смирнова, который вернулся к своей прежней работе — начальника оперативного отдела штаба армии. Войти в курс дела Кокореву долго не пришлось: он прекрасно знал обстановку.

Петр Иванович Кокорев на любых постах всегда оставался подтянутым, вежливым, аккуратным. Таким его знали и в 8-й армии, и во 2-й ударной, где он также занимал пост начальника штаба при прорыве блокады Ленинграда, и на 2-м Белорусском фронте. О храбрости генерала Кокорева ходили легенды. Он всегда носил приметную генеральскую форму, хотя она и демаскировала его на переднем крае. Не раз случалось, что немцы открывали огонь по мелькавшей фуражке с ярко-красным околышем. И сколько мы ни уговаривали Петра Ивановича хотя бы на передовой надевать полевую фуражку защитного цвета, он с нами так и не согласился. Не хотел кланяться вражеским пулям.

«Раскрой нам секрет, — не раз спрашивали мы у него в шутку, — кто тебя от смерти заколдовал?»

И как-то Петр Иванович рассказал нам невероятную

историю. В детстве он тяжело заболел и долго лежал без сознания. Родные решили, что мальчик умер. А он, очнувшись во время церковной павихиды, до смерти напугал и священника, и всех окружающих. «А с ними — и смерть», — любил повторять Петр Иванович.

После войны генерал Кокорев работал на посту начальника штаба Ленинградского военного округа, работал много, не щадя себя. На войне не тронули его ни пуля, ни осколок. А в мирное время сердце солдата не выдержало многолетнего напряжения. Петр Иванович ушел из жизни в 1950 году, когда ему не было и 45 лет...

Три дня подряд 10-я и 11-я дивизии вели бои неподалеку от канала, разделяющего Старый и Новый Петергоф. Гитлеровцы пытались форсировать канал, но терпели неудачу, несли большие потери. Работники политотдела армии, все до одного, были в войсках, воодушевляли бойцов своим примером.

Уличные бои, которые вела 10-я дивизия, были на редкость ожесточенными. Ее 204-й полк отражал атаки фашистов от Монплезира до Большого Дворца; 62-й полк окопался в парковой роще, сильным пулеметным огнем с колокольни в центре Нового Петергофа бойцы преграждали путь атакующему врагу; 98-й полк стойко оборонял Розовый павильон. На правом фланге дивизии храбро сражался батальон 1-й отдельной бригады морской пехоты. В батальоне оставалось около трехсот бойцов, но моряки не раз контратаковали гитлеровцев, захватили 28 пленных и 6 пулеметов.

25 сентября враг усилил оружейный и минометный обстрел наших позиций. Одна за другой следовали атаки гитлеровцев в направлении Большого Дворца. На аллее парка появились четыре немецких танка. Я видел, как красноармейцы забросали их бутылками с горючей смесью и связками гранат, машины загорелись.

На рубежах нашей обороны оставалось все меньше и меньше бойцов, а резерва ни в дивизии, ни в армии уже не было. Части 10-й дивизии под натиском противника стали медленно отходить к каналу. С группой политработников и штабных командиров мы вышли на парапет Большого Дворца. Великолепные фонтаны, одно из чудес мирового искусства, открылись нам во всей красе. Сверкали белизной мраморные скульптуры, Самсон бесстрашно раздирает пасть льва. Его фигура, покрытая золотом, осо-

бенно выделялась на сером фоне сентябрьского дня — скульптуру совсем недавно, буквально перед самой войной, реставрировали...

Горько было думать, что здесь могут оказаться фашистские вандалы. Но мы знали, мы были уверены, что вернемся сюда и прогоним врага с нашей земли.

Из укрытия вышла группа немецких автоматчиков. Они стали стрелять по нас. Мы открыли ответный огонь. Автоматчики скрылись. Однако с минуты на минуту немецкие подразделения могли появиться вновь. По дну сухого канала наша группа стала отходить к морю, а потом вдоль берега к каналу, отделяющему Старый Петергоф от Нового.

Здесь командир 10-й дивизии генерал М. П. Духанов решил организовать новый оборонительный рубеж. Канал, глубокие овраги, по дну которых стекала вода Черного и Английского прудов, сами пруды — все это было отличным естественным рубежом обороны. Войны дивизии стали окапываться по западному берегу канала, между Старым и Новым Петергофом.

К командиру дивизии подошел молодой небольшого роста сапер и доложил, что мосты через канал подготовлены к взрыву. Духанов условился с ним о связи и приказал ждать сигнала. Вот последние наши подразделения под огнем противника проходят по мостам. Духанов по телефону отдает команду, и один из мостов с грохотом взлетает на воздух. Второй же мост стоит — целый и невредимый. По телефону сообщают, что взрывом спаряда поврежден протянутый к мосту провод. Это уже опасно: гитлеровцы могут вслед за нашими частями перейти канал.

С командного пункта хорошо видна церквушка, в которой укрылись подрывники. Вот из нее появилась маленькая фигурка в длинной шинели. Сапер бежит к мосту, падает, встает, снова бежит. Вокруг него, совсем рядом, рвутся снаряды. Вот он у моста, вот уже бежит обратно — по прямой, не пригибаясь, не обращая внимания на разрывы, — и скрывается в церкви. Проходит несколько секунд. От мощного взрыва закачался стол, на котором была разложена карта командира дивизии. Куски бетона, металлические конструкции, комья земли поднялись в воздух в клубях дыма и пыли. Моста не стало. Путь гитлеровцам был прегражден.

До сих пор досажаю на себя, что не нашел тогда маленького сапера, не узнал его имени...

Юго-западнее Старого Петергофа также шли ожесточенные бои. 80-я стрелковая дивизия вела бои за поселок Агакули. 191-я стрелковая дивизия при поддержке огня тяжелых орудий кронштадтских кораблей захватила поселок Туюзи. В бою за Туюзи отличился морской курсантский батальон полковника А. С. Дементьева, который был подчинен 191-й дивизии. Курсанты и офицеры проявили массовый героизм. Курсант Шаповалов метким огнем из ручного пулемета подавил несколько огневых точек врага. Главстаршипа П. Ф. Куракин, ворвавшись со своим взводом во вражескую траншею, уничтожил 14 фашистов. Бесстрашно водили свои роты в атаку их командиры А. И. Ставровский и Е. А. Берштейн.

В этом бою погибли многие отважные воины: член комсомольского бюро курсант О. Д. Шаповалов, командир взвода П. Ф. Куракин, гранатометчик Н. Минченко, курсанты И. Качалин, Зейденшпир, санитарка Елена Кернина, которая вынесла с поля боя десятки раненых. Был ранен полковник А. С. Дементьев, получили ранения все командиры рот.

Бои за поселки Туюзи и Агакули не прекращались, а разгорались все сильнее. Гитлеровцы бросали сюда все новые и новые силы. Оценив обстановку, Военный совет армии пришел к выводу, что враг, отчаявшись прорвать нашу оборону и выйти к Ораниенбауму по побережью, решил изменить направление главного удара. К исходу дня наши войска сохранили свои позиции на всем протяжении занимаемой обороны. И если 26 сентября гитлеровцам удалось еще кое-где продвинуться, то на следующий день, 27 сентября, враг был окончательно остановлен.

Наконец-то! Впервые после многих дней кровопролитных боев мы смогли доложить Военному совету фронта, что войска 8-й армии остались на прежних позициях, линия фронта не изменилась. По западному берегу Петергофского канала до поселков Агакули и Туюзи были построены новые оборонительные рубежи, на которых разбивались все атаки гитлеровцев.

Несколько слов о роли Краснознаменного Балтийского флота в боях за приморский плацдарм. Командующий флотом адмирал В. Ф. Трибуц в дни самых тяжелых боев за Ораниенбаум часто приезжал к нам, на команд-

ный пункт 8-й армии, и мы неизменно получали от него помощь и поддержку. Была установлена четкая связь с кораблями Балтийского флота, артиллерией Кронштадта, фортами Красная Горка и Серая Лошадь. В армии находился постоянный представитель штаба флота, который помогал согласовывать действия сухопутных войск, корабельной и береговой артиллерии. Гитлеровцы панически боялись тяжелой балтийской артиллерии, а наши бойцы ощущали новый прилив сил, когда на позициях врага разрывались снаряды, посланные с кораблей и фортов. Надо помнить и о том, что Серая Лошадь и Красная Горка своим огнем надежно закрывали вход в Финский залив, и мы не опасались нападения гитлеровцев с моря.

Воины 8-й армии, поддержанные огнем артиллерии Краснознаменного Балтийского флота, отстояли приморский плацдарм, сковали значительные силы противника, не позволив ему перебросить к Ленинграду пять пехотных дивизий, танки, артиллерию. Массовый героизм воинов 8-й армии и моряков, мужество и умелые действия командиров и политработников, поддержка ленинградских рабочих — вот очевидные слагаемые успеха.

Именно с приморского плацдарма 14 января 1944 года войска 2-й ударной армии под командованием генерал-лейтенанта И. И. Федюнинского нанесли главный удар по врагу. Это явилось огромным вкладом в снятие блокады города Ленина. В сентябре сорок первого года мы твердо верили, что этот день настанет.

Приморский плацдарм, святая, обильно политая кровью наших людей земля... Здесь, у Ораниенбаума и Красной Горки, в 1919 году Красная Армия остановила и разгромила войска Юденича. Здесь похоронены тысячи бойцов, командиров и политработников 8-й армии, отдавших свою жизнь за город Ленин. Мы знали цену каждого метра этой земли... Бывший нарком Военно-Морского Флота Н. Г. Кузнецов так оценил значение плацдарма в своих воспоминаниях: «Будь Ораниенбаум захвачен врагом, флоту пришлось бы труднее и при прорыве из Таллина, и при эвакуации защитников полуострова Ханко. Кронштадт находился бы под обстрелом неприятельских орудий всех калибров, да и морское сообщение с Ленинградом стало бы невозможным»¹.

¹ Кузнецов Н. Г. На флотах боевая тревога. М., 1971, с. 281.

Фальсификаторы истории, пытаясь принизить подвиг советского народа в Великой Отечественной войне, искали и ищут свое объяснение неудаче фашистских войск под Ленинградом, в том числе и на приморском плацдарме. Например, генерал гитлеровского вермахта К. Типпельскирх писал, что ожидаемых успехов не было из-за упорнейшего сопротивления обороняющихся войск, усиленных фанатичными ленинградскими рабочими, а также из-за нехватки сил.

Объяснение, как видите, нехитрое: нехватка войск плюс фанатизм рабочих. На самом деле сил у немецкой 18-й армии было немало, она была хорошо оснащена техникой. Что же касается нашего «фанатизма», то пусть Типпельскирх и другие буржуазные историки называют мужество и нестигаемую стойкость советских людей как им угодно. Наши солдаты, матросы, ополченцы сражались до последней капли крови, и причина этого — в советском патриотизме, глубокой преданности социалистической Родине. Каждый измеряет человеческие качества своими мерками. Пусть гитлеровские генералы твердят о фанатизме. Мы знаем иные понятия: мужество, стойкость, героизм.

После стабилизации линии нашей обороны на плацдарме затишье не наступило. Гитлеровцы прибегали к всевозможным провокационным действиям, чтобы прорвать фронт. Например, на участке 98-го стрелкового полка 10-й дивизии вражеские солдаты шли в атаку с белыми флагами. Были случаи, когда гитлеровцы гнали впереди себя мирное население.

Поняв, что преодолеть Петергофский канал не удастся, командование 18-й немецкой армии в конце сентября изменило направление удара и организовало наступление на Ораниенбаум в районе поселков Агакули и Туюз, введя в бой из резерва еще одну пехотную дивизию. В свою очередь генерал Т. И. Шевалдин приказал нанести встречный удар из района Агакули — в обход Сашинских высот, на восток.

Эти два небольших населенных пункта — Агакули и Туюз — стали главным участком новых ожесточенных боев. Бои здесь шли долгие и упорные. От самих населенных пунктов не осталось ничего — даже фундаментов домов. Группировка 18-й немецкой армии, действовавшая на приморском направлении, под Агакули и Туюз, к ноябрю 1941 года была окончательно обескровлена.

Каждый день боев мы узнавали имена новых героев. Армейская газета «Ленинский путь» рассказала о подвиге бойца 86-й дивизии, бывшего ополченца, Максима Ивановича Золотовского. Этот немолодой уже человек, инвалид второй группы, метким огнем уничтожил около двух десятков фашистов. В той же дивизии вместе с бойцами в атаку ходила санинструктор Пыжикова, которую бойцы ласково называли Пыжиком. Военфельдшер Ася Фомина вытащила из подбитого самолета, севшего на нейтральной полосе, раненого летчика лейтенанта Кучерепко. Вместе с санитаром Кошукком она доставила летчика в медсанбат. Ася не раз ходила вместе с солдатами в атаку и под Петергофом была ранена в бою.

Разведчики отдельной 5-й бригады морской пехоты под командованием лейтенанта Донца в конце сентября совершили дерзкую вылазку на территорию, занятую врагом. В составе отряда разведчиков были младший лейтенант Степанов, младший сержант Пахалуев, бойцы Ремепов, Дорошнн, Ягудин, Негайбеков, Соловьев, Шепунов, санинструктор Постушенков. Им удалось уничтожить свыше двадцати фашистских офицеров во главе с генералом.

Старший политрук С. И. Емельянов из той же бригады не раз водил в атаку бойцов своего батальона, умел найти нужные слова, чтобы подбодрить молодых воинов. Как-то после внезапной контратаки гитлеровцев одна из рот оказалась отрезанной, ей грозило окружение. «Товарищи! — обратился старший политрук к бойцам. — Все мы сражаемся за общее дело, все мы братья по оружию, пролитая кровь породнила нас. И вот наши братья в беде. Так поможем им, выручим из беды, не щадя своей жизни!» И первым, не сгибаясь под пулями, бросился вперед, увлекая за собой бойцов. Ошеломленный дерзким натиском, враг отступил.

Сергей Иванович Емельянов вел политическую работу в своем батальоне методически, планомерно, организованно. Я видел одну из его обычных записей: «Проверить состояние оружия во второй роте, побеседовать с санинструктором, который иногда грубоват с ранеными, помочь комсомольцам выпустить боевой листок, проверить доставку боезапаса, организовать читку стихов...» Комиссар за все в ответе!

И у армейских политработников в те дни была распланирована каждая минута. Поспать удавалось два-три часа,

да и то чаще всего в кабине машины, на пути в одну из дивизий. Поездок было чрезвычайно много. И об одной из них, забыть которую невозможно, мне хочется рассказать.

Это случилось 30 сентября, в разгар боев под Агакули и Туюзи. Я заехал ненадолго на командный пункт армии и застал там коменданта Ижорского укрепленного района генерал-майора береговой службы Г. Т. Григорьева. Он доложил мне, что крейсер «Аврора» поврежден вражескими снарядами и бомбами, ему угрожает гибель. Военный совет Балтфлота принял решение временно затопить крейсер в Ораниенбаумской гавани.

Конечно, я знал, что легендарный корабль стоит в Ораниенбаумской гавани. В начале войны его команда состояла из трехсот курсантов Высшего военно-морского училища имени М. В. Фрунзе, а сейчас на крейсере осталось лишь 15 человек. Возглавлял команду старший лейтенант П. Гришин. С крейсера были сняты и переданы на Чудскую военную флотилию все зенитные орудия, а девять из десяти 130-миллиметровых орудий были установлены в районе Дудергофа (ныне поселок Можайский). Одно-единственное орудие, оставшееся на корабле, продолжало вести огонь по врагу. «Аврора» по-прежнему находилась в строю. Словом, мы были хорошо осведомлены о судьбе «Авроры» и считали в высшей степени знаменательным, символичным, что корабль, возвестивший выстрелом своих орудий о начале эры социализма, защищает сейчас Ленинград — колыбель революции. Это обстоятельство мы широко использовали в своей пропагандистской работе в войсках.

Мы с Григорьевым немедленно отправились в Ораниенбаум. «Аврора» стояла в гавани с погашенными котлами, закрепившись на правый борт.

Не будучи специалистом в морском деле, я тем не менее понял, что креп становится угрожающим. В этот момент у нас на глазах «Аврора» начала медленно погружаться в воду — это команда по приказу открыла кингстоны.

Моряки, которые перебрались на стоящий рядом с крейсером буксир, сняли бескозырки. Многие плакали. Генерал Григорьев и я приложили руку к козырьку фуражки.

Потопление было рассчитано очень точно. «Аврора» встала на дно, как говорят моряки, ровным килем. Верхняя палуба, полубак и часть орудийной палубы остались на поверхности. Пушка крейсера возвышалась над водой,

но погреба с боезапасом были затоплены. Позже это орудие удалось снять и установить на бронепоезде «Балтиец».

«Аврора» пролежала на дне гавани до снятия блокады Ленинграда. Дальнейшее хорошо известно: эпроновцы подняли корабль, ленинградские судостроители его отремонтировали. Крейсер революции стоит и сегодня на Неве...

Но это было потом. А пока политработники 8-й армии рассказывали в своих беседах о легендарном крейсере как о символе Октября, символе города Ленина — колыбели революции. Беседы о революционных традициях, о Ленинграде, который нам выпала высокая честь защищать, всегда находили отклик у бойцов.

Чувства своих товарищей по оружию хорошо выразил красноармеец И. Шишов в бесхитростном стихотворении, напечатанном в армейской газете «Ленинский путь» 3 октября 1941 года. Вот отрывок из этого стихотворения:

Кто стоит, как символ чести,
Третий век подряд,
Светлым взором глядя в море?
Ленинград!
Кто для нас родной, любимый,
Лучшей жизни — брат?
Боевой, непобедимый
Ленинград!
И кого сейчас, как прежде,
Ран не чуя,
Защищает с боем стар и млад?
Ленинград!

Под Петергофом я впервые побывал в 76-м отдельном стрелковом Латышском полку, состоявшем главным образом из рижских рабочих. Этот полк влился в ряды 8-й армии и мужественно сражался с фашистами на протяжении всего боевого пути — от Риги до Ленинграда. Командовал полком Фридис Пуце, воевавший еще в Испании, в Интернациональной бригаде, где он командовал пулеметной ротой. Фридис Пуце пал смертью героя в боях за Петергоф. После него полк принял коммунист Годжалис. Вражеская пуля сразила и этого героя.

Военком полка А. Деглав до Великой Отечественной войны работал председателем Рижского горсовета, был кандидатом в члены ЦК КП(б) Латвии. Пост начальника штаба занимал Г. Брозинь, участник боев в Испании.

Все латыши произвели на меня исключительно хорошее впечатление — не только своим мужеством, но и спокойной уверенностью в собственных силах, в силах нашей армии. Никогда они не сомневались в том, что минует время неудач и настанет час победы. Особой любовью пользовались в полку бесстрашные стрелки Янис Айкуферс, Георгий Брозиньш, Карл Паневиц.

Непрерывные бои под Ораниенбаумом требовали постоянного пополнения личного состава. Трифон Иванович Шевалдин попросил меня взять это дело под контроль, обратив особое внимание на наш армейский запасной полк.

Пополнение боевых рядов армии шло полным ходом. Из запасного полка в войска было направлено более пяти тысяч человек. Среди них были новобранцы из местного населения, оставшегося на плацдарме, бойцы из тыловых частей Балтфлота и Ленинградского фронта, а также из тыловых частей армии. В дни самых тяжелых боев мы могли хотя бы частично восполнять потери. Вот выдержка из доклада, представленного Военному совету 8-й армии инструктором политотдела армии старшим политруком Гусихиным.

«В течение ночи и дня 25.9.41 г. отправлено на фронт по частям 1755 чел., в том числе: в 10-ю дивизию — 410 чел., в 1-ю гв. — 303 чел., во 2-ю дивизию народного ополчения — 324 чел., в 48-ю дивизию — 512 чел. и в 191-ю дивизию — 238 чел.»¹

Стрелковое оружие для пополнения собирали в госпиталях — у раненых бойцов. У многих винтовки были без стывков и без ремней, порою покрыты ржавчиной. Приходилось срочно приводить оружие в порядок и лишь после этого доставлять воинским частям.

Политотделы армии и дивизий поставили перед политработниками армии задачу: разъяснить бойцам настоятельную необходимость особенно бережного отношения к оружию. На эту тему была выпущена листовка — обращение к воинам армии. Армейская газета из номера в номер рассказывала о мастерах меткого огня — снайперах, чьи винтовки всегда были в образцовом порядке. В ротах прошли партийные и комсомольские собрания. Политработники, коммунисты рассказывали бойцам, в каких неимоверно трудных условиях труженики тыла готовят оружие для фронта, читали письма трудящихся фронтовикам.

¹ ЦА МО СССР, ф. 344, оп. 5552, д. 5, л. 3, 4.

Надо сказать, что эта большая, проведенная в считанные дни работа дала отличный результат. Буквально через неделю нам пришлось ремонтировать уже вдвое меньше винтовок и автоматов.

...2 октября командующий фронтом приказал генералу Шевалдину организовать наступление с задачей уничтожить противника в районе Агакули, Троицк, Петергоф и в дальнейшем наступать на деревню Разбегай. Согласно разработанному штабом фронта плану наши дивизии должны были вступить в бой 5 октября в 6 часов утра. За час до этого предстояло скрытно высадить десант в Нижнем парке Нового Петергофа. Часть десантного батальона формировала 8-я армия. Основную же часть десанта формировали в Кронштадте из моряков Балтфлота.

Работники штаба и политотдела армии отобрали в дивизиях отличившиеся в боях отделения во главе с сержантами. На катерах их доставили в Кронштадт. Возглавил десант полковник А. Т. Ворожцов, награжденный еще в гражданскую войну за штурм Перекопа орденом Красного Знамени. Комиссаром был назначен воспитанник учебного отряда Краснознаменного Балтийского флота А. Ф. Петрухин. В батальоне создали партийную и комсомольскую организации.

Командование Балтийского флота разработало план высадки десанта восточнее Петергофа, с тем чтобы внезапно овладеть Петергофом и затем соединиться с войсками 8-й армии. Военный совет армии согласился с боевой задачей десанта, но предложил прикрыть высадку артиллерийским огнем с кораблей и фортов Кронштадта. Моряки же настаивали на том, что именно внезапный удар принесет десанту успех. В конце концов был принят план моряков — высаживать десант скрытно, без огневого прикрытия.

В пять часов утра 5 октября десант должен был начать высадку, однако радио молчало — никаких известий. Лишь в глубине Нового Петергофа слышалась перестрелка. Тем не менее в установленное время, после артиллерийской подготовки, 19-й корпус 8-й армии перешел в наступление всеми своими дивизиями.

На отдельных участках гитлеровцы были отброшены. Бойцы 163-го полка 11-й стрелковой дивизии, оборонявшие позиции у Английского дворца в Петергофе, по заранее подготовленным саперами штурмовым мостикам преодолели пруд, разделявший наши и вражеские пози-

ции, и захватили плацдарм глубиной около полукилометра. Под прикрытием дымовой завесы водную преграду преодолели танки — они шли по уложенным на дно пруда фашинам. За танками на плацдарм устремились подразделения 219-го, 320-го стрелковых и 72-го артиллерийского полков. Бойцы под командованием старшего сержанта И. И. Черникова и отделение гранатометчиков А. С. Яцько ворвались во вражеские траншеи. Много гитлеровцев было уничтожено гранатами и штыками. Части 11-й дивизии углубились в оборону врага почти на километр.

Упорнейшие бои шли на других участках, но должного успеха они не принесли — с высаженным десантом корпус соединиться не смог, как это планировалось. Был контужен М. П. Духанов, ранен В. И. Щербаков, выбыли из строя почти все командиры полков.

Десантники дрались отчаянно, враг нес большие потери. В тот день берлинское радио сообщило: «Это были мощные советские силы, состоящие из коммунистов, специально отобранных для борьбы с войсками фюрера»¹. Лишь вызвав подкрепление — танковые и пехотные части с других участков фронта, гитлеровцы смогли остановить отважных десантников.

Из-за нехватки боеприпасов и значительных потерь личного состава 8-я армия вынуждена была прекратить наступательные действия и перейти к жесткой обороне. Командный пункт армии находился вблизи поселка Таменгопт, и мы в то время в шутку называли наш приморский плацдарм «Таменгоптской республикой».

Военный совет и политотдел армии стремились к тому, чтобы политическая работа в войсках сочеталась с конкретными действиями по укреплению занимаемых рубежей. Политработники помогали командирам мобилизовать воинов на строительство взводных, ротных, батальонных опорных пунктов и траншей. Боевой опыт нам подсказывал, что от строительства опорных пунктов надо переходить к траншейной системе обороны. Командиры и политработники разъясняли это бойцам. В те дни я не раз был свидетелем политбесед о жизненной необходимости сооружения укреплений. Опытные бойцы-коммунисты показывали пример: сразу же после политбеседы они брали лопаты и начинали рыть траншеи.

¹ Приморский плацдарм, Л., 1971, с. 111.

В армии зародилось движение снайперов. Мы разъясняли задачу так: если каждый воин убьет одного-двух фашистов, то это приведет к уничтожению всей живой силы врага на фронте нашей армии. Движение быстро распространилось по всей армии.

При нехватке активных штыков на фронте необходимо было свести к минимуму число людей в тыловых частях и учреждениях, оставив там лишь тех, кто занимался непосредственно материально-техническим обеспечением войск. Военный совет армии требовал, чтобы малочисленные армейские и дивизионные тылы находились в состоянии постоянной боевой готовности, чтобы при необходимости (скажем, в случае высадки вражеского десанта) они могли собственными силами отразить нападение противника. Начальник тыла генерал-майор Николай Иванович Беляев и военком тыла полковой комиссар М. А. Басовский отлично справлялись с этой задачей. Немало усилий к организации тыла приложил член Военного совета армии бригадный комиссар Никита Егорович Субботин.

В середине октября штаб фронта сообщил нам, что, по разведывательным данным, командование 18-й немецкой армии готовит новое наступление и воздушный десант для дезорганизации нашей обороны на приморском плацдарме. Генерал Т. И. Шевалдин и я немедленно выехали на передний край в район Туюзю. Мы видели группу фашистских офицеров, прошедших в траншею, заметили, что кое-где на бруствере поблескивают стекла — видимо, немецкие наблюдатели с помощью оптических приборов просматривали район. Сопровождавший нас командир полка доложил, что вражеские офицеры там бывают часто, видимо, изучают район возможного наступления. Усилилась также разведывательная деятельность немецкой авиации.

Командование армии издало приказ о боевых действиях в случае внезапного наступления и воздушного десанта противника. Большую помощь войскам оказывало гражданское население приморского плацдарма. Все, кто мог держать в руках оружие, шли в армию, на строительство оборонительных сооружений. Женщины работали в дорожных частях, в госпиталях и войсках связи. Военный совет армии еще раз проверил тыловые части и учреждения, всех способных воевать направили на передний край, оставив в тылу только бойцов, перенесших тяжелые ранения. Подступы к Орациепауму заминировали,

повсюду на дорогах заложили фугасы. Больше всего нас беспокоила возможность высадки воздушного десанта: зенитных орудий в армии было слишком мало, авиации практически не было совсем. В таких условиях противодействовать высадке десанта крайне сложно. Военный совет и штаб армии решили принять дополнительные меры по отражению возможного десанта в наиболее благоприятном для высадки районе. Организацию борьбы с десантом возложили на генерал-майора береговой службы Г. Т. Григорьева, коменданта Ижорского укрепленного района, передав в его распоряжение единственный резервный батальон, усиленный оставшимися у нас шестью танками.

Когда на Военном совете обсуждали меры по отражению вражеского десанта, возникла неожиданная идея: в месте вероятной его высадки на всех больших полянах вбить колья. Спустя неделю повсюду, где у нас не было достаточных сил для уничтожения десанта, из земли торчали колья, угрожающе глядя в небо остриями. Было замечено, что немцы заинтересовались этими полянами и успешно их фотографировали, пытаясь, видимо, понять назначение нашего пассивного оружия.

Новое наступление гитлеровских войск в те дни так и не состоялось. Для «Таме́нгонгтской республики» наступили сравнительно спокойные дни.

Во время длительных и тяжелых боев 8-я армия потеряла много автоматического стрелкового вооружения. Так, в 48-й дивизии к середине сентября насчитывалось лишь три станковых пулемета. 20 сентября прямым попаданием мины был разбит последний станковый пулемет в 80-й дивизии. Не лучше обстояло дело и с зенитным оружием.

Чтобы как-то восполнить потери зенитного оружия, приспособляли уцелевшие станковые и ручные пулеметы, устанавливая их особым образом на высоких пеньках. Военный совет армии одобрил эту инициативу — надо было иметь хоть какое-то оружие для стрельбы по воздушным целям.

Однако самодельные устройства не могли решить всех проблем. Военный совет армии поручил штабу и политотделу армии собрать оружейников, прежде всего коммунистов и комсомольцев, и вместе с ними обсудить, как можно срочно привести в боевое состояние все неисправное автоматическое оружие, находящееся на армейских и

войсковых складах боепитания. Начальник политотдела С. И. Панков со свойственной ему энергией взялся за подготовку совещания и вместе с начальником боепитания армии уже на следующий день собрал оружейников.

В мирные дни мы нередко собираем разные технические совещания. Проводить подобные мероприятия во фронтовой обстановке гораздо сложнее, и без острой необходимости мы к ним не прибегали. Однако необходимость вооружить войска автоматическим оружием была более чем острой, и нам надо было узнать и сопоставить разные мнения.

Присутствовавший на совещании командующий ВВС 8-й армии генерал-майор авиации Александр Петрович Андреев внес весьма дельное предложение: использовать в наземных войсках авиационные пулеметы ШКАС. Эти пулеметы лежали на складе ВВС, а использовать их по прямому назначению все равно было невозможно из-за отсутствия самолетов-истребителей — в армии оставались только самолеты По-2.

В последующем оружейники сумели приспособить авиационные пулеметы для стрельбы по наземным целям, и ШКАСы сослужили нам в боях хорошую службу.

Когда совещание подходило к концу, выступил оружейный мастер армейской полевой ремонтной мастерской (к сожалению, его фамилию я не запомнил). Явно смущаясь, он сказал:

— Мне неудобно говорить, начальство может обвинить меня в том, что предлагаю портить оружие, но я все-таки скажу. Пусть мы испортим несколько винтовок, зато у нас будет возможность дать пехоте автоматическое оружие. Я хочу получить разрешение изменить кое-что в конструкции карабина Симонова.

И он рассказал о своем предложении: если в карабине Симонова перевернуть спусковой крючок, вложить его наоборот, то карабин может стрелять автоматически. Тут же принесли карабин, мастер переставил спусковой крючок и продемонстрировал оружие в действии.

В тот же день мы показали командарму, как может стрелять симоновский карабин. Т. И. Шевалдин одобрил предложение и вскоре отдал приказ о переоборудовании этих карабинов на автоматическую стрельбу.

Через несколько дней генерала Шевалдина и меня вызвали на заседание Военного совета фронта. Мы отправились на катере в Кронштадт, оттуда — в Ленинград. На

дежурной машине прибыли в Смольный, вошли в зал заседаний Военного совета. Встретили нас приветливо.

— Будем прорывать блокаду Ленинграда, — сказал новый командующий войсками фронта генерал-лейтенант Михаил Семенович Хозин, — причем там, где гитлеровское командование менее всего этого ждет, — с плацдарма на берегу Невы. Кроме того, противник, стремясь соединиться с финской армией у Свири, наступает на Тихвин, и наши активные боевые действия не позволят ему снять из-под Ленинграда дополнительные силы для усиления своей армии. Невской оперативной группе нужна помощь.

Нам сразу стало ясно, о чем пойдет разговор: фронт будет просить у нас дивизии.

— Подумайте, сколько дивизий вы можете отдать для форсирования Невы, — обратился к нам Жданов. — У вас теперь спокойно, немцы тоже перешли к обороне...

Т. И. Шевалдин достал карту, и, пока Военный совет обсуждал очередной вопрос, мы, посоветовавшись шепотом, решили, что к 30 октября сможем передать в резерв фронта четыре стрелковые дивизии: 281, 191, 80 и 86-ю. Конечно, оставаться на приморском плацдарме с двумя дивизиями и двумя отдельными бригадами рискованно. Но ведь речь шла о прорыве блокады.

Когда Шевалдин доложил, что армия сможет передать фронту четыре дивизии, члены Военного совета заулыбались — видимо, не ожидали такой щедрости.

А. А. Жданов предложил дать оставшимся войсковым частям 8-й армии пополнение: тысячу ленинградских коммунистов и комсомольцев. И, помолчав немного, добавил:

— И еще три тысячи человек, выпущенных из исправительных лагерей...

Заметив наше замешательство — а мы, честно признаться, не слишком-то обрадовались второму предложению, — А. А. Жданов пояснил:

— Досрочно освобождена большая группа заключенных, уголовников. Все они дали согласие отправиться на фронт. Среди них есть и мелкие воры, есть и серьезные преступники. Вот вам задача: оказать влияние на эту разношерстную массу, развернуть политическую работу с ними.

Вскоре после заседания Военного совета на баржах по Финскому заливу на приморский плацдарм прибыли ком-

мунисты и комсомольцы Ленинграда. Их разместили в армейском запасном полку. Провели партийно-комсомольское собрание, разъяснили боевую задачу по обороне плацдарма, авангардную роль коммунистов и комсомольцев в бою. И особый упор сделали на то, что вскоре каждому из них придется вести сложную воспитательную работу среди нового пополнения и лучшая форма такой работы — личный пример.

Тем временем Военный совет армии занимался отводом дивизий с боевых участков. Командиры и политработники разъясняли воинам важность скрытной перегруппировки, незаметной для противника. К 20 октября из Ораниенбаумской гавани на кораблях были отправлены в Ленинград две дивизии, к 30 октября — еще две. Оставшиеся войска заняли боевые участки выбывших.

Что же касается обещанного А. А. Ждановым пополнения из бывших уголовников, то политотдел армии не раз обсуждал проблему, как следует принять этих людей, как вести с ними политическую работу. Прежде всего, решили встретить людей приветливо, не напоминать им о прошлом. Именно такое обращение, считали мы, позволит создать обстановку, которая исключит их возврат к прошлому. Надо было немедленно взять пополнение под свое политическое влияние.

Как только прибыло пополнение — пока без оружия (его должны были привезти позже), но в хорошем обмундировании, — мы сразу принялись формировать маршевые роты. Отделения составляли так: семь-восемь бывших заключенных, два-три коммуниста и комсомольца. А командирами отделений назначали сержантов или красноармейцев, выписанных после выздоровления из госпиталей. Словом, приняли все меры, чтобы с первого же дня поставить пополнение под влияние идейно закаленных людей, с боевым опытом.

Мы немало беседовали с бывшими заключенными. Многие из них оставляли неплохое впечатление — самостоятельностью суждений, верным пониманием своей задачи, чувством юмора.

Как только прибыло все пополнение, мы устроили митинг. Много приходилось мне проводить собраний и митингов, но такого, пожалуй, не припомню. Открывая митинг, я поздравил участников с прибытием в действующую армию. Рассказал им о тяжелом положении, в котором оказалась наша Родина после вероломного нападения гит-

леровской Германии, призвал к самоотверженной борьбе с фашистскими захватчиками. И когда в ответ на здравицу «Да здравствуют новые воины рабоче-крестьянской Красной Армии!» раздалось могучее «ура», стало ясно, что контакт с пополнением установлен.

Откуда-то из задних рядов крикнули: «Можно ли задавать вопросы?» Я разрешил. Меня тут же спросили:

— Скажите, а наши жены и дети будут получать льготы и пособия?

— Безусловно. Они будут получать все, что положено по советским законам, — ведь вы теперь воины Красной Армии.

Ответ, видимо, понравился — раздался одобрительный гул. Затем был задан ещё вопрос:

— Нас будут награждать орденами и медалями?

— В армии такой порядок: за героизм и отвагу, за смелые действия в бою боец награждается орденом или медалью. Каждый из вас, кто проявит героизм, тоже будет награжден.

— Даже орденом Красного Знамени?

— И орденом Красного Знамени тоже. Конечно, только самые отважные. Дело за вами!

Новые бойцы в ответ на эти слова стали аплодировать и кричать «ура». Не было сомнений, что, несмотря на свое прошлое, почти все они сохранили любовь к Родине и искренне желали победы над врагом.

В конце митинга мы спели «Интернационал». Приняли от каждого бойца воинскую присягу, вручили личное стрелковое оружие. Это буквально преобразило людей.

Должен сказать, что ни один из бывших заключенных не совершил, будучи в армии, позорного поступка. Многие из них отдали свою жизнь на поле боя, многие были награждены орденами и медалями.

После митинга и вручения оружия мы устроили ужин для пополнения, выдали всем по сто граммов водки. На этом ужине было сказано немало добрых напутственных слов. Потом в течение недели шла боевая и специальная подготовка, проводились политические занятия. Наконец темным осенним вечером роты направились в свои полки и батальоны.

О том, как это пополнение начало воевать, можно судить по такому эпизоду. В 48-й дивизии вновь прибывших провели в траншеи. Когда рассвело, некоторые бойцы вылезли на бруствер, чтобы посмотреть на врага, и

были наказаны за неосторожность: противник открыл огонь, несколько человек были ранены.

Увидев, как дорого обошлась эта беспечность, бойцы сначала приуныли, а затем открыли беспорядочную пальбу. Обычно передний край в условиях обороны безмолвен, лишь изредка раздадутся одиночные выстрелы да короткие пулеметные очереди. Гитлеровцы, не понимая, что случилось, немедленно организовали разведку боем и выбили наше пополнение из первой траншеи.

Молодые бойцы, ошеломленные неожиданной атакой и вовсе к ней не готовые, оказались во второй траншее, без своих сумок и вещевых мешков. К их чести надо сказать, что, едва оправившись от волнения, они дружно, со свистом и криком «ура» бросились в контратаку и быстро выбили противника из траншеи; им удалось захватить в плен пять немецких солдат.

Это было хорошим боевым крещением. Политработники рассказывали о нем в соединениях и частях. Приказом по армии и дивизии были отмечены наиболее отличившиеся.

В ночь на 30 октября 1941 года пришло распоряжение штаба фронта: сформировать управление Приморской оперативной группы и передать этому управлению 48-ю стрелковую дивизию, 2-ю и 5-ю отдельные бригады морской пехоты и части обеспечения. Командующим Приморской оперативной группой назначался генерал-майор А. Н. Асташич. А полевому управлению 8-й армии во главе с Т. И. Шевалдиным было приказано передислоцироваться в Озерки, принять войска Невской оперативной группы и продолжить форсирование Невы.

...Я смотрел с парохода на удалявшийся Ораниенбаум. Мы выполнили свой воинский долг. Никогда не забудем ни Сашинских высот, ни боев за Петергоф, ни боевые будни «Таменгонтской республики»! Но все мои мысли были уже на Неве — там шло форсирование реки, на которое защитники Ленинграда возлагали столько надежд.

Так закончилась моя полуторамесячная командировка в район Ораниенбаума, командировка, сроки которой предсудитительно не были проставлены в предписании...

У ЛЕГЕНДАРНОЙ НЕВСКОЙ ДУБРОВКИ

Перед войной мало кто из ленинградцев знал о небольшом поселке Невская Дубровка на берегу Невы, там, где в нее впадает Черная речка. А в конце сорок первого года жители осажденного города с надеждой ждали сообщений о боях у этого поселка: здесь наши войска предпринимали героические попытки прорвать вражеское кольцо, здесь во многом решалась судьба Ленинграда.

Едва фашисты взяли Шлиссельбург (напомню, случилось это 8 сентября), они стали пытаться форсировать Неву, однако это им не удавалось. На востоке и юго-востоке Ленинграда оборонительные рубежи проходили вдоль Невы. Державшие здесь оборону соединения Невской оперативной группы (НОГ) под командованием генерал-майора В. Ф. Конькова в конце сентября форсировали реку в районе Невской Дубровки и захватили на восточном берегу Невы маленький клочок земли — около полутора километров по фронту и примерно полкилометра в глубину.

И при форсировании Невы, и при обороне плацдарма войска Невской оперативной группы проявили высокое мужество и подлинный героизм. Враг всеми силами стремился уничтожить плацдарм, но не мог преодолеть сопротивления его защитников. Понимая значение плацдарма для прорыва блокады, гитлеровцы обрушили на него настоящий огненный ураган. В музее Невской Дубровки есть удивительный экспонат: обычный ящик, размером метр на метр, а в нем земля с пяточка. И в этой земле 38 пуль, осколки бомб и снарядов — десять килограммов металла!

В своих воспоминаниях о Малой земле Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Леонид Ильич Брежнев пишет: «Она

действительно «малая» — меньше тридцати квадратных километров. И она великая, как может стать великой даже пядь земли, когда она полита кровью беззаветных героев»¹. Невский плацдарм был такой же священной землей, щедро политой кровью советских воинов, павших за освобождение Ленинграда, за свободу нашей Родины...

С 1 ноября войска НОГ передавались 8-й армии. Прежде чем направиться в Ленинград, в Военный совет фронта, Т. И. Шевалдин, П. И. Кокорев и я прямо из Ораниенбаума поехали в деревню Плиштовка, на командный пункт 115-й стрелковой дивизии, где в это время находился командующий НОГ генерал-майор В. Ф. Коньков, чтобы предварительно ознакомиться с новой для нас обстановкой.

Командный пункт располагался неподалеку от Невы. По ее свинцовой воде кое-где уже плыли мелкие льдинки — шла шуга. Враг непрерывно обстреливал западный берег Невы, вел артиллерийский и минометный огонь по плацдарму и переправе. Мы понимали: здесь бои предстоят не менее трудные, чем у Петергофа.

На следующий день, 2 ноября, мы прибыли в Смольный. Командующий 8-й армией генерал-лейтенант Т. И. Шевалдин попросил Военный совет фронта дать неделю на подготовку форсирования Невы в новом районе. На старом же месте, у Невской Дубровки, командарм предложил вести демонстративные боевые действия, чтобы дезориентировать противника.

Военный совет фронта не принял наше предложение: сложившаяся обстановка не допускала промедления. Напомню, что в эти дни гитлеровские войска рвались к Москве, наступали на Тихвин (он был захвачен ими 8 ноября), стремясь создать второе блокадное кольцо вокруг Ленинграда. Нельзя было допустить, чтобы фашисты перебросили войска с нашего участка фронта на другие направления. Да и положение в осажденном Ленинграде настоятельно требовало от наших войск самых активных действий. В городе оставалось очень мало продовольствия. Форсирование Невы силами 8-й армии давало надежду на соединение с войсками, сражавшимися на Большой земле. Тогда удалось бы наладить нормальное снабжение Ленинграда, фронта и Балтфлота.

¹ Брежнев Л. И. Малая земля. М., 1978, с. 3.

Словом, мы понимали, почему Военный совет фронта отказывает нам в самой малой отсрочке. Понимали, но считали все же наш план форсирования Невы в новом районе, причем по льду, более эффективным.

Заседание Военного совета вел командующий войсками фронта генерал-лейтенант М. С. Хозин. Он потребовал, чтобы мы немедленно приняли войска Невской оперативной группы и незамедлительно приступили к боевым действиям. Т. И. Шевалдин просил отсрочить форсирование реки, пока Неву не скует лед. М. С. Хозин довольно резко прервал выступление командарма:

— Ни о какой отсрочке, ни о каком продлении сроков подготовки не может быть и речи. Промедление даст фашистскому командованию возможность отвести часть войск из-под Ленинграда для усиления тихвинской группировки.

По всем правилам форсирования рек, мы должны были изменить направление удара, притупить бдительность врага, сосредоточить силы и внезапно форсировать реку на новом направлении. Но на это требовалось время, а его-то и не было. Ждать, когда реку скует лед, не позволяла боевая обстановка.

Прямо из Смольного мы отправились в деревню Озерки. Там уже разместилось прибывшее из Таменгонта полевое управление армии. А органы тыла сосредоточились во всемирно известных Колтушах, где находился институт, созданный Иваном Петровичем Павловым.

Военный совет армии ознакомился с боевым опытом войск Невской оперативной группы, проанализировал обстановку. Весь плацдарм и подступы к нему на нашем (западном) берегу реки просматривались противником и находились под постоянным артиллерийским, минометным и пулеметным огнем. Войска несли потери и при подходе к Неве, и во время переправы, и на самом плацдарме. Лишь обрывистый восточный берег Невы, где находился край нашего плацдарма, был вне сектора обстрела; там образовалось мертвое пространство, которое противник не мог накрыть своим огнем. И в этот крутой берег врылись штабы дивизий, ведущих бои на пяточке.

На первый взгляд могло показаться, что сил на Невском рубеже достаточно. Побережье Ладоги оборонял отряд моряков под командованием капитана 2 ранга Маркелова. В крепости Орешек мужественно сражались бой-

цы 4-й роты 2-го батальона 2-го стрелкового полка 1-й стрелковой дивизии НКВД с четырьмя орудиями и двумя пулеметами. До января 1943 года воины-пограничники и моряки-балтийцы с 409-й береговой батареей КБФ обороняли отрезанную водами Ладоги от частей 8-й армии крепость, не давая гитлеровцам форсировать Ладожское озеро и Неву у Шлиссельбурга.

По западному берегу Невы оборону занимали: 1-я стрелковая дивизия НКВД, 10-я стрелковая дивизия и 11-я стрелковая бригада. Во втором эшелоне армии находились отдельная 4-я бригада морской пехоты и 123-я танковая бригада. На восточном берегу Невы, на пяточке, сражались 86, 115, 20, 215 и 265-я стрелковые дивизии. Нас поначалу удивило такое скопление соединений на фронте протяженностью менее двух километров. Но вскоре мы поняли, что силы наши на левобережном плацдарме не так уж велики: сражавшиеся на пяточке дивизии насчитывали не более полутора тысяч человек. Часть личного состава (артиллерия, тылы) находилась на западном берегу Невы.

Вечером 3 ноября в Озерки съехались командиры и военкомы дивизий. Командир 115-й стрелковой дивизии полковник А. Ф. Машишин рассказал о том, как под сильным огнем противника бойцы и командиры на подручных средствах форсировали Неву, проявив при этом самоотверженность и взаимовыручку. Генерал-майор В. Ф. Коньков отметил, что в поддержании высокого боевого духа бойцов огромную роль сыграла целеустремленная политическая работа перед форсированием. Командиры и политработники не жалели на нее времени, беседовали с бойцами, давали советы, а во время переправы и на плацдарме всегда были рядом с бойцами, подавая им пример. Я заметил, что начальник политотдела армии С. И. Панков во время докладов командиров и военкомов постоянно делал пометки в блокноте: богатый опыт предшественников нельзя было упускать.

Учитывая малочисленность личного состава дивизий на плацдарме, Военный совет армии решил направить в стрелковые роты подкрепление из тыловых частей. А работникам штаба и политотдела предложил ознакомиться с обстановкой непосредственно в войсках.

На переправе я встретил генерал-майора И. И. Фадеева. Во время тяжелейших боев под Урицком он, будучи командиром 10-й стрелковой дивизии, не всегда достаточ-

но четко руководил войсками и был отстранен Военным советом фронта от командования дивизией. Вскоре его назначили начальником Невской переправы. Это был сложный и ответственный участок. Генерал Фадеев под непрерывным огнем противника сумел наладить бесперебойную работу переправы.

Во второй половине дня 4 ноября, выполняя директиву Военного совета фронта о дальнейшем форсировании Невы и расширении плацдарма, 8-я армия предприняла активные боевые действия. В бой были введены 168-я стрелковая дивизия (командир — генерал-майор А. Л. Бондарев, военком — полковой комиссар С. Л. Александров) и 177-я стрелковая дивизия (командир — полковник Г. И. Вехин, военком — дивизионный комиссар И. Ф. Чухнов).

Времени на подготовку прорыва оборонительной полосы противника практически не отводилось. Атака началась, когда на плацдарме сосредоточились далеко не все войска, без танков и с крайне скудным количеством боеприпасов. У нас еще не было полностью отработано управление войсками. Не хватало артиллерии, инженерно-понтонных средств для переправы войск. Мы располагали всего сорока шлюпками с кораблей Балтийского флота, а к следующему утру недосчитались уже половины: снаряды противника разносили шлюпки в щепы.

Артиллерийская подготовка длилась пятнадцать минут: на большее не хватило снарядов. Огневые точки противника подавить не удалось, и как только наша пехота поднялась и пошла в атаку, фашисты встретили ее сильным огнем.

После этой неудачи мы стали готовиться к новому прорыву обороны гитлеровцев, планируя его на 8 ноября. Решили переправить через полноводную Неву на плацдарм танки. Однако сделать это без оборудованных паромов оказалось практически невозможным. Инженерные войска доставили из Ленинграда несколько плашкоутов — больших плоскодонных барж, старых и неуклюжих. Перевезли их на машинах к месту переправы, протянули через Неву трос. Первый же отправленный нами плашкоут с тремя танками попал под сильный артиллерийский огонь противника. Плашкоут был разбит, танки пошли ко дну. Пришлось все начинать сначала.

К 7 ноября с огромными трудностями удалось перебросить на плацдарм пять танков — явно недостаточно

для прорыва обороны противника. В первые же часы наступления противотанковая артиллерия противника их подбила. Наша пехота вынуждена была зарыться в землю под шквальным огнем гитлеровцев.

Когда генералу М. С. Хозину доложили по телеграфу о ходе боя, он приказал:

— Наступательные действия приостановить. Пополнить полки за счет тылов. На плацдарме вырыть окопы полного профиля и ходы сообщения. Вновь готовиться к прорыву вражеской обороны 10 ноября.

Вскоре генерала Шевалдина и меня опять вызвали к телеграфному аппарату и сообщили, что Военный совет фронта решил свернуть в ударный полк 168-ю стрелковую дивизию и сформировать из числа добровольцев еще два ударных полка по 2750 человек каждый для 168-й дивизии. Один из них формировали из резервных дивизий фронта, другой — из резервных частей 8-й армии. Были назначены командиры ударных полков — генерал-майор П. А. Зайцев, в прошлом отличный командир дивизии, и подполковник Н. А. Васильев, один из самых опытных командиров в 8-й армии. Формирование полков предписывалось закончить как можно скорее и в две ближайшие ночи перебросить их на восточный берег Невы.

9 ноября к нам приехал член Военного совета фронта дивизионный комиссар А. А. Кузнецов, чтобы провести смотр ударных полков. Мы попросили его отсрочить ввод полков в бой. Каждый боец добровольно шел на прорыв фронта противника, проявляя высокую сознательность и готовность к самопожертвованию. Но ведь требовалась еще и сплоченность воинской части, а многие командиры подчас не знали своих подчиненных. Как-то пойдет дело?

Кузнецов внимательно выслушал наши соображения. Через три часа после его отъезда мы получили сообщение из штаба фронта: начало боевых действий на плацдарме разрешалось перенести еще на одни сутки, новый срок — 11 ноября.

Все внимание было сосредоточено на переправе, где шла не только тяжелая, но и смертельно опасная работа: пехота, артиллерия, танки, боеприпасы переправлялись с западного берега Невы на восточный. В протоке Черпой речки грузили на плоты пушки и снаряды; к берегу подходили войсковые подразделения, бойцы садились в лодки и под покровом темноты отправлялись на другой берег; саперы наводили пешеходный мост. Здесь же работали во-

долазы-апроновцы под руководством контр-адмирала Ф. И. Крылова — они поднимали затонувший плашкоут с тремя танками. Хорошо помогали нам офицеры инженерного управления фронта во главе с генерал-майором инженерных войск Б. В. Бычевским.

Противник продолжал вести артиллерийский огонь, обстреливая все подступы к берегу, переправу и реку. Появилось много раненых — санитарам некогда было передохнуть. Не раз с реки доносились громкие крики: «Братцы! Спасите, тонем!» Значит, вражеский снаряд разбил шлюпку с людьми. К ним на помощь мгновенно устремлялись катера.

По реке идет шуга. Мелкий лед постепенно скапливается у строящегося пешеходного моста, который доходит уже почти до середины реки. Внезапно под давлением льда мост срывается с якорей, и его прибывает к западному берегу.

Подвезли еще восемь плашкоутов для переброски танков. Однако вскоре и они попали под артиллерийский огонь противника, большинство из них было разбито. Нацелевших плашкоутах удалось переправить девять танков. Осколки снарядов то и дело прошивали понтоны, бойцы закрывали пробоины шапками, гимнастерками, своими телами.

В штаб армии приехали начальник артиллерии Красной Армии генерал-полковник артиллерии Н. Н. Воронов и начальник штаба фронта генерал-лейтенант Д. Н. Гусев, чтобы проверить готовность к наступлению. Они быстро сориентировались в обстановке и поняли всю ее сложность. По их распоряжению нам доставили дополнительно боеприпасы, прислали фронтową маскировочную роту и роту химзащиты для постановки дымовой завесы.

К утру 12 ноября на невском пятачке уже сражался сводный полк 168-й дивизии. Из ударного полка под командованием подполковника Н. А. Васильева удалось переправить только два батальона. Ударный полк генерала П. А. Зайцева, сформированный из резервных дивизий фронта, находился пока в укрытиях. Его никак не удавалось переправить из-за ожесточенного огня противника.

Обстановка требовала, чтобы члены Военного совета армии находились на самых трудных участках. Военный совет фронта дал указание: мне переправиться с войсками на плацдарм, а другому члену Военного совета Н. Е. Субботину контролировать работу переправы через

Неву. С. И. Панкову поручили организовать политическую работу в войсках, готовящихся к переправе. На КП армии в Озерках остались командующий Т. И. Шевалдин и начальник штаба П. И. Кокорев.

Со мною на пяточок отправился заместитель начальника политотдела армии старший батальонный комиссар Яков Федорович Ватолин.

К месту переправы был довольно удобный подход — здесь в Неву впадал ее приток — Черная речка. На берегу Черной речки вместе с бойцами садимся в шлюпку. Гребцы опускают весла в воду. Шлюпка огибает последний поворот притока, и мы попадаем в Неву.

Серая невская вода видна лишь у самого борта шлюпки, все остальное скрыто густыми клубами дыма. Мы плывем в густом сером облаке, нельзя различить даже кормы нашей шлюпки. Рота химзащиты закрыла переправу дымовой завесой, сосредоточив здесь чуть ли не все свои средства.

Совсем близко рвутся снаряды и мины. Все в шлюпке притихли. Шепотом говорю Ватолину:

— Если благополучно причалим, жить нам с тобой до глубокой старости..

Не угадал я. И на берег мы вышли невредимыми, и на плацдарме ни пуля, ни осколок нас не тронул. А совсем в другом месте, под Ковелем, два с лишним года спустя, погиб, сраженный осколком вражеской бомбы, мой боевой друг, замечательный политработник подполковник Яков Федорович Ватолин.

...Мы уже на середине Невы. Фашисты продолжают массированный обстрел переправы, прикрытой нашей дымовой завесой. Однако прицельный огонь они вести не могут, поэтому, как говорят артиллеристы, бьют по площадям. Проходит еще несколько тревожных минут, и мы, выпрыгнув из лодки, спешим к берегу — по колено в ледяной воде.

Оказавшись на плацдарме, батальон, с которым мы переправлялись, сразу же пошел в бой.

В отваге и бесстрашии защитников невского плацдарма я убедился в первые же часы пребывания на пяточке. В воронке от авиабомбы я беседовал с командиром 1-го батальона 260-го стрелкового полка майором Гребенниковым. Он спокойно, четко докладывал план прорыва обороны противника на своем участке, не сетовал на трудности, хотя и сказал все же, что солдатам без танков бу-

дет трудно в атаку. Комбат был подтянут и собран, и только глаза выдавали волнение: он с нетерпением ждал приказа командира полка о начале атаки. Люди были уже готовы идти в бой, а последние минуты ожидания всегда кажутся самыми трудными.

Я пожелал комбату и его бойцам успеха и по неглубокому ходу сообщения переполз в расположение 2-го батальона, которым командовал капитан Абдулаев. Не успел я поговорить с капитаном, как командир полка отдал приказ атаковать противника...

Вечером на берегу Невы я снова встретил капитана Абдулаева — он был ранен в бою.

— Командир третьего батальона капитан Афонин тоже ранен, — сказал он мне, — и секретарь партбюро полка политрук Щавлев, и наш комсомольский вожак младший политрук Колесник. Все мы были в ротах, шли с бойцами в бой. Эх, сил маловато, не то бы... — И он замолчал, переживая недавние события...

— А как батальон Гребенникова? — спросил я. — Выполнил задачу?

— Задачу выполнил, — ответил капитан, — да вот беда какая — погиб комбат. Вел бойцов в атаку и принял вражескую пулю...

В этот день к 17 часам удалось полностью переправить на плацдарм полк Васильева, за исключением одного мимолетного батальона. Дрались бойцы героически. Несмотря на сильный огонь противника, с возгласами «За Родину!», «За нашу партию!» они шли в атаку.

Когда совсем стемнело, я вызвал к себе в землянку военкомов дивизий. Советование, посвященное политической работе на плацдарме, было коротким. Митинги проводить негде: все простреливается врагом. На собрания времени нет: непрерывно идет бой. Значит, главная форма работы — групповые и индивидуальные беседы с бойцами, личное мужество политработников, коммунистов, комсомольцев.

— Ваше место — в траншеях, среди бойцов. Вы должны быть вместе с ними в атаке. Вы должны быть вместе с ними на отдыхе, — напутствовал я военкомов.

Сразу же после совещания они направились (а если быть точным — поползли) в свои дивизии.

В ночь на 13 ноября на восточный берег переправили бойцов генерала Зайцева. Утром полк вступил в бой.

Но и этому полку, в первую очередь из-за недостаточной артиллерийской и авиационной поддержки, не удалось прорвать фронт противника. Генерал П. А. Зайцев был ранен.

На моем наблюдательном пункте — в окопе, отрытом на берегу Невы, звонит телефон: меня вызывает «Береза», то есть командный пункт 8-й армии в Озерках. Беру трубку, слышу голос Шевалдина:

— Какая обстановка?

— Отчетливо вижу, как полк Зайцева достиг железной дороги. Полк Васильева подходит к карьеру, дивизия Андреева правым флангом прошла северную часть песков, а левым флангом — высоковольтную линию. Бражеская авиация нас все время бомбит, а наших самолетов в воздухе не видно...

Эти сведения по телеграфу немедленно передавались в штаб фронта. Через много лет я нашел в архиве Министерства обороны записи телеграфных разговоров тех дней¹.

Командование фронта жило тогда нашими, казалось бы, небольшими заботами — сотнями метров перепаханной снарядами и бомбами земли, которые надо было преодолеть нашим бойцам. М. С. Хозин хотел знать, где проходит линия фронта, с точностью до десятков метров. И торопился, торопился, торопился, чтобы до темноты зацепиться за полотно железной дороги, за откосы песчаного карьера, за рубеж высоковольтной линии, за какие-то рвы и овраги.

Два-три года спустя фронты мыслили совсем другими категориями. В оперативных донесениях назывались широкие реки, многокилометровые марши, взятые города. Но до этого надо было еще дожить. А пока, нацеливая армию на взятие очередного рва, М. С. Хозин приказывал командарму Шевалдину:

— Сосредоточьте силы для обхода срубленной рощи. Передайте Окорокону, чтобы он принял все меры к усилению наступления.

И Шевалдин охрипшим голосом кричал мне по телефону из Озерков на левый берег Невы:

— Торопись, Андрей Дмитриевич, темнеет!..

И я торопился — торопил командиров и политработников. В той исключительно сложной боевой обстановке я,

¹ ЦА МО СССР, ф. 344, оп. 5554, д. 91, л. 186—204, 233—235.

член Военного совета армии, ставший на плацдарме старшим военным начальником, обязан был взять на себя не только политические, но и командные функции. Этого требовало от меня командование фронта.

После разговора с Шевалдиным я отдавал распоряжения командирам дивизий Бондареву, Андрееву, Вехину, Машошину, говорил с ними и лично, переползая по траншеям на их КП, и по телефону. Слыша в ответ неизменное «Есть!» и «Будет исполнено!», я отчетливо сознавал неимоверную сложность задачи: прорвать фронт без танков, пушек, минометов, авиации.

Перед боем военкомы дивизий и полков, политруки рот перебирались из взвода во взвод, разъясняли бойцам, что метры отвоеванной на плацдарме земли значат очень многое, что на других фронтах, и особенно под Москвой, они обернутся километрами и десятками километров.

На следующий день в десять часов утра после полу-часовой артиллерийской подготовки наши полки вновь поднялись в атаку.

Бой шел за каждый метр земли, за каждый ров, за каждую воронку. В этом бою многие воины проявили негибаемую волю и мужество. Командир 86-й стрелковой дивизии полковник А. М. Андреев и военком дивизии батальонный комиссар А. В. Щуров сами вели бойцов в атаку. Во время боя был убит командир одного из батальонов 169-го стрелкового полка, в строю не осталось ни одного командира. Командование батальоном принял на себя рядовой Андрей Лапкин. Он повел бойцов в атаку, пряча на груди красный флаг, который батальон должен был поднять над отбитой у гитлеровцев ГЭС. Около трехсот метров отвоевали у фашистов бойцы батальона, над башней ГЭС был поднят красный флаг. А сам Лапкин героически погиб.

К вечеру стало ясно, что прорвать фронт противника не удалось. Плацдарм был несколько расширен по фронту и в глубину — вот, пожалуй, и все. С тяжелым сердцем вернулся я из окопа, где был мой наблюдательный пункт, в блиндаж командира 115-й стрелковой дивизии, бывшего кавалериста-буденновца, полковника А. Ф. Машошина. Блиндаж этот был врыт в обрывистый левый берег Невы в мертвом пространстве. Вражеские снаряды разрывались либо наверху, над нами, либо внизу, у самой реки. Здесь мы находились в относительной безопасности. Что же касается траншей и ходов сообщения,

то их буквально засыпало осколками и подняться в полный рост там было невозможно.

Поздно вечером у меня в блиндаже собрались командиры и комиссары дивизий. Каждый из них сегодня не раз заглядывал в глаза смерти.

Командующий армией генерал Т. И. Шевалдин, с которым я в тот день несколько раз говорил по телефону, передал указания, которые я довел до сведения присутствующих. Затем стали обсуждать итоги дня. Командир 86-й дивизии полковник Александр Матвеевич Андреев, человек резкий и горячий, стал доказывать:

— Дайте мне танки, дайте мне артиллерию и снаряды — я сделаю все, что надо!

— С танками да с артиллерией — это не фокус, — ответил кто-то. — Ты бы лучше придумал, как нам сейчас быть.

Генерал А. Л. Бондарев, командир 168-й дивизии, на которую возлагались основные надежды, молчал. Я почувствовал, что Андрея Леонтьевича нужно подбодрить, и сказал ему, что он и его люди делают все от них зависящее и что командование не считает возможным винить их в неуспехе боя. Бондарев невесело ответил:

— Много еще неувязок. Наступление начали раньше, чем закончили переправу. Боеприпасов мало, в минометном батальоне ни одной мины... — И добавил уже иным тоном, полным уважения и доброты: — Но дерутся бойцы что надо и держатся молодцом. Этого у нашего солдата не отнимешь!

Обсуждая план боевых действий на завтра, я старался ободрить командиров и политработников: Удалось ли мне это, не знаю. На душе у самого было тяжело. Плацдарм мал, все наши полки на виду у противника, даже маневра войсками нельзя совершить...

Через Неву к нам перебрался командир 123-й танковой бригады Герой Советского Союза В. И. Баранов. Он заверил нас, что паромную танковую переправу вот-вот наладят и он сумеет переправить на плацдарм всю бригаду, а не только отдельные танки.

С 16 по 30 ноября ценой невероятных усилий удалось перебросить на плацдарм сорок три танка — по два — четыре в сутки. Трудная обстановка заставляла сразу же вводить танки в бой. Конечно, если бы удалось получить все танки одновременно, тогда, видимо, появилась бы реальная возможность изменить ход событий.

Однако по такой полноводной реке, как Нева, да еще во время ледостава, переправлять танки без специальной переправочной техники более чем сложно. Так что и четыре танка в сутки требовали невероятных усилий,

Огромную работу проделали инженерные войска сначала Невской оперативной группы, а затем 8-й армии, и особенно 41-й отдельный понтонно-мостовой батальон. Меньше чем за месяц на плацдарм были переправлены семь стрелковых дивизий, одна стрелковая бригада, ударные полки, несколько специальных частей.

Не всегда надежной была на плацдарме связь. К связистам претензий нет — они свое дело выполняли умело, что требовало немало мужества, но провода под непрерывным обстрелом обрывались так часто, что связь порою не успевали восстанавливать.

Бытовые условия на плацдарме были крайне тяжелыми. Люди не умывались и не брились. Не хватало дров, поэтому редко удавалось отогреться. В общем, жить на пятачке было чрезвычайно трудно. И как же дороги были нам в те дни приметы обычного фронтового быта: посылка из тыла с теплыми вещами, котелок с горячей кашей, незамысловатая баня.

Да, баня! Я был чрезвычайно удивлен, когда поздним вечером 17 ноября меня пригласили помыться и попариться в настоящую русскую баню, которую построили прямо на плацдарме бойцы 86-й стрелковой дивизии. Вход в парную был в обрывистом левом берегу реки, неподалеку от штаба дивизии. Вместо дверей — навешаны одеяла, за ними довольно большое помещение, тускло освещенное свечами. Деревянные нары, котел в кирпичной кладке. Облака пара, густой, казалось бы, забытый банный дух, смех бойцов, восторженные выкрики парящихся молодых парней...

Я часто вспоминаю эту баню на пятачке и с признательностью думаю о военврачах 86-й дивизии Ониди, Самойлович, Ограчеве. Сколько радости доставили они измученным людям!

О подвигах врачей и санитаров на невском плацдарме надо сказать особо. В медсанбате на берегу не только перевязывали и оказывали первую помощь, но и делали сложные операции, спасали тяжелораненых. Санинструктор А. Т. Шипо много раз перевязывала раненых воинов на нейтральной полосе между вражескими и нашими окопами. Спасая десятки жизней, она была награждена

орденом Красного Знамени. Замечательные слова в разговоре со мной сказала медсестра Баранова: «Где опасно, там могут быть раненые, а где раненые — там должна быть и я». За один день боев на плацдарме — 20 ноября — Баранова оказала медицинскую помощь 53 бойцам.

В самый разгар боев я вызвал на плацдарм начальника санитарной службы армии полковника Н. В. Смирнова. Он начал свою деятельность в армии с первых дней войны, был отличным медиком, храбрым и умным человеком. До его приезда на плацдарм случалось, что раненые задерживались на пяточке. Николай Васильевич быстро сориентировался в обстановке и навел порядок в эвакуации раненых.

В многообразии дел, которые мне как члену Военного совета армии приходилось выполнять на плацдарме, я старался не упускать из виду политическую работу. Вместе с Я. Ф. Ватолиным не раз переползал из траншеи в траншею, отыскивал политработников, беседовал с ними. Учить их не требовалось: в политической работе они использовали все формы, которые допускала обстановка, — читали бойцам листовки и газеты, беседовали с людьми, заботились об их питании и эвакуации раненых. И самое главное — показывали личный пример в бою.

В одной из рот 168-й дивизии я встретил политрука Михаила Арсентьевича Куварина, представителя старшего поколения политработников. Михаил Куварин вступил в партию в годы гражданской войны, когда сражался против Юденича. Сдержанный и неторопливый, Куварин перед боем внезапно преображался, становился неожиданно быстрым и ловким; глаза его, казалось, подмечали каждую мелочь. Он никогда не выглядел уставшим, даже если не спал подряд несколько ночей (а случалось такое нередко). Бойцы уважали его беспредельно и называли не иначе как «наш политрук». Куварин всегда был с солдатами, от пуль не прятался. Всех солдат своей роты он сумел объединить — и мужеством своим, и взыскательностью, и безусловной верой в победу.

Идет бой — Куварин в гуще боя, поднимает людей в атаку; бойцы на отдыхе — политрук переходит от группы к группе: где бросит ободряющее слово, где прочитает газетную статью, где проведет беседу. Удивительное дело: когда только отдыхал этот человек?

Таких людей, как политрук Куварин, было у нас в армии немало. Вспоминаю политрука Николая Куценко, отважного человека, прирожденного разведчика. На вопрос, как ему удалось взять пленного, Куценко, улыбаясь, ответил:

— Хай не ловят мух. И наших кур тоже. — И добавил: — А приятно было вести его к командиру...

Куварин и Куценко, все наши политруки в бою были всегда впереди. Партийные и комсомольские организации 8-й армии несли большие потери. Но на место убитых и раненых приходили новые коммунисты и комсомольцы. Во время боев у Невской Дубровки воины армии активно вступали в Коммунистическую партию. Перед тем как идти в бой, многие подавали заявления с просьбой о приеме. «Если придется умереть за Родину, то хочу умереть коммунистом», — писали они.

22 ноября перед боем в 462-м стрелковом полку 168-й дивизии собралось полковое партийное бюро. В ряды партии принимали пять человек. Командир пулеметной роты младший лейтенант С. П. Рубцов писал в своем заявлении: «Хочу идти в бой коммунистом». Лучший санинструктор батальона комсомолка Нина Баршевникова заявила: «В эти дни, когда весь народ поднялся на разгром врага, хочу быть в рядах ленинской партии большевиков».

Заседание бюро проходило прямо в траншее, длилось оно недолго. Коммунисты прекрасно знали людей, которых принимали в партию. Они успели зарекомендовать себя в боях. Голосовали за принятие единогласно.

...Идет ротное партийное собрание в 86-й стрелковой дивизии. В блиндаже, освещенном коптилкой, сидят человек двадцать в белых маскировочных халатах. Кто-то подбрасывает в железную печку мерзлые ветки, печка дымит. Обсуждается вопрос о приеме в партию бойца Сильченкова.

— Клянусь, — говорит он, — оправдать доверие партии. Не пожалею своей жизни, чтобы защитить родной Ленинград...

Принимают в партию и красноармейца Бирюкова. Вчера после ночной атаки он вернулся на нейтральную полосу и вынес тело погибшего товарища, коммуниста. Дотащив его до своего окопа, Бирюков не нашел в карманах погибшего документов, в том числе и партийного билета. Не раздумывая, боец вновь пополз в сторону

вражеских траншей и долго искал на заснеженном поле партбилет товарища. Он принес и отдал политруку роты партийный билет, ради которого рисковал жизнью.

Вот какие люди вступали в ряды коммунистов на невском плацдарме!

В боях на невском пятачке, на открытом пространстве, где из-за отсутствия леса даже блиндажи не имели надежных перекрытий, все войны были героями. Участники боев на плацдарме говорят с гордостью: «Мы воевали у Невской Дубровки».

В конце ноября произошли существенные изменения в руководстве 8-й армии. Вместо Т. И. Шевалдина командующим армией был назначен командир 168-й стрелковой дивизии генерал-майор А. Л. Бондарев. Из армии отозвали члена Военного совета Н. Е. Субботина, а мне поручили выполнять его функции — руководить тылом армии, налаживать материально-техническое обеспечение войск. Новым членом Военного совета был назначен бригадный комиссар Семен Иванович Мельников.

Я вернулся с неевского плацдарма на западный берег Невы.

Острое положение со снабжением войск в условиях блокады выдвигало на первый план службу тыла. Накормить войска, сберечь продовольствие — вот две важнейшие задачи того времени.

Военный совет армии обратился с призывом к личному составу армии: «Враг потерпел неудачу, пытаюсь овладеть лобовой атакой великим городом Ленина. Теперь он пытается блокадой истощить силы славных его защитников. Костлявой рукой голода он хочет задушить героическое сопротивление трудящихся Ленинграда, частей Красной Армии и Балтфлота. Этому никогда не бывать! У нас мало хлеба, горючего и снарядов. Мы переживаем неслыханные трудности с питанием людей. Но никто не сможет сломить нашу неукротимую волю к борьбе и наше пламенное стремление к победе. Блокада будет прорвана!»

Начальником тыла армии был генерал-майор Николай Иванович Беляев — один из старейших командиров Красной Армии, опытный и высокообразованный человек, всегда подтянутый, вежливый. Совместная с ним работа оставила у меня самые приятные воспоминания. В 1940 году он командовал 139-й стрелковой дивизией, и еще тогда, будучи военкомом той же дивизии, я высоко

ценил его за партийную принципиальность и талант командира.

Во главе продовольственной службы в армии стоял интендант 1 ранга И. М. Виноградов, человек инициативный и трудолюбивый. У него можно было поучиться и бережному отношению к продовольствию, и выдержке. Крепким здоровьем Виноградов не отличался и вскоре сам заболел дистрофией.

Продуктов не хватало. У многих начался авитаминоз. Из-за полного отсутствия овощей в первую очередь стала сказываться нехватка витамина С. По предложению врачей во всех частях стали готовить отвар из сосновой и еловой хвои. Напиток, надо сказать, противный, никому он не мог прийти по вкусу, однако пили его все, преодолевая отвращение, на голодный желудок. Так удалось, по меньшей мере, уберечь людей от цинги.

Понятно, что при острой нехватке продовольствия еще хуже дела обстояли с фуражом. Лошади в армии оставались пока основной тягловой силой. Но возить через Ладогу овес и сено, когда в Ленинграде голодали люди, было немыслимо. Лошадей перевели на подножный корм. Они разгребали копытами снег, ели опавшие листья, пожухлую траву. Многие лошади едва держались на ногах от истощения. Мне не раз приходилось видеть на фронтовых дорогах, как бойцы, впрягшись в сани, везли на передовую боеприпасы...

В начале декабря, во время поездки в Ленинград, у меня состоялся разговор в Смольном с председателем Ленинградского областного совета депутатов трудящихся, членом Военного совета фронта Николаем Васильевичем Соловьевым, ведавшим в то время тыловыми службами фронта.

Разговор наш все время возвращался к теме питания. Соловьева интересовало, что сделано для бережного расходования продовольственных ресурсов. На это я ответил, что возможности для экономии еще остаются, но в то же время существует такая несправедливость: полковые тылы питаются по первой норме, а дивизионные — по третьей, хотя в наших условиях расположены они вместе, живут даже в одном поселке.

— Вы правы, — ответил Соловьев, — эту несправедливость мы устраним. Тут, знаете, надо учесть и моральный фактор: рядовому бойцу из дивизионных тылов непонятно, почему его товарищ питается лучше, хотя

живут они вместе и вроде бы одинаково. Мы должны жестко и твердо определить, кого и по какой норме кормить.

Воспользовавшись случаем, я заговорил с Николаем Васильевичем о питании хирургов. Иногда бывало, что хирурги прерывали операцию из-за усталости, вызванной недоеданием, случалось, у хирургов во время операции дрожали от голода руки. Соловьев согласился со мной, что врачам, которые оперируют раненых, нужно улучшить питание. Вскоре мы получили разрешение увеличить рацион хирургов, и это, несомненно, сказалось на улучшении медицинской помощи.

С конца осени в армии широко развернулось снайперское движение. Каждый боец стремился открыть свой счет мести гитлеровским захватчикам. Снайперские винтовки брали в руки и командиры и политработники. Среди снайперов были даже повара, которые в свободное от выполнения своих прямых обязанностей время шли с винтовкой на передовую.

В армейской газете «Ленинский путь» появилась новая рубрика «Переключка истребителей». Под этой рубрикой печатались материалы, рассказывающие о том, как растут личные счета лучших снайперов армии, об их боевом опыте. В те дни многие мастера меткого огня были приняты в партию. Снайперы всегда пользовались особым уважением у бойцов.

Старшина Иван Дмитриевич Вежливцев воевал в 1-й дивизии НКВД. До войны он был охотником, жил на Севере. Попав в гарнизон крепости Орешек, Иван Дмитриевич первым делом попросил дать ему снайперскую винтовку с оптическим прицелом. Свой первый наблюдательный пункт он устроил в камере бывшей царской каторжной тюрьмы. Первый точный выстрел Вежливцев сделал 27 сентября, а день спустя убил еще трех гитлеровцев. В октябре он довел свой счет мести до 23 фашистов.

Когда в политотделе армии было принято решение организовать соревнование снайперов, старшина Вежливцев стал одним из его зачинателей. В середине января он довел личный счет мести до 130 уничтоженных гитлеровцев. Когда Вежливцеву присвоили звание Героя Советского Союза, Военный совет фронта направил ему приветствие. А солдаты сложили про него песню:

Дует вестер или тает
Белый снег пушистый —
Без пощады истребляет
Вежливцев фашистов.

И. Д. Вежливцев ныне полковник. Он еще служит в Советской Армии, передает свой замечательный боевой опыт молодежи.

На армейском слете снайперов, который мы провели после 15 декабря, когда армия перешла к обороне, выступили лучшие мастера меткого огня.

Ясным морозным днем на лесной поляне собралось около двухсот самых метких наших стрелков. От политотдела армии их приветствовал С. И. Панков. С короткой речью перед ними выступил командарм генерал-майор А. Л. Бондарев. Потом о своем боевом опыте рассказали И. Д. Вежливцев, В. Н. Пчелинцев и П. И. Голиченков. Снайпер И. В. Качегаров начал свое выступление так:

— До войны я был охотником. Много лет ходил на крупного зверя. За сезон убивал больше пятидесяти волков. Но фашистский зверь коварнее и свирепее тех, на которых я охотился у себя на Алтае!

В 169-м полку 86-й стрелковой дивизии я познакомился со снайпером М. Е. Голиковым. Веселый, неунывающий парень, баянист, проявил настоящую солдатскую смекалку. Из тряпья он смастерил куклу в человеческий рост, нарядил ее в шинель и каску. Спрятавшись в окопе, Голиков поднимал куклу над бруствером. Гитлеровцы сразу же открывали по ней огонь, а снайпер засекал вражеских стрелков и уничтожал их. Правда, каждый день Голикову приходилось основательно ремонтировать своего «напарника», изрешеченного пулями фашистов. Зато счет убитым гитлеровцам рос изо дня в день и перевалил за сотню.

Бойцы Парамонов, Гладышев и Кременков уничтожили сразу около десятка фашистов. Ночью они подползли к землянке гитлеровцев и забросали ее гранатами. Боец Александр Новиков, бывший до войны председателем сельсовета на Смоленщине, днем внимательно изучил ориентиры перед вражеским дзотом, точно определил протяженность мертвого пространства, а ночью подполз с товарищем к дзоту и уничтожил его.

Политработники рассказывали о подвигах этих бойцов во взводах, ротах, полках, передавали из взвода во взвод боевые листки. У снайпера Голикова оказалось

много последователей, а начатое по почину красноармейца Новикова уничтожение вражеских дзотов стало на плацдарме массовым движением.

Неоценимую помощь политработникам оказали наши шефы — ленинградские артисты. Они помогали бойцам и командирам хорошо отдохнуть, набраться сил перед новыми схватками с врагом.

Особенно памятны мне встречи с Клавдией Ивановной Шульженко. Она бывала у нас так часто, что ее, наверное, знали в лицо все воины 8-й армии. Только за четыре месяца Клавдия Ивановна дала пятьсот концертов, и не было такого батальона, где бы она не пела свои чудесные песни. Где только она не выступала — и в блиндажах, и под открытым небом, и в госпиталях! Пела Клавдия Ивановна, не считаясь с угрозой для жизни. Она видела в этом свое служение Ленинграду, Родине, нашей победе. Клавдия Ивановна настаивала, чтобы ей разрешили дать концерт бойцам на невском пятачке, но мы не могли riskовать жизнью артистки... К. И. Шульженко была, можно сказать, одним из наших бойцов, потому что своими песнями, талантом своим она помогала нам защищать Ленинград.

...В армпу шла подготовка к новому наступлению. 20 декабря к нам приехал командующий войсками фронта генерал-лейтенант М. С. Хозин. Он ознакомился на месте с обстановкой и согласился с предложением Военного совета армии нанести вспомогательный удар в десяти километрах к северу от Невской Дубровки. 25 декабря 4-я отдельная бригада морской пехоты предприняла попытку форсировать Неву в этом месте. Однако из-за нехватки переправочных средств попытка успеха не имела, так же как и наступление на главном направлении.

И все же бои у Невской Дубровки в конце сорок первого года сыграли большую роль в деле обороны Ленинграда, хотя и не принесли нашим войскам решающего успеха. Бои на Неве сковали значительные силы фашистов, заставляли их привлекать все новые и новые части и соединения для обороны рубежей севернее Мги. В известной мере боевые действия на плацдарме помогли Волховскому фронту под командованием генерала армии К. А. Мерецкова сорвать замыслы противника по созданию двойного кольца окружения Ленинграда. Войска

Волховского фронта освободили Тихвин, и это, по словам немецкого генерала Дитмара, «явилось началом первого сильного кризиса, охватившего всю немецкую Восточную армию... Мечты о быстрой победе рассеялись, как дым»¹.

В боях на Неве росли и крепили наши военные кадры. Многие участники этих боев стали известными военачальниками. Так, командир 265-й стрелковой дивизии полковник Г. К. Буховец впоследствии командовал корпусом, а после войны, будучи генерал-лейтенантом, возглавлял штаб Приволжского военного округа. Начальник штаба 168-й стрелковой дивизии полковник С. Н. Борщев в послевоенные годы был заместителем командующего войсками Ленинградского военного округа, тоже в звании генерал-лейтенанта. Генерал-полковник А. М. Андреев после войны командовал войсками военного округа. Список можно продолжить. Все сражавшиеся на Неве, от рядовых до военачальников, приобрели бесценный боевой опыт.

В январе 1942 года Военный совет фронта принял решение передислоцировать управление 8-й армии через Ладожское озеро на Большую землю. В соответствии с указанием Ставки Верховного Главнокомандования нам надлежало принять часть сил от 54-й армии.

На невском оборонительном рубеже 1 февраля 1942 года была вновь организована Невская оперативная группа под командованием генерал-майора А. Л. Бондарева. Командующим 8-й армией был назначен генерал-майор А. В. Сухомлин, которого многие военачальники хорошо знали по преподавательской деятельности в Академии Генерального штаба.

По льду Ладожского озера, по знаменитой Дороге жизни, мы переправились ночью на Большую землю. Я не знал, да и не мог знать тогда, что совсем скоро эти места станут для меня такими близкими, что фронтовые дороги вновь, и надолго, приведут меня на Ладогоу...

¹ Мировая война 1939—1945 гг. Сб. статей. М., 1957, с. 141.

ЖАРКОЕ ЛЕТО НА ЛАДОГЕ

Теплые южные ветры долетели наконец до Ленинграда. Потемнел снег — пока только на болотах и лесных полянах; на скатах холмов обнажилась ржавая земля. По дорогам важно выхаживали первые грачи. Весна как весна, только нам она казалась особенной — первая военная весна... Что она принесет?

Погожим весенним вечером 24 апреля мы с начальником политотдела 8-й армии Сергеем Ивановичем Панковым сидели возле блиндажа, обсуждая текущие дела. В блиндаже зазвонил телефон — меня срочно вызывал член Военного совета фронта Николай Васильевич Соловьев. Он сообщил, что решением Ставки снабжение Ленинграда, фронта и флота на летний период 1942 года возложено на вновь созданное управление подвоза боеприпасов, продовольствия и горючего. Это управление подчинено Военному совету фронта. Оно станет преемником зимней ладожской Дороги жизни. Не совсем понимая, отчего именно мне Николай Васильевич сообщает эти сведения, да еще срочно, я спросил только, кого назначили начальником управления.

— Генерала Шилова, — ответил Соловьев. — А вас, Андрей Дмитриевич, — комиссаром.

Я сказал, что рад доверию Военного совета, и попросил Николая Васильевича поподробнее рассказать о задачах, стоящих перед управлением подвоза. Вот что мне стало ясно из рассказа. Снабжение осажденного Ленинграда через Ладожское озеро в летних условиях поставило новые сложные проблемы, с которыми зимой сталкиваться не приходилось. Требовались пароходы, катера, баржи. Их должны предоставить управлению Северо-Западное речное пароходство и Ладожская военная флотилия,

однако значительная часть судов повреждена противником, и сейчас полным ходом идет ремонт. Управлению подчинены все дорожные, автомобильные, строительные, железнодорожные части, рабочие батальоны, расположенные на восточном берегу озера. На Ладоге нет грузовых портов, их сейчас строят. Надо организовать склады, соорудить пирсы, провести железную дорогу, проложить автомобильные трассы.

— А зачем пирсы? — спросил я, несколько ошеломленный обилием задач.

— Да ведь Ладога у берегов мелководна, груженные суда и баржи не могут подойти к берегу. Впрочем, — прервал объяснения Соловьев, — у вас, товарищ Окороков, будет еще много вопросов. Ориентируетесь и во всем разберетесь на месте. Выезжайте не откладывая, тогда вы еще застанете военкома зимней дороги Шикина.

Иосиф Васильевич Шикин вскоре после нашей встречи в Лужском укрепрайоне был вновь назначен заместителем начальника политуправления Ленинградского фронта, а затем — комиссаром Дороги жизни. Теперь он получил новое ответственное назначение — начальником политуправления Ленинградского фронта. Конечно, мне хотелось с ним встретиться. Сдав как можно скорее дела, я на другой же день к вечеру прибыл в Кобону, деревню на берегу озера, в которой размещалось управление подвоза. Разыскал квартиру начальника политотдела управления старшего батальонного комиссара Михаила Давидовича Орловского. Мне не раз приходилось бывать на ледовой дороге. Командование 8-й армии помогало ей как могло — машинами, людьми. Я встречался и с немногословным генералом А. М. Шиловым, и с общительным и радушным комиссаром И. В. Шикиным, был знаком и с начальником политотдела М. Д. Орловским, веселым и жизнерадостным человеком.

Мы долго беседовали с Орловским о ладожских делах. Михаил Давидович рассказывал о последних апрельских днях ледовой дороги, о героизме водителей, которые с риском для жизни вели машины по слабому весеннему льду, залитому водой.

Иосиф Васильевич Шикин, которого я сменил на посту комиссара, меня не дождался: переход по Ладожскому озеру день ото дня становился все опаснее. За несколько часов до моего прибытия Иосиф Васильевич, взяв в ру-

ки длинный шест, отправился из Кобоны на западный берег озера.

Наутро я пошел к начальнику управления подвоза генерал-майору интендантской службы Афанасию Митрофановичу Шилову. Встретил он меня настороженно. Это меня несколько не удивило: знакомы мы были совсем мало. А когда начинаешь работать с новым человеком, всегда волнуешься — сработаетесь ли, найдешь ли общий язык. Вот и сейчас в глазах Шилова я читал немой вопрос: «Что за комиссар у меня будет?»

Не раз приходилось мне встречаться на войне с новыми людьми. Встречи бывали разными — и теплыми, и сдержанными, и просто сухими, а вот расставания — всегда грустными...

Стараясь не замечать подчеркнутой сухости Шилова, сразу перевожу разговор на деловые вопросы: о сооружении портов, о строительстве новых барж. Как оказалось, это был лучший способ создать доверительные отношения с командиром: деловой подход, без излишних эмоций, был ему по душе. Вскоре мы оживленно обсуждали многочисленные проблемы предстоящей летней навигации.

Первым делом договорились основательно проверить, как идет ремонт судов Ладожской военной флотилии, как строятся баржи в поселке Сясьстрой на судовой верфи, созданной на базе целлюлозно-бумажного комбината. Мы решили взять под повседневный контроль строительство Кобонского порта, складов и дорог.

До войны суда по Ладожскому озеру ходили нечасто: почти все грузы доставлялись в Ленинград либо морем, либо по железной дороге. Конечно, и на Ладожском озере было постоянное судоходство, но оно носило подсобный характер: несколько пароходов Северо-Западного речного пароходства да малотоннажный рыболовный флот. Снова созданная в июне 1941 года Ладожская военная флотилия была малочисленной. Такими силами, казалось, невозможно решить огромную по масштабу задачу — снабдить всем необходимым город, фронт и флот.

Хорошо оборудованных портов на озере практически не было. Причина тому — «крутой нрав» Ладоги: слишком часты здесь штормовые волнения, южная же часть озера особенно опасна для навигации. Речные суда шли в обход Ладоги, по Новоладожскому каналу — через Шлиссельбург, а дальше — по Неве. Как только гитле-

ровские войска захватили южное побережье Ладоги, использовать этот канал стало невозможно.

Военный совет фронта еще 3 марта принял постановление о строительстве новых и расширении старых портов на Ладожском озере. Работы шли уже полным ходом. В Осиновецком порту — в бухтах Осиновец, Морье, Новая, Гольсмана и в гавани Каботажная — строились четырнадцать пирсов общей протяженностью более 2,2 километра, а в Кобоно-Кореджинском порту — тринадцать пирсов длиной свыше 5,5 километра. На пирсах прокладывали узкоколейку для вагонеток, а к портам подвели ветки от действующих железнодорожных магистралей.

Но, пожалуй, самым важным для предстоящей навигации было строительство деревянных барж. Их строили на Сясьской судовой верфи. В короткий срок там спустили на воду 31 баржу — на 250—300 тонн груза каждая. Кроме того, по уникальному проекту инженера А. К. Осмоловского героические ленинградские рабочие построили к лету 14 металлических барж грузоподъемностью от 600 до 900 тонн. Их перевозили на Ладожское озеро по частям и сваривали в районе бухты Гольсмана.

Чтобы открыть навигацию, надо было не только закончить строительство портов, причалов и железнодорожных веток на восточном и западном берегах озера, но также очистить и углубить фарватеры, привести в полную готовность корабли Ладожской военной флотилии и суда Северо-Западного пароходства, восстановить Старо-Ладожский канал и организовать на нем перевалочную базу, построить новые склады и пути подвоза. Нам было столько объем работ, сколько сроки: всю подготовку к навигации необходимо было закончить не позднее середины мая.

Командующий Ладожской военной флотилией капитан 1 ранга В. С. Чероков произвел на меня хорошее впечатление — энергичный, знающий, умелый командир. Вместе с Чероковым и военкомом флотилии бригадным комиссаром Л. В. Серебрянниковым мы собрали командиров кораблей, капитанов судов, политработников, обсудили с ними ход ремонта.

Вскоре я поехал с генералом Шиловым в Сясьстрой, на судовой верфь, где на стапелях стояли более десяти деревянных барж.

В те дни на верфях работали свыше 2000 человек.

Среди них были плотники-умельцы из Великого Устюга, мастера высочайшего класса. Тяжелые топоры в их руках казались тонким и деликатным инструментом. Любодорого было посмотреть, как они ловко орудовали ими. Искусство строить деревянные суда зародилось на Руси сотни лет назад, оно передавалось из поколения в поколение и дошло до наших дней. Очень кстати оказалось это древнее искусство в тяжелые дни обороны Ленинграда. Умелые потомки старинных мастеров трудились не покладая рук. Руководил работой опытный судостроитель С. И. Шилейкис.

К концу мая на берегу озера выросли 102 складских помещения, способные вместить более 70 тысяч тонн грузов. Зимой хранить быстропортящиеся продукты было просто, но летом без холодильников мы могли загубить немалую часть продовольствия, что было бы не просто расточительством, а преступлением — ведь город голодал. Построили большой ледник, срочно стали возить с озера лед и складывать его в бурты, накрывая сверху соломой и хворостом. К сожалению, не имея опыта в таких делах, мы несколько запоздали и упустили время заготовки льда. Тот лед, что привезли с озера, был уже слабым, подтаявшим, в трещинах. Долго такой лед не сохранишь. Пришлось нам впоследствии часть свежего мяса засаливать, а часть — коптить и вялить.

Основное внимание управление подвоза уделяло строительству Кобонского порта, а Осиновецкий порт на западном берегу строился силами инженерного отдела Балтфлота. Строительные работы вело также управление военно-восстановительных работ Народного комиссариата путей сообщения (НКПС). Для углубления фарватеров предстояло вынуть около 500 тысяч кубометров грунта. Может быть, нынешним строителям такая задача покажется скромной, но у нас на Ладоге было всего несколько маломощных землечерпалок.

Готовил летнюю навигацию на Ладоге большой коллектив, около 20 тысяч человек, — строительные, дорожные, саперные части фронта и Балтийского флота, железнодорожные, автомобильные и рабочие батальоны. Военком управления подвоза обязан был, опираясь на политотдел управления, обеспечить партийно-политическую работу, мобилизовать весь коллектив Ладожской дороги на успешную подготовку к навигации. Мы, политработники, все эти дни находились с людьми, прово-

дили короткие совещания передовиков, организовывали соревнование, а порой, засучив рукава, сами занимали рабочие места.

В условиях, когда люди разных военных и гражданских специальностей выполняли огромную работу по подготовке к навигации, очень важно было поставить перед каждым бойцом и рабочим конкретную задачу и в то же время четко и доходчиво сформулировать общую цель. Мы призывали бойцов железнодорожных частей досрочно завершить строительство узкоколеек и веток, судостроители соревновались в досрочном спуске на воду барж, перед автомобильными частями была поставлена задача перевозить как можно больше строительных материалов — здесь соревнование шло за каждый тоннокилометр перевезенного груза. А общая цель, которую мы ставили перед всем коллективом, была такой: как можно быстрее начать навигацию, спасти ленинградцев от голода, дать фронту оружие и боеприпасы.

В середине мая все работы близились к завершению, а озеро по-прежнему было покрыто льдом, лишь местами виднелись широкие трещины и полыньи. Местные жители и метеорологи уверяли, что в нынешнем году раньше середины июня Ладога ото льдов не освободится. К счастью, они ошиблись. Ветры с юга принесли тепло. Лед стал быстро таять. Однажды утром Шилов, как всегда оглядывая озеро, вдруг протянул мне бинокль и воскликнул:

— Смотри-ка, Андрей Дмитриевич, большая вода! А мы-то с тобой горевали!

В бинокль отчетливо были видны большие полосы воды. Казалось, еще несколько дней — и лед исчезнет. Наконец-то станет возможной доставка в Ленинград хлеба, горючего, боеприпасов!

Но ближайшая ночь приготовила нам жестокий сюрприз. К вечеру поднялся северо-западный ветер, ночью перешедший в шторм.

Мы с Орловским сидели в блиндаже и сочиняли листовку — обращение к строителям. Ветер выл так, что порою заглушал наши голоса. В блиндаж вбежал дежурный по управлению и взволнованно доложил:

— Товарищ комиссар, беда! Звонили из порта — к пирсам подошли льдины, наплывают на берег и все ломают.

— Генералу уже доложили?

— Так точно, товарищ комиссар! Он приказал объявить тревогу всем саперным частям, а сам поехал в порт.

Через несколько минут мы с Орловским мчались на газике к порту, обгоняя саперов, которые под проливным дождем бежали спасать береговые сооружения.

Генерал Шилов возглавил работы по спасению северных пирсов, я вместе с Орловским отправился на южные. Все без исключения боролись со стихией, не жалея сил, спасали пирсы от надвигающихся льдин. При неярком свете фонарей, в обжигающей холодной воде саперы закладывали в ледяные глыбы толовые пашки. Гремели взрывы, в воздух взлетали огромные куски льда. Но шторм гнал к порту все новые льдины. Трещали пирсы — их устои, сделанные из толстенных кряжей, ломались как спички. Борьба со стихией продолжалась всю ночь. Когда рассвело, нашим глазам предстала ужасающая картина разрушения. Весь берег казался хаотическим нагромождением льдин. Среди них торчали жалкие остатки сооружений, которыми мы еще вчера так гордились. Несмотря на отчаянные усилия саперов, пирсы были почти полностью уничтожены. А без них мы не могли открыть навигацию.

Однако горевать было некогда — надо было работать. Но люди за ночь вымотались. Генерал Шилов приказал обсушить и накормить людей, выдать им к завтраку двойную порцию водки. Собрали всех командиров и комиссаров саперных частей, разработали план восстановительных работ. Во второй половине дня по всему берегу вновь завизжали пилы и застучали топоры. Работа шла круглосуточно, без перерывов: времени оставалось в обрез, а предстояло заново возвести все инженерные сооружения Кобонского порта.

Как только наш маленький полевой аэродром просох и смог принимать самолеты, прилетели член Военного совета фронта Н. В. Соловьев и начальник тыла фронта генерал-лейтенант интендантской службы Ф. Н. Лагунов. Они осмотрели порт, стоящие на ремонте корабли и катера. На партийно-хозяйственном активе Соловьев рассказал о положении дел на фронте и в Ленинграде, затем вручил ордена и медали тем, кто геройски потрудился на зимней ладожской дороге.

После этого Соловьев и Лагунов в кабинете начальника управления сообщили Шилову, Черокову и мне, что Военный совет фронта утвердил суточный план подвоза.

Мы, конечно, ожидали, что план будет напряженным, но он оказался сверхнапряженным. С 1 июня нам предстояло ежедневно перевозить с восточного берега на западный 2500 тонн продовольствия, 300 тонн боеприпасов, 100 тонн военно-технического и санитарного имущества, 1000 тонн угля и жидкого топлива, 300 тонн горюче-смазочных материалов — итого 4200 тонн. А в обратном направлении, с западного берега на восточный, — 1000 тонн грузов и три тысячи эвакуируемых жителей Ленинграда. И это, повторяю, ежедневно!

— Разнарядка грузов, — сказал, прощаясь с нами, Соловьев, — не надуманна, а подсчитана — таковы потребности фронта, флота, населения города. Она для вас закон.

Как ни тяжела была задача, поставленная Военным советом фронта перед управлением подвоза, Ладужской военной флотилией и Северо-Западным пароходством, мы понимали абсолютную необходимость ее решения. Во второй половине мая в осажденном Ленинграде сложилась труднейшая обстановка с продовольствием. Муки в наличии было 8000 тонн, а ежедневный расход ее по самым жестким нормам — 862 тонны. Выходит, запас всего на девять суток. Если мы не сумеем в ближайшие дни доставить муку, город останется без хлеба. Бензин тоже был на исходе — и в городе, и на фронте: в неприкосновенном запасе Военного совета фронта оставалось всего 600 тонн горючего. Запас совершенно ничтожный.

Ленинград ждал от нас помощи. Каждый день в Кобону звонили новый командующий войсками фронта генерал Л. А. Говоров, А. А. Жданов, А. А. Кузнецов, Н. В. Соловьев. Все они говорили нам о тяжелом положении в Ленинграде. Шилов и я, ссылаясь на мнение старожилков и синоптиков, докладывали, что пробиться через льды, не имея ледокола, невозможно.

И вот наконец утром 22 мая командующий флотилией капитан 1 ранга В. С. Чероков сообщил А. М. Шилову и мне, что, по данным разведки ледовой обстановки, на Ладоге можно начать навигацию. В крайне сложных условиях — льды еще полностью не сошли, — но все же можно. В тот же день решено было послать на западный берег один из буксирных пароходов, наиболее приспособленный к плаванию во льдах. Выбор пал на «Гидротехника». Взяв на борт 15 тонн боеприпасов, пароход вышел из Кобоны. Его капитан Павел Сергеевич Майоров безуп-

речно провел судно до Осиновца. Личный состав во главе с капитаном в тот же день получил поздравление Военного совета фронта.

Итак, первый груз по воде был доставлен.

В дни, когда на Ладоге началась навигация, я регулярно делал записи. Позволю себе привести некоторые из них, датированные последними числами мая.

23 мая. Поздно ночью из Осиновца вернулся «Гидротехник». Мы его встречали, сердечно поздравили экипаж. Капитан П. С. Майоров рассказал: «На середине озера вошли в большое разводье и уткнулись в лед. Повернули назад, а здесь лед уже соединился, и мы оказались в ледяной ловушке. Час ушел на то, чтобы отыскать большую воду».

Сегодня утром провели всюду митинги, посвященные началу навигации.

По проторенному пути отправились к западному берегу пароходы «Совет», «Чапаев» и тральщики № 81, 175, 176. Их повел «Гидротехник». Погрузили 85 тонн боеприпасов и 37 тонн продовольствия.

24 мая. Вновь ушли в рейс «Гидротехник», «Чапаев», шхуна «Практика» и три тральщика. Отправили с ними 78 тонн боеприпасов. Посылать в плавание баржи пока не рискуем, ледовая обстановка на озере ненадежная.

25 мая. Подключили к перевозкам пароходы «Вилсанди» и «Орел». Движение судов понемногу входит в график. Отгрузили за сутки 165 тонн. Среди них — груз первой необходимости для ленинградцев: витамины.

Ленинградцы копают землю в скверах и на бульварах, устраивают огороды. Сегодня послали в город более 6 тонн огородных семян.

26 мая. Получен приказ: немедленно отгрузить уголь для ленинградских электростанций. Они находятся под угрозой остановки, запасы топлива на исходе. Загрузили углем два парохода, послали 300 тонн. Строительство угольного пирса закончено.

27 мая. Наконец смогли отправить первые наши баржи из Новой Ладоги и Гостинополя. Сегодня отгрузили 106 тонн муки, 104 тонны другого продовольствия, 124 тонны угля. Темпы погрузки нарастают, что ни день, то превышаем собственный же рекорд. Однако боеприпасов и продовольствия еще недостаточно, чтобы обеспечить город и фронт. Написали с Орловским листовку —

обращение к солдатам и командирам, занятым на погрузочных работах.

28 мая. Первый серьезный успех: отгрузили 1743 тонны, в том числе 820 тонн продовольствия. Это уже кое-что значит, на каждого едока — почти по 300 граммов сухого пайка. И в то же время ох как мало...

Политотдельцы разошлись по частям, чтобы поблагодарить личный состав за отличную работу. Кажется, мы нашли хороший призыв, не требующий разъяснений: «Каждая недогруженная тонна продовольствия лишает 4000 ленинградцев суточного пайка».

Сегодня же отправили Балтийскому флоту 847 тонн мазута.

29 мая. Новый успех — отгрузили Ленинграду 2291 тонну грузов. Командиры, политотдельцы все время находятся в войсках, на месте организуют ритмичную работу.

30 мая. Снова рекорд. За сегодняшний день — 4079 тонн. Надеюсь, что темпов не снизим. Наконец-то мы можем снабжать Ленинград как следует, не по крохам.

Родина ленинградцев не забывает. По железной дороге к нам поступает все больше грузов. Отовсюду советские люди шлют посылки героям Ленинграда.

Проверил хранение продовольствия на складах. Остался недоволен увиденным. Нередко продовольствие лежит прямо на земле, плохо укрыто и еще хуже замаскировано. Солнце пригревает, в одном месте обнаружил подпортившееся мясо.

По возвращении в Кобону сообщил о непорядке генералу Шилову. Решили срочно собрать командиров, комиссаров, секретарей парторганизаций и строго спросить с них, а виновных наказать.

31 мая. Пожалуй, это по-настоящему счастливый день. Отгрузили 5197 тонн. Ничем не примечательное число, а я вот повторяю его раз за разом, для меня оно звучит музыкой.

Еще раз просматриваю сводку — душа радуется. Одного продовольствия 2567 тонн. Автобензина — 714 тонн, больше, чем совсем недавно было в резерве всего фронта. И еще уголь, мазут, дизельное топливо...

1 июня. 8 часов утра. На рассвете собрались у генерала Шилова, подвели итоги минувшего дня. На радос-

тях обнялись и расцеловались. Пожалуй, надо отоспаться за бессонные ночи.

...В следующие дни я уже не вел дневника — не до него было. В то утро, 1 июня, мне удалось поспать всего один час: разбудили взрывы бомб и выстрелы зенитной батареи.

Немецкие разведчики последнее время усиленно летали над водной трассой, изучали движение судов. Неумелая маскировка дала возможность врагу раскрыть наши базы и склады на берегу Ладоги. Мы были жестоко наказаны за беспечность.

В налете участвовали около ста вражеских бомбардировщиков. Мы понесли серьезные потери, но худшее заключалось в том, что были разрушены многие пирсы. В тот день мы смогли отправить в Ленинград только 1309 тонн грузов. Неблестящий результат, особенно если сравнить его со вчерашним. Однако основные силы брошены на ликвидацию последствий бомбардировки. Пришлось вновь растаскивать завалы, восстанавливать пирсы, тянуть узкоколейку.

За десять дней навигации мы получили первый опыт перевозок, весьма для нас важный. Изучили особенности малой трассы Кобона — Осиновец и большой трассы Новая Ладога — Осиновец, научились вести погрузочные и разгрузочные работы при воздействии противника с воздуха. К 1 июня удалось переправить на западный берег Ладоги более 13 500 тонн грузов. Одновременно нам приходилось ликвидировать последствия бомбардировок, строить новые портовые сооружения.

Выполняя утвержденный Военным советом фронта план подвоза, мы понимали, что доставляем в город лишь самое необходимое. Полиграфотники еще и еще раз напоминали личному составу о положении ленинградцев, о трудностях с оружием и боеприпасами, какие испытывает фронт. И призывали перевыполнять план, бороться за каждую тонну груза.

15 июня Военный совет фронта установил новый план перевозок. Нам надлежало переправлять ежедневно 7000 тонн, из них 4000 — с восточного берега на западный и 3000 тонн промышленного оборудования — с западного берега на восточный. Кроме того, отныне мы должны были ежедневно эвакуировать из города до семи тысяч человек. Это потребовало дополнительных работ. В срочном порядке пришлось расширить порт Осиновец, приспособить

бить бухту Гольсмана для погрузки заводского оборудования, а в бухте Морье построить новые пирсы.

План подвоза требовал от всех частей работы с колоссальным напряжением. Надо было подготовить людей к этому. Работники политотдела разъехались по частям, проводили митинги и партийные собрания, на которых обсуждались новые задачи, изыскивались неиспользованные резервы.

Я отправился в рабочие батальоны, находившиеся на западном берегу Ладоги, чтобы провести митинги. Когда увидел усталых до предела красноармейцев-грузчиков, то невольно подумал: может быть, лучше не собирать людей, а дать им немного отдохнуть? Но вот митинг начался, один за другим выступали бойцы и командиры. Сколько было в их словах настоящей, идущей от самого сердца заботы о судьбе родного Ленинграда, сколько было высказано важных для дела предложений, реализация которых ускоряла работу...

Слово коммуниста, ясно поставленная задача удесятят силы людей. А задача была ясная: быстрее закончить строительство пирсов, дать больше грузов для города Ленина! В партийно-политической работе использовались личный пример коммунистов и комсомольцев, устная пропаганда и агитация, газеты, листовки, лозунги. Большую роль в агитационной работе сыграл призыв Военного совета Ленинградского фронта: «Герои Ладоги! Родина и Ленинград никогда не забудут вашего труда».

Самым удобным временем для погрузки была ночь. Вместе с Орловским все ночи напролет мы находились на пирсах. Здесь встречались с командирами, политработниками, комсоргами, хвалили отличившихся, отмечали героев-грузчиков, корили нерадивых. Выдавалось время — проводили инструктивные пятиминутки. Утром встречались с А. М. Шиловым, с работниками штаба. А потом выезжали в отдельные автомобильные, строительные или дорожные части, на склады. И так изо дня в день.

В начале июня к нам прибыл женский батальон. Решено было использовать его на погрузке угля. Иного выхода у нас не было: рабочих рук не хватало. И все же мы сомневались: смогут ли девушки, пережившие блокадную зиму, выполнять столь тяжелую работу?

Когда женский батальон — пятьсот ленинградских комсомолок — прибыл на Ладогу, командир батальона

полковой комиссар И. Н. Бобров построил девушек и представил их генералу Шилову. Больно было смотреть на них: худые, бледные. Они недоедали много дней, а грузчик угольных барж — профессия не для слабых. Уже на следующий день девушек было не узнать: одежда грязная, лица покрыты угольной пылью. Но работали они здорово.

Мы постарались создать для девушек бытовые условия получше — насколько это было возможно. Разместили их в палатках. Там всегда было чисто и прибрано. Мужчинам при всем старании такое не удавалось. Построили для батальона небольшой клуб и баню. И кормить девушек старались получше. Они нам даже жаловались, что работать после обеда тяжело.

План погрузки угля девушки неизменно выполняли, хотя работать приходилось в условиях очень нелегких, нередко под бомбежкой. В июне женский батальон отгрузил 12 270 тонн угля. Это был поистине героический труд. Ленинград никогда не забудет своих верных дочерей, которые сделали все, чтобы в осажденном городе не остановились заводы, фабрики, электростанции. У бойцов славного угольного батальона были свои вожаки — Фрося Михайлова, Саша Крылова, Ксения Мартынова.

В июне завершилось строительство подводного трубопровода для перекачки бензина и дизельного топлива на западный берег. Преимущества трубопроводов перед наливными судами очевидны: недоступность для противника, круглосуточная подача горячего и дешевого.

Постановление ГКО от 25 апреля 1942 года о строительстве трубопровода через Ладогу было выполнено 18 июня. На день раньше установленного срока трубопровод длиной 35 километров вступил в строй. Это был первый в истории Красной Армии опыт использования трубопроводного транспорта в крупных масштабах, да к тому же с преодолением серьезной водной преграды. Возглавлял строительство М. И. Недушко, главным инженером был Д. С. Фалькевич, а главным инженером проекта — Д. Я. Шинберг. Все работы координировал уполномоченный Наркомстроя СССР М. И. Иванов, поддерживавший тесный контакт с представителями начальника тыла Вооруженных Сил и Ленинградского фронта.

Строителей и монтажников трубопровода было около тысячи: примитивная техника укладки труб требовала не-

мало ручного труда. Трубы нашли на Ижорском заводе, насосы — на одном из складов Васильевского острова, резервные емкости — на нефтебазе «Красный нефтяник». Организовали площадку, на которой сваривали четырехдюймовые трубы секциями, испытывали и покрывали битумом. Секции буксировали по озеру и сваривали в плети длиной до 200 метров. Водолазы укладывали их на дно. Когда во время шторма потеряли одну плеть, строительство оказалось на грани срыва. К счастью, нашлось, чем её заменить.

Политотдел провел большую работу среди монтажников по сохранению военной тайны, в результате чего лишь немногие знали, что на Ладоге строится трубопровод. Работы тщательно маскировались, немецкая разведка ни о чем не догадывалась. Ей так и не удалось установить происхождение песчаных бугров, под которыми были спрятаны насосы и емкости для горючего; в район перекачивающей станции не упала ни одна бомба.

Еще в одной исключительно важной для Ленинграда стройке нам довелось принять участие. Летом началась прокладка электрических кабелей по дну Ладожского озера. Дело это трудное, но энергетики совместно с эпроновцами отлично справились с заданием. Политработникам пришлось через горком партии доставать в городе необходимые материалы. В сентябре Ленинград начал получать ток с Волховской ГЭС.

27 июня Военный совет фронта преобразовал управление подвоза в управление перевозок. Разумеется, дело было отнюдь не в изменении названия.

С начала навигации ответственность за перевозку грузов несли тыл фронта, Ладожская военная флотилия, Северо-Западное пароходство и наше управление подвоза. Работали мы дружно, но все же понимали, что в сложнейшем и особо ответственном деле снабжения города и фронта через Ладогу должен быть один хозяин. В один из приездов начальника тыла фронта генерала Ф. Н. Лагунова в Кобону А. М. Шилов и я изложили Феофану Николаевичу свои соображения по этому вопросу. Он с нами согласился и доложил Военному совету фронта о необходимости преобразовать систему управления снабжением. По этому докладу Военный совет фронта и принял решение переименовать наше управление в управление перевозок, подчинив ему все порты, причалы и пирсы с их хозяйством и людьми. Ладожская военная флотилия по-

прежнему отвечала за конвоирование транспортных судов, а пароходство — за их техническую эксплуатацию. Решение Военного совета фронта, безусловно, облегчило руководство всеми ладожскими частями и службами, сделало нашу работу более четкой.

Темп перевозок нарастал. За июль было перевезено 113 900, за август — 141 200 тонн грузов. С каждым днем становилось труднее планировать и организовывать движение гигантского количества грузов. А от четкого планирования и организации дела зависело многое. Исключительно четко и оперативно работали офицеры управления, и в первую очередь заместитель начальника управления полковник И. П. Тимченко, начальник отдела планирования подполковник М. Д. Друян, начальник диспетчерской службы подполковник Д. А. Сокирко.

Чтобы вагоны с оборудованием не простаивали лишнее время под погрузкой и разгрузкой, через Ладогу пустили железнодорожный паром. Для этого пришлось построить специальные пирсы в бухте Морье и в Кобоне, соединенные ветками с железной дорогой; на ленинградских заводах были сделаны три металлических парома с железнодорожными колесами. Надо ли говорить о том, сколько усилий пришлось приложить ленинградским рабочим и инженерам, чтобы в тяжелых условиях и в рекордно короткие сроки выполнить это задание!

Гитлеровское командование решило во что бы то ни стало сорвать снабжение Ленинграда через Ладогу. Пароходы и баржи, порты и склады ежедневно подвергались жестоким бомбардировкам. За летнюю навигацию было зарегистрировано 2717 самолето-пролетов вражеской бомбардировочной авиации и 2273 — истребительной и разведывательной. В некоторых налетах участвовало до 100 самолетов. Всего за это время мы насчитали 137 бомбежек, большей частью в дневное время. Было сброшено более 6 тысяч бомб, которые нанесли немалый ущерб, но не смогли приостановить работы. Наши зенитчики и летчики сбили над Ладогой 160 фашистских самолетов.

Лучшая защита от бомбежек — щели. Но на берегу Ладоги щелей рыть нельзя: на глубине каких-то 20—30 сантиметров выступает вода. Солдаты нашли свое решение — стали прятаться при бомбежках среди мешков с мукой, сложенных в штабеля. Тогда А. М. Шилов приказал складывать мешки с мукой в виде наземных траншей, чтобы можно было укрываться там во время бомбежек.

Были сделаны и постоянные наружные укрытия из мешков с песком.

После окончания очередного налета объявлялся аврал по устранению последствий бомбежки. Через два-три дня все приходило в норму.

Не обходилось и без печальных курьезов. Однажды при прямом попадании авиабомб в бочки с патокой — весь Кобонский порт стал липким — брызги патоки разлетелись далеко вокруг.

Как-то к нам поступили знаменитые алма-атинские яблоки — подарок из Казахстана. В одном из докладов А. А. Жданову я попросил разрешения отгрузить эти яблоки — всего восемь тонн.

— Для ленинградцев восемь тонн муки слаще и вкуснее яблок, — заметил Жданов. — Но, впрочем, отгружайте и яблоки, только в порядке перевыполнения плана.

Такая возможность появилась у нас через несколько дней. Яблоки переправили на другой берег и выгрузили, да вот беда — началась бомбежка. И все яблоки были уничтожены прямым попаданием...

Противовоздушных средств обороны у нас явно не хватало. Надлежало прикрывать огнем зенитной артиллерии Осиновецкий и Кобано-Кореджинский порты, Новую Ладогу, малую и большую трассы на озере, а у нас было всего 87 зенитных орудий. С воздуха нас прикрывали: на западном берегу 123-й истребительный авиаполк, на восточном — 15-й и 196-й истребительные авиаполки, а для защиты плавсредств на воде были выделены 3-й гвардейский истребительный полк (командир — полковник П. В. Кондратьев, комиссар — батальонный комиссар И. П. Лукьянов) и 4-й гвардейский истребительный полк (командир — подполковник Б. И. Михайлов, комиссар — батальонный комиссар С. Г. Хахилев) ВВС Балтфлота.

Когда наступили белые ночи, ночные бомбежки заметно участились. Ленинградские белые ночи в мирное время прекрасны, но летом сорок второго года мы предпочли бы ночи потемнее. Впрочем, моряки научились буквально ускользать от вражеских бомб, и за всю навигацию мы потеряли всего один пароход и несколько барж.

...С самолета сброшена серия авиабомб, и кажется, нет от них спасения, но в какие-то доли секунды капитан меняет курс, судно уходит в сторону, а бомбы падают за бортом, вздымая огромные фонтаны воды.

Между прочим, после каждого налета моряки спускали на воду катерок и собирали оглушенную взрывами рыбу, а потом варили из нее уху.

В первой половине июля нас бомбили особенно ожесточенно. План оказался под угрозой. Генерала Шилова и меня вызвали на заседание Военного совета фронта для выяснения причин невыполнения плана. Как назло, незадолго до этого мы отправили в Ленинград незапланированные 60 тонн изюма. С них и начал свою речь А. А. Жданов:

— Люди в Ленинграде страдают от голода, а Шилов с О कोरोковым, вместо того чтобы выполнять план, шлют нам изюм! Попробовали бы сами поесть изюм вместо хлеба.

Жданов и дальше говорил довольно резко. Мы пытались оправдаться, сослаться на объективные причины — непрерывные налеты вражеской авиации, но нам дали понять, что Военный совет собрался вовсе не для того, чтобы выслушивать наши оправдания. А. М. Шилова и меня обязали принять все меры к выполнению плана. Командующий войсками фронта генерал-лейтенант Л. А. Говоров обещал укрепить противовоздушную оборону района Ладоги и усилить ПВО еще одним зенитно-артиллерийским дивизионом. Свое обещание он выполнил, доведя до полного штата наши противовоздушные средства — истребительную авиацию и зенитную артиллерию. Вернувшись в Кобону, Шилов и я наметили мероприятия, необходимые для выполнения плана. Когда стемнело, мы с Орловским, как обычно, отправились в порт — поговорить с людьми, поднять их настроение.

В ту ночь грузили только боеприпасы — морские мины, взрывчатку. Все пирсы были завалены этим опасным грузом. На рассвете, в самый разгар погрузочных работ, со стороны озера из-за облаков появился немецкий бомбардировщик. У нас не оставалось сомнений — будет сбрасывать бомбы на пирсы, на взрывчатку. Мы стояли посреди ящиков с боеприпасами совершенно беспомощные. И вдруг раздался один-единственный выстрел дежурного зенитного орудия. Других выстрелов не понадобилось: пламя охватило бомбардировщик. Круто развернувшись, он стал резко снижаться, оставляя за собой полосу черного дыма, и упал вдалеке, за Кобоной.

Бойцы на радостях закричали «ура». Надо ли говорить, как мы благодарили зенитчиков за спасенный порт?

Летом 1942 года многие ленинградские предприятия перебазировались на восток, в основном на Урал. Перевозка оборудования началась в июне. К нам прибыл батальон такелажников. За зиму люди ослабели от недоедания, пришлось их подкормить, прежде чем ставить на работы. Грузить тяжелое заводское оборудование — котлы, машины, станки — в не приспособленных для этого портах оказалось крайне сложным делом, и поначалу перевозка шла плохо. Опыт пришел со временем. За летнюю навигацию было вывезено 28 383 единицы промышленного оборудования весом более 309 тысяч тонн (а всего в обоих направлениях — 1 099 тысяч тонн грузов и 850 тысяч человек). На Урале ленинградские заводы вновь ожили и стали работать на оборону Родины.

Непрерывно шло в Ленинград оружие, пополнение. За лето через Ладогу было переправлено 631 орудие, 202 танка, 310 тысяч солдат и офицеров. Они прибыли на пополнение воинских частей Ленинградского фронта. А навстречу пополнению шел другой поток людей — из Ленинграда: раненые, больные, истощенные ленинградские жители. За лето 1942 года было эвакуировано 448 000 человек. К этим людям все мы относились с особой теплотой. Каждый из нас немало пережил в дни блокады и многих потерял — от бомбежек, от голода...

Для раненых воинов и для эвакуируемых организовали в районе Кобоны шесть госпиталей. Их возглавил бригадный военврач М. В. Спиридонов, человек заботливый и внимательный.

Сложно было с питанием эвакуированных. И не потому, что еды не хватало. Как раз по противоположной причине. Почти все, кто прибыл на восточный берег, смотрели на еду жадными глазами, казалось, они готовы съесть сколько угодно. Между тем их надо было приучать к нормальному питанию постепенно. Случалось, к сожалению, что некоторые эвакуированные, страдавшие дистрофией, несмотря на запрет, правдами и неправдами доставали дополнительную еду и тяжело заболели.

Чтобы перевозить жителей осажденного города, мы выделили лучшие суда. Только один пароход «Вилсанди» сделал за навигацию 238 рейсов и вывез более ста тысяч человек. Еще больше рейсов сделали пароходы «Чапаев» и «Форель».

Каждое новое задание Военного совета фронта, будь то эвакуация ленинградцев или отгрузка промышленного

оборудования, требовало от многотысячного коллектива управления перевозок новых усилий. Партийно-политическая работа, которую вели на Ладого командирь, политработники, партийные и комсомольские организации, поднимала политическое сознание красноармейцев-грузчиков и краснофлотцев, летчиков и зенитчиков, рабочих и служащих. Каждый из них понимал свой высокий долг и ответственность перед Родиной, перед городом Ленина.

Коммунисты и комсомольцы своим ударным трудом увлекали за собой всех тружеников Ладоги. В утверждении авангардной роли коммунистов и комсомольцев мы видели одну из важнейших целей партийно-политической работы.

У меня остались самые теплые воспоминания о политработниках управления — о заместителе начальника политотдела М. К. Анисимове, старшем инструкторе П. И. Белкине, помощнике начальника политотдела по комсомольской работе старшем политруке В. В. Ефимове, военкоме 2099-го продсклада старшем политруке У. П. Королеве и о многих других. О каждом из них можно сказать — люди высокого партийного долга. Особенно незаменим и безотказен был Петр Иванович Белкин. Если где-то складывалась особо напряженная обстановка — выполнялся план или вражеская авиация разрушала пирсы, — я посылал туда Белкина. Он собирал коммунистов и комсомольцев, ненадолго, на несколько минут. Но за эти минуты успевал сказать самые нужные, самые точные слова. А потом первым брался за дело, увлекал за собой других. Я знал: там, где Петр Иванович, — прорыв будет ликвидирован.

И еще я хочу отдать должное тем, благодаря кому нам удалось выполнить самые напряженные планы перевозок, — скромным грузчикам, которые перенесли всю тяжесть работы буквально на своих плечах: ведь на Ладого не было почти никаких погрузочных и разгрузочных механизмов.

В политотделе мы не раз размышляли о том, как ускорить доставку грузов в Ленинград при острой нехватке людей на погрузочных работах. Надо было организовать социалистическое соревнование. Но одно дело соревнование в мирной жизни, совсем иное — в военных условиях, когда все, кажется, и так работают на пределе возможностей. К тому же среди грузчиков было много красноармейцев, получивших ранения в первые месяцы войны и

педавно выписанных из госпиталей для несения тыловой службы.

И все же соревнование было организовано, и принесло оно великую пользу.

В 4-м отдельном рабочем батальоне я познакомился с отделением, которым командовал коммунист М. И. Смирнов. Он был дважды ранен, одна рука действовала у него плохо. Спрашиваю у Смирнова — как идет работа, как выполняется план. А он отвечает:

— Нормально. Даем процентов 150—180.— И добавляет: — Многие из нас были ранены в боях, нелегко было бы каждому работать в полную силу одному, но мы так приспособились друг к другу, товарищ комиссар, что все работаем, как один человек, вот и получается слаженно.

Наблюдая, как работают Смирнов и его товарищи, я понял, что бригадир не преувеличивает. Сработанность солдат, перенесших ранение, была удивительной. В паре работают два грузчика. У одного нет правой руки, у другого бездействует после ранения левая. Когда вдвоем нужно поднять тяжелый ящик, они становятся рядом так, чтобы каждому удобно было взять груз своей единственной рукой. А можно сказать иначе: грузчики сработались так, что их руки стали общими. Было грустно наблюдать, как работают эти люди, получившие на войне тяжелые увечья. И в то же время я испытывал гордость за них — за их волю, за их трудовой подвиг.

Я рассказал в политотделе об отделении Смирнова, и мы пришли к выводу, что надо распространять опыт лучших, используя газеты, листовки, беседы. А главное в этом опыте — взаимная выручка, дружба, сплоченность бригады.

16 июня Орловский и я направились во 2-й рабочий батальон. Нам посоветовали посмотреть, как работает бригада красноармейца Дмитрия Ивановича Смирнова — однофамильца другого замечательного бригадира.

Что и говорить, бригада работала отлично. За ночь пятерка Смирнова (обычно бригады грузчиков состояли из пяти человек) выполнила план погрузки на 215 процентов. В перерыве мы беседовали с бойцами бригады — Побоевым, Павловым, Ивлиным, Шумовым. Молоды они были и задористы, а главное — полны желания помочь фронту. В этом, собственно, и был секрет их успеха. Между прочим, никто из них не был прежде грузчиком, а сам бригадир работал до войны слесарем.

Мы начали распространять опыт бригад, вдвое превышающих суточные задания. Так зародилось на Ладогском движении «двухсотников» — бригад, дающих двойную норму. О бригаде Смирнова издали листовку, рассказывающую о том, как бойцы добились успеха. Заканчивалась листовка такими словами: «Товарищи бойцы! Ленинград и фронт ждут грузов. Берите пример с бригады Д. И. Смирнова! Работайте четко, не щадя сил! Помните: ваш труд помогает героям Ленинграда, ваш труд приближает час победы над врагом».

Через день мы собрали слет передовиков погрузочных бригад. На большой поляне в лесу обсуждали, как шире развернуть социалистическое соревнование. Выступили лучшие бригадиры — Л. Девятников, Д. Смирнов, П. Шевелев, М. Степанов и другие. Выступление Девятникова мне особенно запомнилось. Он говорил о том, что зимой на Ладогском главной фигурой был водитель, а сейчас стал грузчик. И если зимой возникло соревнование среди шоферов — совершить два рейса в сутки, — то теперь мы, продолжая славные традиции зимней Дороги жизни, должны давать ежедневно 200 процентов плана погрузки.

Слет принял обращение к личному составу с призывом включиться в движение «двухсотников». Разъяснить этот призыв каждому бойцу — такая задача встала перед политработниками. На следующий день все политотдельцы работали в частях, организуя соревнование.

Рекорд бригады Д. И. Смирнова (после войны Дмитрий Иванович стал инженером, заместителем директора одного из ленинградских заводов) держался недолго. Вскоре были достигнуты новые результаты, которые можно назвать выдающимися: бригада Петухова выполнила норму на 240%, бригада Федотченко — на 345%, бригада Шурыгина — на 375%. Напряженные суточные задания погрузки стали выполняться в среднем на 115—125%.

Движение «двухсотников» еще раз показало, что вскрыты далеко не все резервы. Политотдел управления провел всесторонний анализ работы коллектива, обращая особое внимание на те участки, где могли возникнуть непредвиденные задержки. Выяснилось, что иногда выполнению плана мешают такие мелочи, как оформление документации на загруженную баржу — порою оформление занимало столько же времени, сколько и погрузка. По пред-

ложению политотдела, учет и документация были предельно упрощены.

В начале июля на выполнении плана стала сказываться задержка судов на западном берегу, в порту Осинец. Этим портом командовал опытный моряк капитан 1 ранга С. А. Росинский, военным комиссаром был старший батальонный комиссар Т. Н. Лифанов. Они хорошо наладили работу, и все же порт не всегда выполнял план — из-за недостаточной механизации разгрузочных работ суда задерживались у причалов. Политотдел командировал заместителя начальника политотдела полкового комиссара М. К. Анисимова в Осинец для оказания необходимой помощи. Тыл фронта выделил разгрузочные транспортеры, дал дополнительную рабочую силу. Политотдел выпустил специальную листовку, обращенную к личному составу западного берега. Из Ленинграда приехала рабочая делегация. Она помогла нам развернуть соревнование в порту Осинец. В первых числах июля разгрузка судов еще отставала, но уже 7 июля план был выполнен на 103 %, 8 июля — на 108 %. Западный берег Ладоги вслед за восточным включился в движение «двухсотников».

Социалистическое соревнование стало массовым. Политотдел получал оперативные сведения об успехах бригад и незамедлительно издавал листовки. Большую роль в развертывании соревнования сыграла газета «Фронтowej дорожник», редактором которой был Б. А. Борисов, в послевоенные годы ставший видным военным журналистом. Одно время он возглавлял отдел печати Главного политического управления.

...Сто дней довелось мне работать на Ладоге. Не было в эти сто дней боев, но трудностей, право же, встречалось не меньше, чем на ином участке фронта. Да разве не была Ладога фронтом — необычным, своеобразным, ответственным трудовым фронтом?

15 августа, в самый разгар навигации, я неожиданно получил распоряжение сдать дела бригадному комиссару П. А. Тюркину и отбыть в распоряжение начальника Главного политического управления Красной Армии. Пришлось расставаться с Ладогой, с замечательными людьми, которые здесь работали. Со многими из них я сохранил многолетнюю дружбу.

РАМУШЕВСКИЙ КОРИДОР

По срочному вызову я летел из Ленинграда в Москву. До свидания, Ладога! Я видел тебя в зимние морозные дни, когда «юнкеры» налетали на колонны наших автомашин с продовольствием, стремясь преградить им путь в осажденный Ленинград. Видел и в летние дни, когда под бомбежкой наши баржи шли к Осиновцу, на западный берег, чтобы город мог жить и бороться.

Все ближе Москва, вот и пригороды. На земле — воронки от бомб, вдоль железной дороги — остовы сгоревших вагонов...

С аэродрома сразу же направляюсь в Главное политическое управление. После короткой беседы с начальником управления кадров дивизионным комиссаром Н. В. Пупышевым едем вместе с ним на улицу Кирова — к секретарю ЦК ВКП (б), начальнику Главного политического управления А. С. Щербакову. Немного волнуясь. Во-первых, это моя первая встреча с Щербаковым, во-вторых, до сих пор не знаю, зачем меня вызвали в Москву.

Александр Сергеевич Щербаков встретил меня приветливо, больше двух часов расспрашивал о положении дел в Ленинграде и особенно — о Ладожской магистрали. Я доложил, что в Ленинград непрерывно и организованно поступает продовольствие, боеприпасы, горючее, военнотехническое имущество, рассказал, как налажена эвакуация из города ленинградцев. Александр Сергеевич требовал новые и новые подробности. А потом, как бы подводя черту расспросам, он поднялся, подошел к стене, закрытой шторами, и сказал:

— А теперь — о вашем новом назначении, Андрей Дмитриевич.

Щербаков раздернул шторы, за которыми оказалась большая карта СССР.

— Мы решили направить вас на Северо-Западный фронт,— сказал Александр Сергеевич и провел указкой по карте западнее Валдая.— Будете работать начальником политуправления фронта. Побывайте во всех армиях, ознакомьтесь с историей фронта. История интересная и поучительная. В ней — опыт ваших предшественников, их успехи и неудачи...

Назначение было неожиданным и ответственным. Я поблагодарил за доверие.

Перед тем как отправиться на Валдай, я провел два дня в Москве — получал в Главном политическом управлении конкретные указания, как организовать политическую работу на фронте. Вновь с большим удовольствием встретился с И. В. Шжикиным, теперь уже заместителем начальника Главного политического управления. Он руководил агитационно-пропагандистской работой в Красной Армии. Немало добрых советов дали мне начальник организационно-партийного управления полковой комиссар В. И. Золотухин и начальник отдела полковой комиссар М. И. Бурцев. Меня принял Д. З. Мануильский, который по поручению ЦК ВКП(б) занимался вопросами идеологического воздействия на войска противника.

Мое пребывание в Главном политическом управлении, советы А. С. Щербакова, Д. З. Мануильского и других старших товарищей оказались для меня чрезвычайно полезными. На ладожской Дороге жизни мне приходилось уделять главное внимание отправке грузов в Ленинград, выполнению плана перевозок, и этой цели была подчинена вся политическая работа. Теперь же предстояло вновь окунуться в самую гущу боевых событий. И советы опытных политработников были как нельзя кстати.

18 августа 1942 года я вылетел на фронт. Под крылом самолета — торфяные озера, маленькие речки, желтые проплешины болот. И леса, леса, леса...

Самолет приземлился в Выползово, на фронтовом аэродроме, где меня встретили заместитель начальника политуправления фронта полковой комиссар В. Н. Глазун и начальник политотдела 6-й воздушной армии полковой комиссар Я. И. Драйчук. Втроем отправились в политуправление фронта.

Политуправление Северо-Западного фронта размещалось неподалеку от города Валдай, в густом сосняке на берегу лесного озера. Я сразу собрал работников политуправления, чтобы познакомиться с ними. Многие из моих

повых боевых товарищей до войны работали в политуправлении Прибалтийского особого военного округа, войска которого образовали Северо-Западный фронт. Они прошли тяжелые испытания первых военных месяцев, и опыта политической работы им было не занимать. Достаточно сказать, что В. Н. Глазунов долгое время работал секретарем Пермского обкома ВКП(б).

Рано утром следующего дня я выехал в район боевых действий 11-й армии.

На наблюдательном пункте командующего 11-й армией генерал-лейтенанта А. И. Лопатина, в двух километрах от переднего края, в траншеях и блиндажах было довольно многолюдно. Незнакомый генерал-лейтенант с гладко выбритой головой следил, прильнув к стереотрубе, как пехота атакует высоту, на которой находилось когда-то село, а сейчас остались одни руины.

— Боюсь, что сегодня опять не возьмем эту Васильевщину, — произнес генерал, оторвавшись от стереотрубы, и вытер пот с широкого лба. Заметив меня, посмотрел изучающе, сделал шаг навстречу. — Курочкин, — сказал он, протягивая руку, — Павел Алексеевич.

Я представился командующему фронтом.

Говорят, у волевых людей крепкий подбородок. У Павла Алексеевича Курочкина подбородок был массивный, резко очерченный. Приятный голос с чуть раскатистым «р» врезался в память — не спутаешь ни с каким другим. Генерал был человеком крупным, но двигался быстро, легко, глаза блестели, искрились — словом, своей внешностью, манерой держаться командующий располагал к себе.

— Леса и болота, озера и реки, клюква и брусника — такой у нас с вами фронт, Андрей Дмитриевич, — с легкой усмешкой сказал Курочкин. — В общем, болотный фронт. Сейчас ведем большей частью активные оборонительные бои. Положение в целом стабильное, но мы должны эту стабильность нарушить, собрать силы и нанести врагу решающий удар. Так что работы вам хватит. Поезжайте в войска фронта, войдите в курс дела, а потом поговорим подробно о партийно-политической работе.

На следующий же день, еще до поездки в войска, я зашел к начальнику оперативного управления штаба фронта генерал-майору П. И. Иголкину и попросил его познакомить меня с оперативной обстановкой.

— Если позволите,— сказал Петр Иванович,— я сначала коротко расскажу о боевой истории фронта, это будет для вас небезынтересно.

Мне тут же вспомнилось, что Александр Сергеевич Щербаков дал тот же совет, назвав историю Северо-Западного фронта интересной и поучительной. Да и в любом случае, прибыв в сложившийся боевой коллектив, будь то фронт, соединение или часть, политработник обязан познакомиться с его историей, опытом, традициями, перенять лучшее и проанализировать ошибки, чтобы избежать их повторения. Без знакомства с прошлым невозможно понять настоящее и выработать линию на будущее. Поэтому я охотно согласился с предложением П. И. Иголкина.

— Наш фронт,— начал он,— образован в первый день войны. Он принял на себя удар группы армий «Север» и левофланговых соединений группы армий «Центр». Я разделяю боевую историю фронта на три этапа.

Петр Иванович встал из-за стола и продолжал рассказывать, расхаживая по комнате. Время от времени он подходил к карте, лежащей на столе, чтобы пояснить свою мысль, и мы вместе склонялись над ней, прослеживая боевой путь армий фронта.

— Первый этап,— говорил Иголкин,— это первые месяцы войны, когда у гитлеровцев было значительное превосходство в силах: по числу орудий и минометов — вдвое, по числу дивизий — более чем вдвое.

Он рассказывал о массовом героизме войск фронта, сражавшихся за каждую пядь нашей земли, о беспримерном мужестве воинов 67-й стрелковой дивизии под командованием генерал-майора Н. А. Дедаева и морского гарнизона Лиепая, в течение многих дней отражавших атаки превосходящих сил противника, об упорстве дивизий 8-й армии на рубеже Пярну, Тарту, Чудское озеро, об успешных контрударах 11-й армии под Сольцами и 34-й армии в районе Старой Руссы, вошедших в героическую летопись Великой Отечественной войны.

В январе — феврале 1942 года 3-я и 4-я ударная армии из-под Осташкова провели успешное контрнаступление в направлении Торопца, Великих Лук и Холма. Торопецко-Холмская операция открыла второй этап в боевой истории фронта. В то же время 11-я и 34-я армии вместе с 1-м и 2-м гвардейскими стрелковыми корпусами окружили под Демянском значительную часть войск 16-й гитлеровской армии — семь пехотных дивизий, более 70 тысяч человек.

Третий этап начался с контрудара усиленного корпуса гитлеровских войск под командованием генерала фон Зейдлица из района Старой Руссы в направлении Демянска, где находилась окруженная вражеская группировка. Противнику удалось ценою огромных потерь пробить в феврале 1942 года коридор, получивший наименование Рамушевского — по названию железнодорожной станции Рамушево. По свидетельству пленных, корпус потерял половину личного состава.

Линия фронта на карте напоминала очертание смятого кувшина, горлышком обращенного на запад. Внутри «кувшина» находилась группировка противника, а «горлышко» и было Рамушевским коридором.

— Третий этап продолжается и сегодня, — заключил Иголкин. — И закончится он, когда мы перережем коридор и уничтожим демянскую группировку.

Гитлеровское командование придавало Рамушевскому коридору особое значение и стремилось во что бы то ни стало сохранить «пистолет, направленный в сердце России», — так назвал демянский плацдарм Гитлер. 16-я гитлеровская армия, вклинившаяся в расположение войск нашего фронта, создавала определенную угрозу прорыва в тыл Калининского фронта. Вот почему фашисты непрерывно бросали подкрепление в Рамушевский коридор. Удержание «коридора смерти» стоило жизни многим тысячам гитлеровцев.

Войска Северо-Западного фронта, стремясь перерезать Рамушевский коридор, вынуждены были в то же время вести активную оборону на других участках. Фронт растянулся более чем на триста километров, и командование фронта не рисковало стягивать к коридору значительные силы, опасаясь контрудара гитлеровцев в других местах. К тому же Северо-Западный фронт с его сравнительно стабильным положением не относился к числу главных фронтов — в 1942 году важнейшие военные события разворачивались на юге страны. В связи с этим фронт получал пополнения и боевой техники меньше, чем требовалось для нанесения решающего удара.

На северном и южном фасах Рамушевского коридора шли самые активные бои. Коридор то сужался, то расширялся, однако частые попытки перерезать его не приводили к желаемому результату. Повторяю, были тому причины, связанные с ограниченными возможностями фронта в тот период войны. Но не только в них дело. Как спра-

ведливо заметил член-корреспондент АН СССР генерал-лейтенант П. А. Жилин, «к числу... причин задержки ликвидации демянской группировки противника относилась также шаблонность в действиях войск фронта. Почти все лето 1942 года фронт с большим упорством стремился перерезать Рамушевский коридор. Противник к этому настолько привык, что он всегда оказывался готовым к отражению наших ударов»¹.

Видимо, командование Северо-Западного фронта, не рискнув совершить маневр войсками, не сняв часть дивизий с восточного фаса окружения, где вероятность активных действий противника не была столь велика, упустило возможность к достижению успеха. Но при том совершенно очевидно, что активные боевые действия фронта не позволили гитлеровскому командованию снять часть дивизий для усиления своих войск на юге, где в то время шли тяжелейшие бои.

Через несколько дней после своего приезда на фронт я встретился с членом Военного совета фронта корпусным комиссаром Владимиром Николаевичем Богаткиным, который только что вернулся из московского госпиталя, где лечился после тяжелой операции (ему удалили пулю, которую он носил еще с гражданской войны). Богаткин произвел на меня впечатление скромного, спокойного человека, умного и рассудительного политработника. Он отличался прекрасной способностью к обобщениям, из множества, казалось бы, разрозненных фактов умел сделать ясные выводы. Впоследствии я узнал, как хорошо понимал он людей, как умел влиять на окружающих — и рассудительностью своей, и сдержанностью, — спланировать их на выполнение единой задачи.

В. Н. Богаткин принадлежал к старшему поколению политработников Красной Армии. Вести за собой людей, поднимать их в бой, воодушевлять на подвиг он научился еще на фронтах гражданской войны.

Владимир Николаевич, перенеся две операции после тяжелой контузии на Северо-Западном фронте, последствия которой оказались очень болезненными, никогда и никому не жаловался на здоровье. Лишь один раз, через несколько месяцев после первой встречи, когда мы уже сдружились, он посетовал на сильные боли, но и то сра-

¹ На Северо-Западном фронте. М., 1969, с. 9.

зу, как бы спохватившись, переменял тему разговора, не желая проявить слабость.

Мне посчастливилось, что на новом и ответственном участке работы я встретил знающего и доброжелательного наставника, который быстро ввел меня в курс дела, поставил четкие задачи перед политуправлением фронта.

В те дни политуправление неустанно разъясняло воинам призыв партии «Ни шагу назад!». Партия требовала от всех воинов стойкости и мужества — упорно, до последней капли крови, защищать каждую позицию, каждый метр советской земли. Не было ни одного митинга, собрания, доклада, беседы, на которых командиры и политработники не напоминали бы воинам об этом. И сами они были примером в бою.

В осенних боях 1942 года в районе Ново-Рамушево гитлеровцам удалось окружить два батальона 133-й отдельной стрелковой бригады и один батальон 151-й стрелковой бригады. Бойцы не отошли ни на шаг. В сложнейших условиях, среди топких болот, они построили оборонительные укрепления. Окруженные подразделения, которые возглавили капитан Ф. В. Смекалин и старший политрук Ш. Х. Чанбарисов, мужественно отбивались от наседавших со всех сторон фашистов. Две недели сражались они с гитлеровцами. Положение становилось все более трудным; в сутки на двадцать человек выдавали одну банку консервов и котелок сухарей. И все же воины выдержали испытание. На исходе второй недели они стремительным ударом прорвали окружение и вышли в расположение наших частей.

Опыт политработника Ш. Х. Чанбарисова, сумевшего найти индивидуальный подход к каждому воину и в труднейших условиях поддерживать высокий боевой дух бойцов и командиров, стал достоянием всего фронта. Фронтая печать пропагандировала политическую работу отважного политрука.

Ш. Х. Чанбарисов прошел всю войну, потом окончил Академию общественных наук при ЦК КПСС, работал ректором Башкирского государственного университета.

Знакомясь с обстановкой на фронте, с состоянием партполитработы в соединениях, я объехал все армии фронта. У нас было немало прославленных дивизий, отличавшихся особенно высоким боевым духом, служивших примером для других частей и соединений. Одной из таких дивизий, геройски воевавших на нашем фронте, была

28-я гвардейская. Ею командовал полковник Иван Ильич Миссан, военкомом был Викентий Викентьевич Бабицкий.

Ивана Ильича солдаты любовно называли «наш батя». Человек он был добрый, широкой души, но в то же время и требовательный, энергичный и смелый. Приехав в дивизию, я застал Ивана Ильича в блиндаже: он был ранен в бою. Командующий фронтом П. А. Курочкин просил меня уговорить Миссана лечь в госпиталь. Однако Иван Ильич наотрез отказался.

— Зачем мне в госпиталь? — сказал он. — Здесь я вместе с дивизией, начальник штаба рядом, телефон есть, командиры полков все время докладывают обстановку. Врачи меня и тут подлечат, незачем мне уезжать.

Так я его и не уговорил...

Не могу не рассказать о боевом эпизоде, свидетелем которого я был в этой дивизии. Против стрелковой роты 42-го полка противник бросил в бой два батальона, намереваясь овладеть господствующей высотой у деревни Пустынька. Под покровом ночи враг обошел роту и обрушился на ее позиции сразу с трех сторон. В полуокружении, без артиллерийской поддержки, рота свыше десяти часов удерживала район, подготовленный для круговой обороны. Она отразила четыре атаки. Когда подошло подкрепление, в роте осталось всего около 30 человек.

Командир этой стрелковой роты младший лейтенант В. В. Смолин за умелую организацию боя и личную храбрость был награжден орденом Ленина. Образец героизма и высокого исполнения воинского долга показал командир взвода старший сержант И. М. Мамедов. В бою он лично уничтожил более 70 гитлеровцев, в том числе трех офицеров. За этот подвиг И. М. Мамедов был удостоен звания Героя Советского Союза. О подвиге верного сына азербайджанского народа узнала вся страна. На его боевом опыте воины фронта учились побеждать врага.

Объезжая политотделы армий, я внимательно знакомился с партийно-политической работой, старался не только проверять и давать указания, но и выявлять особенности, присущие тому или иному политотделу. Начальник политотдела 27-й армии бригадный комиссар С. Ф. Хвалей увлеченно рассказывал мне о боевых традициях армии, о том, какую важную роль играют эти традиции в воспитании личного состава, и особенно пополнения, прибывшего в армию. Главным направлени-

ем работы политотдела 1-й ударной армии стало укрепление партийных организаций, повышение авангардной роли коммунистов в бою.

В каждой армии я просил начальников политотделов поделиться своим опытом и, вернувшись из поездки, решил собрать совещание начальников политорганов армий и корпусов. Разумеется, на этом совещании выступили и полковой комиссар С. Ф. Хвалей, и начальник политотдела 1-й ударной армии полковой комиссар Ф. Я. Лисицын. Начальник политотдела 53-й армии полковой комиссар А. И. Шмелев рассказал, как в соединениях и частях проводится работа по обеспечению морально-политического состояния войск. В 11-й армии был накоплен значительный опыт наступательных боев в районе Рамушевского коридора. Поэтому все мы внимательно выслушали содержательный доклад начальника политотдела 11-й армии бригадного комиссара В. Д. Шабанова.

Выступили и работники политуправления фронта. Начальник отдела агитации и пропаганды старший батальонный комиссар В. Д. Кульбакин рассказал о методах организации массовой политической агитации и пропаганды, его заместитель батальонный комиссар А. П. Голубев охарактеризовал особенности политической работы среди бойцов — представителей различных национальностей Советского Союза.

Одна только массовая политическая агитация — собрания и митинги — не могла решить все вопросы. Ее обязательно следовало дополнять кропотливой индивидуальной работой с людьми.

В те дни на южных фронтах шли тяжелейшие бои, враг рвался к Волге. Партийным организациям необходимо было разъяснить каждому бойцу, что успехи врага носят временный характер, что победа обязательно будет за нами, но для ее достижения от каждого требуется полная отдача сил, самоотверженность и мужество. Чтобы каждый раз находить нужные слова, особую форму беседы, командирам и политработникам, коммунистам и комсомольцам необходимо было хорошо познакомиться с каждым бойцом, изучить его взгляды, умонастроение, характер, словом, найти ключик к сердцу каждого человека. В этом залог успеха индивидуальной политической работы.

Такая работа была нам по силам: фронт располагал крепкой, боевой партийной организацией и хорошими кад-

рами политработников. В этом большая заслуга моих предшественников — первого начальника политуправления бригадного комиссара К. Л. Рябчего и принявшего от него дела бригадного комиссара В. А. Ковалевского.

Впрочем, мы были далеки от самовосхваления и понимали, что допускаем немало промахов. Одним из них была недостаточная работа по разъяснению личному составу важности скрытной перегруппировки войск, да и вообще строжайшего сохранения военной тайны. Случалось, что неопытные политработники и сами допускали серьезные ошибки. Одна из армейских газет вышла со статьей, которая начиналась так: «Свершилось то, о чем мы, находясь в обороне, мечтали целый год! Еще несколько часов, и мы тоже пойдем в наступление!» Политуправление фронта срочно собрало редакторов армейских и дивизионных газет. В дальнейшем подобные случаи не повторялись.

Что касается скрытной перегруппировки войск, то не все политработники придавали ей должное значение, и, как следствие, разъяснительная работа среди личного состава была поставлена не лучшим образом. Характерно показание пленного ефрейтора 8-й пехотной дивизии противника: «Мы часто наблюдаем скопление вашей пехоты на исходных рубежах, слышим шум, разговоры. Заметно усиливается движение по дорогам, ночью машины часто движутся с зажженными фарами. По всем этим признакам мы почти безошибочно определяем, что русские готовят наступление».

Все это мы, что называется, мотали на ус, и впоследствии операции готовились несравненно более скрытно, с ложными демонстрациями, с дезинформацией противника. Но чтобы освоить и приемы маскировки и способы дезинформации, требовалось время.

9 октября 1942 года произошло важное событие: в Красной Армии было установлено полное единоначалие и упразднен институт военных комиссаров. Командиры Красной Армии возмужали и закалились в тяжелых боях первого года войны, в большинстве своем они были коммунистами.

Нам, политработникам, предстояла кропотливая организационная работа: переаттестовать всех политработников фронта, более 12 тысяч человек, присвоить им командные воинские звания. Это не было формальностью: в живой работе с людьми формальный подход неуместен.

Требовалось детально ознакомиться с боевой биографией каждого политработника, учесть его боевой и политический опыт. Не разобравшись в человеке, в его возможностях, можно либо переоценить его, дать более высокое воинское звание, чем он заслуживает, и тем самым нанести ущерб делу, либо, напротив, недооценить — значит, обидеть человека, травмировать его психологически, не использовать его способности наилучшим образом.

Вот почему в политуправлении фронта не просто изучали биографии политработников, но и беседовали с людьми, советовались с политотделами армий и дивизий.

Итогом этой работы было торжественное вручение старшими начальниками в январе 1943 года погон политработникам. Генеральские погоны членам военных советов и начальникам политотделов армий вручал новый командующий войсками фронта Маршал Советского Союза Семен Константинович Тимошенко.

Маршал С. К. Тимошенко прибыл на фронт в октябре 1942 года. Генерал П. А. Курочкин был назначен его заместителем; в дальнейшем он принял командование 11-й, а затем 34-й армией.

С Семеном Константиновичем Тимошенко мне доводилось встречаться и прежде. За год до начала Великой Отечественной войны я служил в Белостоке в должности начальника отдела политической пропаганды 1-го стрелкового корпуса. Осенью 1940 года корпус проводил учение: наступление войск с боевой стрельбой артиллерийскими снарядами. Настал момент, когда после переноса артиллерийского огня пехота начала наступать на расположение «противника». Семен Константинович (он присутствовал на учении) поднялся из укрытия и рванулся вперед, на новый наблюдательный пункт. Высокий, худой, подтянутый человек с маршальскими знаками отличия бежал впереди и первым поднялся на высокий холм. Остальные командиры отстали.

Честно говоря, мы такого не ждали: маршал раньше всех достиг очередного наблюдательного пункта. Я изо всех сил стремился выдержать темп бега и прибежал вслед за Семеном Константиновичем, изрядно запыхавшись. Маршал улыбнулся мне и, хотя я здорово устал (что, вероятно, нетрудно было заметить), похвалил за спортивную подготовку.

Среди многих качеств военачальника не на последнем месте физическая выносливость, неутомимость, спо-

способность напряженно работать, в необходимых случаях — без отдыха и сна. И образцом в этом для меня всегда был маршал С. К. Тимошенко.

Знакомясь с обстановкой на фронте, новый командующий проявил особый интерес к политической работе, выслушал мой подробный доклад.

— Хорошо, что начальники управлений не заглядывают в бумаги, когда докладывают, — одобрительно сказал Семен Константинович. — Значит, хорошо знают фронтовые дела. Не люблю я доклады по шпаргалке...

Маршал С. К. Тимошенко всегда опирался на политорганы и парторганизации, поддерживал их, подхватывал полезную инициативу. Приведу для примера такой эпизод. В одной из поездов в 11-ю армию работники политуправления фронта подметили, что враг применяет не совсем обычный прием. Немцы обливали амбразуры дзотов водой, так что получался толстый слой наледи, строили снежные валы и тоже поливали их водой. Лед сверкал на солнце, поэтому днем очень трудно было засесть огневую точку. А пытаюсь овладеть «ледовым» дзотом, бойцы скользили, падали; небольшой подъем становился неприступным, словно горная вершина.

Фронтальная газета «За Родину!» напечатала сообщение о ледяных амбразурах. В нем рассказывалось об устройстве амбразур (доску с отверстием для ствола пулемета обкладывают льдом и заливают водой), о том, что толщина панциря может достигать метра и что таким образом удается убить сразу двух зайцев: замаскировать амбразуру и предохранить от пуль пулеметный расчет.

Об этой новинке я доложил маршалу Тимошенко. Он отнесся к ней очень серьезно, приказал подготовить и снежный вал, и ледяные амбразуры, чтобы тренировать на них готовящиеся к штурму батальоны. Многим бойцам выдали даже специальные альпинистские ботинки. А впоследствии по приказу С. К. Тимошенко войска фронта стали подобным образом готовить зимой свои огневые точки.

...Осень сорок второго года прошла в напряженной работе — войска готовились к новым боям. К нам прибыло пополнение, мы стали проводить перегруппировку сил. Пожалуй, самые сложные дни были в конце октября 1942 года, когда фашисты предприняли яростное наступление в полосе 1-й ударной армии, стремясь расширить Рамушевский коридор. Кровопролитные бои шли в течение десяти дней. Наши воины выдержали испытание с честью.

Отражение натиска противника потребовало срочных мер, как военных, так и политических. Из политуправления фронта в армию была направлена группа политработников, чтобы на месте оказать помощь в мобилизации войск, в укреплении их боевого духа.

Приехав на командный пункт 391-й стрелковой дивизии, которая сдерживала сильный натиск врага, я познакомился с обстановкой, а затем вместе с начальником политотдела дивизии подполковником М. П. Куцепиным отправился в полки. Было приятно видеть, каким авторитетом пользовался начальник политотдела у бойцов и командиров. Почти все знали его в лицо, значит, часто бывал в частях и подразделениях. И подполковник Куцепин по-товарищески разговаривал со многими, не поучал, а подсказывал, давал советы. Зная детально боевую обстановку, он с равной уверенностью держался и в блиндаже командира полка, и на артиллерийских позициях, и в траншеях первой линии. А когда контратака одного из батальонов захлебнулась, политработник под сильным огнем противника увлек бойцов за собой, и батальон выбил гитлеровцев из сожженной дотла деревеньки.

Позже, когда наступление противника было окончательно сорвано и наступила временная передышка, я вновь добывал в политотделе дивизии и убедился в том, что успеху партийно-политической работы в бою способствовала высокая организованность и четкая повседневная деятельность слаженного коллектива политработников, взаимопонимание и взаимовыручка. И если я назвал только одного М. П. Куцепина, то лишь потому, что именно с ним в октябрьские дни 1942 года был в войсках первой линии.

Командование фронта воспользовалось наступившей передышкой, чтобы перегруппировать войска, пополнить их личным составом, техникой, боеприпасами. Вслед за тем была предпринята частная наступательная операция на левом фланге 27-й армии, в центре 11-й армии и на правом фланге 1-й ударной армии. Цель была прежней — перерезать Рамушевский коридор, отделить демянскую группировку гитлеровцев от старо-русской, создать предпосылки для полного уничтожения вражеских войск под Демянском. Наши части значительно улучшили свои позиции, еще более сузили Рамушевский коридор, но перерезать его так и не смогли.

Перед началом этого наступления, отправляясь в 1-ю

ударную армию, я зашел к маршалу Тимошенко, чтобы узнать, не будет ли дополнительных указаний. Семен Константинович сказал, что Военный совет фронта возлагает большие надежды на танковые войска, и в связи с этим попросил меня вместе с командующим 1-й ударной армией генерал-лейтенантом В. З. Романовским обратить первоочередное внимание на подготовку танковых частей к наступлению.

Спустя несколько часов после моего прибытия в 1-ю ударную армию Военный совет армии собрал командиров и политработников танковых частей. Владимир Захарович Романовский еще раз напомнил танкистам их боевую задачу, подробно остановился на тактике боя в лесисто-болотистой местности, на взаимодействии в этих условиях танковых и стрелковых частей. Я рассказал о той роли, которая отводится в наступлении танковым частям, о главных направлениях политической работы в армии.

На следующий день, объезжая дивизии и части, я мог убедиться в том, что армейские политработники повсеместно ведут разъяснительную работу, что командиры танковых частей отрабатывают до мелочей план боевых действий, боевые задачи экипажей.

И все же, несмотря на серьезную подготовку, на большую разъяснительную работу, наступление танковых частей не принесло ожидаемого успеха. Танкисты действовали самоотверженно, героически, однако объективные условия не позволили им полностью выполнить боевую задачу: болота оказались слишком серьезной преградой. Случалось, что танки погружались в болотную топь по самые башни, порою они вынуждены были наступать кильватерной колонной, обходя топкие места, и, конечно, становились более уязвимыми для вражеского огня.

Однако не только в объективных условиях следует искать причину неудачи. Сказалось и то, что мы, политработники, еще не научились вести политическую работу среди танкистов, не освоили ее специфики. В этом я вижу один из недостатков нашей партийно-политической работы на Северо-Западном фронте.

Надо сказать и о другом недостатке в нашей партийно-политической работе тех месяцев. Как уже говорилось, призыв партии «Ни шагу назад!» мы стремились довести до каждого бойца и добились этого. Оборона наших войск была исключительно стойкой. А вот создать наступательный порыв во всех частях, принимавших участие в боях

по уничтожению Рамушевского коридора, мы, по-видимому, все-таки не сумели. Сказалось отсутствие опыта наступательных боев и, разумеется, опыта политической работы в таких боях.

Этот опыт постепенно накапливался, и его распространение стало одной из главных задач политуправления фронта в период боев за Рамушевский коридор. Политработники старались всемерно помогать командирам частей и подразделений, обучавшим личный состав оборонительным и, что еще важнее, наступательным действиям.

Учитывая трудности наступательного боя в лесисто-болотистой местности, особенно в зимних условиях, мы обобщали опыт прошедших боев и выпускали бюллетени в помощь командирам, листовки и памятки, обращенные к бойцам: «Памятка бойцу в наступлении», «Береги вверенное Родиной оружие», «Воюй уменьем и отвагой», «Граната — грозное оружие», «Ни одной разведки без «языка», «Минометы в наступлении», «Действия танков в лесу». Таких листовок, памяток и бюллетеней, посвященных боевому опыту и выходявших под рубрикой «Учись воевать», только в 1942 году политуправление Северо-Западного фронта выпустило 180.

Желание наступать было у всех, но вот умения порой еще не хватало. И хотя политработники вносили свою лепту в пропаганду боевого опыта, мы не всегда умели сочетать создание высокого наступательного порыва с конкретными боевыми задачами. И в этом я тоже вижу одну из причин затянувшихся боевых действий у Рамушевского коридора.

Заканчивался 1942 год. На Северо-Западном фронте по-прежнему шли затяжные оборонительные бои, сковывающие значительные силы противника, несколько раз предпринимались частные наступательные операции в районе Рамушевского коридора. Накапливая боевой опыт, получая всевозрастающую поддержку тыла, фронт набирал силы для решающего удара.

Ликвидация демянского плацдарма, о которой я расскажу позже, наступление войск фронта на запад явились завершением долгих и трудных боев у Валдайских высот, боев, в которых советские воины показали и силу духа, и силу своего оружия.

ГЕРОИ ВАЛДАЙСКИХ ВЫСОТ

На Северо-Западном фронте не было крупных сражений, но бои местного значения тоже требовали высокого мужества, подлинной стойкости и героизма. Воины фронта проявили эти качества, они сделали все, что было в их силах. За время существования Северо-Западного фронта шестидесяти его бойцам и командирам было присвоено звание Героя Советского Союза. Политическое управление фронта широко пропагандировало их подвиги в газетах, листовках, беседах с бойцами. С некоторыми замечательными людьми Северо-Западного фронта мне не довелось встретиться: они совершили свои бессмертные подвиги у Валдайских высот и отдали жизнь за Родину в первые месяцы войны. Но назвать их имена я обязан — эти славные имена вписаны в летопись боевых действий фронта, в летопись Великой Отечественной войны.

Сын эстонского народа заместитель полптура одной из рот 415-го батальона связи Арнольд Мери, дважды раненный, оставался на боевом рубеже, когда все его товарищи погибли, и отражал атаки фашистов. Вся страна узнала о подвиге замечательной партизанки — комсомолки Лизы Чайкиной. В воздушных боях под Старой Руссой пал смертью героя Тимур Фрунзе. Массовый героизм проявили воины 28-й танковой дивизии полковника И. Д. Черняховского, принявшие на себя удар танковой группы врага.

В боях с фашистами на самых трудных участках всегда были коммунисты и комсомольцы. Среди тех, кто доблестно защищал Новгород и впоследствии был удостоен звания Героя Советского Союза, — В. Г. Литвинов, А. К. Панкратов, В. В. Платицин, Н. Н. Томашевич.

Отлично зарекомендовала себя в боях 130-я стрелковая дивизия (бывшая 3-я Московская коммунистическая,

сформированная из добровольцев-москвичей). Ею командовал полковник, а впоследствии генерал-майор, Н. П. Анисимов, политотдел возглавлял полковник А. П. Лазарев. Дивизия доблестно сражалась под Москвой осенью 1941 года и продолжила свои боевые традиции в боях за Рамушевский коридор. Отражая одну из атак противника, воины-москвичи уничтожили 2000 вражеских солдат и офицеров, подбили 17 танков.

В рядах этой дивизии сражались две девушки-героини, чьи имена стали символом мужества, — Наташа Ковшова и Маша Поливанова. В своем письме в дивизию Илья Эренбург писал: «Их больше нет, но они всегда с бойцами, они их поддерживают, вдохновляют, ведут вперед: Маша Поливанова и Наташа Ковшова. Они храбро сражались. Последней гранатой они взорвали себя и врагов. И когда становится трудно в бою, боец вспоминает два русских имени: Маша и Наташа»¹.

В боях под Демянском и Старой Руссой москвичи приумножили боевую славу дивизии, и в декабре 1942 года она была удостоена гвардейского звания. 53-я гвардейская — так стала называться эта дивизия.

Каждый из нас слышал о бесстрашных латышских стрелках времен гражданской войны — пламенных революционерах и стойких борцах. С латышскими воинами я познакомился впервые в сентябре сорок первого, под Ленинградом. 76-й отдельный латышский полк, о котором я уже рассказывал, храбро сражался на ораниенбаумском плацдарме. И вот через год, уже на Северо-Западном фронте, я вновь встретился с ним — полк вошел в состав 201-й отдельной латышской дивизии.

До Северо-Западного фронта дивизия сражалась под Москвой. Боевое крещение она получила 29 ноября 1941 года на нарфоминском направлении. Командовал дивизией генерал-майор Я. Я. Вейкин. Он был ранен, потом вновь вернулся в строй и отлично воевал. В конце 1942 года генерала Вейкина сменил генерал-майор Д. К. Бранткалн. Заместителем по политчасти был полковой комиссар П. Д. Зутис. Боевые ряды дивизии цементировали коммунисты, число которых достигло 1300 человек. Комсомольцев в дивизии насчитывалось до полутора тысяч.

¹ Газета Северо-Западного фронта «За Родину», 1943, 17 февраля.

В рядах дивизии сражались воины многих национальностей — русские и украинцы, казахи и узбеки. Но, естественно, основу ее составляли латыши. Не всегда легко было сформировать пополнение так, чтобы латыши попали именно в 201-ю дивизию, но мы к этому всегда стремились. Нам активно помогали укомплектовывать полки воинами-латышами секретарь ЦК Компартии Латвии Я. Э. Калнберзин и председатель Совнаркома республики В. Т. Лацис. Они часто бывали на фронте, постоянно следили за боевыми действиями дивизии.

В ноябре 1942 года Я. Э. Калнберзин и В. Т. Лацис приехали к нам на празднование 25-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Как обычно, они остановились в политуправлении фронта. Зашел, естественно; разговор о делах латышской дивизии, которая с октября 1942 года за успешные боевые действия стала именоваться 43-й гвардейской. Я посетовал на то, что дивизия потеряла в боях много людей ранеными. Я. Э. Калнберзин попросил:

— Если возможно, не распыляйте латышей, не рассылайте их после излечения по разным дивизиям.

На другой день мы вместе изложили эту просьбу Маршалу Советского Союза С. К. Тимошенко. Он сразу согласился с нами и отдал приказ начальнику тыла фронта генерал-майору И. М. Логинову о возвращении в латышскую дивизию всех бойцов-латышей после их излечения в госпиталях фронта.

В начале февраля 1943 года пришло пополнение — около трех тысяч солдат и офицеров — латышей. Во фронтовом запасном полку они прошли боевую подготовку. Накануне проводов на фронт к бойцам приехали руководители Советской Латвии. Мы провели митинг, а после митинга стали знакомиться с воинами-латышами. Мне кажется, что Я. Э. Калнберзин и В. Т. Лацис поговорили если не со всеми, то почти со всеми; каждого они спрашивали, откуда он родом, как идут дела, нет ли в чем нужды. Это произвело на бойцов сильное впечатление: с ними дружески беседовали такие известные и уважаемые люди...

Политуправление Северо-Западного фронта по мере сил помогало и латышским партизанам. Мы издавали газету «Пар Падомью Латвию» («За Советскую Латвию») и распространяли ее на временно оккупированной фашистами территории Латвийской ССР. Выпускали мы и листовки на латышском языке. Газеты и листовки доставляли

через линию фронта в Латвию на самолетах и сбрасывали в местах сосредоточения партизанских соединений.

Редактировал газету и всю нашу литературу на латышском языке секретарь ЦК Компартии Латвийской республики подполковник Жанис Спуре. Еще юношей он стал коммунистом, вел подпольную работу в буржуазной Латвии, был арестован и приговорен к 12 годам тюремного заключения, восемь лет провел в тюрьме. Когда в Латвии была восстановлена Советская власть, Жанис Спуре стал одним из партийных руководителей республики.

У нас на фронте он работал много и плодотворно. Часто бывал в латышской дивизии, и его политическая работа с бойцами (а Спуре был незаурядным пропагандистом) в немалой степени помогала поддерживать высокую боеспособность дивизии, укреплять ее славные боевые традиции.

Погиб Жанис Спуре неожиданно и трагически. Смерть этого отважного коммуниста, политработника Красной Армии, умного, открытого, приветливого человека, всех нас ошеломила. Мы хоронили его в Валдае. Кажется, на войне можно привыкнуть к смертям, но это не так. Многие из нас плакали в тот час над могилой...

Я бережно храню письмо Я. Э. Калнберзина, которое он прислал мне вскоре после гибели Жаниса Спуре. Не только о горечи утраты писал он мне, но и о том, как продолжить дело погибшего героя.

С пожелтевшей газетной полосы смотрит на меня любимец фронта прославленный снайпер Янис Вилхелмс — простое мужественное лицо, сдвинутая набок пилотка. В одном из боев он лично истребил более пятидесяти гитлеровских солдат и офицеров. Но это только начало его славы. Вот очередное сообщение: на снайперской винтовке гвардии капитана Вилхелмса уже 100 зарубок. За год он подготовил 280 снайперов. В наши дни о нем бы сказали: отличный наставник!

Когда Янису Вилхелмсу присвоили звание Героя Советского Союза, для вручения ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» его пригласили в Москву. Награды вручали в Кремлевском дворце; там собралось много бойцов, командиров, политработников. Янис был первым в списке и, может быть, поэтому особенно взволновался, когда назвали его фамилию. Однако к столу, за которым находился М. И. Калинин, подошел, твердо чеканя шаг. Рядом с Михаилом Ивановичем был профессор А. М. Кир-

хенштейн — председатель Президиума Верховного Совета Латвийской ССР.

Потом, рассказывал мне Вилхелмс, его вместе с другими награжденными пригласили на прием к Верховному Главнокомандующему. Наш замечательный снайпер доложил о боевых делах латышских стрелков. И. В. Сталин поздравил его с наградой и пожелал дальнейших успехов.

В Наркомате обороны Вилхелмсу предложили пойти учиться в военную академию. Он отказался — учиться можно и после войны, сейчас надо бить фашистов...

В Латышской дивизии прославились многие замечательные воины. Комиссар Альберт Приверт, член Рижского горкома партии, за героизм был награжден орденом Красного Знамени. Он воевал и в первую мировую войну, и в гражданскую. Старший лейтенант Я. Цалитис, командир роты автоматчиков, тоже участник гражданской войны. Его боевой опыт и отвага снискали ему всеобщее уважение. Герой Сиваша и Перекопа парторг взвода Э. Экштейн спустя двадцать лет вновь встал к пулемету и вместе со своими молодыми товарищами бесстрашно сражался с гитлеровскими захватчиками.

Когда я вижу в Риге знаменитый монумент — памятник латышским стрелкам, я думаю не только о героях, оставивших молодое Советское государство, но и о моих боевых друзьях — латышах.

Дороги войны привели на Северо-Западный фронт и моряков. Вдали от морских просторов храбро сражались 2-я гвардейская, 84-я, 62-я морские стрелковые бригады. Только под Старой Руссой моряки уничтожили не менее 10 тысяч фашистов.

В одном из батальонов моряков сражался мичман с Черноморского флота Сергей Николаевич Васильев. Его стихией были штыковые атаки, из которых он всегда выходил невредимым. Моряки избрали Васильева секретарем партбюро батальона. Когда отважный коммунист вел моряков в атаку, его сразила вражеская пуля. Васильеву посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Боевая слава частей и соединений... Она складывается из десятков и сотен геройских поступков лучших воинов. Ее создают мужественные люди, беззаветно преданные Родине, народу, партии.

У деревни Сычево, на участке 254-й стрелковой дивизии, противник силами двух рот автоматчиков попытался 19 сентября вернуть себе выгодные позиции. Гитлеровцев

встретил метким пулеметным огнем командир отделения красноармеец С. А. Завьялов. Трижды раненный, он продолжал разить врага из станкового пулемета, а потом из автомата, уничтожил до 60 гитлеровцев, за что был удостоен звания Героя Советского Союза.

В 1-й ударной армии служил русский богатырь — пулеметчик Федор Чистяков. Когда немцы в октябре 1942 года перешли в наступление, Чистяков в одном только бою истребил 200 фашистов и был награжден орденом Ленина. Наш фронтовой писатель А. Исбах написал повесть о Федоре Чистякове; имя пулеметчика стало известно многим, его портрет печатали «Огонек» и «Красная звезда», не говоря уже о фронтовых и армейских газетах.

Про разведчика Якова Устюжанина шла слава по всему фронту — его называли «неуловимый Яков». Был он самым искусным добытчиком «языков». Политуправление фронта не раз посвящало Устюжанину свои листовки, а его боевой опыт разведчика обобщил старший лейтенант Л. Иванов, написавший брошюру «За «языком»¹.

Одна из листовок, которую политуправление фронта издало в мае 1943 года, посвящалась старшему лейтенанту Петру Ивановичу Шлюйкову — в связи с присвоением ему звания Героя Советского Союза. Командир роты Шлюйков мстил врагу за муки своих близких, которые остались в оккупированных врагом Великих Луках, за поруганную родную землю. В боях у Старой Руссы рота заняла важный рубеж, и фашисты решили во что бы то ни стало отбить его. Гитлеровцы пошли в атаку, но бойцы Шлюйкова стояли насмерть. Семнадцать ран было на теле героя! Но у него хватило сил бросить последнюю гранату, когда враги оказались совсем рядом. После боя под грудой мертвых фашистов бойцы нашли старшего лейтенанта. Фронтовые врачи сумели спасти ему жизнь.

«Священная месья Петра Шлюйкова» — так называлась листовка, выпущенная политуправлением.

Были у нас на фронте и прославленные танкисты. Майор Борис Петрович Попов за беспримерную отвагу и умелое руководство боем был удостоен звания Героя Советского Союза. Механик-водитель Григорий Цикалло на своем Т-34 участвовал во многих боях. Почти сотня вмятин осталась на броне его танка. В одной из атак был убит командир экипажа лейтенант Осипов, башню танка

¹ Иванов Л. За «языком». Изд. ПУ СЗФ, 1942.

заклинило. Но Григорий Цикалло не оставил поле боя. Поддерживая пехоту, он вел машину вперед, гусеницамп давя врагов.

Рамушевский коридор, соединявший демянскую группировку противника со старо-русской, находился под нашим постоянным обстрелом. Поэтому фашисты вынуждены были снабжать свою полуокруженную группировку главным образом по воздуху. В этих условиях очень большая роль отводилась фронтовой авиации, наносившей бомбовые удары по противнику и перекрывавшей пути снабжения гитлеровских войск. Славные летчики 6-й воздушной армии, которой командовал генерал-лейтенант Ф. П. Полынин, сбили свыше ста транспортных самолетов противника, серьезно ослабив этим вражескую группировку.

Комиссар эскадрильи бомбардировщиков Григорий Аверьянович Таряник был отличным летчиком и отличным политработником. Более 90 вылетов совершил он на Северо-Западном фронте со своей эскадрилей. Заслуженной славой пользовались ученики комиссара — летчики-разведчики Василий Порфирьевич Погорелов и Петр Васильевич Беликов.

...Истребитель младшего лейтенанта Бориса Ковзан сопровождал группу бомбардировщиков. Когда наши самолеты пересекли линию фронта, под ними появились пять «мессершмиттов». Ковзан резко развернул свою машину и пошел вниз, в лобовую атаку. В это время что-то случилось с мотором — он начал перегреваться. Вражеские самолеты набрали высоту и стали заходить сверху, но наш летчик разгадал их маневр и ушел. Между тем в его самолете загорелось масло, из патрубков повалил дым. Вести бой было невозможно. Ковзан пошел на таран. Правой плоскостью он нанес удар «мессеру», и тот камнем полетел вниз...

Воспитанию бесстрашных летчиков, подвигами которых гордился весь фронт, много сил отдавали и командующий 6-й воздушной армией, и его заместители по политчасти — вначале И. В. Мошнин, а впоследствии А. Ф. Выволокин, — и начальник политотдела армии полковник Я. И. Драйчук. Они всегда находились среди летчиков, чаще всего их можно было найти на аэродромах. Успех воздушного боя зависит от мастерства летчика, которое складывается из способности ощущать нерасторжимую связь с машиной, из множества тонких приемов, недо-

ступных взгляду непосвященного. Я не раз наблюдал, как Федор Петрович Полынин и его ближайшие помощники по партийно-политической работе наставляли летчиков, давали им советы. Сами прекрасные летчики, они умели найти индивидуальный подход и к асам, и к новичкам, только что окончившим летное училище. Иногда разбор полета, иногда дружеская беседа, доброе слово, шутка и как бы между прочим деловой совет по тактике воздушного боя, особенностям управления боевой машиной.

Я всегда внимательно прислушивался к таким беседам, понимая, что вести политработу среди летчиков, танкистов, артиллеристов без глубокого знания их дела просто невозможно. Памятуя о недостаточном политическом обеспечении боевых действий танковых частей, мы в политуправлении проанализировали политическую работу в различных родах войск и стали перестраивать ее таким образом, чтобы в танковые дивизии выезжали политработники-танкисты, а с летчиками работали те, кто имеет собственный летный опыт, с артиллеристами — люди, хорошо разбирающиеся в артиллерийском деле.

Артиллеристы Северо-Западного фронта заслуживают самых добрых слов. Отличное знание боевой техники сочеталось у них с упорством и отвагой.

В ноябрьских боях 1942 года батарея, которой командовал лейтенант Николай Андрюничев, отбивала под Сутоками яростные атаки врага. Штаб полка получил тревожную радиограмму: Андрюничев сообщал, что батарея окружена, но бойцы живыми в плен не сдадутся. Батарея вызывала огонь на себя. Командир полка Н. Ф. Пономарев сказал: «Будем спасать Андрюничева и батарейцев всем полком».

Начальнику штаба дивизиона Борису Абрамову поручили составить расчеты по радиограмме Андрюничева, с которым они были друзьями — вместе учились, вместе добровольцами пошли на фронт, и весь полк знал об этом. Артиллеристы открыли огонь по командному пункту батареи, когда к нему уже приближались гитлеровцы. К счастью, осколки снарядов не задели своих: батарейцы умело укрылись в небольшом овраге, заняв круговую оборону. Зато наш артиллерийский огонь буквально косил фашистов. Воспользовавшись их замешательством, лейтенант Андрюничев и его батарейцы вывели из строя орудия и под прикрытием артиллерийского огня вернулись к своим.

А связист Федор Зименков сумел взять в плен немецкого офицера.

На этом же участке фронта совершил подвиг артиллерист Осман Омаров, уроженец адыгейского села. Служил он ординарцем у командира дивизиона. Вражеский снаряд во время боя перебил кабель, а связь в трудную минуту нужна как никогда. Омаров, получив разрешение командира, выпрыгнул из траншеи и помчался туда, где был протянут телефонный кабель. Фашисты открыли по нему минометный и пулеметный огонь, а боец продолжал бежать, пригибаясь к земле. Потом он исчез в клубах дыма. Когда дым рассеялся, с наблюдательного пункта заметили, как Омаров, срастив концы кабеля, побежал дальше. Потом он снова исчез из виду, и в это время раздался голос телефониста: «Связь налажена».

Артиллерийский дивизион бил по врагу прицельным огнем, поддерживая пехоту. Атака противника захлебнулась.

А Омаров не вернулся на наблюдательный пункт. Его нашли после боя в воронке от снаряда. В руках Османа Омарова был телефонный кабель, и зачищенные его концы герой сжимал стиснутыми зубами. Ценой своей жизни сын адыгейского народа Осман Омаров помог выиграть бой за русскую деревеньку Сутоки...

Политуправление фронта, политотделы армий и дивизий использовали в агитационной работе многочисленные примеры мужества и героизма. В листовке, на газетной странице, в устах политработника фронтовая героиня обрела известность, становилась общим достоянием.

Под деревней Кирилловщина артиллеристы 1200-го отдельного артиллерийского полка резерва Верховного главнокомандования сумели во время декабрьского наступления за один только день уничтожить 27 дзотов, 16 блиндажей и 5 батарей противника.

Командир разведроты лейтенант Семен Львовский получил в бою шестнадцать ран, но продолжал сражаться, пока не подошло подкрепление. Врачи выходили отважного офицера. Он был награжден орденом Ленина и вновь вернулся к нам на фронт.

— Фашисты сожгли моего отца,— сказал мне лейтенант Львовский,— они расстреляли братьев, а мать умерла от горя. Я дал клятву отомстить врагу и сдержу эту клятву.

В специфических условиях Северо-Западного фронта,

во время многомесячных боевых действий среди лесов и болот, создались благоприятные условия для развития массового снайперского движения. Не давать врагу передышки, держать его в постоянном напряжении и страхе, чтобы, как говорится, головы не смел поднять! Каждый успех нашего снайпера имел большое значение и для поддержания высокого морального духа бойцов. Недаром вопросы снайперского движения не раз обсуждались на Военном совете фронта.

Командиры и политработники армий, дивизий, полков, подразделений лично знали снайперов, создавали им необходимые условия для трудной и опасной боевой работы. Каждый снайпер вел точный счет убитых гитлеровцев. На Северо-Западном фронте многие имели на своем счету десятки и сотни уничтоженных фашистов. Поэт Степан Щипачев писал:

Он знает все — где кочка, где овраг,
Он ждет часами — тут нельзя спешить.
Когда на мушку попадет враг,
Ему и полсекунды не прожить...

Это — о сибиряке Федоре Кузьмиче Чегодаеве, таежном охотнике, ставшем одним из зачинателей снайперского движения на нашем фронте. Родина высоко оценила его подвиг, присвоив ему звание Героя Советского Союза.

Чегодаев прославился не только как меткий стрелок, но и как учитель молодых снайперов. Он активно сотрудничал и во фронтовой газете. Помню его яркие, образные рассказы, которые печатались с продолжением. Приведу отрывок из одного такого рассказа.

«Часто меня спрашивают: «Наколотил ты без мала 250 фашистов, а сам живой и невредимый. Как же это у тебя получается?»

Получается так потому, что поджилки у меня не дрожат, когда иду на врага... А если будешь раздумывать да гадать — боязно да опасно, — ничего не получится: враг будет цел, а тебя убьет...

Особенно долго я охотился за тремя снайперами. Один появился недалеко от наших позиций... Слышу, открыл стрельбу. Но где он лежит, не найдешь, знать, тоже умеет укрываться. По звуку приблизительно определил место фашиста и послал туда три пули. Прекратилась стрельба, по ненадолго. Уже с другого места начал палить. Вот, мерзавец, кочует и кочует, никак его не найдешь. Дам

выстрел по одному месту — слышу, уже с другого места палит. И так гонял я его, не давал бить по нашим бойцам, но прихлопнуть так и не удалось — не видел немца.

В азарт вошел я и дал себе слово прикончить язву... Недалеко стоял сарай с пробитой крышей. Прижался я к земле и незаметно пополз к нему. Забрался в сарай, залез на крышу, выстрелил в ту сторону, откуда палил немец, на секунду высунул голову в дыру и скорей вниз. Отполз метров тридцать в сторону, спрятался за кустиком и глаз не свожу с того участка, где, по-моему, должен быть снайпер.

Он заметил меня на крыше и, наверное, подумал, что я там укрылся. Бил, прямо скажу, очень метко. Несколько выстрелов дал и замолчал. Решил, что уложил меня на крыше сарая. Гляжу, приподнимается он из-за кустов. Я, не медля ни секунды, прицелился и выстрелил. Ткнулся он мордой в землю и не встал».

Рассказ Чегодаева политуправление фронта издало для всех воинов отдельной брошюрой. Доходчиво и просто, а главное, полезно — у Чегодаева учились снайперскому умению и солдатской сметке сотни бойцов.

Не меньшей славой пользовался Семен Номоконов, тунгусский охотник. С трехсот шагов Номоконов неизменно попадал в спичечный коробок. За войну этот снайпер уничтожил 367 фашистов, в том числе на Северо-Западном фронте — 263.

Еще в октябре 1941 года снайпер Номоконов сразил гитлеровского генерала, который инспектировал войска переднего края. В тот день похолодало, выпал снег. Снайпер заметил необычную суету на переднем крае противника: к траншеям направлялась группа гитлеровцев, в которой выделялся полный человек в шинелл с меховым воротником. Номоконов сразу взял его на мушкету...

Семен Номоконов также был одним из зачинателей снайперского движения и в своей 163-й стрелковой дивизии, и вообще на фронте. Его последователи Тогон Санжеев, Савелий Грубчик и многие другие истребили сотни фашистов. «Я славию сыновей России, готовых биться до конца, и их охотничьи, лихие, неукротимые сердца!» — писал наш фронтовой поэт Михаил Матусовский о боевых друзьях — Номоконове и Санжееве.

Целая плеяда снайперов выросла на Северо-Западном фронте. Большой популярностью пользовались Герой Советского Союза Жамбыл Тулаев (звание Героя сын бурят-

ского народа получил, когда уничтожил почти триста гитлеровцев), Алексей Цупков, Иван Брезгин, Николай Козырев, Есакар Калыков и многие другие. Однажды в политуправление доставили неотправленное письмо немецкого солдата, в котором были такие строки: «Днем пельзя показаться из блиндажа или окопа, потому что русские снайперы наблюдают как проклятые...»

Не только меткостью, но и смекалкой, военной хитростью славились наши лучшие стрелки. Знатный снайпер и бесстрашный разведчик 370-й стрелковой дивизии Василий Тимофеевич Егоров имел на личном счету более 350 фашистов и немало захваченных в плен «языков». Он разгадывал уловки врага и сам прибегал к необычным уловкам. Был, например, такой случай. Чтобы заставить немцев высунуться из окопов, Егоров использовал... поросенка. Вместе со своими товарищами снайпер занял удобную позицию неподалеку от деревни, захваченной противником, развязал мешок и выпустил на бруствер окопа поросенка, предусмотрительно привязанного бечевкой за ногу. От страха поросенок ринулся в сторону вражеских окопов. Когда до них оставалось совсем немного, Егоров дернул за бечевку. Поросенок, естественно, завизжал и стал метаться. Любопытство взяло верх, и несколько фашистов показалось на бруствере — узнать, в чем дело. Этого и ждали снайперы...

Трижды в течение одного только 1942 года снайпер В. Т. Егоров получал награды Родины, в том числе и высшую награду — орден Ленина.

Великая Отечественная война была войной всенародной. Огромный вклад в победу над врагом внесли советские женщины. Мы знаем об их трудовых подвигах в тылу — на заводах и в колхозах, где они заменили мужей и братьев, ушедших на фронт, и работали, не щадя сил, — за себя и за тех, кто грудью защищал Родину. Но немало женщин можно было встретить и на фронте.

Совсем не женскую должность занимала лейтенант Алла Агеева: она была командиром взвода автоматчиков. До войны Алла училась в московской школе, мало чем отличалась от своих сверстниц — разве что особой любовью к стрелковому спорту. После окончания школы она стала работать инструктором Осоавиахима, подготовила сотни отличных стрелков. А когда началась война, когда враг подошел к столице, Алла добровольно ушла на фронт. У нас, на Северо-Западном фронте, первое время она так-

же была инструктором в школе снайперов, Но Алла хотела сама участвовать в боях. Ее настойчивость взяла верх, и наконец лейтенанта Агееву назначили командиром взвода автоматчиков. Вместе с лихими парнями из своего взвода отважный командир не раз выполняла ответственные боевые задания. К тому же она стала отличным снайпером.

Прославилась у нас на фронте и отважная разведчица Валя — молоденькая швея из Рыбинска. У нас она была известна как Володя Рыбинский.

Валя своей выдержкой и храбростью удивляла даже бывалых воинов. Однажды ее зачислили в группу, которой предстоял рейд в тыл врага. Когда группа окружила вражеский гарнизон, Валя первой ворвалась в штаб, убила гитлеровского офицера. А всего в этом бою фашисты потеряли 12 человек убитыми и 40 ранеными.

Можно ли не сказать о скромных труженицах войны — замечательных наших связистках! Признаюсь: до того, как к нам на фронт пришли девушки-телефонистки, положение со связью было далеко не блестящим. Позывные менялись ежедневно, их нередко путали. Красноармейцам-телефонистам не хватало женского терпения, аккуратности. А как только им на смену пришли девушки, все стало на свои места.

Политуправление фронта не забывало отметить напряженный труд и мужество связисток. В одной из листовок мы рассказали о подвиге телефонистки Наташи Алексеевой. Вражеские самолеты палтели на деревню, в которой размещался узел телефонной связи одной из дивизий. Изба, где находилась телефонистка, пострадала от сильного взрыва, девушка была контужена и потеряла сознание. А вызовы продолжались. «Луна», «Луна», — звучала в телефонной трубке. Сквозь шум в ушах Наташа с трудом расслышала привычные позывные, вспомнила, где она находится. Огромным усилием воли девушка заставила себя подняться, взять телефонную трубку и ответить: «Луна» слушает, все в порядке...»

Каждый год 8 марта мы чествуем женщин-тружениц. В военные годы в тот же день мы обязательно чествовали женщин-воинов. Мне памятен номер фронтовой газеты «За Родину», датированный 8 марта 1943 года. Мы долго обсуждали его с политработниками и фронтовыми журналистами. Вот он передо мной — праздничный номер газеты с передовой «Дочери Родины». Портрет старшины

медицинской службы К. Васильевой, награжденной медалью «За отвагу». Дневник сандружинницы Клавдии Косаревой, которая вынесла с поля боя свыше ста раненых. Портрет фронтового шофера Марии Платошкиной. И еще — короткое письмо, озаглавленное «Остаюсь на фронте»:

«В своем колхозе я работала счетоводом. Работала так, как следует трудиться теперь советским людям. Закапчивая свои бухгалтерские дела, помогала колхозникам в поле. И когда решали, кого послать от колхозников на Северо-Западный фронт в составе делегации от Челябинской области, то отправили меня.

Я решила остаться на фронте. Командование удовлетворило мою просьбу.

Написала об этом колхозникам и своей матери. Знаю, что они горячо одобряют мое решение.

А. Семенова».

Решила остаться на фронте... Вместе с тысячами других наших женщин-героинь — связистками, медсестрами, зенитчицами. Мы старались беречь их, ограждать от вражеских пуль и снарядов, не посылать на самые опасные участки. Только не всегда это удавалось, да и девушки не всегда нас слушались.

В тылу фронта, в дивизии местной противовоздушной обороны, стоявшей на станции Бологое, служили девушки-зенитчицы. Они рвались на передовую, хотя, разумеется, и служба в ПВО очень важное дело.

Генерал-полковник И. С. Конев, принявший командование фронтом в марте 1943 года, приказал мне:

— Собери девчат и разъясни: в войсках ПВО они тоже на фронте. Незачем им лезть в самое пекло!

На этом Иван Степанович, однако, не успокоился. Он написал короткую записку начальнику штаба фронта А. Н. Боголюбову, запрещающую зачислять зенитчиц в части, находящиеся на переднем крае.

Вряд ли надо подробно говорить о роли медицинской службы в Отечественной войне. Успешно или неуспешно воюет фронт, обороняются ли войска или идут в наступление — у медиков всегда хватает работы. Война есть война, без раненых она не бывает. Окружить их заботой, вылечить и как можно скорее вернуть силы — в этом видели свой долг медики Северо-Западного фронта и выполняли его с честью. Блестящим организатором медицинской

службы проявил себя начальник военно-санитарного управления фронта генерал-майор медицинской службы Модест Абрамович Шамашкин, профессор, доктор медицинских наук. Его ближайшим помощником был главный хирург фронта генерал-майор медицинской службы Николай Николаевич Еланский.

По предложению военно-санитарного управления еще в ноябре 1941 года была создана четкая система лечения легкораненых, которых не было необходимости эвакуировать в глубокий тыл. Формировались новые медицинские подразделения: при дивизиях — команды выздоравливающих, в армиях — батальоны легкораненых и больных. Впоследствии стали организовывать госпитали для легкораненых. Благодаря этому многие бойцы и командиры, получившие ранения, быстро возвращались в строй, и мы считали нашу медицинскую службу как бы дополнительным отделом укомплектования.

По инициативе Н. Н. Еланского при военно-санитарном управлении организовали ученый совет, который руководил научными медицинскими работами, собирал конференции, выпускал специальные бюллетени и сборники, посвященные опыту фронтовых врачей. Такая научная деятельность способствовала значительному улучшению медицинского обслуживания.

Многие фронтовые врачи в послевоенные годы стали видными деятелями советской медицины. Так, ученик Н. Н. Еланского, ведущий хирург медсанбата М. И. Кузин, после смерти своего учителя принял кафедру полевой хирургии 1-го Московского медицинского института. Ведущий хирург нейрохирургического госпиталя Е. И. Захаров стал крупным специалистом по черепно-мозговым операциям. Сейчас он возглавляет кафедру нейрохирургии в Симферопольском медицинском институте.

Добрым словом вспоминают многие ветераны Северо-Западного фронта замечательных медиков — ведущего хирурга эвакогоспиталя подполковника медицинской службы Н. М. Света, ведущих хирургов медсанбатов Г. В. Терентьева и А. В. Растощинского. Кстати, Растощинский размещал свою хирургическую группу неподалеку от зоны боевых действий дивизии, и раненые воины благодаря этому получали квалифицированную медицинскую помощь очень быстро.

Молодой врач П. П. Еловацкая ушла на фронт добровольцем. Ее направили на курсы по подготовке полевых

хирургов, которыми руководил прославленный хирург профессор С. С. Юдин. После обучения Еловацкая попала в медсанроту 44-й отдельной стрелковой бригады. Здесь она получила боевое крещение: ей пришлось сделать раненому ответственную операцию, которую она прежде никогда не делала. Операция удалась, жизнь бойца была спасена. Во время боев за Рамушевский коридор П. П. Еловацкая сделала сотни операций, она работала, не щадя сил и пренебрегая опасностью. Командование неоднократно представляло ее к наградам, но самой высокой наградой были для хирурга теплые слова, которые ей говорили выздоравливающие воины. Один снайпер, вернувшийся после ранения в свою часть, писал во фронтовой газете: «Половину фашистов, истребленных мною, я отношу на счет Полины Павловны, которая возвратила меня в строй».

В военной медицинской практике бывают всякие неожиданности. Расскажу об одном случае, который кажется невероятным. В ноябре сорок второго года в медсанбат доставили на повозке младшего лейтенанта Ивана Зорина, у которого вблизи бедра, между мягкими тканями, находилась... перазорвавшаяся мина! Даже везти раненого в медсанбат было опасно — дорога скверная, мина в любую минуту могла взорваться. А уж операцию делать — тут и говорить нечего. Однако военврач А. С. Жилко решил немедленно удалить мину. Ассистировали ему комиссар батальона Я. Мотин и специалист-минер, фамилия которого, к сожалению, осталась неизвестной. Конечно, врач рисковал, но иного выхода не было. Он провел операцию хладнокровно и точно; даже налет «юнкерсов» не заставил его прекратить работу. Мина была извлечена.

Много подвигов в годы войны совершила санитарструктор 23-й гвардейской стрелковой дивизии Людмила Степановна Кравец. Спасая раненых, вынося их с поля боя, она получила пять ранений и две контузии. В марте 1943 года Герой Советского Союза Л. С. Кравец была тяжело ранена, ей угрожала ампутация обеих ног. Начальник госпиталя М. Л. Дунаевский сумел спасти Людмилу Степановну от гангрены. Отважная женщина вернулась в строй.

С первых дней войны в одном из стационарных госпиталей работала комсомолка Ася Брусова. Когда фашисты разбомбили госпиталь, она самоотверженно выносила раненых, разбираала завалы, тушила огонь. Потом Ася стала санитаркой полевого госпиталя. Однажды ей при-

шлось сопровождать раненых в тыл в санитарном поезде. Фашистские самолеты налетели на состав. В трудной обстановке Ася не растерялась. Она призывала всех к спокойствию, и сама при этом продолжала перевязывать раненых... Позже Ася Брусова стала операционной сестрой. Бойцы и командиры, выписавшиеся из госпиталя, с благодарностью вспоминали медсестру Брусову, худенькую девушку с добрыми и веселыми глазами.

Всего 17 лет было Тамаре Калнин, когда она добровольно ушла на фронт. Работала медсестрой в медсанбате 84-й стрелковой дивизии, стойко переносила тяготы фронтовой жизни. Однажды она сопровождала машины с ранеными в армейский госпиталь. Неожиданно налетел фашистский самолет и открыл огонь. Машина загорелась. На Тамаре вспыхнула шинель. Девушка, преодолевая боль, выносила раненых из горящей машины, оттаскивала их в безопасное место. Вскоре подоспела помощь. Спасли всех... кроме Тамары. Посмертно она была награждена орденом Ленина.

Они были такими молодыми, наши медсестры и санитарки! В политдонесениях, листовках и заметках в газете их называли просто по имени, без отчества, — так, как они сами привыкли себя называть: Ася, Наташа, Тамара...

...Сержант Дасманбай Киргизбаев свою недолгую жизнь прожил в родном Казахстане. В первые же дни войны он ушел на фронт и сражался в рядах 391-й стрелковой дивизии 1-й ударной армии. Дасманбай пал смертью героя в валдайских лесах, грудью защищая нашу единую многонациональную Советскую Родину. За образцовое выполнение боевых заданий, за доблесть и мужество сержант Киргизбаев был награжден орденом Отечественной войны I степени, а имя его навечно внесено в списки полка.

Вспоминая героев Валдайских высот, я назвал далеко не все имена, да и вряд ли возможно сделать это — ведь войны фронта проявили массовый героизм, и благодарные соотечественники никогда не забудут их,

ФРОНТОВЫЕ БУДНИ ПОЛИТРАБОТНИКОВ

Фронт — огромный коллектив людей, спаянных единой целью. Великая цель, которая стояла перед каждым бойцом, командиром, политработником, — победить врага.

В создании атмосферы спаянности, сплоченности, в воспитании ненависти к врагу участвуют, хотя и в разной степени, все воины, но особая роль в этом принадлежит командирам и политработникам.

Меняется обстановка на фронте, характер боевых действий, успехи перемежаются с временными неудачами, меняется и настроение воинов, их запросы и нужды. Все факты фронтовой жизни — важные и второстепенные, приятные и огорчительные — так или иначе находили отражение в партийно-политической работе.

И осенью 1942, и в начале 1943 года на Северо-Западном фронте шли тяжелые, затяжные оборонительные бои, которые время от времени сочетались с частными наступательными операциями в районе Рамушевского коридора. В тот трудный период ни на миг не прекращалась партийно-политическая работа, хотя формы ее, конечно, менялись в зависимости от характера боевых действий. В тех главах, где речь пойдет о широком и мощном наступлении наших войск на запад, я буду подробно говорить о партийно-политической работе в наступающих войсках, о политическом обеспечении наступательных операций. А сейчас расскажу о фронтовых буднях политработников, о каждодневных трудах и заботах политуправления фронта.

Коллектив политуправления подобрался дружный и работоспособный. Были в нем и опытные партийные работники, и молодежь, недавно приобщившаяся к сложно-

му и ответственному делу партийно-политической работы. И те и другие несли поистине гигантскую нагрузку. Поспать, как правило, удавалось не больше двух-трех часов в сутки, да и то в машине, по пути в войска.

Как бы ни складывались фронтовые дела, должность начальника политуправления всегда беспокойная. К нему поступают сведения о положении дел в войсках, политдонесения из дивизий, корпусов и армий. В этом потоке сообщений надо оперативно разобраться, принять срочные решения, рассмотреть просьбы и предложения, переговорить по ВЧ с членами военных советов и начальниками политотделов армий, выбрать то основное, о чем следует информировать Главное политическое управление и Военный совет фронта. И конечно, есть десятки других дел, не терпящих отлагательства, часть которых можно поручить подчиненным, а часть обязан выполнять сам — словом, то, что называют текущими делами...

Многие из этих вопросов решает заместитель начальника политуправления, а когда начальник отбывает в войска, что случается нередко, его заместитель берет дела в свои руки. Я уже упоминал опытного политработника полкового комиссара (несколько позже генерал-майора) В. Н. Глазунова, долгое время занимавшего пост заместителя начальника политуправления фронта. Позже его сменил генерал-майор Н. Г. Пономарев. И с Глазуновым и с Пономаревым мы не просто работали в тесном деловом контакте, но и поддерживали теплые товарищеские отношения.

В моих фронтовых записях сохранились краткие пометки о работе за несколько фронтовых дней, начиная с 20 ноября 1942 года. Постараюсь по ним восстановить события тех дней, дополнив скудные записи воспоминаниями о людях, с которыми тогда встречался.

Итак, раннее утро 20 ноября. На фронте относительно спокойно.

На моем рабочем столе — груда телеграмм и телефонограмм, приказы и распоряжения наркома обороны, начальника Главного политического управления, командующего войсками фронта, сводки из армий, боевые и политические донесения. Читаю, просматриваю, делаю пометки.

Заходит начальник отдела агитации и пропаганды подполковник В. Д. Кульбакин, политработник эрудиро-

ванный, прекрасно подготовленный теоретически и, что самое главное, умеющий на практике применить знание теории. Когда месяц спустя, в декабре, ЦК ВКП(б) отозвал Василия Дмитриевича для работы в Высшей партийной школе, мы и обрадовались за боевого товарища, получившего ответственное назначение, и огорчились: жаль было с ним расставаться. Впрочем, на должность начальника отдела агитации и пропаганды пришел человек не менее опытный, с большим стажем партийной работы,— полковник Г. И. Клишин, работавший прежде секретарем Вологодского обкома партии.

Василий Дмитриевич Кульбакин с порога спрашивает:

— Вы уже читали сводку Совинформбюро? Какой блестящий успех на Северном Кавказе! Надо сделать так, чтобы это сообщение дошло до каждого воина фронта, такие известия поднимают боевой дух.

Договариваемся, что Василий Дмитриевич позвонит в политотделы всех армий, проверит, как разъясняют бойцам значение удара Красной Армии по фашистской группировке в районе Орджоникидзе, как увязывают это сообщение с задачами нашего фронта.

Не успевает Кульбакин отправиться к себе, как просит разрешения войти его заместитель, он же начальник отделения печати, подполковник А. П. Голубев. В руках у Алексея Петровича свежий, только что тиснутый номер фронтовой газеты «За Родину». Втроем смотрим первую полосу — вот оно, сообщение Совинформбюро, но еще без комментариев: пришло в последнюю минуту. Кульбакин берет на заметку: ознакомиться с материалами следующего номера.

Фронтовая газета — предмет нашей повседневной заботы. Сегодняшний номер интересовал меня особо: начались снегопады, и командующий фронтом поставил перед командирами соединений задачу организовать массовую лыжную подготовку воинов. Политуправление поручило редакциям армейских и дивизионных газет разъяснять бойцам и командирам всю важность этого мероприятия.

Просматриваю газету. Вот передовая «Будь хорошим лыжником!». Несколько материалов с практическими советами — как выбрать лыжи по росту, как овладеть основными способами хода, как использовать перебежки на лыжах в бою, как идти на марше. Простые вроде бы

вещи, а как нужны они сегодня! А вот стихотворение Сергея Михалкова:

...Хочешь быть к победе ближе, —
Не страшны тебе снега,
Становись, боец, на лыжи,
Будет легче бить врага.

Спасибо Сергею Владимировичу, спасибо редактору — в самую точку попали. Прошу Голубева поблагодарить их от имени политуправления.

Читатель еще встретится в этой книге с Алексеем Петровичем Голубевым: я работал с ним и позже, на 2-м Белорусском фронте, до самого конца войны. Среди работников отдела агитации и пропаганды он был, несомненно, одним из лучших. Его отличали не только прекрасная подготовка, глубокое знание марксистско-ленинской теории — качества, безусловные для политработника, — но и хорошее знание военного дела, инициатива и решительность.

Состав отдела, конечно, не был постоянным. Трое инструкторов — Н. В. Атаманчук, С. И. Федотов и К. П. Гусев — погибли на полях сражений. Некоторые политработники были выдвинуты на руководящую работу. Однако ядро отдела сохранилось. Это были энергичные и образованные работники: В. С. Кислинский, Я. Т. Дивинский, И. К. Фельдман, И. В. Яковенко, Н. Б. Мирный, Я. Б. Засепский, М. И. Колчин.

Огромная ответственность лежала на отделе организационно-партийной работы политуправления фронта: он обобщал опыт партийно-политической работы, проверял работу политотделов и оказывал им помощь, готовил политические информации, разрабатывал планы работы политуправления и проекты директив, вел партийный учет — словом, дел было сверх головы. Далеко не всегда их можно было выполнить за письменным столом — инспекторы и инструкторы отдела И. И. Иванов, Л. С. Железняков, Ф. Н. Утенков, И. П. Николаев, П. Ф. Прохоров, П. М. Бельчиков, Д. И. Молотов постоянно бывали в войсках, оказывали помощь политотделам армий и дивизий.

С начальником отдела полковником Н. Д. Казьминым я встречался ежедневно, порой по несколько раз, — всегда были вопросы, требующие безотлагательного решения.

Вот и сейчас Казьмин заходит в кабинет со срочным

делом. Он человек жизнерадостный, энергичный, любит добрую шутку; с такими людьми обычно приятно и легко работать. Однако на этот раз на его лице нет улыбки, он докладывает сдержанно и сухо — значит, чем-то взволнован. Так оно и есть: в некоторых дивизиях парторганизации затягивают прием бойцов и командиров в партию. Конечно, спешки тут нельзя допускать, требуется кропотливая индивидуальная работа, однако откладывать заявления о приеме в партию, ссылаясь на какие бы то ни было причины, недопустимо: лучшие воины должны идти в бой, зная, что они находятся в рядах славной ленинской партии.

— В седьмой гвардейской стрелковой дивизии, — докладывает Казьмин, — парткомиссия рассмотрела дела только через десять дней после приема в первичных парторганизациях. Выдача партбилетов и кандидатских карточек задерживается. Как будто вручение партийных документов — это простая формальность! Но ведь все мы, Андрей Дмитриевич, знаем по опыту, что партбилет в бою удваивает силы бойца. Я послал в дивизию инструктора, надо разъяснить товарищам, какие вопросы можно отложить, а какие необходимо решать оперативно.

Полностью разделяя это мнение, беру дело на контроль и предлагаю Казьмину съездить в политотделы тех дивизий, где, с его точки зрения, не все обстоит благополучно с выдачей партийных документов.

Надо заметить, что во фронтовых условиях вручение партбилетов и кандидатских карточек далеко не простое дело. Необходимо сделать фотографию, записать учетные данные, вручить билет непосредственно в роту, батарею, эскадрилью. Партийные организации росли неуклонно, и работы начальникам политорганов прибавлялось. Впрочем, это всех нас только радовало.

Восполнение партийной организации, рост ее рядов всегда оставался в числе важнейших задач политуправления фронта. Укрепление партийных организаций неизменно сопровождалось повышением боеспособности частей — ведь в партию вступали лучшие люди, которые своими боевыми делами доказывали, что они достойны быть в рядах коммунистов. Более 80 тысяч человек были приняты в партию на Северо-Западном фронте в течение 1942 года.

В каждом бою коммунисты увлекали за собой однополчан и подчас погибали. Мы прощались с боевыми

друзьями, с товарищами по партии и думали о смене: места погибших должны занять новые коммунисты.

Несколько опережая события, замечу, что полковник Н. Д. Казьмин и начальник отделения партийного учета полковник П. Е. Антоненко побывали в дивизиях, ознакомились с работой политотделов и партийных комиссий и дали необходимые указания. В дальнейшем задержек с выдачей партийных документов не было, и я с удовольствием снял с контроля вопрос о парткомиссии 7-й гвардейской стрелковой дивизии.

С Николаем Дмитриевичем Казьминым нам пришлось, к сожалению, вскоре расстаться — он был отозван на работу в Главное политическое управление. В послевоенные годы Казьмин был секретарем Ленинградского обкома партии, затем работал в аппарате ЦК КПСС, а в последние годы жизни был директором Музея В. И. Ленина в Москве. После его ухода из политуправления к нам прибыл новый начальник оргпартотдела полковник Е. И. Сорокин, волевой и энергичный политработник, нетерпимый к любым недостаткам. И при нем отдел работал так же целеустремленно, оперативно и четко, как при Казьмине.

Однако вернусь к событиям 20 ноября. Следующая запись — о ленинградских артистах. Звонил руководитель театральной бригады народный артист СССР К. В. Скоробогатов. Во многих частях фронта ленинградцы с успехом показывали сцены из спектакля «Фельдмаршал Суворов». Актеры полны фронтовых впечатлений. Договариваюсь со Скоробогатовым о встрече, прошу пригласить весь коллектив бригады: надо поблагодарить артистов за большую работу в войсках и вручить им только что подписанный командующим приказ с благодарностью.

Только закончилась встреча с артистами — вновь звонок, на этот раз по ВЧ. Докладывает член Военного совета 34-й армии В. И. Черешнюк. Говорит долго, пересыпает речь шутками. Он только что вернулся из полков, есть о чем рассказать.

Еще не закончен разговор по ВЧ, а в дверь уже заглядывает начальник отдела кадров политуправления полковник П. И. Зальнов. Петр Иванович просит приять группу политработников, получивших назначение в войска.

Отдел кадров почти каждый день подбирал политработников на те или иные вакантные должности. В осен-

них боях 1942 года политсостав нес большие потери. Отдали жизнь за Родину начальник политотдела 47-й курсантской стрелковой бригады старший батальонный комиссар А. И. Алехин, начальник политотдела 2-й гвардейской бригады морской пехоты батальонный комиссар Н. В. Никифоров, старший инструктор по агитации и пропаганде политотдела 354-й стрелковой дивизии П. М. Бигаев, заменивший в бою убитого военкома полка. Особенно велики были потери политработников в ротном звене. Недаром политруков называли «идущими впереди» — они первыми шли в бой, увлекая бойцов своим примером.

На смену павшим приходили новые политработники. При отделе кадров был резервный батальон политсостава, постоянно работали фронтовые курсы по подготовке замполитов рот (начальник — полковник И. Т. Подгоецкий). Курсанты учились три-четыре месяца. Срок в общем-то небольшой, однако фронтовые условия не позволяли продлить учебу.

Чтобы молодые политработники могли пополнить знания, овладеть всем арсеналом методов политической работы, политуправление фронта систематически издавало бюллетени, обобщавшие накопленный опыт. По тематике бюллетени были весьма разнообразны:

«О партийных поручениях и контроле за их исполнением», «О практике работы партбюро полков», «О воспитании чувства ответственности коммунистов за боевую готовность своей части, подразделения», «Как вести борьбу с вражеской пропагандой» и т. п.

Назначение политработника на должность требует особого чутья: надо хорошо знать человека, его способности, квалификацию, желание и умение выполнять свои новые обязанности. Петр Иванович Зальнов как раз и обладал таким чутьем. Он умел поговорить по душам, узнать способности и склонности политработника и найти им правильное применение. Замечу, кстати, что большую помощь в комплектовании политсостава и его расстановке нам оказывало управление кадров Главного политического управления, и в первую очередь его начальник генерал-майор Н. В. Пупышев, а также полковники И. М. Науменко и Н. Г. Афанасьев.

Прошу Петра Ивановича пригласить политработников: надо обязательно побеседовать с ними перед отбытием в войска, рассказать об обстановке на фронте, на-

путствовать теплым словом. Слушают внимательно, задают вопросы по существу. Фронтные курсы хоть и краткосрочные, но подготовку все же дают основательную. Обмениваюсь с новыми политработниками крепкими рукопожатиями, желаю им славных боевых дел. Радостно, что фронт получает отличное пополнение политработников.

Вновь звонит телефон. Член Военного совета фронта по тылу генерал-майор А. М. Пронин просит проверить госпитали в Вышнем Волочке: поступили жалобы от раненых.

Немедленно связываюсь с начальником военно-санитарного управления фронта генералом М. А. Шамашкиным и с главным хирургом фронта генералом Н. Н. Еланским. Договариваемся, что в группу, которую политуправление пошлет для проверки госпиталей, будут включены опытные медицинские работники. Состав группы определяем сразу же вместе с начальником организационно-партийного отдела полковником П. Д. Казминым, составляем план ее работы. Чтобы проверить, как кормят раненых, в группу включаем заместителя начальника продотдела фронта по политчасти полковника Ф. С. Саушина, одного из лучших политработников тыла, досконально изучившего продовольственное снабжение войск. После недолгого раздумья решаю тоже поехать в Вышний Волочек хотя бы на несколько часов. Забыть раненых нельзя.

В кабинет заходит фронтовой корреспондент «Комсомольской правды» Петр Михайлович Русин. Журналисты в политуправлении — люди свои. Мы даем им свежую информацию, направляем в гущу событий. Да и сами корреспонденты, возвращаясь из частей, порой сообщают нам много интересного и полезного. На этот раз сотрудник «Комсомолки» пришел с личным делом. Его семья в эвакуации в далеком сибирском городке. Морозы там крепкие, а дрова, пишут, кончаются, дети мерзнут. Набрасываю текст телеграммы в Быстройстокский военкомат, передаю дежурному с пометкой «срочно». Через несколько дней получил ответную телеграмму: дрова есть, ребята отогрелись. И мне, признаться, на душе теплее стало...

Пришло донесение начальника политотдела 235-й стрелковой дивизии полковника Д. М. Филитинского о том, что командование части направило письмо комсо-

мольдам сибирского города Ачинска. В этом письме речь шла о воспитаннике ачинского комсомола зенитчике Василии Андреевиче Мамотине, который со своим расчетом сбил четыре вражеских самолета, за что был награжден медалью «За отвагу». Политотдел дивизии проявил хорошую инициативу. Вместе с В. Д. Кульбакиным составили указание политорганам: всемерно поощрять переписку командиров и политработников с заводами, фабриками, совхозами и колхозами, пришедшие из тыла письма читать бойцам, использовать эти письма в беседах.

Позвонил командующий фронтом маршал С. К. Тимошенко. Принято решение отселить из прифронтовой полосы местных жителей, а там ни много ни мало 827 сел и деревень. Опасно жить вблизи линии фронта, но люди неохотно покидают обжитые места. К тому же время трудное, голодное, а здесь какое ни на есть, но все же хозяйство, можно прокормиться. Семен Константинович просит прислать политработников для разъяснительной работы: начнутся активные боевые действия — мирные жители могут пострадать.

Вызываю начальника отдела кадров, подбираем из резерва 200 политработников, распределяем их по прифронтовым селам и деревням. Забегая вперед, скажу, что со своей деликатной миссией они справились успешно — убедили жителей, что их эвакуация нужна не только для них самих, но и для фронта: если они останутся, у наших частей руки будут связаны — не стрелять же по своим. Этот довод оказался более убедительным, чем соображения личной безопасности, и люди снялись с насиженных мест. Политработники позаботились и об охране оставленного имущества, выделили из числа местных жителей доверенных лиц — сторожей.

Просматриваю политдонесения дивизий. Вот интересный факт из практики работы парторганизации, надо бы использовать его в листовке или в бюллетене для политработников. Красноармеец 28-й гвардейской стрелковой дивизии Тарасов, добросовестный, грамотный боец, не подавал заявления о приеме в партию, хотя и считался одним из лучших в батальоне. Когда парторг спросил у него, почему он не вступает в ряды коммунистов, боец ответил: «Давно думаю об этом, но, честно говоря, боюсь: ничем я особенно не отличился, не откажут ли мне? Я бы хотел прийти в партию достойно». И тогда парторг вместе с бойцом стали думать о том, как Тарасову луч-

ше проявить себя, доказать, что он достоин быть коммунистом. В это время на фронте развивалось движение снайперов. Тарасов оказался неплохим стрелком. Он стал усиленно учиться снайперскому мастерству, и когда на его счету оказалось тридцать уничтоженных фашистов, он подал заявление о вступлении в партию и был принят.

Передаю политдонесение в организационно-партийный отдел, отчеркнув красным карандашом сообщение о приеме в партию. В ряды коммунистов надо приходить достойно, как сказал боец Тарасов, рост партийных рядов должен быть не только количественным, но и качественным. В этом одна из главных задач первичных партийных организаций и партийных комиссий.

Вот почему, когда прибывает заместитель начальника политотдела 44-й артиллерийской зенитной дивизии подполковник Н. П. Варыгина, я первым делом интересуюсь работой дивизионной парткомиссии, ростом партийных рядов. Надежда Петровна отвечает подробно, чувствуется, что она досконально знает все о партийно-политической работе в своей дивизии. И в то же время мне кажется, что она что-то недоговаривает.

— Что вас беспокоит, Надежда Петровна?

— Не за тем я приехала, ну да все равно скажу, не имею права промолчать. По-моему, наша дивизионная парткомиссия допускает серьезную ошибку, превышает свои полномочия. Составили план работы, а в нем такие мероприятия, которые входят в функции командира дивизии и политотдела. Скажем, заслушать на парткомиссии доклад заместителя командира дивизии по снабжению...

Это, к сожалению, не первый случай в практике работы парткомиссий. Хорошо, что Надежда Петровна доложила о нем. Тут же соединяюсь по телефону с дивизией, разъясняю допущенную ошибку. Конфликт улажен. Спрашиваю у Надежды Петровны, какие же дела привели ее в политуправление.

— Я к вам за помощью. Не хватает у нас политпросветимущества. Нам бы подбросить плакатов, книг, бумаги, карандашей. Дивизиям на переднем крае ни в чем отказа нет, а нас не слишком балуют...

Вызываю начальника отдела снабжения, договариваемся, чем политуправление может помочь зенитчикам. Надежда Петровна благодарит, от обеда, который я ей

предлагаю, отказывается: есть еще дела в политуправлении, и в дивизию надо вернуться поскорее.

Удивительной энергии женщина! Ее целеустремленности, работоспособности, умению переносить тяготы и неустроенность фронтовой жизни мог бы позавидовать иной мужчина. Не так уж часто приходилось встречать на фронте женщин-комиссаров. А Надежда Петровна Варыгина была настоящим комиссаром. До войны она работала инструктором политуправления Московского военного округа. На нашем фронте была сначала военкомом госпиталя, потом получила назначение в зенитную дивизию.

Сейчас Н. П. Варыгина уже на пенсии, но она по-прежнему остается неутомимым пропагандистом славных боевых традиций советских воинов, входит в Совет ветеранов Северо-Западного фронта...

Вновь беседа с командующим фронтом, на этот раз по моей инициативе. Начальник отделения информации полковник К. Н. Косяков доложил, что из нескольких дивизий поступили схожие сообщения: командование и политотдел не могут прийти к единому мнению — оставлять у бойцов перед боем личные документы или нет. Например, командир одной из дивизий, несмотря на возражения политотдела, приказал отобрать перед боем документы у личного состава. В результате после боя раненые попали в госпиталь без документов (личных знаков тогда еще не было).

Об этом я и доложил С. К. Тимошенко, доложил с известным пристрастием — я разделял точку зрения политотдела. Рад был узнать, что и командующий ее разделяет. В конце концов, личные документы не могут раскрыть врагу, в какой части служил погибший воин — ведь части в документе обозначаются условными номерами. А партийный или комсомольский билет, спрятанный в кармане гимнастерки, придает воину в бою новые силы. Конечно, и в дальнейшем были случаи, когда перед выполнением особо опасного боевого задания, например связанного с переходом линии фронта, небольшие группы бойцов и командиров сдавали личные документы. Но это было исключением, а не правилом.

Вновь приглашаю Кульбакина. Он уже обзвонил политотделы армий.

— Еще раз убедился, — говорит Василий Дмитриевич, — что политотделы работают оперативно, без под-

сказки. Они по собственной инициативе дали указание всем политорганам, всем агитаторам рассказать бойцам о наступлении Красной Армии на Кавказе, готовят материалы в армейские и дивизионные газеты.

Спрашиваю у Кульбакина, как дела с листовкой для разведчиков. Накануне я имел беседу в штабе фронта и узнал, что за последнюю неделю не захвачено ни одного «языка». Предложил выпустить листовку для разведчиков — как брать пленных. Попросил, чтобы первый вариант листовки подготовил штаб фронта и передал в отдел агитации и пропаганды.

— Проект листовки я получил, — отвечает Василий Дмитриевич. — Можете ознакомиться.

Достает из папки машинописный лист, кладет передо мной, улыбаясь. Читаю — да это же не листовка, а выдержки из уставов и наставлений!

— Будем просить штаб прислать новый вариант? — спрашивает Кульбакин.

— Нет, дело не терпит отлагательства. Давайте поработаем над текстом, информации тут достаточно, надо только изложить ее как следует.

Раз решили заняться редакторской работой, не обойтись без помощи инструктора отдела агитации и пропаганды капитана В. С. Кислинского. Он, как никто, умел найти короткую, отточенную, емкую фразу, в двух-трех абзацах текста раскрыть и суть боевого наставления, и опыт лучших бойцов, и политический призыв. В его листовках звучала ненависть к врагу, а когда было нужно, имелась в них и добрая улыбка, и шутка.

Втроем склоняемся над текстом. Незаметно пролетает час. Наверху испещренного правкой листка Кислинский пишет заголовок: «Умело добывай «языка»!» Кажется, получилось. Кислинский спешит с листовкой в типографию.

Политико-воспитательной работе среди разведчиков в политуправлении придавалось особое значение. Я требовал, чтобы политдонесения из разведывательных подразделений обязательно попадали ко мне. Через два дня узнал, что в штаб фронта доставили несколько «языков» — пленных гитлеровцев, в том числе трех офицеров. Значит, и наша листовка немного помогла.

Фронтные листовки... Сколько их прошло через наши руки!

У меня сохранилось несколько альбомов с ли-

стовками, изданными политуправлением Северо-Западного фронта (всего за два с лишним года было выпущено 830 листовок общим тиражом 18 миллионов экземпляров). Ныне эти альбомы переданы на хранение в Музей Вооруженных Сил СССР. Перебирая листовки, я вспоминаю каждую «в лицо». Сейчас не всегда можно установить, кому из наших политработников, газетчиков, фронтовых писателей принадлежит тот или иной текст, но многие листовки и сегодня кажутся мне отточенными, я бы сказал даже, талантливо написанными: они кратки, доходчивы, выразительны.

Празднично выглядят листовки с сообщениями Совинформбюро, с речами руководителей партии и правительства, с приказами Верховного Главнокомандующего. Формат таких листовок чуть больше обычного, текст расположен строго. Именно так верстали тогда первые полосы наших центральных газет, и мы хотели, чтобы советские люди на временно оккупированной фашистами земле получали как бы настоящую советскую газету.

А вот на отдельной листовке знаменитое стихотворение Константина Симонова «Убей его!». В каждой строке — жгучая ненависть к фашистам, которые ворвались на нашу землю, уничтожают наших людей, надругаются над самым святым...

Политуправление фронта во многих листовках обращалось к бойцам Красной Армии, ставя своей целью пополнить их военные знания. «Перед прыжком в окоп (ход сообщения), — говорилось в одной из памяток, — забросать его гранатами; блиндажи и убежища забрасывать гранатами или бутылками с горючей смесью; на каждом изломе окопа делать остановку и обезвреживать гранатами или огнем следующее колено окопа; препятствия в окопе уничтожать гранатами, а ежи и рогатки выбрасывать; внимательно искать мины и обозначать их; контратаки отражать, не выходя из окопа».

Скупые сведения, элементарная грамматика боя, страничка из начального учебника военного мастерства. Все это было необходимо: постигать мастерство надо с азав. Не забывайте — шел только второй год войны...

Советская печать всегда уделяла большое внимание пропаганде передового опыта, делая его достоянием многих. В условиях же фронта обмен опытом был особо полезен. Понятно, что далеко не всегда есть возможность собрать бойцов и командиров. Самый надежный и быст-

рый способ — выпустить листовку, описать ратный подвиг, призвать бойцов учиться у своих товарищей.

Передо мной типичная листовка такого рода, подготовленная политуправлением Северо-Западного фронта, — о бесстрашном разведчике Николае Козыреве. С правой стороны странички — портрет юноши с добрым, улыбающимся лицом. На парне плащ-палатка, в руке автомат — словом, сразу видно — разведчик... А на левой стороне листовки начинается текст, умело набранный разными шрифтами — так, что главное сразу бросается в глаза:

«Год назад

Козырев был рядовым, незаметным бойцом.

Сегодня

Николай Козырев гвардии старшина.

Сегодня

Николай Козырев имеет четыре правительственные награды:

орден Красного Знамени,

два ордена Красной Звезды,

медаль «За отвагу».

Сегодня

Николай Козырев знатный человек нашего фронта, гордость своих товарищей и командиров.

...«Нет и не будет мне покоя, пока немецко-фашистские мерзавцы хозяйничают на моей родной земле», — не раз говорил он своим товарищам, боевым друзьям.

Козырев смел и бесстрашен!

«А чего мне бояться? Я у себя дома, на своей земле. Пусть враги меня боятся!»

Дальше в листовке шел рассказ о дерзости, выносливости, смекалке воина — каждый абзац с заголовком похож на маленькую новеллу, пока еще без обобщений — они будут позже.

«ХИТРОСТЬ. Незаметно подобрался к вражескому часовому. Но до него оставалось еще метров 40 открытой местности. Как взять немца живым? Козырев поднялся во весь рост и, не вынимая чеки, швырнул ему под ноги гранату. Фриц мгновенно бросился на землю. Пока он ждал взрыва, Козырев подбежал к нему и без выстрела взял в плен.

НАХОДЧИВОСТЬ. В тесной траншее Козырев увидел в десяти метрах от себя гитлеровского офицера. Немец быстро спрятался за выступ траншеи и бросил оттуда гранату. Не растерявшись, Козырев бросился вперед и, быстро обогнув угол траншеи, выстрелом в упор прикончил гитлеровца. Разорвавшаяся граната не причинила Козыреву вреда».

И после серии таких коротких рассказов — хлесткие выводы:

«Смелыми действиями в тылу врага, дерзкой и умелой разведкой, ценными сведениями, доставленными командованию, Козырев сорвал не одну атаку гитлеровцев, спас жизнь многим своим товарищам, обеспечил успех нескольких наших операций.

Вот за что любят и уважают его товарищи.

Вот за что ценит и отмечает его командование.

Вот за что награждает его Родина.

Боец! Разведчик Козырев уже много сделал для защиты своей Родины и много еще сделает. Но чтобы разбить врага, Родине нужны тысячи и сотни тысяч Козыревых.

Бери с него пример!

Становись и ты героем!»

...Из поездки в войска вернулся начальник отдела по работе среди комсомольцев майор А. В. Стоноженко, недавно сменивший на этом посту майора И. А. Немцева. Стоноженко побывал в 34-й и 53-й армиях, которые совместно с 1-й ударной армией готовились к наступлению в районе Рамушевского коридора, а сейчас держали жесткую оборону. В армию прибыло пополнение, главным образом молодые бойцы. У работников отдела было взято за правило: молодое пополнение должно сразу же по прибытии на фронт встретиться с комсомольскими работниками политуправления фронта и политотделов армий, узнать о боевых традициях фронтового комсомола. Поэтому инструкторы отдела по работе среди комсомольцев постоянно были в войсках, укрепляя комсомольские организации, настраивая молодежь на выполнение предстоящих боевых задач, готовя лучших комсомольцев к вступлению в ряды ВКП(б).

Доложив о работе в войсках, Стоноженко передал мне письмо от комсомольцев Пермской области. Выполняя социалистические обязательства, пермские комсомольцы дали нашему фронту сверх плана 16 артиллерийских батарей, сделанных своими силами, на свои средства. «Батарей делала молодежь завода,— сообщал в этом письме секретарь обкома ВЛКСМ М. Попов.— Комитет комсомола создал общезаводской штаб и комсомольские контрольные посты в цехах. Комсомольцы цеха, где комсоргом тов. Азаров, встретились с транспортными затруднениями. Это грозило срывом суточного графика, задержкой работы. Тогда комсомольцы на руках на большое расстояние стали перетаскивать тяжелые детали. Молодые рабочие завода Бояршинов и Зуев раньше выполняли норму на 100 процентов. Работая на строительстве 16 батарей, они дали 220—250 процентов».

Замечательное письмо! В предстоящих боях комсомольские артиллерийские батареи будут хорошей поддержкой наступающим войскам. Поручил майору Стоноженко снять копию письма и передать ее в редакцию фронтовой газеты: надо обязательно знакомить воинов фронта с трудовыми подвигами тружеников тыла.

С первых пятилеток в нашей стране развернулось социалистическое соревнование, продолжалось оно и на фронте. Война — это тоже труд, сложный, смертельно опасный, требующий полной отдачи сил и предельного напряжения. А где труд — там и соревнование. На фронте соревновались между собой лучшие снайперы и разведчики, танкисты и летчики, саперы и водители. А еще войны фронта соревновались с тружениками тыла. Например, знаменитые наши снайперы Семен Номоконов и Федор Чегодаев — с машинистами врубовых машин, прославленными шахтерами Матвеем Кокшаровым и Иваном Жирновым. «Сердечно благодарю за ваше письмо,— писал снайперу Номоконову шахтер Кокшаров.— До глубины души рад вашим успехам по уничтожению гитлеровской своры. Сообщаю вам свои результаты работы: за год войны план выполнен мною на 259 процентов, за май — на 154 процента, за июль — на 165. Обязуюсь улучшить работу. С товарищеским приветом — Матвей Кокшаров». Разумеется, такие письма немедленно печатались в газете — на видном месте, броско набранные.

В этом соревновании не было победителей и побежденных — выигрывали все, и в первую очередь фронт.

И еще одно письмо, переданное мне фронтовыми комсомольскими работниками. Вырванный из школьной тетрадки листок, аккуратный детский почерк, буква к буквке, — сразу видно, что тот, кто писал, очень старался. «Мы тоже помогаем вам, чем можем, — писали пионеры со станции Медведково Калининской железной дороги. — Этим летом ездили в совхоз Курово-Покровское, работали там на прополке овощей. Все ребята старались выполнить больше своей нормы. Ведь каждый из нас знал, что чем больше мы прополем грядок, тем больше пошлем овощей фронтовикам. Сообщаем вам, дорогие красноармейцы, имена тех пионеров, которые лучше всех работали: Петров Володя, Симонова Руфа, Третенко Тамара, Лукошева Зоя, Егорова Маня».

Когда говорят, что вся страна, от мала до велика, встала на защиту Родины, — в этом нет преувеличения. Пусть вклад был разным, но он был — вот что главное.

...Поздно вечером пришел начальник отдела политуправления фронта подполковник Л. А. Дубровицкий. Он доложил, что на аэродроме по-прежнему лежат листовки-обращения к вражеским солдатам, которые следовало разбросать над гитлеровскими траншеями еще вчера. Звоню командиру воздушной армии генералу Ф. П. Полынину, начальнику политотдела армии Я. И. Драйчуку. Меня заверяют, что в ближайшие часы листовки попадут куда надо. Полынин сообщает приятную новость: наконец-то решен вопрос о создании специального звена агитсамолетов. В это звено включены пять небольших самолетов с мощными громкоговорящими установками. Приказываю Л. А. Дубровицкому срочно подобрать диктора, в совершенстве владеющего немецким языком.

Запись об агитсамолетах — последняя в тот день, 20 ноября. Наверное, что-то упущено, какие-то события память не в силах восстановить. И все же, надеюсь, читатель получил представление о потоке неотложных, разнообразных, порою неожиданных и не терпящих отлагательства дел, о коллективе политуправления фронта — большой группе знающих, самоотверженных, глубоко преданных делу партии людей, о живых, постоянных связях политработников с войсками фронта.

Меня могут упрекнуть в том, что я выбрал нетипичный день — без крупных фронтовых событий, без вызо-

вов к командующему, без поездок в армии и дивизии. Однако обо всем этом не раз еще пойдет речь впереди. А пока мне хотелось познакомить читателя с фронтowymi буднями политработников, с работой, которая шла постоянно, ежечасно, в неразрывной связи с боевыми действиями фронта.

...Утро 21 ноября. К восьми часам разобрал спешные дела, чтобы, как было решено еще вчера, с утра поехать в Вышний Волочек, в госпитали. Со мной — замполит продотдела фронта Ф. С. Саушин, инспекторы политуправления С. И. Железняков и П. А. Прохоров, военврач, которого прикомандировал к нам генерал-майор медицинской службы М. А. Шамашкин.

До Вышнего Волочка около двух часов езды, дорога по большей части разбитая, тряская. В пути не то что разбирать бумаги или читать, но и подумать нельзя — единственная забота, как бы уберечься от ударов о потолок и дверь машины. Но, к моему удивлению, потрепанный и помятый темно-вишневый ЗИС политуправления сегодня идет, как никогда, плавно, без тряски. Водитель А. Д. Ланцев, с которым за войну я наездил не одну тысячу километров по самым невообразимым дорогам, бесспорно, шофер высокого класса, пастоящий ас дорог. Но чудес, как известно, не бывает — не могли же здесь проложить асфальтированное шоссе. Чуть светлеет — и я вижу, что едем по хорошо утрамбованной колесами заснеженной дороге. Прекрасно! Теперь до весны будем ездить без тряски.

Незаметно пролетели два часа, и мы въехали в Вышний Волочек.

Нас встретил главный хирург эвакупункта полковник медицинской службы Н. М. Свет. Внимательно знакомимся с работой врачей, ходим по палатам, беседуем с ранеными бойцами и командирами. Постепенно вырисовывается общая картина: врачи работают хорошо — к ним нет никаких претензий, а вот быт раненых налажен плохо. В госпитале тесно, койки стоят вплоты, ими заставлены все коридоры. Кормят из рук вон плохо. Нет, раненые получают сполна все положенные им продукты, но повара подобрались, мягко говоря, не очень квалифицированные.

В общем, положение поправимо. Вместе с Саушиным звоним во фронтową школу поваров, чтобы немедленно откомандировали в Вышний Волочек бригаду из лучших

ее выпускников. Я еду в горком партии и быстро договариваюсь там о выделении под госпиталь еще трех городских зданий. Забегая вперед, замечу, что начальники госпиталей Вышне-Волоцкой группы и возглавляемые ими коллективы, воспользовавшись нашей помощью, быстро поправили дела. Буквально за день были подготовлены новые помещения для приема раненых, отлично налажено питание. Через неделю я вновь побывал в Вышнем Волочке и во всем этом убедился сам.

Вечер. Вновь идем по госпитальным палатам. От имени Военного совета фронта вручаю отличившимся воинам награды. Этот дополнительный обход, конечно, немного нарушает предписанный врачами режим, но ведь для людей радость — отличное лекарство.

Один из награжденных — замечательный снайпер Фахретдин Атнагулов. За боевые подвиги он награжден орденом Красного Знамени. Поздравляю снайпера. Он, как положено, отвечает: «Служу Советскому Союзу!», а потом обращается ко мне:

— Товарищ генерал, очень прошу вас — прикажите, чтобы меня после выздоровления отправили в мою часть. А то меня хотят направить в тыловое подразделение.

Я отвечаю, что и служба в тылу — дело почетное, но Атнагулов упрямо говорит:

— Я снайпер. Раньше был охотником, бил диких зверей. Теперь хочу истреблять фашистского зверя. Гитлеровцы похожи на зверей, они жестокие и трусливые. Раньше они ходили во весь рост, нас не боялись, а теперь узнали нашу силу, испугались, в норы прячутся.

Командование удовлетворило просьбу красноармейца. А политуправление подготовило листовку, в которой призывало всех воинов фронта: «Учитесь бить врага без промаха, так, как бьет его верный сын татарского народа — снайпер Фахретдин Атнагулов».

Возвращаюсь в политуправление глубокой ночью, оставив в Вышнем Волочке инспекторов С. И. Железнякова и П. А. Прохорова проводить беседы с ранеными и с врачами, проверять работу партийных организаций.

Захожу в кабинет, чтобы разобрать накопившуюся за день корреспонденцию, просматриваю телефонограммы и политдонесения, потом принимаюсь за письма и телеграммы. И сразу — приятный сюрприз: телеграмма из Тулы, от секретаря обкома ВКП(б) Н. И. Чмутова, о том, что Северо-Западному отгружен вагон (!) с гармониями.

На фронте больше чем где-либо человеку нужна хорошая песня и добрая шутка, свежая газета и письма от близких, книга и кинофильм — словом, то, что мы называем обычно духовной пищей. Забота о духовной жизни красноармейцев, об их отдыхе, таком недолгом на фронте, — прямая обязанность политработников.

Политуправление снабжало войска настольными играми, в первую очередь шахматами и шашками, следило, чтобы у всех бойцов были в достатке карандаши, конверты, бумага (конечно, во многом помогали работники полевых почт). О том, сколько весточек домой отправили красноармейцы с фронта, дают представление такие цифры: только за четыре месяца, с июля по октябрь 1942 года, было выдано и продано более 3,5 миллиона конвертов, примерно столько же открыток и 1,4 миллиона так называемых секреток — тех самых «треугольников», которых так ждали в тылу почти в каждой семье. И конечно, помнили мы о музыке — доставляли в части патефоны с пластинками, музыкальные инструменты, а перво-наперво — гармони.

Существовал неписанный закон, который строго соблюдался: каждая рота, батарея, эскадрилья должна иметь гармонию. Без нее на войне что за отдых? Каждый из нас, бывших фронтовиков, не раз был свидетелем незабываемой картины: объявлен привал, бойцы устали, лица хмурые — и вдруг заиграла гармошка. И забывается усталость, лица светлеют, улыбаются бойцы, перекидываются шуткой — совсем другое настроение. Или отдыхают бойцы в блиндаже, а кто-то тихо наигрывает с детства знакомые мелодии. Каждый слушает и думает о своем: о доме, о родных и близких...

В общем, к простой гармонии было особое отношение, и я не раз проверял, как обеспечены роты этим музыкальным инструментом. А если гармонией не хватало, то просили Главное политическое управление — нельзя ли помочь. Обращались и непосредственно в Тульский и Пермский обкомы партии, которые шефствовали над нашим фронтом. Секретари Пермского обкома Н. И. Гусаров и Тульского — Н. И. Чмутов с пониманием относились к нашим просьбам. Вот и сейчас, в который раз уже, туляки выручили.

...19 ноября 1942 года — день особый, памятный: началось контрнаступление советских войск под Сталинградом.

Связываюсь с начальниками политотделов армий, предлагаю им внимательно следить за развитием событий на Сталинградском фронте, как можно шире использовать сообщения об успехах Красной Армии на Волге в агитационно-пропагандистской работе, провести в дивизиях митинги, посвященные победным боям под Сталинградом.

Закончив переговоры с начпоармами, выезжаю на митинг в запасной фронтовой полк — километрах в сорока от Валдая. На лесной опушке среди мелкого сосняка уже собрались около полутора тысяч бойцов и командиров. Конечно, никакого микрофона нет, и минут пятнадцать, что называется, выкрикиваю свою речь — да так, что вечером могу говорить только шепотом. Несомненно, собравшиеся уже слышали сводку, но не могу удержаться и повторяю известные всем цифры. Воины с восторгом принимают это, они готовы слушать сводку Совинформбюро еще и еще раз.

В политуправлении меня уже ждет стопка свежих армейских и дивизионных газет. Редакции, как всегда, откликнулись на важнейшее событие оперативно, переверстали уже сверстанные номера. На первых полосах всех газет сводка Совинформбюро, первые отклики воннов нашего фронта.

В последующие дни окружение и разгром 6-й гитлеровской армии под Сталинградом стали лейтмотивом нашей политической работы на фронте. Разгром фашистов на Волге был темой бесед, митингов, газетных статей, листовок.

...Еще один будничным день политуправления, 8 декабря 1942 года. В колхозном клубе — просторном бревенчатом доме — собрались фронтовые писатели, поэты, журналисты, редакторы газет. Разговор идет об идейности произведений, которые печатаются во фронтовой и армейских газетах, об их художественной выразительности.

На трибуну один за другим поднимаются Михаил Светлов, Сергей Михалков, Михаил Матусовский, Александр Исбах, редактор армейской газеты «Знамя Советов» 11-й армии полковник В. Б. Фарберов. Они строго и придирчиво разбирают наиболее памятные публикации — очерки, рассказы, стихи. Крепко достается тем, кто пишет скороговоркой, штампами, шаблонно. У таких горе-журналистов, говорит Михалков, если порыв — так

обязательно стремительный, огонь — так ураганный, солдат ползет непременно по-пластунски, у труса глаза всегда бесцветные, у врага — оловянные...

Конечно, на военные события надо откликаться быстро, но это совсем не значит, что торопливо. Между тем некоторые отождествляли эти понятия и писали, что называется, взмахом, небрежно; что уж тут говорить о работе над словом.

На этой встрече армейских писателей и поэтов подчеркивалось: чтобы партийная печатная пропаганда была действенной, ей должны быть присущи не только высокая идейность, но и яркая образность, выразительность. Литераторы обязаны серьезно и вдумчиво работать над словом. Некоторые участники совещания возражали: сегодняшние статьи, очерки, рассказы — это, мол, только наброски к будущим творениям, вот кончится война, тогда уж... Но эта точка зрения не получила поддержки. Можно и нужно, говорил Михаил Светлов, думать о будущих произведениях, но нельзя сегодня печатать сырые, неделанные, легковесные вещи. Сегодня художественное слово, слово партийного публициста, поэта, писателя, — боевое оружие, нужное фронту не меньше, чем винтовки и пулеметы. И это оружие должно быть острым и отточенным.

Совещание окончилось, но фронтовые писатели и поэты долго еще не расходились, разговаривали, спорили...

Армейская печать, включавшая в себя фронтовые, армейские и дивизионные газеты, листовки, памятки, брошюры на военно-политические темы, была в полном смысле нашим идейным оружием. В условиях фронта она была агитатором, пропагандистом и организатором, мобилизовывала воинов фронта на разгром гитлеровских захватчиков.

Фронтная газета «За Родину» печаталась в специальном поезде, в котором находилась ротационная машина, линотипный цех, цинкография. Здесь же, в поезде, была редакция, здесь же жили работники газеты. В резерве мы держали еще одну походную типографию, на автомашинах, — на тот случай, если противник разбомбит поезд. Что бы ни случилось, очередной номер газеты должен выйти вовремя! К счастью, типография ни разу серьезно не пострадала — поезд всегда тщательно маскировали. Лишь в первые месяцы войны фашистам удалось обнаружить типографию. В результате бомбежки

были ранены сотрудники редакции, погиб фотокорреспондент И. Н. Фролов.

Редакция всегда находилась неподалеку от политуправления фронта. Это давало возможность при необходимости быстро вступить в контакт с редакционными работниками. Узел связи дал редакции позывные «Сосна», и они не менялись. Мы настолько привыкли к этому, что говорили обычно: «Позвоните в «Сосну» или «Свяжитесь с «Сосной».

До моего назначения на Северо-Западный фронт газету «За Родину» редактировали В. П. Московский, К. В. Павлов и Н. С. Ракита. С Ракитой мне довелось проработать вместе до конца войны, многие месяцы он был заместителем редактора. А редактировал газету полковой комиссар Николай Николаевич Кружков. Журналист с большим опытом, долгое время работавший в «Правде», замечательный товарищ, он пользовался огромным авторитетом у всех политработников. Николай Николаевич прекрасно ориентировался в задачах партийно-политической работы, умел быстро схватить суть дела, безошибочно выделить главное направление в печатной пропаганде, найти тему дня. Кружков отличался не только оригинальностью мышления, но и хорошим слогом.

Был такой случай. Приближалась юбилейная дата — 130-я годовщина изгнания русскими войсками французов из Москвы. Звоню по телефону Кружкову, прошу подготовить большую статью — о Кутузове, о народной войне, о преемственности традиций. Тема, что и говорить, подходящая, но, естественно, требующая долгой, тщательной работы. Поэтому я ожидал, что статья появится самое раннее через день-другой. И вдруг буквально несколько часов спустя мне приносят типографский оттиск статьи. Подпись — Н. Кружков. Читаю внимательно. Статья превосходная, что называется, придраться не к чему. И написана ведь она не в кабинетной тишине, а в редакционной сутолоке, среди множества других неотложных дел. До сих пор диву даюсь, как это у него получалось...

Главное политическое управление вскоре отозвало Николая Николаевича, его назначили заместителем главного редактора «Красной звезды». К нам прибыл новый редактор — полковник Д. А. Чекулаев. А бессменным ответственным секретарем редакции был подполковник Савва

Савельев (С. А. Говберг). Его неутомимости мог позавидовать каждый, да, пожалуй, и находчивости тоже. Каким-то образом у него всегда получалось так, что все пужные материалы умещались в номер, становились на свои места, и никто из сотрудников газеты не был обижен. Далеко не во всех редакциях такое удается.

Фронтная газета изо дня в день разъясняла воинам фронта политику Коммунистической партии и Советского правительства, рассказывала о положении на фронтах Великой Отечественной войны. Много внимания уделяла газета материалам, освещающим боевой опыт: как организовать оборону в болотистой местности, как устроить засаду в тылу врага, как взять «языка» и броском выйти из-под обстрела минометов и артиллерии. Газета рассказывала иногда о военных хитростях врага, давала описание конструкции новой вражеской мины, устройства фашистского танка с указанием уязвимых мест машины.

Словом, изо дня в день, из месяца в месяц газета учила бойцов и азбуке войны, и ее премудростям. Простым, безыскусным языком рассказывали о своем опыте лучшие люди фронта — снайперы, танкисты, летчики, разведчики. В газете освещалась работа лучших врачей и медсестер, саперов и связистов, шоферов, поваров и клубных работников. Приведу характерную заметку, подписанную старшим сержантом А. Рыбалкиным. Называлась она «Хороший повар».

«Утром, в полдень и вечером слышится песня.

— Это едет на передовые позиции повар Коробовский, — говорят бойцы.

Повар Коробовский умеет вкусно и сытно покормить бойцов и командиров. Он любит чистоту. Он всегда сам опрятен и того же требует от бойцов.

— Если хорошо накормлю, — говорит товарищ Коробовский, — мои артиллеристы будут лучше вести огонь по фашистам»¹.

Заметка, занявшая буквально несколько строк в одной колонке, дала — и мы это знали — ощутимый результат: в тот день не одному повару досталось за неопрятность и невкусную пищу. Если Коробовский кормит артиллеристов как следует, так и ты, братец, изволь постараться...

Конечно, как и в каждой советской газете, в нашей

¹ «За Родину», 1943, 3 августа.

фронтной газете появлялись критические выступления — отчего сорвалась танковая атака, в чем ошибся командир подразделения, почему неверно окапываются бойцы, как получилось, что снабженцы не выдали вовремя махорку. Но, конечно, не эти выступления определяли лицо газеты.

Прерву на время разговор о фронтной печати, чтобы рассказать о событиях на Северо-Западном фронте в декабре 1942 и январе 1943 года. Уже с начала декабря фронт начал готовиться к новым наступательным боям, преследующим цель перерезать Рамушевский коридор. В такие дни, когда готовились наступательные бои, я и мои боевые товарищи по политуправлению обязательно выезжали в армии, причем, как правило, не задерживались в армейских управлениях, а направлялись непосредственно в дивизии и полки. Главным своим делом мы всегда считали живую работу в войсках.

В предстоящих боях с участием четырех армий главную задачу решала 11-я армия. Именно в 11-ю армию политуправление направило сильную группу политработников во главе с подполковником А. П. Голубевым. Перед группой Голубева была поставлена задача оказать непосредственную помощь политорганам армии и дивизий в организации политического обеспечения предстоящего наступления.

Спустя несколько дней я тоже выехал в 11-ю армию, ездил из дивизии в дивизию, в течение трех дней изучал постановку партийно-политической работы в армии, собирал политработников, беседовал с командирами и бойцами. В некоторые дивизии с нами выезжали гости фронта — посланцы братской Монголии. Теплые слова зарубежных друзей, их скромные подарки были очень приятны воинам, которым предстояло через день-другой идти в бой.

16 декабря 1942 года дивизии 11-й армии начали наступление. Завязались тяжелые бои. Многие населенные пункты по несколько раз переходили из рук в руки. 26-я и 282-я стрелковые дивизии, 43-я гвардейская стрелковая дивизия потеснили гитлеровцев. Вместе с начальником политотдела армии генерал-майором В. Д. Шабановым мы распределили инструкторов политуправления фронта и политотдела армии по всем дивизиям и полкам.

Бои становились все упорнее и упорнее. Усиливаю группу политуправления инструкторами отдела пропа-

ганды и комсомольского отдела, вызываю политработников из резерва политсостава. Ежедневно получаю подробные политдонесения.

Во время боев все мы находились в полках, батальонах, ротах. По ночам на командных пунктах дивизий собирали замполитов, подводили итоги дня, отмечали отличившихся, вскрывали недостатки в партийно-политической работе. В боях успешно действовали политработники 170-й стрелковой дивизии Кулагин, Августов, Чанбарисов.

25 декабря вместе с командующим войсками фронта маршалом С. К. Тимошенко и членом Военного совета фронта генерал-лейтенантом В. Н. Богаткиным выезжаю в 170-ю дивизию, затем в 254-ю и 43-ю гвардейскую. Поздно вечером В. Н. Богаткин приглашает к себе группу А. П. Голубева. Она многое уже успела сделать. В частности, в пяти дивизиях, где поработали представители политуправления, пополнились партийные организации, в те роты, где было мало коммунистов, перевели членов партии из других подразделений.

С. К. Тимошенко, В. Н. Богаткин и я направились утром 26 декабря в 202-ю дивизию, которой командовал генерал-майор С. Г. Штыков (начальник политотдела — полковник А. Н. Санников). Побывали в полках, беседовали с десятками бойцов и командиров. Маршал С. К. Тимошенко вручил награды героям недавно прошедших боев, в которых дивизия захватила сильный опорный пункт противника.

В этих боях войны дивизии проявили массовый героизм. Несколько раз водил бойцов в атаку младший политрук А. И. Круглов. Он лично уничтожил 15 гитлеровцев, но сам пал в бою смертью храбрых.

Сейчас перед дивизией стояла задача овладеть высотой на фланге прорванного переднего края вражеской обороны, у деревни Софронково. Это удалось лишь через несколько дней. В самом начале января 1943 года войска дивизии штурмом овладели высотой. Но в тот же день гитлеровцы, подтянув резервы и тяжелую артиллерию, вернули позиции. Вновь начался штурм высоты. Комдив Серафим Григорьевич Штыков сам повел полк в атаку и был убит осколком вражеского снаряда. В этом бою погибли командир 645-го стрелкового полка Степан Федорович Чередниченко и командир 682-го стрелкового полка Андрей Андреевич Москвин,

Несколько дней назад мы дружески разговаривали, обсуждали боевые задачи, партийно-политическую работу в полках. И не верилось, что больше не доведется встретиться с этими замечательными людьми...

Эта частная наступательная операция также не принесла решающего успеха — по причинам, на которых я уже останавливался. Но в этих боях закалялась воля воинов фронта, росло их воинское мастерство.

Огромную помощь в воспитании воинов, в пропаганде и агитации оказывали политработникам фронтовые журналисты, писатели и поэты. Корреспонденты фронтовой, армейских и дивизионных газет постоянно находились в войсках, давали оперативную информацию, знакомили с опытом лучших бойцов и командиров.

Одним из самых оперативных журналистов справедливо считался корреспондент фронтовой газеты «За Родину» по 11-й армии майор А. А. Розен. Почти два года находился он в этой армии, ежедневно давая в номер информацию, готовя очерки, организуя выступления воинов. Он знал многих бойцов и командиров, его осведомленность была удивительной.

Источники информации оказывались порой очень неожиданными. Однажды А. А. Розен, завтракая в столовой, обратил внимание на мрачное настроение одного из офицеров-хозяйственников и стал расспрашивать его, что случилось. Офицер нехотя объяснил, что начальник политотдела сделал ему выговор за то, что до сих пор не отправлена посылка Военного совета армии одному солдату.

Посылка солдату от Военного совета армии? Корреспондент тотчас отправился в политотдел и там узнал, что накануне солдат Антон Дюбкачев уничтожил в бою 17 фашистов. Конечно, о таком подвиге надо срочно рассказать в газете. Но весенняя распутица не позволила немедленно выехать на тот участок фронта, где сражался герой. Помогли связисты — соединили журналиста с командиром роты. Корреспонденту подробно рассказали о действиях бойца-спайпера, и спустя два часа через узел связи 11-й армии в редакцию была отправлена корреспонденция о солдатском подвиге.

Вскоре А. А. Розен узнал, что командующий войсками Северо-Западного фронта наградил солдата орденом Красного Знамени; приказ командующего также был передан в редакцию по телефону. А во второй половине дня

А. М. Шилов

М. Д. Орловский

Порт Кобона. Мука для осажденного Ленинграда

Д. С. Занис

Д. И. Смирнов

Эвакуированные ленинградцы на восточном берегу Ладоги

П. А. Курочкин (справа) и В. Н. Богаткин беседуют с войнами

С. К. Тимошенко

И. С. Конев

В. Н. Глазунов

Я. И. Драйчук

В. В. Бабицкий

Ф. Я. Лисицын

Вручение правительственной награды Герою Советского Союза
Я. И. Вилхелмсу

П. Д. Зутис, В. Т. Лацис, А. Д. Огороков, Я. Э. Калнберзин

А. П. Голубев

Н. Н. Кружков

**Сотрудники газеты «За Родину» (справа налево): В. Соловьев, М. Мату-
совский, А. Исбах, Е. Габрилович, С. Михалков, Б. Изаков**

Фронтное совещание комсомольских работников. В центре —
Г. Ф. Захаров и Н. Е. Субботин

И. Е. Петров

С. И. Панков

Прием в партию

Свежий номер боевого листка

К. К. Рокоссовский и Г. К. Жуков

Н. М. Александров

Я. Е. Масловский

Герой Советского Союза
Ф. Е. Санников

Минометчик
ефрейтор Туготаев

Одер. Доставка боеприпасов через пойму реки

И. И. Михальчук

В. А. Сычев

В. Я. Головкин

Н. А. Радецкий

Ф. Ф. Веров

Н. Н. Савков

В «штаб-квартире». К. К. Рокоссовский и А. Н. Боголюбов

Политработник В. М. Герасимов проводит занятия с полковыми агитаторами

**В госпитале. Вручение правительственной награды инспектору
политуправления фронта И. С. Железнякову**

Из фашистской неволи на Родину

К. К. Рокоссовский и И. В. Шикин

Ф. И. Жмулев

Герой Советского Союза
Н. Меклин

В каждой роте был свой Теркин...

В последний день войны

начальник политотдела 11-й армии В. Д. Шабанов вручил Антону Дюбкачеву награду и подарок — посылку Военного совета армии.

Вечером А. А. Розен передал в редакцию репортаж о вручении награды. А на следующий день все эти материалы появились на первой полосе газеты «За Родину». Но этим дело не кончилось. Еще через день в газете под рубрикой «Из опыта боев в лесисто-болотистой местности» была напечатана статья А. Дюбкачева о боевом опыте. Этот поучительный материал был подготовлен с помощью фронтового корреспондента.

Об этом случае я рассказал, чтобы еще раз подчеркнуть оперативность фронтовых журналистов, их умение использовать все каналы информации и связи. Таких неутомимых работников печати на фронте было немало. Они были той нитью, которая прочно связывала нашу фронтовую печать с многотысячным многонациональным боевым коллективом фронта.

Уделяя основное внимание фронтовым делам, газеты, разумеется, информировали воинов фронта и о событиях в стране, и о международных событиях. Редакции старались не только дать информацию, но и прокомментировать ее. Когда речь шла о наших недругах, то прокомментировать хлестко — коротким фельетоном, смешной карикатурой. Например, в июле 1943 года, рассказывая читателям о падении диктатуры Муссолини, фронтовая газета «За Родину» поместила сообщение ТАСС, комментарии иностранных агентств, изложение передач римского радио, а рядом — карикатуру «Погорел...», созданную В. Васильевым. Она изображала Муссолини, падающего из окна горящего дома. А под карикатурой стояла такая подпись в стихах:

Дым в окне клубится тучей.
Любопытный случай:
Говорят, теперь у дуче
Приступы падучей...¹

Подписан этот микрофельетон — «Братья-пулеметчики»; та же подпись стоит под многими сатирическими материалами газеты в стихах и в прозе. Под этим псевдонимом выступали Михаил Матусовский и Александр Исбах.

¹ «За Родину», 1943, 27 июля.

Редакция старалась по возможности богато иллюстрировать газету. В ней часто можно было увидеть карикатуры, высмеивающие гитлеровцев и их приспешников. Неизменным успехом пользовались фоторепортажи и фотоочерки наших фронтовых корреспондентов П. Б. Берштейна, Т. Н. Мельника, В. Р. Шаровского. На снимках предстают перед нами сцены боя, портреты славных сынов Отчизны. Не все снимки равноценны с художественной точки зрения. Но не будем судить слишком строго: снять эпизод боя можно только будучи в бою, и если пули свистят над головой, не всегда удается выбрать верный ракурс...

Я уже говорил о том, как газета использовала огромный авторский актив фронта. Такая работа требовала не только оперативности, но и высокого журналистского мастерства. А работали в редакции действительно знатоки своего дела.

Выше я назвал уже некоторых писателей и поэтов, сотрудничавших в нашей газете. Замечу также, что многие признанные советские писатели начинали свой путь в газетах нашего фронта. Среди них лауреат Ленинской премии С. С. Смирнов, народный поэт Белоруссии А. А. Кулешов, В. З. Апресян, Д. М. Мулдагалиев, И. Ф. Стаднюк. Плодотворно трудились во фронтовой и армейских газетах журналисты Н. М. Кононыхин, Г. Ш. Куприянов, Н. А. Мельников, С. Н. Мяготин, Н. Папюшкин, Л. Ю. Плескачевский, Е. А. Петров, В. М. Сухивин, Т. В. Чугай. Немало помогали нам находившиеся на фронте корреспонденты центральных газет и журналов: Л. Н. Толкунов («Правда»), С. Г. Коршупов и С. И. Лоскутов («Красная звезда»), П. М. Русин («Комсомольская правда»), С. В. Михалков («Сталинский сокол») и другие. К нам часто приезжали известные писатели Маргарита Алигер, Евгений Габрилович, Владимир Соловьев, чьи фронтовые произведения украшали армейские газеты.

Очень популярен среди воинов был Сергей Михалков. Его знали и до войны — как детского поэта, с «Дядей Степой» были знакомы, наверное, все ребята. Но война дала поэту иные темы.

Горит Кубань, Майкоп в ночи пылает,
Защиты просят женщины с детьми,
Тебя, боец, Отчизна призывает,
Останови врага!

Отбрось
И разгроми!..
Где б ни был ты, в горах ли на Кавказе,
В лесах Валдая ли, — с врагами бой прими.
Не дай в свой дом войти чумной заразе,
Останови врага!
Отбрось и разгроми!¹

Не верится даже, что эти строки написаны тем же человеком, который с мягким юмором писал о кумире малышей — дяде Степе... Впрочем, и на фронте Сергей Михалков был верен детской тематике. Помню его прекрасную статью «Пишут дети» — обзор писем, пришедших на фронт от пионеров и школьников. Я разыскал эту статью. Письма детей не просто трогают сердце — они потрясают. Аня Артеменко: «Мое детское сердце просит вас отомстить за моего папу и за всех убитых на войне с фашистами. И я вас прошу, дорогой боец, написать мне письмо на дом. Я буду ждать». Сеня Плоткин: «Бейте их! Они убили мою маленькую сестренку, они сожгли зажигалками наш дом». Фаня Хазина: «Они стреляли в нас с самолета, когда мы ехали в поезде. И мне пулей попали в ногу. Я не могу ходить...»

Этот обзор заканчивался стихами Михалкова:

Прочитал письмо военный летчик,
Бережно вложил в планшет листочек,
Шлем надел. Пошел к своей машине.
Влез в кабину. Посмотрел кругом.
Полетел.
И, думая о сыне,
Беспощаден был в бою с врагом².

Михаил Матусовский пользовался, пожалуй, не меньшей популярностью. Бойцам нравились его лирические стихотворения песенного склада и героико-эпические произведения.

До сих пор Михаил Львович хранит память о Северо-Западном фронте, о нашей боевой дружбе. В 25-ю годовщину Победы впервые прозвучала песня М. Блантера на слова М. Матусовского «Пушки молчат дальнебойные», вавоевавшая широкую известность:

Где ж эти парни безусые,
С кем в сорок первом году
Где-то под Старою Руссою
Мы замерзали на льду;

¹ «За Родину», 1942, 22 августа.

² Там же, 17 июля.

С кем по жаре и по холоду
Шли мы упрямо вперед,
Наша военная молодость —
Северо-Западный фронт.

Фронтовые саперы буквально зачитывали поэму В. Соловьева «Переправа», посвященную героям-саперам. В ней привлекал не только умело построенный сюжет, но и хороший слог, образный язык. Гневом дышали строки, написанные Степаном Щипачевым:

За каждый вершок, за травинку в степи
Мы насмерть должны, как за город, стоять.
Вытерни! Выдержи! Не отступи!..¹

В газете 1-й ударной армии активно сотрудничал замечательный наш поэт Михаил Аркадьевич Светлов. Кто не знает его прекрасных стихов — «Гренада», «Каховка»! Но далеко не всем известно, что на Северо-Западном фронте поэт написал новый вариант своей знаменитой «Каховки» — когда Красная Армия взяла с боями этот небольшой украинский городок.

Украинский ветер шумит над полками,
Кивают листвой тополя..
Каховка, Каховка, ты вновь перед нами,
Родная, святая земля.
Мы шли через горы, леса и долины.
Прошли через гром батарей.
Сивозь смерть мы пробилась..
Встречай, Украина,
Своих дорогих сыновей².

И еще несколько слов о Михаиле Светлове. Он откликался на все важные события в армии. Хорошо помню его стихотворение о фронтowych героях — пулеметчике Чистякове («Песня о дружбе»), «О герое армии Громе». Газета печатала и прекрасные лирические стихи Светлова — «Ночь перед боем», «Союз народов». Я счастлив, что мне довелось познакомиться на фронте с этим замечательным поэтом — прекрасным товарищем, другом солдат, человеком с кристально чистой совестью.

Среди фронтowych очеркистов своей творческой активностью выделялся К. Я. Горбунов. Он писал выразительно и ярко. До сих пор помню, например, очерк о разведчике сержанте Василии Медведеве, славившемся своей

¹ «За Родину», 1942, 7 августа.

² Там же, 1943, 4 ноября.

богатырской силой. Очерки Горбунова о героях фронта пользовались большой популярностью у бойцов. К лучшим произведениям такого жанра я бы отнес «В камышах», «Два гвардейца», «Снайпер Григорий Савченко».

На нашем фронте начал свою писательскую деятельность и Ю. М. Корольков. Помню его сочный рассказ «Летописец» — о боевой истории роты.

Литературным тружеником я назвал бы Александра Исбаха. Писал он очень много (и, замечу, хорошо), но еще больше, пожалуй, помогал молодым, начинающим фронтовым писателям и журналистам. В то же время он успевал следить за новинками литературы, отечественной и зарубежной, его эрудиция была поразительной, и мы часто просили его сделать доклад на ту или иную тему, касающуюся современной культуры.

Рассказы, очерки, стихи, написанные мастерски, несущие большой идейный заряд, стали серьезным подспорьем в политической работе на фронте. Свой вклад в общее дело внесли не только литераторы и журналисты, но и композиторы, музыканты, кинематографисты, актеры.

Хорошая музыка, добрая песня как ничто иное поднимает настроение перед боем. Особенно если песня своя, фронтовая. Вспоминаю необычную историю одной боевой песни, музыку которой написал композитор Мариан Коваль — частый гость Северо-Западного фронта. Текст песни, созданный Р. Александровым, напечатала фронтовая газета «За Родину»:

Валдайские высоты,
Холмы среди полей.
В поход шагают роты
Дивизии моей...¹

Эту песню, которая называлась «Валдайские высоты», разучил самодеятельный армейский ансамбль, и скоро ее знали все бойцы. А газета обратилась к читателям: будем считать, что напечатанный текст — только набросок песни, присылайте дополнения и поправки, присылайте новые куплеты — о своих боевых делах, о героях ваших подразделений.

Отклик на этот призыв не заставил себя ждать. Среди бойцов и командиров оказалось немало самодеятельных поэтов. Майор Брюшков считал, что надо обязательно от-

¹ «За Родину», 1942, 2 июля.

метить февральские бои 1942 года с егерями под Старой Руссой, и предложил такой куплет:

Под Старой Руссой били
Фашистских егерей,
Победу мы добыли
Дивизии своей...

Младший лейтенант Чумаков написал строки о знаменитом разведчике Устюжанине и его боевых друзьях:

Герои Устюжанина
Врагов без счета бьют,
Фашистскому отродью
Пощады не дают.

Заместитель политрука С. Филиппенко писал: «Помоему, нужно добавить несколько строчек про артиллеристов». И предложил такой куплет:

Наводкой бьем прямою
По точкам огневым,
Смертельным русским боем
Врага мы угостим!

Так рождалась песня, добавлялись к ней новые и новые строки. В разных батальонах пели ее по-разному. Такие песни бойцы вполголоса напевали на передовой, пели их и в дивизионных красноармейских клубах. В этих клубах бойцы могли послушать последние известия, посмотреть документальные и художественные кинофильмы и, конечно же, концерты художественной самодеятельности. Несмотря на суровую фронттовую обстановку, самодеятельность процветала, причем многие из тех, кто отличался в боях, преуспевали и на клубной сцене. Для примера назову минометчика Фролкина, разведчика Молчанова, наводчика Соловья, медсестру Цветову. Казахский композитор Ромаан Элебаев, боец 7-й гвардейской стрелковой дивизии, и в боевой обстановке продолжал сочинять марши и песни, темы для которых он черпал из фронтовой жизни. Р. Элебаев был участником боев за Рамушевский коридор. Он вынес с поля боя 47 раненых и был награжден за ратный подвиг орденом Красного Знамени.

Политическое управление фронта и политотделы армий организовывали смотры красноармейской художественной самодеятельности, чтобы коллективы и ансамбли

могли поделиться опытом, взять на вооружение лучшее из репертуара своих товарищей.

В один из относительно спокойных фронтовых дней политотдел 11-й армии пригласил меня на смотр красноармейской художественной самодеятельности. На смотре выступил замечательный армейский ансамбль песни и пляски, которым руководил техник-интендант Блашевич, оркестр под управлением красноармейца Чистякова. Очень хорошо прозвучала живая газета, поставленная красноармейцем Суриным, бойцы тепло встречали конфетансье — красноармейца Ковалева, выступавшего в костюме повара.

Звучат знакомые, близкие сердцу напевы, русскую народную песню сменяет украинская, слышатся белорусская, узбекская, грузинская песни, выходят на сцену танцоры в национальных костюмах, и каждый танец, каждая песня вызывает неизменный интерес. Говорят, что искусство сближает народы. Эту благородную миссию искусство, профессиональное и самодеятельное, выполняло и на фронте.

Мне довелось видеть и олушать красноармейскую самодеятельность не только в 11-й, но и в других армиях фронта. Достоин восхищения, что солдаты, сержанты и офицеры готовили свои выступления в сложной фронтовой обстановке, во время коротких промежутков между боями. И готовили замечательно, на совесть.

Чтобы бойцы разных национальностей могли показать свое народное искусство, требовалась, если можно так сказать, материальная база — национальные костюмы, народные музыкальные инструменты. Тут нашему отделу снабжения пришлось потрудиться вовсю: не совсем, согласитесь, обычная задача для фронтового работника — достать зурну, домру или бубен. Доставали...

Наш фронтовой Дом Красной Армии приложил немало стараний к тому, чтобы подготовить и разослать в части национальный репертуар для красноармейской художественной самодеятельности, проследить за тем, чтобы в программы коллективов были включены песни, музыка и пляски разных народов нашей Родины. Дом Красной Армии рассылал также рекомендательные списки кинофильмов на разных языках, а политотделы армий установили контроль за использованием таких фильмов.

В нашем распоряжении находилось более 150 кинопередвижек, их мы старались посылать как можно чаще

на передний край. Хороший фильм помогал бойцам снять напряжение, отдохнуть. Конечно, на передовой с кинозалами худо, и наши киноработники выкручивались как могли. Например, показывали фильм в блиндаже командира роты, причем дважды — сначала для одной половины роты, потом — для другой. Все кинопередвижки необходимо было снабдить фильмами, желательными новыми. Мы отдавали предпочтение фильмам патриотическим, сильным, но не забывали и про комедию: нет лучше средства поднять настроение бойцов. Мы регулярно получали из Союзкинохроники киноленты, снятые кинооператорами на Северо-Западном фронте. Показ таких документальных лент имел очень большое значение для идейно-политического воспитания воинов и партизан, вдохновлял их на новые подвиги в борьбе с гитлеровскими захватчиками.

Центральный Дом Красной Армии имени М. В. Фрунзе присылал нам шефские бригады национальных театров, концертные группы. Да и сами наши бойцы и командиры устраивали настоящие народные праздники.

В теплый июньский день 1943 года свой национальный праздник «Лиго» отмечали латышские стрелки. Представьте себе места недавних боев. Изрытые окопами и траншеями поля, воронки от снарядов, руины — совсем недавно изгнали отсюда врага латышские стрелки. И здесь, буквально в нескольких километрах от переднего края, — народный праздник! Между прочим, противник ничего не заметил — так отлично соблюдалась маскировка. Бойцы пришли на праздник в касках и с автоматами — этого требовала военная обстановка, — но каски были украшены венками — этого требовала традиция. Торжественно вручили венок из дубовых листьев Янису Вилхелмсу, Герою Советского Союза. А передала ему венок Моника Мейкшан, отличный снайпер, награжденная за меткую стрельбу орденом Красной Звезды.

Свои народные праздники устраивали и воины других национальностей. В них принимали участие все бойцы подразделения, части. И конечно, песни и танцы разных народов СССР всегда были в репертуаре фронтового ансамбля песни и пляски, которым руководил В. А. Мызников. Ансамбль был поистине профессиональным коллективом. Пожалуй, больше всего это проявилось в вокальном жанре. Ансамбль стал настоящим запевалой армейской песни. Буквально через несколько дней после

того, как в Москве прозвучит новая песня, ее подхватывает ансамбль, затем песня идет в самодеятельные коллективы, и вскоре она уже на устах всех красноармейцев. Так было с известными песнями времен войны «На солнечной поляночке», «Моя любимая» и многими другими. Популяризации новых советских песен способствовали превосходные исполнители: солисты ансамбля тенор Н. М. Гринев и бас Е. Б. Флакс. Многие читатели, безусловно, помнят их — в послевоенные годы советские песни в исполнении этих певцов не раз звучали по Всесоюзному радио.

Были в ансамбле и прекрасные танцоры, а по совместительству и балетмейстеры — В. И. Копченко, С. П. Лисичкин, Я. В. Соколин. Позже из 22-й армии мы пригласили в ансамбль профессионального балетмейстера лейтенанта Николая Злобина, который ставил отличные солдатские пляски.

Помимо ансамбля при фронтовом Доме Красной Армии работали эстрадная группа и духовой оркестр, которыми руководил известный ныне композитор и дирижер Борис Павлович Карамышев. Он непрерывно разъезжал со своими артистами по войскам, и всюду выступления коллектива встречали теплый прием. Оркестр сумел во фронтовых условиях подготовить и блестяще исполнить торжественную увертюру П. И. Чайковского «1812 год»; даже колокола для оркестра сумели где-то раздобыть...

А всем сложным хозяйством, в которое входили многие коллективы, руководил начальник Дома Красной Армии подполковник В. Н. Житковский, веселый, неунывающий человек. У него всегда была наготове добрая шутка.

У нас на фронте побывали театральные коллективы из Узбекистана и Казахстана, из Туркмении и с Поволжья, из Ленинграда и Свердловска. Не забывал нас и МХАТ: к нам приезжала прекрасная бригада, в состав которой входили популярные артисты — А. П. Зуева, Н. И. Доронин, М. П. Баталов, Е. Б. Ауэрбах и другие. Приезжали к нам артисты московской астрады, Московского театра имени Моссовета, Малого театра. Все они оказали нам, командирам и политработникам, огромную помощь. Приезд артистической бригады в воинскую часть всегда был праздником для воинов.

У древних римлян была пословица: «Когда гремит оружие, музы молчат». Но разве можно с ней согласить-

ся? В грозные дни истинный художник всегда вместе с народом, он живет его мыслями и чаяниями. Еще В. Г. Белинский в «Литературных мечтаниях» заметил: «Говорят, что музы любят тишину и боятся грома оружия: мысль совершенно ложная!»¹

Наши фронтовые музы не боялись грома пушек и свиста пуль. Они шли рядом с бойцами, поддерживали их в трудную минуту, вдохновляли и окрыляли.

Прежде чем закончить эту главу, хочу рассказать еще об одном важном направлении партийно-политической работы. В войсках Северо-Западного фронта, как и всех войсках других фронтов Великой Отечественной войны, сражались воины многих национальностей нашей страны. Самые многочисленные группы, после русских, украинцев и белорусов, составляли казахи (7500 человек), татары (около 7000 человек) и узбеки (свыше 5000 человек). Многие из них недостаточно владели русским языком. Поэтому постоянной заботой политорганов была подготовка агитаторов, хорошо знающих родные языки бойцов, выпуск газет и листовок на казахском, узбекском, татарском, латышском и литовском языках.

Во главе таких редакционных коллективов стояли способные и опытные политработники-журналисты — татарин майор Г. Г. Гильманов, казах капитан Е. А. Ельчибеков, узбек майор Ш. М. Будатов.

После того как вышли первые номера газет на национальных языках, мы получили много откликов от воинов. Красноармейцы-татары, получив впервые газету «Ватан очен» («За Родину»), прислали в политуправление фронта такие письма:

«Нам все становится понятным, когда читаем газету на родном языке» (красноармеец Г. Салихов).

«Последние два года я почти не читал на родном языке. Я и красноармейцы-татары из нашего подразделения с большим вниманием читаем газету «Ватан очен». Буду постоянным корреспондентом вашей газеты» (младший лейтенант С. Гиззатулин).

«Боец Сафин, увидев газету на татарском языке, очень обрадовался. «Я буду читать ее своим товарищам», — заявил он. Сейчас Сафин — агитатор. Он уже провел несколько бесед» (политработник Алфимов).

¹ Белинский В. Г. Собр. соч., М., 1948, т. 1, с. 28.

Политическая работа среди воинов разных национальностей, будучи единой по цели и сути, имеет тем не менее свои специфические черты: надо учитывать особенности национального характера, привычки и традиции.

Припоминаю такой случай. В 188-й стрелковой дивизии меня окружили бойцы-узбеки и высказали обиду: «Мы привыкли уважать старших, слушаем их с почтением, но старшие должны говорить правду. Был у нас агитатор из дивизии, обещал открыть чайхану, а не сделал ничего». Выяснилось, что все так и было: агитатор своего обещания не сдержал, тогда как во многих полках чайханы уже действовали.

Конечно, слово «чайхана» звучало несколько громко — это просто землянка, где в минуты отдыха можно прочитать газету на родном языке, сыграть в шахматы или в другие игры. Любили заходить в чайхану и русские бойцы — попить чаю вместе с друзьями.

Вскоре начальник политотдела 188-й дивизии полковник Г. Н. Шинкаренко доложил мне, что задержка была вызвана нерасторопностью полковых хозяйственников. В полку чайхану открыли. Особенно приятно стало заходить в такие землянки, когда правительство Узбекской ССР прислало в подарок фронту настоящий зеленый чай. Подарок оказался более чем кстати: уже во многих полках были свои чайханы.

Формы политработы среди воинов разных национальностей многообразны, и политуправление внимательно изучало их, распространяло ценный опыт. Так, политработник майор Шевченко провел собрание воинов разных национальностей под девизом: «Как мы выполняем наказ своего народа». Капитан Крутковский собрал семинар агитаторов, на котором выступили знатные люди 370-й стрелковой дивизии — чеченец Абухажи Идрисов рассказал, как он уничтожил 330 фашистов, а казах Али Сарсенов поведал о том, как он сражался во вражеской траншее один против группы гитлеровцев. Якут Алексеев, овладев русским языком, стал учить товарищей, постоянно читал им фронтовую и армейскую газеты. Агитатор сержант Касенов, казах, рассказывал мне, как он обучает своих товарищей русскому языку, который необходим бойцам, и не только как язык команд и боевых приказов, но и как язык великой культуры, язык Ленина и Пушкина.

Изучение русского языка бойцами разных националь-

ностей было широко поставлено в 8-й гвардейской стрелковой дивизии. Партийная организация подобрала наиболее подготовленных коммунистов и поручила им это важное дело. Создали небольшие, по 6—10 человек, группы, занятия проходили ежедневно. Политуправление фронта снабдило агитаторов русско-казахскими, русско-киргизскими, русско-татарскими и русско-узбекскими разговорниками. Первым делом выяснили, какие русские слова понятны бойцам (таких слов оказалось немало: «коммунист», «совет», «колхоз», «винтовка», «автомат» и т. д.). А затем начались тематические разговорные уроки, причем к каждой теме подбирался словарь — так, чтобы ввести десять — пятнадцать новых русских слов. Агитаторы старались подключить и зрительную память. Например, обучая словам «вперед», «ложись», «направо», «налево», они показывали бойцам, что эти слова означают. Такие методы себя вполне оправдали, во многих дивизиях бойцы быстро освоили необходимый словарный минимум. Политуправление фронта распространило этот опыт, удачные находки стали достоянием всех политработников.

Военный совет фронта всегда интересовался политработой среди бойцов из союзных и автономных республик. Весной 1943 года на заседании Военного совета стоял мой доклад о политической работе в войсках. Как водится, я начал с общих вопросов. И тогда командующий фронтом Иван Степанович Конев со своей обычной добродушной простотой перебил меня:

— Да ты попробуй без общих слов. Говори о политработе в ротках, в батальонах. Расскажи, к примеру, про свои чайханы. А еще лучше пригласи — чаю попьем...

Были у нас на фронте политработники, хорошо владевшие многими языками народов СССР. Отлично знал татарский, узбекский и казахский языки начальник политотдела 245-й стрелковой дивизии полковник А. Ш. Чекушин. Он вел политическую работу среди бойцов разных национальностей со знанием дела и любовью. Бойцы относились к нему с уважением, прислушивались к его словам, часто спрашивали совета. Словом, влияние его на бойцов было немалым.

Не щадя своей жизни, мужественно дрались с врагами представители разных народов нашей многонациональной Родины. Навсегда сохранился в памяти образ героя-политработника Р. М. Файзрахманова, заместителя

командира батальона 1024-го стрелкового полка. Его авторитет у бойцов был непрерываем. Файзрахманов, по национальности татарин, свободно владел всеми языками народов Средней Азии. Он часто беседовал с бойцами — узбеками, казахами, таджиками, киргизами, туркменами — на их родном языке. В боях Файзрахманов вел себя геройски. Под населенным пунктом Васильевщиной, в районе Рамушевского коридора, когда батальон залег у проволочного заграждения под сильным минометным огнем противника, политработник повел бойцов за собой. Он крикнул сначала на русском, потом на казахском и узбекском языках: «Товарищи, если мы здесь задержимся, то все погибнем! Бросок обеспечит победу. Вперед, за мной!»

Бойцы поднялись вслед за Файзрахмановым и овладели вражеской позицией. Но этот бой был последним для славного политработника — он пал смертью героя.

Политработа на фронте — это десятки дел, непохожих одно на другое, это тяжелый труд, порою без сна и отдыха, это постоянная готовность быть на самом трудном участке, вселять в бойцов веру в победу и вести их за собой, не щадя собственной жизни.

Всеми этими высокими качествами в полной мере обладали наши фронтовые политработники. Словом и делом они помогали прокладывать путь к Победе.

КАПЛЯ ДОЛБИТ КАМЕНЬ

На всех фронтах Великой Отечественной войны шла кровопролитная борьба с фашизмом. На полях сражений советские воины отстаивали свободу и независимость своей Родины. Пока фашизм не уничтожен, не могло быть покоя советским людям.

Важным подспорьем в этой борьбе стала работа по разложению войск противника. Среди вражеских солдат было немало людей, одураченных геббельсовской пропагандой, и этим людям нужно было разъяснить, что истинный враг немецкого народа не Красная Армия, а гитлеровский фашизм. Пропаганда среди войск противника стала непременной составной частью нашей политической работы.

«Путем агитации и пропаганды мы отняли у Антанты ее собственные войска»¹, — писал В. И. Ленин. Организуя идеологическую работу среди войск противника, мы исходили из указания В. И. Ленина о важности большевистской агитации и пропаганды во вражеских войсках.

Поначалу не все понимали значение такой работы, хотя позже оно стало для всех очевидным. В работе подобного характера не следует ждать немедленных результатов — это длительный процесс, требующий терпения, выдержки, настойчивости. Каждая листовка, каждая передача через мощногоговорящие установки были малой каплей, но эти капли падали непрерывно. Медленно, но верно наша пропаганда проясняла сознание немецкого солдата, затуманенное фашистской идеологией.

Так что результат сказался не сразу. За долгие месяцы боевых действий на Северо-Западном фронте не

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 125.

так уж много вражеских солдат добровольно сдалось в плен. Но в последующем, особенно в конце войны, они уже тысячами переходили к нам, зажав в руках специальные пропуска, которые политуправления фронтов забрасывали на вражескую территорию. В этом я имел возможность убедиться впоследствии, уже на 2-м Белорусском фронте.

Большую помощь в организации и ведении антифашистской работы среди войск противника оказывали фронтовым политработникам замечательные коммунисты-интернационалисты Георгий Михайлович Димитров и Дмитрий Захарович Мануильский.

Когда Д. З. Мануильский был награжден орденом Ленина, Военный совет фронта и политуправление послали Дмитрию Захаровичу сердечное поздравление и скромные фронтовые подарки — самодельные солдатские портсигар и зажигалку. В своем ответе 5 ноября 1943 года Д. З. Мануильский писал:

«Покорнейше благодарю Вас за Ваше внимание, за Ваши теплые, дружеские слова и не вполне заслуженную оценку моей деятельности как агитатора-пропагандиста великой партии Ленина.

Разрешите сказать Вам, что полученной мною высокой правительственной наградой я обязан и Вам, поскольку Вы всегда крепко и умело помогали работникам отдела в их деятельности по пропаганде среди войск противника. Ваше письмо тем более дорого и ценно для меня, что исходит оно от боевых советских генералов, к которым я питаю чувство глубокого уважения. Как заядлый курильщик, тронут Вашим чудесным подарком и обещаю помочь Вам всеми силами выкуривать врага с нашей священной земли.

Крепко, по-товарищески, обнимаю Вас,
Уважающий Вас Д. Мануильский».

К нам на Северо-Западный фронт часто приезжали генералы М. И. Бурцев и Б. Г. Сапожников из Главного политического управления РККА. Они всегда были в курсе нашей работы среди войск противника, рассказывали про опыт, накопленный на других фронтах Великой Отечественной войны, помогали нам оперативнее и содержательнее организовывать работу среди гитлеровских войск.

Размах политической работы среди войск противника ширился день ото дня. С осени 1942 и до конца 1943 го-

да политуправление фронта издало 214 листовок, а также 83 номера газеты «Друг солдата» на немецком языке.

Очень сложной оказалась доставка этих листовок и газет адресатам. Мы пытались сбрасывать листовки с самолетов, однако легкие листки бумаги рассеивались по лесам и болотам, и лишь малая часть их попадала в руки немецких солдат, можно сказать, что коэффициент полезного действия оказался низким.

Правда, на вооружении Красной Армии в то время уже появились специальные артиллерийские агитснаряды для доставки листовок, но это были довольно сложные устройства, и получали их мы мало и нерегулярно. Вот почему я чрезвычайно заинтересовался изобретением фронтового умельца старшего лейтенанта П. Р. Никульшина. Он предложил изготовить из дерева полую мину, которую можно было бы начинить листовками и забросить из миномета прямо во вражескую траншею. Убить такая мина, понятно, никого не убьет, разве что посадит кому-то шишку на голове, зато листовки будут доставлены точно по назначению.

По инициативе начальника отдела снабжения политуправления фронта подполковника Х. Л. Давидсона была изготовлена опытная партия таких мин, проведены пробные стрельбы.

Вместе с работниками отдела спецпропаганды политуправления фронта я отправился на берег озера, где проводились испытания. 82-миллиметровый миномет заряжен деревянной агитминой Никульшина, начиненной листовками. Раздается выстрел, мина летит 250—300 метров и разрывается в воздухе от порохового заряда, а листовки, словно стая голубей, кружатся над землей, пролетают еще метров 150—200 и падают на припорошенную снегом осеннюю траву.

Все в восторге. Особенно радуются товарищи, которые отвечают за пропаганду среди войск противника. Тут же поручаем Х. Л. Давидсону организовать массовое изготовление агитмин в мастерских политуправления. Давидсон говорит о нехватке токарных станков, хорошей древесины, черного пороха, запальных патронов и чего-то еще. Но я-то знаю, что все это так, для порядка. В конце концов наш безотказный снабженец, которому изобретение тоже пришлось по душе, берется изготовить на первый случай десять тысяч деревянных мин.

Несколько дней спустя мы повторили стрельбу дере-

вянными агитминами в присутствии Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко и члена Военного совета фронта В. Н. Богаткина. И снова успех. Командующий приказал начальнику артснабжения предоставить политуправлению достаточное количество черного пороха и патронов для агитмин, и вскоре мы обеспечили деревянными минами все войска фронта. С помощью таких несложных устройств на передний край врага было заброшено множество антифашистских листовок. Мины, безусловно, оказались эффективным средством.

Справедливости ради надо сказать, что деревянные мины Инкульшина были не единственным способом доставки листовок в распоряжение врага, придуманным у нас на фронте. Мы использовали еще и так называемый «агитомет», а попросту говоря — деревянную катушку, на которую наматывали примерно пятьдесят листовок. Холостым патроном эту катушку забрасывали во вражеские окопы. Но, пожалуй, чаще всего наши фронтовые изобретатели использовали обычные консервные банки. Старший лейтенант Белоусов и капитан Брызгалов придумали особую мортиру, которую заряжали консервными банками с листовками. А красноармеец Булатов сделал, если так можно сказать, самострельную банку. В банку он закладывал немного пороха, прикрывал его фанерным пыжом и сверху клал листовки, вокруг банки обматывал бикфордов шнур, поджигал его и выстреливал банкой из обычного гранатомета. Во время полета бикфордов шнур сгорал, и пороховой взрыв разбрасывал бумажные листки. Многие тысячи листовок точно забрасывались в первые траншеи фашистских войск с помощью таких нехитрых, но безотказных приспособлений.

А теперь о самом главном — о содержимом разного рода агитмин, агитснарядов и просто консервных банок. Мы руководствовались указаниями Главного политического управления о том, что следует цифрами и фактами настойчиво разъяснять немцам обреченность гитлеровской армии и неизбежность ее поражения.

И в листовках и в газете на немецком языке мы как можно доступнее разъясняли вражеским солдатам сущность фашизма, доказывали неизбежность его краха. Все выступления Гитлера и Геббельса по радио стенографировались и переводились на русский язык. После этого мы в политуправлении тщательно подбирали самые веские аргументы, разоблачающие ложь фашистских вожа-

ков. На примерах объясняли, одурманенным солдатам истинное положение вещей.

А материалы о жизни немецких солдат у нас было предостаточно: документы и письма пленных фашистских войск, их показания, сообщения партизан и местных жителей. Наши фронтовые журналисты — авторы листовок широко использовали документы и свидетельства очевидцев, рассказывали о бесславной смерти тех, кто непрошено вторгся на нашу землю. Завершали дело художники — хлестким рисунком, острой политической карикатурой.

Вот одна из листовок, выпущенная к рождественским праздникам, которые, как мы знали, отмечались в гитлеровской армии. Новогодняя елка с подарками: коробка с надписью «Москва», коробка с надписью «Ленинград», а еще икра, колбасы, булки — словом, то, что обещали гитлеровцы своим солдатам. А рядом — то, что вышло: зимний лес, сугробы, вспышки ракет, а у заснеженной елки жмутся замерзшие жалкие вояки. Есть о чем подумать...

«А надумаете, — писали мы, — зажмите в кулаке эту листовку и идите в плен». На каждой листовке — надпись: «Служит пропуском через фронт».

Разумеется, много листовок посвящали истинному положению на фронтах войны, особенно разгрому гитлеровцев под Сталинградом. Давали краткий разговорник для сдающихся в плен: «Гитлер — капут, рус — сдаюсь». И настоящие охранные грамоты для немецких солдат и офицеров — на двух языках. Содержание таких грамот известно, вероятно, далеко не всем, поэтому приведу текст одной из них, весьма, с моей точки зрения, показательный:

«Предъявитель этой охранной грамоты (чин, имя, фамилия) и находящиеся под его командой... чел. рядового состава и... офицеров (ненужное зачеркнуть) добровольно решили покинуть гитлеровскую армию и, следовательно, находятся под защитой советских законов.

Все красноармейцы и офицеры Красной Армии, а также командиры и бойцы партизанских отрядов и все советские граждане обязаны оказывать предъявителю сего и его товарищам помощь и немедленно доставлять их в ближайшую воинскую часть или (в тылу германских войск) в ближайший партизанский отряд...

Предъявить первому встречному офицеру или бойцу Красной Армии или партизану»,

31 июля 1943 года на нашу сторону перешел ефрейтор 2-й роты 28-го егерского полка. Старший инструктор политотдела одного из соединений капитан Марков получил от перебежчика подробную характеристику его подразделения и тут же, по свежим следам, написал обращение к солдатам и офицерам 2-й роты, причем персональное, адресованное в первую очередь тем, кто, по словам перебежчика, проявлял недовольство. Эту листовку перевели на немецкий язык, напечатали 30 экземпляров на пишущей машинке и «обстреляли» листовками окопы 2-й роты егерей.

Солдат и офицеров 2-й роты 28-го егерского полка спрашивали, обращаясь по имени почти к каждому: «Долго ли вы будете обречать себя на неизбежную смерть? Прошло всего лишь несколько дней, как вы заняли оборону, а сколько людей вы уже потеряли? Каждый день и каждая ночь вырывают у вас все новые жертвы...»

Далее в листовке говорилось, что их товарищ, перешедший к нам ефрейтор, нашел единственно правильный путь, спас свою жизнь. Затем следовало письмо ефрейтора. Заканчивалась листовка такими словами:

«Выбирайте, солдаты! Перед вами два пути: путь жизни — плен — и путь смерти. Выбирайте и действуйте! Служит пропуском через фронт».

Краткая, ясная, конкретная листовка; кстати, она была написана на хорошем немецком языке.

Вслед за тем немецкий перебежчик написал два обращения к солдатам своей роты и несколько раз передал их через громкоговорящую установку. В этих обращениях пленный ефрейтор посылал привет своим товарищам по роте, рассказывал, как обращаются с ним и с другими военнопленными, и заверял, что все пленные уверены — после войны они увидят родину и семью. «В русском народе нет ненависти к немцам, — говорил перебежчик, — он стремится только к уничтожению Гитлера и его приспешников... Эрвин, ты ведь тоже хочешь жить и от своих родителей знаешь, что русские не чудовища. Следуй примеру своего дяди и совету своих родителей и переходи».

Заканчивались обращения практическими советами: «Переходите мелкими группами, это не трудно. Русским солдатам дан приказ не стрелять. Окликните их безразлично как. Я ручаюсь, вас хорошо примут, и пусть я тут же свалюсь мертвым, если все то, что я сказал вам об

обращении в русском плену, неверно. Поэтому ваш пароль: пленен — спасен».

Хорошо аргументированные и доходчивые призывы произвели впечатление, и последствия не заставили себя ждать. 27 августа на нашу сторону перешел солдат той же роты, к которому ефрейтор обращался лично, потом еще двое. Опасаясь новых перебежек, командование вражеской дивизии заменило эту часть 38-м пехотным полком. Однако «звуковка» продолжала работать, 18 сентября на том же участке на нашу сторону перешли еще несколько солдат. Они показали на допросе, что не раз слышали наши передачи и читали листовки.

Как видите, результаты оставались довольно скромными. Однако нам казалось существенным то, что результаты все-таки есть: наша пропаганда помогает здравомыслящим, критически относящимся к гитлеровскому режиму солдатам найти единственно верную линию поведения.

Хорошо зарекомендовала себя наша эскадрилья агитсамолетов По-2, оснащенных громкоговорящими установками. У нас на фронте с такого самолета вещал известный ныне диктор Всесоюзного радио В. Б. Герцик.

Очень высокий, худой, немногословный человек — таким мы помним Герцика. Но для немецких солдат он был настоящим громовержцем: все замирало во вражеских траншеях, когда с темного неба раздавался спокойный раскатистый голос — великолепная дикция, безупречное немецкое произношение, уверенные интонации.

Между тем свой дикторский текст В. Б. Герцик читал не из студии, обитой звуконепроницаемыми панелями, а из зыбкой кабины маленького самолета, который в любой момент мог стать для врага мишенью. Как-то я спросил у Владимира Борисовича, что чувствует он, сидя у микрофона в ночном небе.

— Сначала было страшновато, потом привык, сейчас просто работаю, — ответил Герцик.

Во время одной из поездок в 43-ю гвардейскую латышскую стрелковую дивизию я познакомился со старшим инструктором политотдела гвардии капитаном М. Г. Вульфсоном. Приспособив трофейную войсковую радиостанцию, капитан, в совершенстве владевший немецким языком, каждую ночь беседовал с радистами противника и рассказывал им военные и полити-

ческие новости. Расчет был прост: сведения непременно обойдут вражеские позиции; что знает один, будут знать все.

Немцы проявляли явный интерес к сообщениям капитана Вульфсона. Конечно, далеко не все они принимали на веру. Когда им передавали последние сообщения Совинформбюро, немецкие радисты нередко переспрашивали: «Верите ли вы сами тому, что нам сообщаете?». Иногда радисты вообще не откликались, иногда откровенно ругались. Но все же слушали...

Сводки Совинформбюро передавались через трофейную радиацию немедленно. Так, сообщение «В последний час» от 15 февраля 1943 года, в котором говорилось о том, что наши войска заняли Ростов и Ворошиловград, было переведено на немецкий и выпущено в эфир через 25 минут после того, как поступил официальный текст из Москвы.

Интерес противника к нашим радиопередачам резко возрастал во время наступательных действий Красной Армии. У меня сохранилась копия политдонесения о новой форме пропаганды среди войск противника, об опыте инструктора капитана Вульфсона.

Радисты с позывными «Арбейтер-3», «Розе-1», «Вилки» и некоторые другие сами обращались к капитану Вульфсону с традиционным вызовом: «Партнер, как ваше настроение?» Значит, ждали новых сообщений. 24 февраля радисты 290-й немецкой пехотной дивизии откровенно спросили:

— Русский, что нового?

— Подождите до 21 часа, — ответил Вульфсон, — передам последние известия.

— В 21 час буду на волне 3300, — предупредил немецкий радист, — передай мне туда.

Передачи в открытую, когда радисты противника знали, что имеют дело с русскими, не всегда давали должный эффект: далеко не каждый хотел рисковать. Гораздо более действенным способом оказалась подстройка под немецкую же станцию. Обычно это делалось так. Наш радист, детально изучивший связь врага, его позывные, время работы и принятые формы переговоров, отзывался на одну из радиий противника и сразу же, после первого ответа и настройки, говорил, что плохо слышно. Радисты переходили чуть-чуть влево или вправо, и тогда настоящий, неподдельный партнер терял связь. В деловом раз-

говоре наш радист как бы вскользь бросал: «Вы не слышали, что сегодня передавал русский?» Обычно отвечали: «Я ничего не слышал, а вы что-нибудь слышали?» И после этого можно было передавать в несколько завуалированном виде наши сводки. Например, так (цитирую по записи передачи): «Русские сообщили, что заняли Ростов. Черт знает что с нашими армиями, а верить русским можно, ведь наш ОКВ вчера сообщил о тяжелых оборонительных боях в районе устья Дона. А что за этим кроется, всем известно». Противник отвечает двусмысленно: «Понял, понял. Я ничего не слышал, что вы сказали...»

Только капитан Вульфсон с помощниками провели таким образом более тысячи передач, информируя об успехах Красной Армии практически всех радистов противостоящих соединений противника. Некоторые знали, что имеют дело с русским, и тем не менее неоднократно выспрашивали последние новости, завязывали беседы на политические темы. Поскольку наши радисты вели передачи на таких волнах, где работали сразу несколько радиций, дискуссии слышали многие. Разумеется, подобные переговоры были строжайше запрещены в немецкой армии, и все же они шли постоянно.

Приведу чрезвычайно, на мой взгляд, интересную беседу нашего радиста, выступавшего как «Ауфпассер-1», с радицией «Ауфпассер-4». Стенографическую запись ее я нашел в полптдонесении начала 1943 года¹. («Я» — наш радист, «он» — радист противника.)

...Я: Как вы меня слышите?

Он: Я вас слышу с громкостью 4—5. Как вы слышите меня?

Я: Я вас также хорошо слышу. Ну что вы скажете о событиях под Сталинградом? Вот здорово мы заехали.

Он: Стой, это не Ауфпассер-1. (Пауза.)

Я: Вы правы, я не Ауфпассер-1. Я человек с ничьей земли и просто хочу знать ваше мнение.

Он: Партнер, я уже несколько раз вас слышал. Отвечаю на ваш вопрос. Битва под Сталинградом — тяжелый удар для нас, но вы сами понимаете — когда лес рубят, щепки летят.

Я: И 6-я армия тоже щепка, по вашему мнению?

Он: Да. Правда, большая, но единственная.

¹ ЦА МО СССР, ф. 221, оп. 1362, д. 270, л. 75—80.

Я: А как вы расцениваете сегодняшнее сообщение ОКВ о том, что ваши войска на Кавказе и Кубани продолжают успешно отрываться от советских войск? Это тоже щепка?

Он: Я такого сообщения не слышал.

Я: Нужно слушать свои сводки. Они теперь, правда, немного туманны, но зато очень поучительны...

Надеюсь, что читатель не обидится на меня за то, что я привел достаточно пространный диалог. В нем примечателен не только сам по себе любопытный факт прямой беседы с противником, не только тема этой беседы, но и убедительность аргументов, отличная подготовка нашего пропагандиста, прекрасное знание психологии немецкого солдата. Чтобы вести такую работу, мало быть подготовленным политработником, надо еще в совершенстве владеть немецким языком, знать радио, уметь применять терминологию, принятую у радистов противника, и не вообще, а на данном участке фронта. Последнее, решающее слово в этих диалогах по радио всегда оставалось за нашими политработниками.

12—13 июля 1943 года политические эмигранты из Германии и военнопленные создали антифашистскую организацию — Национальный комитет «Свободная Германия». В связи с этим мы получили указание Главного политического управления о том, что политорганам надлежит оказывать уполномоченным Национального комитета в случае их прибытия на фронт всемерное содействие в работе и создавать для них соответствующую благоприятную обстановку. Немецкие антифашисты, работавшие у нас на фронте, оказывали нам неоценимую помощь в проведении политической работы среди гитлеровских солдат.

Заканчивая главу о работе среди войск противника, я расскажу о встрече с немецким генерал-лейтенантом фон Зейдлицем. Он командовал корпусом в районе Рамушевского коридора, а потом был переведен гитлеровским командованием под Сталинград. После разгрома окруженной 6-й гитлеровской армии генерал фон Зейдлиц оказался в плену, где и примкнул к антифашистскому движению, стал вице-президентом Национального комитета «Свободная Германия», председателем «Союза немецких офицеров».

О приезде к нам на фронт фон Зейдлица меня предупредил по телефону А. С. Щербаков.

— Посмотрите на месте, — сказал Александр Сергеевич, — как можно привлечь генерала к пропагандистской работе среди немецких солдат.

25 октября 1943 года я встретил на аэродроме генерала фон Зейдлица, его заместителя полковника фон Говена и сопровождавших их лиц. Не могу сказать, что встреча была очень оживленной: как-никак наши гости были одеты в форму гитлеровской армии, которую мы привыкли видеть только на врагах.

На следующий день я представил делегацию Военному совету фронта. Беседа не клеилась: короткий вопрос — односложный ответ. Ни нам, ни гостям не было ясно, о чем же на таком необычном официальном приеме следует говорить.

Член Военного совета фронта генерал-лейтенант Ф. Е. Боков, заменивший на этом посту В. Н. Богаткина, пригласил представителей комитета «Свободная Германия» к столу. Во время обеда завязалась беседа, которая с каждой минутой становилась все более оживленной. Вначале говорили на общие темы, большей частью так или иначе касающиеся Германии: о Гете и Гейне, о немецкой музыке, об истории Германии. Вспоминали прадеда Зейдлица — одного из виднейших прусских деятелей наполеоновской эпохи. Нам показалось удивительным, что немецкие офицеры почти ничего не знали о своих великих соотечественниках К. Марксе и Ф. Энгельсе, не имели понятия о сущности их учения. (На другой день я вручил им в подарок несколько книг К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина на немецком языке).

Гости откровенно удивлялись нашему знанию современной Германии, ее прошлого, ее выдающихся людей. Фон Зейдлиц заметил, что некоторые подробности он впервые услышал от русских людей и что он далеко не так хорошо знает Россию и ее историю, как мы Германию.

После обеда мы детально обсудили план работы группы и решили прежде всего подготовить обращение к немецким солдатам и офицерам за подписью генерала от инфантерии фон Зейдлица. Такое обращение вскоре было написано и отпечатано большим тиражом — 500 тысяч экземпляров, причем генерал сам подписал свыше тысячи экземпляров обращения. С самолетов листовки разбрасывали по всему фронту 16-й немецкой армии, а некоторую часть забросили деревянными минами.

В лагере для военнопленных генерал встретился с немецкими солдатами и офицерами. Беседа известного генерала, его рассказ о том, почему он решил порвать с фашистским режимом, произвели на них сильное впечатление.

До войны и вскоре после ее начала фон Зейдлиц часто встречался с известными немецкими военачальниками: командующим группой армий «Север» генерал-фельдмаршалом Кюхлером, командующим 16-й армией генерал-фельдмаршалом Бушем и командующим 18-й армией генерал-полковником Линдеманом. Все они, по утверждению Зейдлица, в личных беседах осуждали Гитлера, считали войну с Россией безрассудством, высказывали опасения за судьбу Германии при гитлеровском режиме. Короче, проявляли оппозиционные настроения.

Зейдлиц решил собственноручно написать им письма: он состоял в свое время со всеми тремя генералами в переписке, его почерк им был хорошо знаком. Если же письмо отпечатать, они заподозрят подделку. Вскоре письма были готовы к отправке.

Зейдлиц напомнил генералам об их антигитлеровских настроениях, выдвинул конкретную программу борьбы за мир. Он предложил им первые практические шаги: организовать группы комитета «Свободная Германия», содействовать переходу солдат через фронт для установления связи с Национальным комитетом и «Союзом немецких офицеров». Кроме того, Зейдлиц призвал немецких командующих запретить разрушения на советской земле — это могло послужить свидетельством доброй воли.

Предстояло самое трудное: переправить письма адресатам, да так, чтобы они попали в те руки, для которых предназначались. Мы подготовили три группы для доставки писем — из числа хорошо зарекомендовавших себя военнопленных-антифашистов. Для каждой группы разработали легенды, план действий, способы, как добраться до адресатов и вручить им письма Зейдлица. Помимо оригинала письма дали его фотокопию в запечатанном немецком конверте — ее надлежало отправить обычной почтой на территории Прибалтики.

Все три группы сбросили на парашютах в район расположения партизанских бригад. Партизаны должны были встретить «почтальонов» и проводить их до районов, где расположены штабы немецких армий.

Несколько дней спустя мы отметили день рождения

фон Зейдлица: поздравили, преподнесли скромные фронтовые подарки. Генерал был очень растроган. Вскоре после этого он пригласил меня после окончания войны к себе в имение, в Восточную Пруссию, — поохотиться. Я вежливо поблагодарил Зейдлица и заметил, что, по всей вероятности, окажусь в имении раньше него. И добавил в шутку:

— Позвольте от вашего имени отдать распоряжение управляющему, чтобы все подготовили для охоты.

— Вряд ли вы окажетесь там раньше меня, — серьезно ответил Зейдлиц. — Я уверен, что в Германии найдутся силы, которые свергнут Гитлера, уничтожат его режим и заключат мир с Советским Союзом. И еще вы должны принять во внимание, что Восточная Пруссия — крепкий орешек, раскусить его будет трудно. Это неприступная крепость, которую сооружали и укрепляли еще с начала нашего века, проникнуть в нее почти невозможно.

Однако оба его предсказания не сбылись: вместо мира с Советским Союзом была безоговорочная капитуляция Германии, а Восточная Пруссия пала еще раньше — в феврале 1945 года. Мне довелось участвовать в этих боях, о них я расскажу позже.

1 февраля 1944 года Гитлер отстранил фельдмаршала Кюхлера от командования войсками группы армий «Север». Можно предположить, что такое неожиданное смещение как-то связано с письмом фон Зейдлица.

Вот так мы и вели политическую работу среди войск противника — на самых разных уровнях. От рядового до фельдмаршала...

ПАРТИЗАНСКИЙ КРАЙ

В начале октября 1942 года на командный пункт Северо-Западного фронта в Валдае прибыли, перейдя через линию фронта, руководители 2-й партизанской бригады: командир — старший батальонный комиссар Н. Г. Васильев, комиссар С. А. Орлов и начальник политотдела А. Ф. Майоров. К нам в политуправление они пришли вместе с начальником оперативной группы Ленинградского штаба партизанского движения при Военном совете Северо-Западного фронта подполковником А. А. Тужиковым и представителем Ленинградского штаба партизанского движения В. П. Гординым. Беседа о партизанских делах, начавшаяся с вечера, затянулась почти до самого утра.

Я хорошо знал об активной боевой деятельности 2-й партизанской бригады, знал и о подвигах ее командира. Тем интереснее мне было слушать рассказ Н. Г. Васильева. Ни тени зазнайства, ни намек на бахвальство — предельная скромность. Причем не только в тех случаях, когда речь заходила о решениях командира, но и тогда, когда он рассказывал о своих подчиненных, о боевых действиях. Фашисты дважды посылали против бригады карательные экспедиции, но партизаны под руководством Васильева, используя отличное знание местности, уходили из-под удара лесными тропами, только им известными проходами через непролазные болота и вновь громили вражеские тылы.

И вот что больше всего поразило меня: Н. Г. Васильев до войны был начальником Новгородского Дома Красной Армии, а стал талантливым партизанским руководителем. Ему заслуженно было присвоено звание Героя Советского Союза. Война действительно открывает в человеке новые

качества, о которых окружающие, может быть, даже и не догадывались.

Партизанская жизнь насыщена борьбой, и, конечно, в отрядах было немало героев. Но когда я попросил Васильева рассказать о них, он, подумав, ответил так:

— Да, пожалуй, у нас и нет особых героев. Все партизаны стараются, бьют врагов по мере сил.

Но я все же настаивал, чтобы Васильев назвал мне хоть несколько имен.

— Тогда я расскажу вам о женщинах, — сказал он, — им воевать труднее, чем мужчинам. Есть у нас комиссар роты Анна Петровна Тараканова, так она всегда первая идет на самые опасные операции. А самая злая к фашистам наша партизанка Зоя...

Комиссар бригады С. А. Орлов рассказал нам о том, как пять стариков не пустили гитлеровцев в село. Все жители ушли в лес, а эти пятеро остались. Они участвовали еще в первой мировой войне, военное дело помнили и подготовили село к обороне по всем правилам. Приближающийся отряд противника старики встретили огнем, в неравном бою уничтожили 14 фашистов и заставили гитлеровцев отойти. И еще Сергей Алексеевич рассказал нам о партизане, повторившем подвиг Ивана Сусанина. Фашистские каратели жестоко расправились с жителями деревни Мухарево и, чтобы добраться до соседней деревни, взяли в проводники пожилого колхозника Михаила Семенова. Он, конечно, прекрасно знал дорогу, но всю ночь водил немцев по лесам и болотам, а утром привел их туда, откуда они вышли, — опять в деревню Мухарево. Фашисты зверски избили Семенова на глазах односельчан. «А вы думали, — сказал Семенов, обращаясь к мучителям, — что русский человек вам помогать будет?» Взбешенные фашисты убили патриота...

— Недавно мы потеряли любимца бригады, разведчика Юру Иванова, — с горечью сказал Васильев. — Он был нам как родной сын. Его родителей повесили фашисты. Наши разведчики подобрали мальчика, умирающего от голода, выходили его. Юра у них остался и скоро стал нашим лучшим разведчиком. Много раз ходил он в разведку, и все удачно. И вдруг вместе с двумя товарищами попал в засаду. Может быть, все и обошлось бы, да магнитная бомба и пистолеты выдали их принадлежность к партизанам. Все трое не проронили ни слова, даже под пыткой. Гестаповский офицер приказал их по-

весить. Перед казнью Юра обратился к гестаповцу с неожиданной просьбой: «Развяжите мне руки, я хочу помолиться богу». Офицер приказал развязать руки. Тогда Юра подскочил к нему и ударил по лицу. Фашист выхватил пистолет и убил мальчика. Он погиб как настоящий герой...

Оказание постоянной помощи партизанским бригадам, разъяснительная работа среди советских людей, оставшихся на временно оккупированной гитлеровцами территории, — все это входило в круг повседневных обязанностей политического управления фронта. Для ведения такой работы с первых дней существования Северо-Западного фронта в политуправлении был создан специальный отдел по руководству партизанским движением. Первым его начальником стал полковой комиссар А. Н. Асмолов. В ноябре 1941 года этот отдел был переименован в партизанский отдел при штабе фронта. Справедливости ради, надо отметить, что он сделал многое для развития партизанского движения в тылу противника. Политическая же работа среди партизан и населения на временно оккупированной врагом территории по-прежнему возлагалась на политуправление фронта. Мы работали в тесном контакте со штабом фронта, часто встречались с начальником партизанского отдела. Летом 1942 года этот отдел был преобразован в оперативную группу Ленинградского штаба партизанского движения при Военном совете Северо-Западного фронта. В октябре 1942 года эту группу вместо убитого на другой фронт А. Н. Асмолова возглавил подполковник А. А. Тужиков. Алексей Алексеевич был энергичен, напорист, превосходно знал положение дел в партизанских бригадах и отрядах, был знаком со многими партизанами: не раз летал самолетом через линию фронта.

К осени 1942 года партизанское движение особенно активно развернулось в Псковском, Порховском, Старорусском, Дедовическом, Залученском районах. Здесь, по сути дела, уже в августе 1941 года сложился партизанский край — освобожденная от гитлеровцев земля, с Советской властью, с советскими порядками.

Гитлеровцы предпринимали яростные попытки подавить партизанское движение, но силы партизанского края, которому постоянно помогали войска нашего фронта, с каждым днем крепли. К осени 1942 года в полосе фронта с захватчиками сражались тысячи партизан.

Партизанский край защищали 1-я партизанская бригада (командир Н. П. Буйнов, комиссар А. К. Кириллов), 2-я партизанская бригада (командир Н. Г. Васильев, комиссар С. А. Орлов), 3-я партизанская бригада (командир А. В. Герман, комиссар И. И. Иванов), 4-я партизанская бригада (командир С. Н. Глебов, комиссар М. К. Зубаков), 5-я партизанская бригада (командир Ю. П. Шурьгин, комиссар М. И. Тимохин). Кроме того, действовали три отдельных партизанских отряда. В одном из них сражались 210 латышей. Командирами и комиссарами партизанских бригад и отрядов были, как правило, секретари райкомов партии или председатели райисполкомов.

Изредка, когда позволяла боевая обстановка, партизанских руководителей вызывали в штаб фронта для доклада и они никогда не забывали заглянуть к нам, в политуправление. За обычной, я бы даже сказал, будничной внешностью этих людей нельзя было не ощутить недюжинную силу характеров, железную волю партизанских командиров. В политуправлении они получали листовки, газеты, типографскую бумагу и вновь улетали за линию фронта.

Гитлеровцы смертельно боялись лесов, боялись деревень, удаленных от больших дорог, — там они могли встретиться с партизанами. У одного из убитых в бою карателей партизаны нашли такое письмо: «И все время, каждую ночь, даже сейчас, мы ждем русской атаки... За каждым деревом и кустом оказываются партизаны. Ты не знаешь, откуда они нанесут удар. Лучше десять раз Франция, чем один раз Россия...»

Партизанское движение ширилось и крепло. Осенью 1942 года в бригадах и отрядах было создано много диверсионных групп.

Существенную помощь оказывали партизаны советским воинам, попавшим в окружение. Только в 1942 году они переправили через линию фронта несколько тысяч солдат и офицеров, освободили из фашистского плена сотни человек. Широко известна весьма сложная партизанская операция, проведенная в марте 1942 года по инициативе комиссара 2-й партизанской бригады С. А. Орлова (Сергей Алексеевич Орлов был кадровым партийным работником, перед войной он занимал пост первого секретаря Порховского райкома ВКП(б), был членом Ленинградского обкома партии). Собрав 223 подводы с 4000 пудами хлеба, партизаны провели обоз через линию

фронта. Мне довелось встречать этот хлебный обоз в полосе 8-й армии Ленинградского фронта.

Почти у всех партизанских командиров, политработников, а тем более у рядовых партизан до войны были сугубо мирные профессии. Так, отважный командир 5-й партизанской бригады Ю. П. Шурыгин (псевдоним — Воронов) заведовал в мирное время Самохинским районным отделом народного образования, а комиссар этой бригады М. И. Тимохин работал секретарем Дновского райкома ВКП(б). Лучшим пулеметчиком 2-й партизанской бригады, а затем командиром отряда стал заведующий Дедовическим Домом культуры М. С. Харченко, впоследствии удостоенный звания Героя Советского Союза. Учитель из того же района коммунист В. П. Бунзин проявил себя незаурядным партизанским командиром. Он погиб в бою с карателями и был награжден посмертно орденом Красного Знамени. Смертью героя пал агроном Старо-Русского района В. Т. Лащенко, отважный человек, пользовавшийся среди партизан большим авторитетом. Храбрыми разведчиками стали молодые учительницы комсомолки В. Кудряшова и Н. Григорьева (Пеновский партизанский отряд). Бывшие партизаны с уважением произносят имя Лидии Семеновны Радевич, спасшей жизнь многим бойцам. До войны Л. С. Радевич заведовала больницей в Дедовическом районе, а во время фашистской оккупации возглавила госпиталь 2-й партизанской бригады.

Политуправление обращало особое внимание на распространение среди партизан и населения листовок и обращений, доставляемых на место самолетами. Только в 1943 году для населения оккупированных районов мы издали листовки тиражом около трех миллионов экземпляров. Сейчас экземпляры этих листовок переданы на хранение в Центральный музей Вооруженных Сил СССР и Ленинградский исторический краеведческий музей.

Фронтальная типография печатала газеты для подпольных райкомов партии. Материал для газет политуправление получало и от партизанских бригад, и от подпольных партийных организаций. Статьи общеполитического характера, обзоры военных действий на различных фронтах писали работники политуправления.

А газета «Коммуна» печаталась за линией фронта, прямо во 2-й партизанской бригаде, которая располагала маленькой типографией, полученной от политуправления фронта.

Для партизан, сражавшихся на территории Латвии и Литвы, для населения временно оккупированных районов этих республик политуправление издавало специальные газеты и листовки. Литературу на литовском языке редактировал опытный политработник майор Б. Л. Фогелевичус.

Большой вклад в организацию пропагандистско-агитационной работы внес секретарь ЦК КП(б) Литвы А. Ю. Снечкус. Антанас Юозович часто приезжал на наш фронт. В один из своих приездов он показал мне большую карту Литвы, густо покрытую нанесенными на нее маленькими красными флажками.

— Это, — пояснил товарищ Снечкус, — центры партизанского движения в республике, в этих местах надо сбрасывать как можно больше газет и листовок.

Политуправление фронта выполнило просьбу Антанаса Юозовича. 19 апреля 1943 года в письме, адресованном политуправлению фронта, А. Ю. Снечкус писал: «По имеющимся в ЦК КП(б) Литвы сведениям, литература, распространяемая при помощи самолетов на территории оккупированной Литовской ССР, оказывает большое влияние на население. Литература, по нашим данным, распространялась в районах городов Вильнюс, Каунас, Паневежис, Укмерге, Утена, Шяуляй, Тельман, Ионава, Кедайняй, Мариямполье... Выражаем нашу благодарность за руководство изданием литовской литературы и за оказанную помощь в деле ее распространения».

Печатная пропаганда исходила, как известно, не только от политуправления фронта. С огромным риском, с невероятными трудностями листовки и обращения печатали подпольные партийные группы. Выпускали листовки и многие партизанские отряды. Чаще всего их размножали с помощью нехитрых устройств — стеклографа, шапирографа.

Сейчас, когда прошло столько лет после войны, мы с прежним волнением читаем гневные строки партизанских листовок: «Смерть немецким оккупантам! 30 октября в гор. Дно немецкий подполковник Валкум заявил: «Германские власти никому не обещают райскую жизнь на земле, а призывают весь народ трудиться на пользу германской армии». Мы знаем, паршивый гитлеровец, что вы несете нам не рай, а каторгу и виселицы и хорошего от вас ждать нечего. Вы хотите нас заставить работать на вас, вшивых гадов,

Нет! Не дождетесь! Мы вас бьем и будем бить, пока не будет уничтожен последний гад! — Партизаны».

Около ста листовок и обращений политуправление фронта выпустило для населения временно оккупированных гитлеровцами районов Ленинградской и Новгородской областей. Эти листовки рассказывали об успехах Красной Армии, о героическом труде советских людей по обеспечению фронта, разоблачали вымыслы вражеской пропаганды. Но были и другие листовки, адресованные непосредственно жителям того или иного оккупированного района: обращения Военного совета фронта к населению Ленинградской области, к населению Псковского, Дновского, Порховского и других районов. Политуправление фронта стремилось использовать знакомые жителям факты, рассказывало о событиях, происходивших именно в их районе, воспитывало ненависть к оккупантам на конкретных примерах. Листовки не всегда разбрасывали с самолетов, порою их распространяли среди населения партизанские бригады.

Все листовки заканчивались одним призывом: «Смерть немецким оккупантам!» А чуть пониже, после подписи «Политуправление Северо-Западного фронта Красной Армии», стояли взятые в рамку слова: «Прочти и передай товарищу». Нам не раз рассказывали о том, как люди читали эти листовки, прятали от фашистских глаз, передавали из рук в руки.

Работники политуправления фронта часто бывали в партизанских бригадах. Наши агитаторы, пропагандисты, корреспонденты, кинооператоры нередко совершали опасные ночные перелеты через линию фронта на самолетах.

Не раз вылетали в партизанские отряды С. Л. Беспровашный, С. В. Касьян, С. А. Зайцев, И. Е. Фельдман и другие работники политуправления. Майор С. В. Касьян принимал непосредственное участие в боях с гитлеровцами в их тылу. В октябре 1942 года Сергей Васильевич приземлился на парашюте в районе расположения 3-й партизанской бригады и в течение месяца помогал командиру и военкому. Он вернулся в политуправление в начале ноября живым и невредимым; а день спустя погиб в автомобильной катастрофе в районе города Осташкова. Мы хоронили его в Валдае. Тяжесть потери усугублялась неожиданностью: надо же такому случиться — остаться в живых после тяжелейших боев в тылу врага и погибнуть из-за нелепой случайности...

В партизанский край нередко отправлялись кинооператоры, чтобы запечатлеть борьбу партизан с фашистскими захватчиками. Постоянную группу Союзкинохроники в течение полутора лет возглавлял майор С. Е. Гусев, ныне заслуженный деятель искусств РСФСР, лауреат Государственной премии. Он первым из фронтовых кинооператоров побывал у партизан. Это случилось еще осенью 1941 года. Сорок дней пробыл С. Е. Гусев во 2-й партизанской бригаде. Я чуть было не написал «не расставаясь со своей кинокамерой», но это было бы неверно: он расставался с кинокамерой, чтобы взяться за оружие. При выходе из немецкого тыла отважный кинооператор участвовал в бою с фашистами, проявил героизм и был награжден орденом Красного Знамени. Такой же награды был удостоен кинооператор Б. И. Шер. Находясь в партизанском отряде, он и спимал, и сражался, а в феврале 1942 года вынес с поля боя, рискуя жизнью, раненого командира отряда.

Кинооператоры запечатлели на пленке не только боевые действия партизан, но и партийно-политическую работу. Б. Дементьев и Л. Изаксон, пробывшие в тылу врага около двух месяцев, засняли работу первой партийной конференции партизанского края, показали, как действуют в тылу врага журналисты, как партизаны выпускают свои газеты и листовки.

При политуправлении работала группа ленинградских художников. Они нередко обращались к партизанской тематике: М. Ф. Вербов написал картину «Клятва партизан», Э. А. Будогорский — «Отправка партизан», А. Д. Кокш — «Заседание оперативной группы», Н. М. Быльев — «Партизан-радиот». Интересно, уцелели ли эти произведения, где они паходятся сейчас? Их ценность как реликвий священной народной войны против фашизма не вызывает сомнений.

Жители поселка Железницы Дедовического района могут гордиться педагогами своей школы: заведующим учебной частью Иваном Васильевичем Тумановым, учителем математики Иваном Артемьевичем Шишеловым, физруком Петром Константиновичем Горчаковым. Они наотрез отказались сотрудничать с фашистами и были ими расстреляны.

Учительница той же школы Татьяна Александровна Крымова отказалась преподавать по фашистским программам. Во время налета партизан на Дедовичи 22 фев-

раля 1942 года она приняла у себя в доме штаб партизанской бригады. Через пять дней фашисты сожгли ее дом.

Встречая растущую ненависть и сопротивление советских людей, оккупанты ввели жестокий террор. Они расправлялись со всей, кто выступал против гитлеровского порядка.

Бойцы 127-й стрелковой бригады взяли в плен солдата 17-го карательного полицейского полка. У него обнаружили две фотографии, на которых был запечатлен растерянный мирных жителей.

Политуправление размножило эти фотографии, их напечатали во фронтовой газете «За Родину», выпустили специальную листовку. Потом эти снимки воспроизвели центральные газеты «Правда», «Известия», «Красная звезда». Чувство ненависти к врагу крепло, оно обретало конкретные формы, что было на том этапе войны одной из важнейших задач партийно-политической работы.

К осени 1943 года численность партизанских отрядов в полосе нашего фронта достигла 10 тысяч человек.

Окрепшие партизанские бригады, получая большую помощь от фронта, все чаще стали проводить организованные совместные боевые действия. Например, по плану, разработанному партизанским командованием с помощью штаба Северо-Западного фронта, в ночь на 19 октября 1943 года пять партизанских бригад, действовавших в полосе нашего фронта, и три партизанские бригады, сражавшиеся рядом — в полосе Ленинградского фронта, нанесли одновременный удар по коммуникациям врага. Всего в операции участвовало более четырех тысяч партизан. За ночь они взорвали 10 железнодорожных мостов, уничтожили 8 паровозов, 99 вагонов, свыше 100 автомашин, подорвали 3 эшелона, убили 4630 гитлеровцев.

...Сейчас на берегу Шелони стоит величественный монумент. На нем высечены слова:

«Товарищ! Ты вступаешь на землю легендарного партизанского края. Он вошел в историю Великой Отечественной войны как советский район в тылу врага, как лесная партизанская республика, где люди сражались с врагом и жили по законам родного государства».

КОНЕЦ ДЕМЯНСКОГО ПЛАЦДАРМА

С каждым днем гитлеровскому командованию становилось все труднее и труднее удерживать демянский плацдарм. «Пистолет, направленный в сердце России», вот-вот должен был выпасть из рук фашистского вермахта. 1-я ударная, 27-я и 11-я армии Северо-Западного фронта в конце 1942 и начале 1943 года вели упорнейшие бои, стремясь перерезать Рамушевский коридор.

По показаниям захваченных в плен гитлеровцев, командование 16-й армии врага вынуждено было непрерывно восполнять большие потери, которые несли дивизии, оборонявшие Рамушевский коридор. Так, в декабре 1942 года фашистские войска уплотнили боевые порядки и ввели в район коридора две новые полнокровные пехотные дивизии, которые вскоре также потеряли значительную часть личного состава.

Все реже называли гитлеровцы демянский плацдарм «пистолетом», все чаще стали они употреблять другие слова — «коридор смерти». Просматривая неотправленные письма, найденные у убитых фашистских вояк, я не раз встречал сравнение этого плацдарма с Верденом. Что ж, сравнение достаточно правомерное: на Валдайских высотах гитлеровцы потеряли десятки тысяч солдат и офицеров, а Рамушевский коридор и впрямь стал для них коридором смерти. После ликвидации плацдарма я видел бесчисленные кладбища немецких солдат, бесконечные ряды могил с березовыми крестами.

Развязка приближалась. Одновременно с нашим зимним наступлением в районе Демянска Ставка Верховного Главнокомандования начала сосредоточивать под Осташковом особую группу войск (68-я и 1-я танковая армии) под командованием генерала М. С. Хозина. Группа Хо-

зина должна была развивать наступление в северо-западном направлении после того, как Северо-Западный фронт выполнит свою задачу — ликвидирует демянский плацдарм.

...В фашистской Германии отзвенели погребальные колокола по гитлеровской армии, разгромленной под Сталинградом. Поражение, которое потерпели немцы у великой русской реки, не могло не сказаться на их психологии. Показания многочисленных пленных свидетельствовали о том, что многие гитлеровские солдаты и офицеры перестали верить официальной пропаганде. Их страшила возможность оказаться в новом котле. Это не могло не сказаться и на отношении фашистского командования к обстановке на демянском плацдарме.

Опасаясь полного окружения в результате предпринятого 15 февраля наступления 11-й и 53-й армий, гитлеровцы 19 февраля начали отводить свои войска из района Демянска. При этом они были вынуждены наращивать силы, оборонявшие Рамушевский коридор, чтобы обеспечить отход дивизий с плацдарма.

В ночь на 19 февраля 1943 года наблюдательные посты 34-й армии установили: группы гитлеровцев покидают восточный фас плацдарма. 34-я армия, в то время весьма малочисленная, начала ожесточенные бои с отходящим вражеским арьергардом. Войска армии атаковали северные позиции гитлеровцев вдоль Рамушевского коридора.

23 февраля войска 1-й ударной армии, действовавшие с юга, еще не были готовы перейти к активным наступательным действиям на своем участке фронта. Они перешли в наступление только 26 февраля. Таким образом, вследствие одновременного перехода армий в наступление перерезать коридор не удалось. Противник продолжал удерживать здесь позиции, давая возможность дивизиям 16-й гитлеровской армии выводить свои войска с демянского плацдарма.

Рано утром, как только стало известно об отходе гитлеровских войск с плацдарма, я сформировал две оперативные группы работников политуправления фронта. Одна, возглавляемая моим заместителем полковником Н. Г. Пономаревым, должна была направиться в 11-ю и 27-ю армии, другая — в 34-ю. Эту вторую группу возглавил я.

У полковника Пономарева и у меня были разные задачи. Группа работников политуправления фронта в 11-й и 27-й армиях должна была помочь политорганам мобилизовать весь личный состав на прорыв северных позиций гитлеровцев, оборонявших Рамушевский коридор, не допустить отхода основных сил врага с демянского плацдарма. Моя группа должна была нацелить воинов армии на преследование и уничтожение отходящих войск противника.

Доложив Военному совету фронта о принятых политуправлением мерах, мы немедленно выехали в войска.

В 34-й армии все было в движении. В каждой дивизии были сформированы передовые отряды, в которые кроме стрелкового батальона входили батареи противотанковой и дивизионной артиллерии и танковая рота. Начальник политотдела армии полковник В. Г. Михайлов прикрепил к передовым отрядам работников политотдела, которые должны были оказывать помощь политработникам подразделений. Мы условились, что член Военного совета армии генерал-майор В. И. Черешнюк, полковник В. Г. Михайлов и я разъедемся по дивизиям, чтобы на месте оказывать помощь политработникам, контролировать снабжение передовых отрядов продовольствием, боеприпасами, горючим.

Среди бойцов и командиров царило оживление, которое передалось и нам. Мы радовались окончанию многомесячных фронтовых будней — затяжных оборонительных боев, частных и далеко не всегда удачных наступательных боевых действий. Враг отходил, отнюдь не по своей воле покидая демянский плацдарм, где он оставил десятки тысяч солдат и офицеров. Отходящих гитлеровцев необходимо было преследовать и уничтожать.

Перед отъездом в 241-ю стрелковую дивизию я поручил работникам отдела политуправления фронта срочно написать листовку-обращение к гитлеровским солдатам 16-й армии. Фашистское командование упорно цеплялось за валдайские леса и болота, посылало на смерть своих солдат и офицеров. Лучший выход для оставшихся в живых, говорилось в листовке, — сдаться в плен. Когда листовки отпечатали, летчики 6-й воздушной армии генерал-лейтенанта Ф. П. Понынина разбросали их над дорогами демянского плацдарма...

По пути в политотдел дивизии я заехал в 91-й укреп-
район. В одной из рот проходил митинг. Замполит капита-
тан К. М. Кудakov говорил бойцам: «Наша задача — от-
бить у врага высоту. Кто возьмется водрузить на ней
красный флаг?» Из строя вышел боец Закаталов. Он бе-
режно взял в руки древко и сказал, обращаясь к това-
рищам: «Красное полотнище флага — это кровь наших
отцов, храбро защищавших в годы гражданской войны
наше с вами право на счастливую жизнь. Мы должны
уничтожить фашистов и вернуть родной земле счастье». На
следующий день я узнал, что в ночном бою красноар-
меец Закаталов уничтожил трех вражеских солдат и од-
ного офицера. Раненный, он все же поднял красный флаг
на высоте.

Приехав в расположение 241-й стрелковой дивизии, я
взял с собой работника политотдела и отправился в пере-
довой отряд, который в это время атаковал арьергардную
часть, прикрывавшую отход вражеской дивизии.

Оборонительный рубеж гитлеровцев проходил по не-
большой возвышенности, перед ней тянулось открытое
пространство, поросшее редким кустарником. Противник
яростно защищал выгодный рубеж. Я наблюдал за ходом
боя, лежа в канаве на краю жиденького леска, в котором
сосредоточился наш передовой отряд. Вот с возвышенно-
сти сползли шесть вражеских танков и двинулись прямо
па нас. Командир передового отряда приказал командиру
танковой роты уничтожить фашистские машины. Вслед
за нашими танками в атаку поднялась и стрелковая рота,
но под бешеным минометным и пулеметным огнем вра-
га вынуждена была сначала залечь, а потом отойти в
лесок.

Пригнувшись, я побежал к роте: хотелось подбодрить
бойцов, помочь командиру поднять их в атаку. Но я не
успел. За меня это сделала санинструктор роты Вера Ля-
хова. Небольшого роста, хрупкая девушка быстро, горячо,
срывающимся голосом убеждала бойцов: «Ребята, да что
же вы?! Танков испугались! Я готова первой идти на
штурм деревни. Неужели мы позволим гитлеровцам про-
должать там зверствовать?»

Командир роты повел бойцов в атаку, и среди атаку-
ющих я видел маленькую фигурку отважной девушки.
В это время перед оборонительным рубежом врага уже
дымились три подбитых гитлеровских танка, а наши тан-

нисты преследовали уцелевшие машины противника. Вскоре оборонительный рубеж фашистов был уже в наших руках, стрелковая рота вслед за танками ворвалась в деревню.

После боя я разговаривал с Верой Ляховой. И не мог не удивляться, откуда у нее, такой молодой и хрупкой, столько мужества, душевной силы, дара убеждения. А она краснела, смущалась, пыталась спрятаться за спины бойцов...

В первый день наступления войска 34-й армии освободили десять населенных пунктов Демянского района. Особенно отличились танкисты. Армейская печать рассказала о подвиге экипажа капитана Ключкова. Отважные танкисты, уничтожая живую силу врага пулеметным и орудийным огнем, первыми ворвались в занятую фашистами деревню, раздавили гусеницами вражескую пушку и несколько пулеметов. Когда противник предпринимал танковые контратаки, наши бойцы умело уничтожали машины гитлеровцев. Бронебойщик коммунист Ф. Грищенко хладнокровно подпускал танки на близкое расстояние и расстреливал их меткими выстрелами.

Я и начальник политотдела армии полковник В. Г. Михайлов поздно вечером собрали начальников политотделов дивизий и бригад, чтобы подвести итоги первого дня боев. Нужно было во что бы то ни стало сохранить и усилить наступательный дух наших войск. Мы обязали начальников политотделов провести на рассвете, перед боем, короткие митинги во всех подразделениях, рассказать на митингах о героях первого дня наступления, об успехах Красной Армии на других фронтах: об освобождении Харькова, наступлении на Калининском фронте. Весь наш фронт знал о подвиге Наташи Ковшовой и Маши Поливановой. Два дня назад Верховный Совет СССР присвоил им посмертно звание Героя Советского Союза. Об этом также было необходимо сообщить бойцам и командирам, еще раз напомнить о бессмертном подвиге комсомолок, совершенном на нашем фронте в августе 1942 года, призвать к мести.

Поздно ночью я позвонил члену Военного совета 11-й армии генерал-майору С. И. Панкову. Сергей Иванович сообщил мне, что на участке 11-й армии продвижение наших войск замедлилось: гитлеровцы до предела уплотнили свои боевые порядки, насытили оборону артиллерией и минометами. С. И. Панков и начальник политотдела ар-

мии В. Д. Шабанов направились в дивизию, чтобы поставить перед политработниками, коммунистами и комсомольцами задачи в предстоящих боях. Проанализировав итоги боевых действий, я пришел к выводу о необходимости особо усилить политическую работу в артиллерийских частях и поделился этим с Сергеем Ивановичем.

Конечно, перед предстоящими боями нужно усиливать политическую работу во всех родах войск, но сегодня работа среди артиллеристов — решающее звено в цепи задач политработников: Точный прицельный огонь поможет нашей пехоте продвигаться вперед, во многом решит исход боя. Надо сказать, что армейские политработники уделили много внимания работе с артиллеристами. И это принесло ощутимые результаты. Коммунисты и комсомольцы артиллерийских частей решительно выдвигали орудия в боевые порядки пехоты, прямой наводкой уничтожали огневые точки гитлеровцев, крушили их оборонительные сооружения.

Под утро получил сообщение из 6-й воздушной армии. Несмотря на весьма неблагоприятные метеоусловия — низкую густую облачность, — летчики совершали штурмовые вылеты на позиции гитлеровцев, находили в лесах сосредоточения войск противника, разбрасывали над дорогами листовки, выпущенные политуправлением фронта.

20 февраля утром я позвонил начальнику политотдела 6-й воздушной армии Якову Ивановичу Драйчуку. Он сообщил мне, что немецко-фашистское командование перебросило в район Рамушевского коридора отборную 54-ю истребительную эскадру, укомплектованную истребителями новой модели — «Фокке-Вульф-190». 18 и 19 февраля летчики 6-й воздушной армии впервые встретились с этой машиной врага. Группа истребителей с ведущим гвардии лейтенантом А. С. Смирновым атаковала шестерку «Фокке-Вульфов-190», сбита три гитлеровских самолета, обратила в бегство остальных. Четверка «яков», возглавляемая гвардии капитаном А. В. Кисловым, сбита еще один «Фокке-Вульф-190», остальные вражеские истребители уловились от боя. Отлично сражались наши летчики!

Я. И. Драйчук, инспекторы политотдела армии и политуправления фронта непрерывно находились на аэродромах. Они провожали экипажи истребителей и штурмовиков на боевые вылеты, встречали летчиков, поздравляли с воздушными победами...

Уже светало, когда я получил срочное сообщение из

7-го отдела политуправления фронта. Поздно вечером по берлинскому радио выступил с очередной истерической речью Геббельс. Работники отдела прислали перевод речи и отклик на нее, написанный прибывшим к нам на фронт писателем В. А. Соловьевым:

В эфире, в бешенстве великом,
Герр Геббельс поднял дикий крик.
И этим истеричным криком
Он подменил былой блицкриг...

Коротко, хлестко! Даю указание разослать эти стихи в редакции фронтовых газет.

20 февраля после повсеместно проведенных митингов наши войска продолжали преследовать арьергардные части противника. Передовые отряды проникали далеко в расположение гитлеровцев, перехватывали дороги, вынуждали фашистов принимать бой, нанося им при этом огромные потери. Немцев не спасали ни леса, ни болота — наша авиация быстро находила скопления гитлеровцев и уничтожала их. Было захвачено много пленных.

Каждый успех наших войск, каждый факт мужества и героизма усилиями политработников доводился до всех бойцов и командиров. В 163-й стрелковой дивизии после боя мне показали написанную от руки листовку-молнию, которая передавалась по цепи наступающих бойцов: «Старшина Сорокин захватил заминированную немецкую пушку. Быстро ее разминировал и открыл из нее огонь по гитлеровцам. Равняйтесь на Сорокина! Замполит роты л-т Васильев. 20.02.1943».

Такие листовки, которые писали в бою, от руки, политработники и командиры, помогали красноармейцам овладевать искусством наступательного боя, учили мужеству, звали к победе.

20 и 21 февраля шли упорные бои. 171-я стрелковая дивизия, в которой я находился в эти дни, добилась заметных успехов. Особенно отличились воины 713-го полка под командованием подполковника К. Д. Мирошниченко. Полк прорвал передний край противника и продвигался в направлении села Боловина. Несколько раз поднимали в атаку бойцов командир взвода лейтенант Т. Л. Гришанович, знатный снайпер И. С. Брезгин. Отлично руководили блокированием вражеских дзотов командир роты лейтенант С. П. Коляда и его заместитель по политчасти лейтенант Файзулла Файзуллин.

Хорошо проявил себя в бою 380-й полк. Им командовал майор Ф. М. Зинченко, который стал впоследствии Героем Советского Союза и чьи солдаты водрузили Знамя Победы над рейхстагом. В 380-м полку я познакомился с еще одним будущим героем взятия рейхстага — с комбатом старшим лейтенантом К. Я. Самсоновым.

Три часа вели войска 34-й армии бой за Демянск. Вечером 21 февраля город был полностью очищен от гитлеровцев, лишь кое-где наши бойцы еще уничтожали или брали в плен фашистских солдат, которым было приказано жечь и взрывать городские здания.

После освобождения Демянска я направился в 11-ю армию, где бои принимали все более ожесточенный характер. Гитлеровцы яростно обороняли каждый населенный пункт вдоль Рамушевского коридора. В преодолении вражеской обороны большую роль сыграли танковые десанты. Прорвав оборону противника, они внезапно появлялись в тылу фашистских войск, вызывая смятение в рядах гитлеровцев. Так, танковый десант 202-й стрелковой дивизии штурмом овладел опорным пунктом гитлеровцев селом Сафронково, возле которого полтора месяца назад погиб командир дивизии генерал С. Г. Штыков.

В дни наступательных боев за Рамушевский коридор политотдел 11-й армии стал широко практиковать вручение красных флажков лучшим воинам — отважным бойцам, отлично зарекомендовавшим себя в прошедших боях. Этот флажок боец должен был водрузить в освобожденном от врага населенном пункте, над дзотом, на высоте.

Поднятый красный флаг воодушевлял бойцов, удваивал их силы. Но вскоре мы пришли к выводу, что в наступательном бою эту форму массовой воспитательной работы можно использовать далеко не всегда. Красный флажок видели не только наши бойцы, но и противник. Флаг нередко становился хорошим ориентиром для вражеской артиллерии и минометов. Политотделу 11-й армии пришлось выпустить специальную листовку — разъяснить бойцам, что красный флажок над освобожденной деревней, над отбитым у врага дзотом можно водружать только в том случае, если он не виден противнику.

Что ж, опыта политической работы в наступлении у нас тогда еще не хватало. Он приходил в боях. Достаточным опытом не располагали даже политуправление фронта и политотделы армий, не говоря уже о дивизионном звене. Нередко начальники политотделов направляли ин-

структоров в наступающие войска с весьма расплывчатым заданием «помогать на месте». А вот как помогать, чем?..

Мы имели основательный опыт ведения политической работы в войсках в условиях оборонительных боев. В условиях обороны можно заранее подготовить митинг, собрание, можно найти время, чтобы обстоятельно поговорить с людьми, можно провести встречи представителей различных родов войск, слеты снайперов, совещания политработников, легче работать агитаторам, корреспондентам газет. Словом, все многочисленные формы партийно-политической работы, о которых я уже рассказывал в предыдущих главах, могут быть с успехом использованы политработниками разных звеньев. Иное дело — наступательный бой, наступательные действия, которые ведут армии, фронт. Здесь все в движении. Отыскать нужную дивизию, полк и то не всегда просто. Детально спланировать политическую работу порою не удавалось даже на день вперед — так быстро изменялась боевая обстановка, расположение частей и подразделений.

Мы убедились, что в условиях наступательных боев многое решает расстановка партийно-политических кадров. Ведь политработникам, коммунистам в наступлении несравненно чаще, чем в оборонительном бою, приходится принимать самостоятельные решения, брать инициативу в свои руки, а нередко и заменять раненых или убитых командиров. Вот почему огромное значение политуправление фронта и политотделы армий придавали укреплению партийных организаций рот и батарей, особенно передовых отрядов, включению в них коммунистов и комсомольцев, своевременному приему отличившихся бойцов и командиров в партию и комсомол; выдаче непосредственно на передовой партийных и комсомольских билетов.

Политуправление фронта решительно боролось с практикой посылки в войска политработников без четкого задания. «Помогать на месте»... Да, помогать надо. Но так, чтобы эта помощь была эффективной и действенной. Нельзя допускать, чтобы силы политработников были расплывлены по всем полкам и батальонам. Основные силы надо концентрировать там, где решаются главные задачи наступления, — в передовых отрядах, в дивизиях, ведущих бои на главном направлении. Так по указанию политуправления фронта стали строить свою работу все армейские и дивизионные политотделы.

В дивизии и полки выезжали группы политработников, каждый из которых отвечал за свой определенный участок. Работники организационно-партийных отделов занимались укреплением ротных партийных организаций, принимали меры по вовлечению в партию отличившихся в боях. Инструкторы по пропаганде и агитации добивались, чтобы в подразделения без задержки попадали свежие газеты, готовили и проводили беседы, инструкторы по работе с комсомольцами помогали ротным комсомольским организациям, инструкторы по тылу контролировали питание людей, обеспечить которое в наступательном бою нелегко. Это было действенное политическое обеспечение наступающих войск.

Во время боев за Рамушевский коридор я встречал инструкторов политотделов армий и дивизий в боевых порядках наступающей пехоты, в саперных частях, разминировавших дороги и дома, среди связистов, которые тянули новые линии связи вслед за продвигающимися вперед войсками, у солдатских кухонь — необходимо было постоянно следить, чтобы бойцы вовремя получали горячую пищу. Начальники политотделов дивизий в траншеях перед боем вручали партийные билеты, ордена и медали, а потом вместе с бойцами и командирами шли в атаку.

Личный пример политработников, коммунистов был колоссальной силой, боевым оружием нашей армии. Парторг роты известный снайпер Анатолий Пупков возглавил группу бойцов, которая стремительно ворвалась во вражескую траншею и в рукопашной схватке уничтожила десятки гитлеровцев, обратив остальных в бегство. Агитатор Терентьев убеждал бойцов, что врага можно с успехом разить не только снайперской винтовкой, но и обычным стрелковым оружием. Взяв трехлинейку без оптического прицела, он в тот же день уничтожил пять фашистов. Через день еще несколько бойцов его роты открыли личные счета убитых гитлеровцев.

Замполит одной из артиллерийских батарей 288-й стрелковой дивизии старший лейтенант А. И. Зорько взял на себя командование батареей, когда ее командир был ранен. Зорько прямой наводкой уничтожил две батареи гитлеровцев и два противотанковых орудия. Он первым в дивизии по призыву Военного совета и политотдела армии стал выдвигать орудия в боевые порядки пехоты и расстреливать гитлеровцев прямой наводкой. Его примеру последовали и другие артиллеристы.

В 87-й стрелковой бригаде Сергей Иванович Панков познакомил меня с двумя замполитами рот лейтенантами Мигушевым и Бабахановым. Их роты вели тяжелый бой за деревню Васильевщина — ключевой пункт обороны гитлеровцев в Рамушевском коридоре. Возле этой деревни я впервые встретился с командующим фронтом Н. А. Курочкиным. Упорные бои за Васильевщину длились больше года. И вот наконец войска 87-й бригады начали решительный штурм деревни. Во время атаки командиры рот, где служили Мигушев и Бабаханов, были тяжело ранены, и замполиты взяли на себя руководство боем. Они шли в атаку впереди своих бойцов, первыми ворвались во вражеские траншеи. После взятия Васильевщины коммунисты Мигушев и Бабаханов, несмотря на полученные ранения, оставались в строю.

Политработники, коммунисты неизменно оказывались в бою там, где всего труднее, где всего опаснее. А когда затихал бой, они, как всегда, были среди бойцов.

Проезжая мимо небольшой рощицы, я заметил группу сидящих на вещмешках солдат, которые внимательно слушали молодого сержанта. Я велел остановить машину и подошел к бойцам. Парторг роты сержант Остроглазов из 295-го полка 288-й дивизии проводил инструктаж коммунистов, прибывших с пополнением.

— Сами понимаете, идет наступление, — говорил сержант. — Привыкать к боевой обстановке некогда. Задача коммуниста простая: когда надо, подымись во весь рост с криком «ура», когда надо, подползи к врагу и первым брось гранату. Только всегда будь первым.

Простые, понятные вещи говорил сержант. Он рассказывал о том, как воевала рота в недавних боях — за пять дней прорвала две линии вражеской обороны, — о том, что впереди третья линия и через два часа надо идти в атаку и драться, как подобает коммунистам.

— Вот как будто и все, — закончил инструктаж Остроглазов. — Перед нами, товарищи коммунисты, лютый враг — шестнадцатая армия фашистов. Пора нам рассчитаться с ней. Ясно?

— Ясно, товарищ сержант! — хором ответили бойцы.

В течение дня я не раз вспоминал этот короткий инструктаж на опушке рощицы, вспоминал молодого парторга, его точные, ясные слова. А вечером направил инструктора политуправления в 288-ю дивизию — узнать, как

воюет рота, где парторгом Остроглазов. Хорошо она воевала в этот день. Штурмом была взята третья линия вражеской обороны. В рукопашном бою в траншее гитлеровцев парторг уничтожил трех фашистских солдат. Неплохо зарекомендовали себя и коммунисты из пополнения.

«Рассчитаться с шестнадцатой! Бей шестнадцатую!» — этот лозунг был в те дни на устах всех воинов нашего фронта.

А события на Северо-Западном фронте развивались на редкость стремительно. 23 февраля 11-я армия с боями форсировала реку Ловать, освободила железнодорожную станцию Рамушево и поселок Ново-Рамушево. Сколько раз за последние месяцы мы повторяли их названия, и вот наконец наши войска вступили в эти небольшие населенные пункты, освобождение которых далось нелегкой ценой.

Во время боев за Рамушево в 370-й стрелковой дивизии я познакомился с комсоргом роты сержантом Маслаченко. Он рассказал мне, как ротная комсомольская организация готовилась к штурму железнодорожной станции. Каждый комсомолец должен был разъяснить двум бойцам задачу отделения и взвода, а по сигналу командира взвода комсомольцы должны были первыми подняться в атаку, увлекая за собой остальных красноармейцев. Боец Воробьев получил комсомольское поручение первым ворваться в опорный пункт противника. Это поручение с честью было выполнено. Комсомольцы Варламов и Зубарев уничтожили по десять гитлеровцев, трех фашистов заколол штыком Воробьев. В этом бою, уже в Рамушево, пал смертью героя комсорг батальона младший лейтенант Карелин...

2 марта 1943 года Совинформбюро сообщило: «На днях войска Северо-Западного фронта под командованием маршала Тимошенко перешли в наступление против 16-й немецкой армии. В ходе боев наши войска, прорвав на ряде участков сильно укрепленную полосу противника, создали реальную угрозу двойного окружения немецко-фашистских войск. Противник почувствовал опасность окружения и начал под ударом наших войск поспешное отступление на запад.

За восемь дней боев наши войска, неотступно преследуя противника, освободили 302 населенных пункта, в том числе город Демянск и районные центры Лычково,

Залучье. Очищена от противника территория в 2350 квадратных километров.

За восемь дней боев наши войска захватили в плен 3000 немецких солдат и офицеров.

За это же время взяты следующие трофеи: самолетов — 78, танков — 97, орудий разного калибра — 289, пулеметов — 711, а также большое количество боеприпасов и много другого военного имущества».

Длительный штурм демянского плацдарма войсками Северо-Западного фронта был успешно завершён. Ставка Верховного Главнокомандования расформировала Осташковскую группу войск. В состав нашего фронта были переданы 68-я армия под командованием генерал-лейтенанта Ф. И. Толбухина и четыре воздушно-десантные дивизии.

До освобождения Демянска, Лычкова, Залучья войны Северо-Западного фронта знали о зверствах фашистов на временно оккупированной советской земле лишь по рассказам политработников, из газет и писем, получаемых от родных из освобожденных от врага районов. Теперь они своими глазами убедились в звериной сущности фашизма.

За 18 месяцев хозяйничанья в Демянске гитлеровцы уничтожили три четверти домов в городе, сожгли или взорвали больницу, амбулаторию, аптеки, льнозавод и маслозавод, электростанцию, мастерские МТС, школы, кинотеатр. В городе осталось меньше тысячи населения, остальные были либо убиты, либо насильно угнаны в Германию. Из 218 освобожденных деревень района 70 были уничтожены, скот полностью реквизирован гитлеровцами. Такую же картину мы увидели в Лычковском и Залученском районах.

После ликвидации демянского плацдарма политуправление фронта направило свыше сорока групп политработников для расследования зверств, учиненных фашистами на временно оккупированных территориях. Десятки актов о преступлениях гитлеровцев до сих пор хранятся в архивах Министерства обороны, они вечно будут служить страшным обвинением фашистским извергам. Леденящие кровь факты гитлеровских зверств политработники доводили до сведения воинов фронта — росла ненависть к врагу, жажда мести за совершенные им преступления.

В деревне Заболотье Лычковского района Ленинградской области комиссия, возглавляемая капитаном З. П. Капустиним, обнаружила в подвале дома, где раз-

мещался немецкий госпиталь, восемь зверски замученных бойцов и командиров Красной Армии. По найденным документам удалось установить личность некоторых погибших: сержант Г. З. Муромцев, командир отделения В. А. Китаев, красноармеец Е. Л. Бондарев. Пять человек остались неопознанными. Кто они, люди огромной воли и мужества? Они похоронены в братской могиле с воинскими почестями.

Вблизи освобожденного Демянска, на Поповом болоте, был обнаружен лагерь смерти. Это место издавна пользовалось у местных жителей плохой репутацией — над болотом обычно стоял густой туман, здесь рос только мох да лишайник. И вот на этом гнилом месте фашисты устроили лагерь для советских военнопленных. Люди жили в шестнадцати подземных бункерах без единого окна. Ежедневно десятки военнопленных умирали от холода, голода, болезней, от фашистских пыток. Лишь несколько человек спаслись из этого ада. Они рассказали о страшных восемнадцати месяцах фашистского плена.

Сейчас на месте бывшего лагеря смерти воздвигнут памятник воинам — погибшим, но не сломленным.

В ходе наступления наши войска занимали сожженные и разрушенные врагом населенные пункты. В деревнях Великое Село, Годилово, Высотово, Кокорино, Степаново и многих других не осталось ни одного дома. В деревне Извоз советские бойцы обнаружили только семь жителей — женщины и подростков. До войны здесь жили 148 человек; фашисты повесили 63 жителя деревни, остальных насильно угнали в Германию. По указанию политического управления фронта возле отбитых у врага населенных пунктов устанавливали специальные стенды, на которых было написано название деревни или поселка, приведен короткий рассказ о ее прошлом, леденящие сердце сведения о фашистских зверствах.

День ото дня крепла ненависть советских людей к заклятому врагу человечества — фашизму, возрастал наступательный порыв наших войск.

Политуправление фронта, политотделы армий и дивизий в листовках и газетах широко освещали успехи наступающих войск фронта. Рубрика во фронтовой газете «За Родину», под которой помещались материалы о боевых действиях под Демянском, называлась «Там, где перемалывались немецкие дивизии»...

Проезжая по освобожденным землям, можно было видеть, как дорого обошлась оборона Рамушевского коридора фашистам. Повсюду громоздились остовы разбитых машин — тягачей, грузовиков, тяжелых транспортных автомобилей. Все сломано, сплющено, сожжено нашими снарядами, авиабомбами и минами. Дороги коридора превратились в мясорубку, в которой перемалывалась техника и живая сила. Поля и холмы разрыты, вспаханы снарядами, минами и авиабомбами, всюду зияют воронки. Вместо лесов — торчащие, как поломанные зубья, расщепленные стволы деревьев. Опрокинутые танки, искалеченные пушки. Десятки тысяч баварцев и гессенцев, пруссаков и саксонцев, померанцев и вестфальцев, обманутых фашистами, нашли свою гибель в безвестных русских деревнях.

...Пришла весна, а с ней и весенняя распутица. Дороги буквально разбухали от грязи, деревянные настилы, которые в считанные часы сколачивали и укладывали саперы, тонули в черно-буром месиве. Несмотря на ужасающие дорожные условия, преследование врага продолжалось. В топких болотах, на непроходимых дорогах завязывались бои с поспешно отступающими гитлеровцами. Десятки фашистских вояк сдавались в плен, поднимая руки с зажатыми в них лпстовками-пропусками.

Передовые отряды наших войск наводили ужас на гитлеровцев. Сформированные из лучших подразделений дивизий, возглавляемые самыми опытными командирами и политработниками, эти отряды воевали умело и инициативно, непрерывно преследуя противника, изматывая его. Сказалась кропотливая работа политуправления фронта, политотделов армий и дивизий по укреплению ротных партийных организаций. В передовых отрядах авангардная роль коммунистов и комсомольцев была особенно велика.

Войска Северо-Западного фронта к этому времени уже полностью были оснащены современным оружием. Особенно страшны для гитлеровцев были наши «катюши». Реактивные снаряды па головы врагов обрушивал 70-й гвардейский минометный полк под командованием гвардии полковника И. З. Кузьменко.

Штурмовая авиация 6-й воздушной армии непрерывно обстреливала и бомбила дороги. Многие солдаты гитлеровской армии прятались в демянских лесах. Потом они с поднятыми руками выходили из леса и добровольно сда-

вались в плен. «Мы были огорошены известием о разгроме немецких войск под Сталинградом, — сказал ефрейтор Роберт В. — Все говорили, что такая судьба ожидает и нас. Мы завшивели в холодных окопах...» Ему вторил унтер-офицер Альфред П.: «Наша рота за короткий срок лишилась 70 человек. Теперь старых солдат в дивизии очень мало, настрование их плохое: они устали от войны, а пополнение, которое еще не нюхало пороху, дрожит, как только услышит залпы русской артиллерии».

Выполнив боевую задачу по ликвидации демянского плацдарма, войска Северо-Западного фронта в марте 1943 года получили новую задачу: развернуть наступление на запад, в направлении Старая Русса. Псков. Однако обстановка для ее выполнения складывалась весьма неблагоприятная.

Яркое весеннее солнце растопило снег. С таким трудом проложенные саперами лежневые дороги ушли в болотную топь. Танки, орудия, грузовики тонули в грязи. Тяжело приходилось солдатам: технику то и дело надо было вытаскивать на руках. Особенно трудно было форсировать реки, разбухшие от весеннего паводка, вышедшие из берегов, затопившие окрестные луга...

14 марта Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко и член Военного совета фронта генерал-лейтенант В. Н. Богаткин были отозваны в Москву. В тот же день к нам прибыл новый командующий войсками фронта генерал-полковник Иван Степанович Конев, а вместе с ним и новый член Военного совета фронта генерал-лейтенант Федор Ефимович Боков. С Коневым я прежде не встречался, а вот Федора Ефимовича знал еще с двадцатых годов по комсомольской работе в Воронежской губернии. Знал его как человека глубоко преданного партии, внимательного и заботливого к людям. Поработав с генералом Боковым на Северо-Западном фронте, я с радостью убедился, что он сохранил свои прекрасные деловые и человеческие качества.

Иван Степанович Конев сразу же по прибытии на фронт собрал всех руководителей фронтовых управлений и дал твердые указания, что делать каждому в сложившейся обстановке. Нам пришлось выслушать и упреки, многие из которых поначалу показались не совсем справедливыми. Но прошло время, и мы научились видеть за суровостью, а порою и резкостью нового командующего требовательность коммуниста-командира, высокое чувст-

но долга, ответственность за порученное партией дело, большую заботу о людях.

Познакомившись с руководителями фронта, Иван Степанович каждому сказал в глаза все, что думает о его деятельности. Сделал он, в частности, и несколько неслестных замечаний о работе политуправления.

Заметив, что я обиделся, Иван Степанович посмотрел на меня с укоризной:

— Да полно тебе! Я же ругаю тех, кого ценю, с кем собираюсь долго работать.

Мне приходилось спорить с Иваном Степановичем и потом. Иногда по серьезным поводам, а иногда и по незначительным. Например, однажды И. С. Коневу не понравилась стихотворная подпись к фотографии из фронтовой газеты. Наверное, она и впрямь была не очень удачной, но уж не настолько плохой, чтобы испортить газетную полосу или весь номер. Я вступился за редактора и при этом съязвил, что, мол, командующий фронтом должен заниматься не литературой, а военными делами, а стихи пусть предоставит нам, политработникам. На это Иван Степанович педовольно сказал:

— А все-таки скажи редактору, чтобы он печатал не все подряд, а кое-когда и отказывал своим литераторам.

Проработали мы вместе с Иваном Степановичем недолго, всего несколько месяцев, но потом у нас на десятилетия, до самой кончины маршала, сохранились добрые, я бы сказал, теплые отношения.

Крут был порою Иван Степанович со своими помощниками, но неизменно справедлив. Требовал, чтобы все доклады были предельно точными, исчерпывающими, без ненужной трескотни, не терпел, когда от него скрывали даже мелкие, частные неудачи. И особенно резок он был с людьми мало компетентными, с теми, кто прибегал к расплывчатым формулировкам. Иной раз я ему говорил:

— Побаиваются тебя, Иван Степанович!

(Командующий с первого дня стал звать меня на «ты», и я как-то незаметно тоже перешел на такую форму обращения.)

— Боятся? — переспросил командующий. — А с чего бы это меня бояться? Разве я кого-нибудь без дела отчитаю?

Однако после таких разговоров Иван Степанович несколько дней бывал тих и вежлив — тщательно контроли-

ровал и голос, и тон. А потом случится что-то неприятное — и все начиналось сначала...

Но я не помню случая, чтобы Конев сорвался, повысил голос, разговаривая с солдатами и младшими командирами. С ними он был неизменно вежлив, заботлив и добр. Пройдя путь от солдата старой царской армии до генерала Красной Армии (а потом — и до маршала), Конев научился хорошо понимать солдат. Он жил их чаяниями, делил вместе с ними радости и печали. Будучи уже крупным военачальником, Иван Степанович оставался верным старым солдатским привычкам — жил, что называется, по-спартански, в обычном фронтовом блиндаже, обедал в общей офицерской столовой. Конев всегда восхищался подвигами советских воинов, следил, чтобы о них узнали многие.

Символом доблести и героизма на нашем фронте стало имя младшего сержанта Ивана Ивановича Фетисова. Взвод, которым он командовал, прорвал оборону противника и вел бой в ее глубине, когда бойцы натолкнулись на завал, оплетенный колючей проволокой. Младший сержант бросился на завал и приказал бойцам: «Через меня!» В этом бою Фетисов уничтожил десять фашистов, но когда схватка подходила к концу, его настигла вражеская пуля. Я рассказал И. С. Коневу о подвиге Ивана Фетисова. Командующий приказал немедленно подготовить приказ по фронту, долго сам его редактировал, подыскивал нужные, точные слова. Этим приказом И. И. Фетисов был навечно зачислен в списки полка, имя его внесено в Книгу героев части. Ивана Ивановича Фетисова наградили посмертно орденом Отечественной войны I степени. По личному распоряжению И. С. Конева на родину героя, в деревню Сосновка Кировской области, была направлена с фронта делегация. Вдове Фетисова передали орден погибшего мужа, перед односельчанами героя выступили его фронтовые друзья. На общем собрании колхозники решили работать так же самоотверженно, как дрался с врагами их земляк. И тут же составили новый график сельскохозяйственных работ, которому дали название «фетисовский»...

Наступление Северо-Западного фронта на Старую Руссу, Псков продолжалось. В скором времени предстояло освободить Старую Руссу и выйти на реку Шелонь на участке Сольцы, Дно. Западный берег Ловати был хорошо подготовленным естественным рубежом, и в планы

пемецкого командования входило закрепиться на этом рубеже. Однако под натиском советских войск противник был вынужден отойти дальше на запад и занять позиции у реки Редья.

К 17 марта 68-я армия вышла к реке Редья, а на следующий день к этому рубежу вышли и другие войска фронта. Три дня спустя 27-я и 11-я армии, захватив плацдарм на реке Полисть, севернее Старой Руссы, подошли к городу. Враг превратил дома предместий в мощные огневые точки, и с ходу взломать его оборону не удалось. Дальнейшее продвижение войск из-за весенней распутицы до предела затруднилось.

Командующий фронтом решил проверить состояние дорог. В одну из армий поехал Ф. Е. Боков. В другую — второй член Военного совета генерал-майор А. М. Пронин. Сам Иван Степанович решил отправиться в 68-ю армию генерал-лейтенанта Ф. И. Толбухина и пригласил с собой меня.

Я предложил командующему поехать на вездеходе полтуправления — подарке горьковских автозаводцев Северо-Западному фронту. Машину вел мой фронтовой друг и помощник шофер Анатолий Дмитриевич Ланцев, который умело преодолевал все «хляби». Мы предвигались вперед примерно по километру в час. Совсем измученные, наконец добрались до палатки — наблюдательного пункта генерала Ф. И. Толбухина.

Вид у командарма был усталый, одежда измазана дорожной грязью. Видимо, Толбухин сам недавно объезжал свои дивизии. После взаимных приветствий Конев спросил Федора Ивановича:

— Вы надеетесь на успех наступления?

Командарм с горечью ответил:

— Иван Степанович, вы видели, что творится на дорогах. Бóльшая часть войск воюет не с врагом, а с болотами да грязью. На мой взгляд, надо переходить к обороне. Обсушить и обогреть солдат.

Командующий фронтом задумался, а затем попросил тетрадь и, присев к походному столику, набросал радиogramму командармам, в которой предложил приостановить наступление, укрепить занятые рубежи, по возможности привести в порядок дороги, обсушить и накормить горячей пищей людей.

На обратном пути мы видели ту же безрадостную картину распутицы и фронтового бездорожья. Остановив ма-

пину около группы отдохавших бойцов, И. С. Конев спросил:

— Ну как, товарищи, дальше воевать будем?

Бойцы не сразу узнали командующего: его шинель, генеральская фуражка, лицо были забрызганы грязью. А когда узнали, заговорили наперебой:

— Трудно, но выдержим. Нам бы немножко пообсохнуть, а уж тогда мы покажем фашистам, почем фунт лиха!

Командующий улыбнулся и сказал, что все видит, ценит их солдатский труд и что наступление лишь временно приостановлено.

Весной 1943 года перед политорганами фронта была поставлена новая, очень важная и ответственная задача. В конце мая Центральный Комитет партии принял постановление «О реорганизации структуры партийных и комсомольских организаций в Красной Армии и усилении роли фронтовых, армейских и дивизионных газет». Это постановление обязывало военные советы, политорганы и партийные организации усилить помощь командирам в решении боевых задач, повысить их роль в воспитании бойцов. Первичные партийные и комсомольские организации теперь создавались в батальонах и дивизионах, а полковые партийные и комсомольские бюро преобразовывались в партийные органы на правах комитета.

Мы понимали, что своим решением Центральный Комитет партии расширяет партийный и комсомольский актив, что на командиров рот и батарей возлагается руководство политической работой в своих подразделениях.

Одновременно политорганы продолжали работу, связанную с укреплением в армии единоначалия, с улучшением структуры партийно-политического аппарата. Объединялись должности заместителя командира соединения по политчасти и начальника политотдела. В ротах и батареях упразднялась должность заместителя командира по политчасти, такая должность вводилась в звене батальон — дивизион. В полках вводились штатные полковые агитаторы. Парторги назначались вышестоящими политорганами, а там, где позволяла боевая обстановка, парторгов и членов партийных бюро предлагалось избирать на партийных собраниях.

Работникам организационно-партийных отделов и отделов кадров политуправления фронта и политотделов армий пришлось много работать над выполнением указаний

ЦК ВКП(б). Предстояло по-новому расставить кадры, решить судьбу каждого политработника (а их у нас на фронте насчитывалось уже свыше 14 тысяч) — с учетом опыта, знаний, подготовки.

Речь шла, разумеется, не о механической перестановке кадров. На нашем фронте высвободились около 4000 политработников — преданных делу, опытных, знающих коммунистов. Многие из них после учебы на краткосрочных курсах стали командирами рот, батарей, батальонов, полков. Реорганизация политической и партийной работы — процесс сложный. Не все политработники сразу находили свое место.

Перестраивая партийные и комсомольские органы, по-новому расставляя кадры политработников в войсках, мы в то же время усиливали всю политическую работу, особенно агитационно-пропагандистскую.

В связи с сокращением протяженности Северо-Западного фронта Ставка ВГК вывела в свой резерв 27, 11, 53, 68 и 1-ю ударную армии. В составе фронта остались 34-я армия и переданная вместе со своим участком из Калининского фронта 22-я армия.

Политуправление совместно со штабом фронта разработало комплекс мероприятий по скрытному выводу войск с переднего края, по сохранению военной тайны в условиях марша многих дивизий, погрузки десятков тысяч людей в железнодорожные составы. Политработники были направлены в части для разъяснения личному составу важности строгого сохранения военной тайны при передислокации войск.

В июне 1943 года командующим войсками Северо-Западного фронта вновь стал генерал-лейтенант П. А. Курочкин. Иван Степанович Конев был назначен командующим резервным Степным фронтом. Наши пути разошлись, но я всегда помнил своего командующего, внимательно следил за блестящими успехами руководимых им фронтов.

В августе Ставка приказала нашему фронту начать новое наступление на Старую Руссу и освободить город от гитлеровских захватчиков. Эта операция не принесла полного успеха. Тем не менее боевые действия Северо-Западного фронта не позволили гитлеровскому командованию перебросить часть своих дивизий на орловско-курское направление.

После августовских боев на фронте вновь наступило

относительное затишье. Вместе с членом Военного совета генералом Ф. Е. Боковым мы решили им воспользоваться, чтобы провести фронтное совещание начальников политорганов армий, корпусов, дивизий и бригад, заместителей командиров отдельных частей по политчасти, политработников фронтных управлений и отделов.

О предстоящем совещании я доложил Главному политическому управлению и вскоре получил полное одобрение и сообщение о том, что на совещание приедет заместитель начальника Главного политического управления Иосиф Васильевич Шикин. Эта весть меня очень обрадовала. Еще на Ленинградском фронте у нас с Иосифом Васильевичем сложились дружеские отношения, а видеться с тех пор почти не приходилось.

Шикин прилетел к нам на фронт за несколько дней до начала совещания. Мы дружески обнялись. По дороге с аэродрома на командный пункт говорили о нашей совместной работе на Ленинградском фронте. Иосиф Васильевич вспомнил, как Военный совет 8-й армии помогал автомобилями ладожской Дороге жизни, как однажды десять из этих автомобилей попали под вражескую бомбежку и были разбиты, а я в сердцах сказал Шикину (он был тогда комиссаром зимней дороги), что впредь ни одной машины не дам.

— Только на этот раз ты слова не сдержал, — сказал с улыбкой Иосиф Васильевич. — Восьмая армия и потом нам крепко помогала в перевозке грузов.

Иосиф Васильевич по натуре был оптимистом, любил хорошую шутку, веселый рассказ.

На командном пункте фронта мы пробыли недолго. Шикин внимательно и заинтересованно выслушал доклады о поездках во фронтовые части, поинтересовался подробностями фронтового быта. Вскоре он предложил поехать в войска и посмотреть, как выполняется постановление ЦК ВКП(б) о перестройке партийно-политической работы. Мы поехали в 22-ю армию. Вместе с начальником политотдела полковником П. Л. Шлычковым отправились в дивизию. Два дня мы провели в армии, побывали во многих стрелковых ротах и батареях.

Мы пришли к твердому убеждению, что, несмотря на некоторое сокращение численности политработников в ротах и батареях, партийно-политическая работа не ослабла. Теперь командир роты, батареи, опираясь на парторга и комсорга, конкретно включался в партийно-

политическую работу. А парторги и комсорги, понимая свою возросшую ответственность, стали проявлять больше инициативы: они чувствовали себя как бы помощниками командира по политической работе, постоянно ощущали его участие в партийных и комсомольских делах.

Вернувшись в политуправление фронта, мы на основании свежих впечатлений стали вносить поправки в свои доклады, дополнять их новыми примерами.

На совещании И. В. Шикин выступил с яркой речью. Он рассказывал о результатах перестройки партийно-политической работы в Красной Армии, привел не только положительные, но и отрицательные примеры. Особенно подчеркнул недопустимость подмены парторганизациями командиров (а такое иногда имело место). Одна ротная парторганизация, например, постановила закончить в два дня установку проволочного заграждения, осушить траншеи и привести их в порядок, а политотдел одной из дивизий обязал политработников научить бойцов соблюдению маскировки, умению окапываться. Иосиф Васильевич отметил, что в этих случаях наблюдается прямая подмена командира-единоначальника, противоречащая решениям партии.

Осенью 1943 года решением Ставки были созданы 1-й и 2-й Прибалтийские фронты, а Северо-Западный фронт был расформирован. Управление фронта Ставка вывела в резерв, в Рыбинск.

Непривычной была для нас тыловая обстановка, хотелось как можно скорее получить новое назначение. Передышка, как нам казалось, затягивалась, и шутники наше пребывание в резерве окрестили даже «рыбинским пленом». Однако продолжался он, к счастью, недолго...

В феврале 1944 года в Полесье был создан 2-й Белорусский фронт (первого формирования). Из Рыбинска полевое управление бывшего Северо-Западного фронта передислоцировалось в Полесье и стало управлением вновь созданного фронта. В условиях весеннего бездорожья войска 2-го Белорусского фронта в составе 61, 70, 47 и 6-й воздушной армий продвинулись на 50—70 километров и освободили от захватчиков более 8 тысяч квадратных километров советской земли.

5 апреля 1944 года 2-й Белорусский фронт был расформирован. Его войска были переданы Белорусскому фронту, а полевое управление осталось в резерве Ставки. Я был отозван в Главное политическое управление.

ВПЕРЕД, ТОЛЬКО ВПЕРЕД!

Сособым чувством приступаю я к рассказу о нашем победоносном наступлении, стремительном и безудержном, об изгнании врага с советской земли и окончательном его разгроме.

Итак, я отозван в Москву, в Главное политическое управление. Взлетные полосы на аэродроме раскисли, и самолету По-2 пришлось взлетать с шоссе на дороге. Было это 15 апреля 1944 года...

Вот уже несколько часов как я в столице. Немного волнуясь: понимаю, что вызов к Александру Сергеевичу Щербакову наверняка связан с новым назначением, с новыми боевыми задачами. Какими они будут, где придется воевать?

Александр Сергеевич встретил меня приветливо, сердечно. Подробно расспросил о политической работе в наступательных боях, справился о знакомых ему командирах и политработниках. Потом Щербаков стал говорить о задачах партийно-политической работы на новом этапе Великой Отечественной войны, когда на всех фронтах Красная Армия переходит в решительное наступление.

Лишь в самом конце беседы я узнаю о главном — о цели моего вызова. Александр Сергеевич сообщил мне, что по решению Ставки Западный фронт делится на два — 2-й Белорусский и 3-й Белорусский, а Белорусский фронт получает наименование 1-го Белорусского.

— 2-м Белорусским фронтом будет командовать генерал-полковник Иван Ефимович Петров, — сказал Щербаков, — членами Военного совета назначены Лев Захарович Мехлис и генерал-майор Александр Георгиевич Русских, а вы выдвинуты на должность начальника политуправления фронта. Заместителем начальника полит-

управления назначен полковник А. Н. Будкин. Он уже на месте.

Я благодарю за доверие. А. С. Щербаков говорит о том, что фронту предстоит наступательная операция огромного масштаба. И переходит к конкретным указаниям. Самое существенное: я обязан в кратчайший срок сформировать новое политуправление на основе политотдела расформированной 10-й армии. Предлагаю другой вариант: прошу передать в мое распоряжение работников политуправления Северо-Западного фронта, воевавших после ликвидации демянского плацдарма в Полесье, а сейчас находящихся в резерве.

А. С. Щербаков отвечает, что готов поддержать мое предложение, но уже есть подписанный И. В. Сталиным приказ о расформировании всего полевого управления бывшего 2-го Белорусского фронта (первого формирования), и, естественно, обойти этот приказ невозможно.

— Впрочем, — заключает А. С. Щербаков, — договоритесь обо всем на месте с товарищем Мехлисом и телеграфируйте мне. Если вы оба будете настаивать на этом, постараюсь помочь.

Пробыв в Москве всего несколько часов, 16 апреля 1944 года я выехал поездом на командный пункт бывшего Западного фронта, в деревню Нетяжи Смоленской области. Я был уже осведомлен о том, как укомплектованы людьми и техникой армии 2-го Белорусского фронта — 33, 49, 50, 4-я воздушная, — знал, как они воевали прежде. Но мне предстояло узнать главное — людей.

Прежде чем явиться к Л. З. Мехлису, я заехал в политуправление 3-го Белорусского фронта, начальником которого работал мой старый товарищ С. Б. Казбинцев — мы вместе учились в Военной академии имени М. В. Фрунзе. Сергей Богданович — высокий, полный, неизменно спокойный и неторопливый — встретил меня радушно. Доброжелательность и радушие вообще были ему свойственны, он охотно помогал товарищам и советом, и делом. Я попросил Казбинцева о помощи — ведь он тут старожил, хорошо знает войска, которые входят в состав вновь организованного фронта. Сергей Богданович сказал, что я всегда могу на него рассчитывать (и в дальнейшем я не раз обращался к нему за советом). Он вызвал начальника отдела кадров полковника И. М. Молочкова, и тот доложил мне о работниках политотдела 10-й армии.

Было уже далеко за полночь, когда я приехал в Нетяжи. Меня предупредили, что Л. З. Мехлис работает всю ночь напролет и уходит отдыхать только утром, так что обращаться к нему можно вплоть до рассвета.

Мехлис встретил меня сурово, сказал, что от Смоленска можно было добраться и побыстрее. Но когда я доложил, что заезжал к Казбинцеву, Лев Захарович смягчился. И тут же, не откладывая дела в долгий ящик, начал говорить о первоочередных партийно-политических мероприятиях. Стало светать, наступило утро, а беседа все еще продолжалась. Мы написали телеграммы в Ставку и А. С. Щербакову с просьбой откомандировать в наше распоряжение из Житомира весь личный состав политуправления 2-го Белорусского фронта (первого формирования) и редакцию фронтовой газеты «За Родину». А. С. Щербаков свое обещание выполнил: получил согласие И. В. Сталина о передаче в наше распоряжение личного состава политуправления фронта. Вскоре в Рославль, где формировалось полевое управление фронта, прибыла из Житомира автоколонна с политработниками.

Вместе с представителем управления кадров ГлавПУ РККА полковником Ф. М. Константиновым мы довольно быстро укомплектовали новое политуправление, используя, разумеется, и кадры политотдела 10-й армии. Здесь, в Рославле, меня уже ожидал мой новый заместитель полковник А. Н. Будкин. Мой бывший заместитель полковник Н. Г. Пономарев (в 1943 году он сменил на этом посту полковника В. Н. Глазунова) был назначен заместителем начальника штаба фронта по политической части.

По совету С. Б. Казбинцева мы выдвинули на должность начальника организационно-партийного отдела полковника И. М. Кошика, бывшего заместителя начполитотдела 10-й армии. Должен сказать, что об этом выборе мы не пожалели: Иван Митрофанович оказался человеком трудолюбивым, отлично политически подготовленным, умеющим прекрасно ладить с людьми.

Одной из первых моих задач было познакомиться с командармами, членами военных советов и начальниками политотделов армий, установить с ними деловые контакты. О многих из них мне еще предстоит рассказать. А в те весенние дни 1944 года вместе с армейскими политработниками я объезжал дивизии, знакомился с ко-

мандирами и политсоставом соединений, с состоянием партийно-политической работы.

По прибытии в Рославль я представился командующему войсками фронта генерал-полковнику Ивану Ефимовичу Петрову.

Внешность у Ивана Ефимовича была запоминающаяся: лицо цвета бронзы и неизменное пенсне на носу. Цвет лица — от многолетнего южного загара: долгие годы И. Е. Петров нес службу в Средней Азии.

— Никаких указаний я вам давать не буду, — сказал Иван Ефимович. — Вы политработник опытный и сами знаете, что надо делать. Впрочем, — добавил он шутливо, — Лев Захарович уже надавал вам, наверное, множество различных указаний, успевайте только выполнять... Напомню только, что главный удар на Могилев будет нанести 49-я армия. Так что основной упор надо делать на партийно-политическую работу именно в 49-й. Но для сохранения военной тайны вы должны не менее интенсивно работать и в других армиях. В конечном счете ничего, кроме пользы, это не принесет. Ведь все армии будут решать одну общую задачу.

Несколько дней спустя, в последних числах апреля 1944 года, командующий фронтом проводил рекогносцировку местности для будущего прорыва. Мы пробирались по переднему краю на участке фронта 49-й армии вместе с командармом И. Т. Гришиным и членом Военного совета армии В. А. Сычевым. Обошли несколько рот и батарей, как водится, порасспрашивали солдат — о настроении, о быте, о питании. На обратном пути Иван Ефимович неожиданно спросил:

— А не заметили ли вы, Андрей Дмитриевич, одного очень крупного недостатка во всех ротах, где мы сегодня побывали?

— Нет, — отвечаю, — честно говоря, не заметил. Настроение у бойцов хорошее, подготовка к наступлению идет нормально...

— Я имею в виду очень серьезный недостаток в политработе. Не обратили внимания? Ладно, я вам скажу, только попозже, когда мы побываем в штабах полков и батальонов.

Мы зашли в несколько штабов, побеседовали с офицерами. В одном из батальонов Иван Ефимович вернулся к старой теме:

— Ну как, не обратили, политработники, на что-нибудь

внимания? Нет? Тогда слушайте — в штабах повсюду есть газеты. А в ротах вы газеты видели? Молчите? Ну так я скажу: газеты оседают в штабах, а до рот и батарей почти не доходят. Вы стараетесь, слова подыскиваете, корреспондентов рассылаете, а вот проследить, как ваше печатное слово до солдата доходит, — на это вас уже не хватает. А ведь наша фронтовая газета в первую очередь печатается для солдат и младших командиров. Им из нее и новости узнать, и боевого опыта набраться. А потом, сами знаете, и прочитанная от корки до корки газета все еще нужна солдату — папироску скрутить, под портянку подложить. Тоже, между прочим, не последнее дело.

Замечание, что и говорить, было справедливым. Действительно, как-то само собой считалось, что газета доходит до солдата. Никто это строго не контролировал. Острый глаз командующего сразу заметил непорядок. Но Иван Ефимович не ограничился замечанием, а тут же изложил мне краткую программу работы политорганов по доставке газет в подразделения переднего края.

Вернувшись в политуправление фронта, я сразу же отправил группу политработников во все соединения первого эшелона для проверки положения с газетами. Оказалось, что не только в 49-й армии газеты оседают в штабах и тыловых подразделениях, а на передний край, где пужда в последних новостях, в практическом боевом совете ощущается особенно остро, попадают считанные экземпляры, за которыми ротные пропагандисты и агитаторы буквально охотятся.

Доставку газет мы в скором времени наладили, а урок, который нам, политработникам, преподал командующий фронтом, надолго запомнился.

И. Е. Петров всегда живо интересовался политической работой, многое подсказывал. И хотя спрашивал строго, работать с ним было легко: он требовал, но не дергал.

Командующий помогал политработникам всемерно, считая наш участок работы одним из важнейших. Однажды я пожаловался Ивану Ефимовичу на неурядицы с автотранспортом политуправления. Дело в том, что в нашем распоряжении находилось много специальных автомобилей — с походными типографиями, выпускавшими листовки, с передвижной фотолабораторией, цинкографией и т. п. Машины-то были, а вот ни штата, ни обеспечения для них не предусматривалось. И всякий раз пам

приходилось что-то выпрашивать — то горючее, то механика, а то и шофера. Командующий фронтом попросил представить ему список машин и при всей своей огромной загруженности нашел время, чтобы решить и этот вопрос — распорядился выделить людей, обеспечить горючим. С тех пор у политуправления не было ненужных хлопот с автотранспортом.

В двадцатых числах мая 1944 года начальник штаба фронта генерал-лейтенант А. Н. Боголюбов информировал меня о плане грандиозной операции по освобождению Белоруссии от гитлеровских захватчиков, получившей кодовое название «Багратион». Для ее проведения Ставка привлекала 1-й Прибалтийский, 3, 2 и 1-й Белорусские фронты, авиацию дальнего действия, Днепровскую военную флотилию, войска ПВО страны. 2-му Белорусскому фронту было приказано: во взаимодействии с 1-м и 3-м Белорусскими фронтами разгромить могилевскую группировку противника и выйти к реке Березина.

Подготовка к наступательной операции шла полным ходом, и как раз в это время, в самом конце весны сорок четвертого года, Иван Ефимович захворал. Ему пришлось поехать в Москву подлечиться. Можно было надеяться, что командующий фронтом скоро вернется, но так не случилось. Надо сказать, что отношения между И. Е. Петровым и Л. З. Мехлисом складывались негладко. Воспользовавшись нездоровьем командующего, Мехлис ходатайствовал перед И. В. Сталиным о смещении И. Е. Петрова. Ходатайство было принято, и вскоре к нам прибыл новый командующий — генерал армии Георгий Федорович Захаров.

Все мы с большим сожалением расставались с Иваном Ефимовичем Петровым — отличным человеком, опытным военачальником, хорошо знающим военную историю, глубоко понимающим суть и смысл современной наступательной операции. У него многому можно было поучиться (кстати, учить он умел — уверенно и ненавязчиво; может быть, сказывался давнишний опыт — в молодые годы Иван Ефимович работал педагогом). Но самое главное: генерал Петров был в полном смысле слова солдатом. Это сказывалось и в его поведении, и в скромности, и прежде всего в знании солдатской психологии, в умении разделить заботы и радости воина. Он был близок со своими подчиненными, держался с ними на равных, умел ставить задачи просто и ясно, не оставляя тени сомне-

ния в их разумности. Недолго довелось мне работать с Иваном Ефимовичем Петровым: Но он остался навсегда в моей памяти замечательным военачальником, сочетавшим в себе лучшие качества руководителя крупного масштаба, человека, солдата.

Новый командующий оказался прямой противоположностью спокойному в обращении, мягкому и дружелюбно настроенному И. Е. Петрову и, как мне кажется, уступал своему предшественнику в военной эрудиции. К тому же Г. Ф. Захаров был излишне резок с подчиненными.

Впрочем, надо заметить, что Георгий Федорович зла не держал и был отходчив. После очередной вспышки он брал себя в руки, проявлял достаточно такта, и взаимоотношения с подчиненными вновь переходили в нормальное русло. Что же касается настойчивости и упорства, то этих качеств генералу Захарову было не занимать — он неуклонно требовал полного выполнения боевых задач.

Для детальной разработки предстоящей фронту операции фронтовая разведка тщательно изыскивала слабые места в обороне противника. По предложению Г. Ф. Захарова Военный совет фронта принял решение нанести главный удар усиленной 49-й армией, форсировать Днепр несколько севернее Могилева (если читатель помнит, и предшественник Захарова генерал И. Е. Петров также склонялся к такому решению) и с захваченного плацдарма на западном берегу Днепра наступать на Могилев. При этом основной удар по обороняющимся город гитлеровцам предполагалось нанести с севера и северо-запада. Тогда нашим войскам удалось бы избежать необходимости лобовых атак. 33-я, 50-я армии своими действиями должны были поддержать наступление главных сил фронта.

На Военном совете фронта начальник штаба генерал А. Н. Боголюбов доложил детально разработанный план операции. На участке прорыва вражеской обороны он предложил сосредоточить ударную группировку: 81, 70, 69 и 62-й стрелковые корпуса — всего тринадцать дивизий, причем боевой порядок корпусов установить в три эшелона, по одной дивизии в каждом. При этом дивизиям первого эшелона предстояло, в свою очередь, построить боевые порядки в два эшелона.

Мехлис бросил реплику:

— Из чего вы исходите, предлагая такой боевой порядок?

— Такое построение войск, — ответил Боголюбов, — позволит непрерывно наращивать удар в ходе операции и развивать боевые действия в оперативной глубине противника. Будет создана мощная артиллерийская группировка. Мы сможем сосредоточить для прорыва обороны противника около двухсот орудий на километр фронта. Пятьсот боевых самолетов 4-й воздушной армии будут поддерживать атакующие войска на участке прорыва.

Я внимательно слушал неторопливую речь Александра Николаевича Боголюбова и думал о том, что мне, как начальнику политуправления фронта, прежде не приходилось принимать участие в столь масштабных операциях, не приходилось заниматься политическим обеспечением такого могучего удара по врагу. Я припомнил совет Ивана Ефимовича Петрова: сделать упор на партийно-политическую работу в 49-й армии и в то же время продолжать интенсивно работать в других армиях фронта.

Военный совет фронта утвердил разработанный штабом план операции. Я немедленно собрал начальников отделов политуправления и ознакомил их с боевой задачей фронта и вытекающими из нее задачами политорганов.

Нам предстояло подготовить огромный человеческий коллектив к фронтовой операции и при этом вести всю работу так, чтобы сохранить в строжайшей тайне эту подготовку, а также роль усиленной 49-й армии — ударной группировки фронта. Неоценимую помощь в период подготовки к наступлению, подготовки скрытой и потому особенно трудной, нам оказали специальные бюллетени Главного политического управления об опыте партийно-политической работы в боях под Сталинградом и на Курской дуге.

Все мы не только знакомимся с постановкой политической работы в войсках, но и помогаем проводить собрания, митинги, беседы, активно вникали в дела армейской печати. Прежде всего вместе с армейскими и дивизионными политотделами мы внимательно изучали деловые и политические качества политработников. В те части 49-й армии, которым предстояло в первую очередь прорвать позиционную оборону гитлеровских войск, назначили наиболее опытных политработников. Проследили за тем, чтобы во всех стрелковых ротах были созданы партийные и комсомольские организации, а для этого в 49-ю и

50-ю армии направили коммунистов и комсомольцев из резервного фронтового полка. Политуправление фронта издало директиву «Об усилении роста рядов ВКП(б) и создании полнокровных ротных организаций», где говорилось о приеме в ряды партии бойцов, сержантов и офицеров, отличившихся в недавних боях. От начальников политотделов армий мы потребовали направлять коммунистов, прибывающих с новым пополнением, в те роты и батареи, где партийные и комсомольские организации были малочисленными.

Особое значение придавалось подбору и воспитанию партротов. В большинстве своем партроты были молодыми коммунистами, без большого опыта партийной работы. Например, в 153-й стрелковой дивизии у 31 партрота из 45 партстаж был меньше одного года. Встречались партроты и с месячным партийным стажем. Что ж, удивляться этому не приходилось. В тяжелых боях с фашистскими захватчиками наши войска несли потери, и больше всего потерь было среди тех, кто шел впереди, увлекаемая за собой других, — среди коммунистов, партротов, политработников...

Мы знали: враг еще силен, он упорно сопротивляется, и в грядущем наступлении нам не миновать новых потерь. Поэтому заранее создавали резерв коммунистов, из которого в разгар наступления можно будет выдвигать ротных партротов. При политотделе каждой стрелковой дивизии в таком резерве было от 10 до 25 человек. Практически это были своеобразные краткосрочные курсы будущих ротных партийных руководителей. С ними занимались самые опытные политработники. Они проводили семинары, знакомили коммунистов с опытом политической работы в наступлении, накопленным на других фронтах Великой Отечественной войны.

В те дни фронт получал новое пополнение. Это были и опытные воины, возвращавшиеся из госпиталей, и только что призванные восемнадцатилетние парни... Разные люди... Они требовали и разного подхода. Политработники беседовали с каждым новым бойцом, рассказывали о боевых традициях части. На красноармейских собраниях молодые бойцы знакомились с лучшими воинами — с самыми опытными, мужественными, умелыми, узнавали имена героев фронта.

Большую воспитательную роль сыграло награждение солдат, сержантов и офицеров, отличившихся в недавних

боях. Войны, отмеченные правительственными наградами, стали надежным резервом роста партийных и комсомольских организаций. В одной только 50-й армии в начале июня ордена и медали получили 3680 человек. Награжденные давали клятву еще яростнее сражаться с фашистами, призывали товарищей воевать, не щадя своей жизни. Дважды раненный сержант Востриков, получая орден Красной Звезды, сказал:

— Наш народ, наша партия зовут нас к подвигам. Будем неустанно громить захватчиков.

Рядовой Акулов, награжденный медалью «За отвагу», так закончил свою речь:

— Эта награда зовет меня бить фашистов без устали. Если потребуется, отдам всю свою кровь, отстаивая Отечество.

Высказывания награжденных, солдатские клятвы отомстить врагу за гибель близких, за разрушенные города и села — эти простые, идущие от сердца слова подхватывали политработники, распространяли по всему фронту в листовках, газетных статьях, политбеседах.

Во всех этих делах — в комплектовании полков политработниками и подборе партторгов рот, в работе с пополнением и награждении лучших воинов — активно участвовали работники политуправления фронта. И в самом политуправлении ни на минуту не прекращалась напряженная круглосуточная работа. Приезжали инструкторы, отчитывались и, получив новое задание, вновь уезжали в войска. Многие, чтобы не трать времени, информировали о проделанной работе письменно или по ВЧ и с новым заданием отбывали в соседнюю часть. Я поддерживал постоянную связь с начальником штаба фронта, получал от него оперативные данные о боевой обстановке на фронте, о прибытии войск, о приказах командования.

В эти дни мы не раз собирали в политуправлении фронта начальников политотделов армий, агитаторов и пропагандистов, работников отделов по пропаганде среди войск противника, заместителей начальников по политчасти, помощников начполиторганов по комсомольской работе. Вместе с ними обобщали опыт политической работы в войсках. При этом армейские политработники многое заимствовали из опыта своих товарищей.

Особое внимание уделялось нашей газете, которая получила новое название — «Фронтовая правда». Ее редак-

тором был назначен опытный военный журналист полковник Т. В. Миронов. Отделение печати, которое возглавлял заместитель начальника отдела агитации и пропаганды подполковник А. П. Голубев, наладило выпуск листовок и памяток политуправления. Очень полезное для фронтовых политработников дело взял на себя полковник И. М. Кошик. В специальном бюллетене он обобщал опыт партийно-политической работы в наступательном бою одного из лучших стрелковых полков — 837-го. Замполит этого полка майор В. С. Родионов много сделал для укрепления ротных парторганизаций. Он ежедневно подводил итоги политической работы в полку, не только инструктировал агитаторов, но и сам проводил беседы с бойцами.

Значение таких бюллетеней трудно переоценить. Дело даже не в том, что, ознакомившись с работой майора В. С. Родионова, другие политработники стали в своих частях использовать применяемые им методы и формы убеждения, воспитания личного состава, что само по себе, конечно, важно. В других полках из бюллетеня узнавали, что совсем рядом, у соседа, партийно-политическая работа налажена отлично, буквально кипит, значит, и мы так можем...

Во всех наших делах мы опирались прежде всего на политотделы армий. Их возглавляли опытные политработники, с которыми у нас установились деловые, а порою и дружеские отношения.

Приезжаю как-то в политотдел 50-й армии. Заранее радуюсь встрече с начполкомом, моим боевым другом генерал-майором Н. М. Александровым. Однако знаю, что найти его будет нелегко. И поэтому сразу же спрашиваю, где сейчас Николай Михайлович. Мне отвечают: «Уехал в 121-й стрелковый корпус». Ладно, так или иначе я собирался побывать в этом корпусе у генерала Д. И. Смирнова. Еду в корпус, а там в политотделе мне докладывают: «Так точно, товарищ генерал был у нас, а затем отбыл в 13-ю истребительную противотанковую бригаду». Отправляюсь в бригаду — был, но уже уехал...

Неспокойный характер имел Николай Михайлович. Все хотел увидеть собственными глазами, во всем разобраться на месте. Не могу сказать, чтобы я, как начальник политуправления, полностью одобрял такой стиль работы. Нередко я критиковал Николая Михайловича, советовал ему работать ритмичнее, что ли, больше дове-

рять работникам политотдела, больше с них спрашивать. Он пытался перестроиться, но ему мешал живой, беспокойный, непоседливый характер. Мы провели вместе немало митингов, красноармейских собраний, бесед с бойцами и командирами, и всегда я убеждался, каким уважением пользовался в армии Н. М. Александров.

После войны мы не теряли друг друга из виду. Николай Михайлович долгое время работал членом Военного совета Киевского военного округа. Как-то, приехав в Киев, я зашел проведать Александрова. Он по-прежнему был бодр, энергичен, полон планов на будущее. Между тем болезнь подтачивала его силы, он часто был вынужден ложиться в госпиталь. Я думал о душевной стойкости своего боевого друга, о великой закалке духа, полученной на фронтах войны. Вскоре он скоропостижно, в своем рабочем кабинете, скончался. Надо бы Николаю Михайловичу по совету врачей щадить себя, свое сердце, да только не умел он этого — жить вполсилы.

О многих наших политработниках надо бы рассказать подробнее, пока сохранились еще свидетели их яркой жизни, их неутомимой работы...

День начала операции неумолимо приближался. И хотя, могу поручиться, ни слова о предстоящем наступлении не попало в печать, ни слова о нем не было сказано в выступлениях перед бойцами и командирами, в беседах и на занятиях, бойцы догадывались о грядущих переменах в обстановке на фронте. Солдаты жили ожиданием больших событий...

За несколько дней до начала наступления мы в политуправлении решили еще раз проверить, все ли в армиях сделано для мобилизации личного состава. В 49-ю армию направился я, в 50-ю — мой заместитель полковник А. Н. Будкин, в 33-ю — заместитель по пропаганде и агитации полковник И. Т. Дьяченко. Каждый из нас взял с собой группу опытных политработников политуправления. На месте остался наш начорг И. М. Кошик.

В 49-й армии меня встретил начальник политотдела армии полковник В. Я. Головкин, ныне генерал-полковник в отставке. До войны он был комсомольским работником, и на фронте сохранилась у него комсомольская неуемность — он всегда старался быть среди людей, в самой гуще боевых событий. Во время подготовки к наступлению не было, пожалуй, в армии ни одного батальона и дивизиона, где бы Головкин не проверил сам со-

стояние партийно-политической работы. Все, что он делал, было сделано на совесть, будь то выступление на красноармейском митинге или будничная организационная работа. И при этом он оставался предельно скромным человеком, никогда не стеснялся спросить, узнать, получить разъяснения. Сколько раз звонил он мне по телефону:

— У меня, товарищ генерал, есть несколько неясных вопросов...

Вот так обычно начинался наш разговор. А ведь В. Я. Головкин был, безусловно, одним из самых опытных начпоармов! Мне довелось воевать с ним до последнего дня войны, и всегда его деятельность заслуживала самой высокой похвалы.

И на сей раз у Василия Яковлевича все было в порядке: ротные партийные организации заблаговременно усилены коммунистами из пополнения, сам Головкин вместе с начальниками политотделов дивизий проверял готовность резерва ротных парторгов, инспекторы политотдела армии были распределены по дивизиям.

В хорошем, приподнятом настроении я вернулся в политуправление. Мои заместители А. Н. Будкин и И. Т. Дьяченко были уже на месте. Они с большой похвалой отзывались о подготовке армий к наступлению.

В штабе фронта я встретился с командующим авиацией дальнего действия главным маршалом авиации А. Е. Головановым. Он прилетел к нам, чтобы в деталях согласовать действия своих летчиков с соединениями 2-го Белорусского фронта во время наступления.

Опытный военачальник и отличный летчик, А. Е. Голованов до мельчайших подробностей вникал во все, что предстояло выполнить ему и его подчиненным. Накануне наступления он лично проверил световую линию — тянущуюся по земле по направлению к линии обороны противника цепочку электрических фонариков, скрытых от глаз врага. Во время ночной бомбардировки летчики ориентировались по сигнальным огонькам и в конце световой линии сбрасывали бомбовый груз на передний край противника.

Маршал Голованов сам пилотировал самолет, который за несколько дней до наступления пролетел вдоль световой линии, от начала ее и до конца. А в первый день операции тем же путем проследовали бомбардировщики, чьи удары безошибочно поражали цель.

Неоценимую помощь в подготовке к наступлению оказали фронту партизаны, с которыми мы, несмотря на короткий срок пребывания здесь, уже установили прочные контакты. Отдел по руководству партизанскими бригадами при штабе фронта имел оперативную связь с партизанами, которые, можно сказать, были глазами и ушами фронта. Партизаны непрерывно наблюдали за войсками противника, контролировали все шоссе и дороги на подступах к Могилеву. Благодаря партизанам штаб фронта знал численность и номера частей противника.

16 июня, например, за несколько дней до начала наступления, штаб 121-го партизанского полка имени Османа Касаева сообщил: «Вокруг населенных пунктов Масальщина и Бельнино линия окопов, проволочные заграждения. В опорном пункте 60 солдат. Штаб 168-й пехотной дивизии расположен в Могилеве, в здании НКВД на Ленинской улице. В Дашкове—штаб 12-го корпуса и 100 солдат. В районе Борисова немцы тренируются в управлении танками по радио. Начштаба полка Гарусов».

Надо ли говорить, какую пользу приносили такие сообщения! Конечно, сведения, доставленные партизанами, дополнялись данными агентурной и авиационной разведок.

В ночь на 22 июня мы получили текст исторического документа Советского правительства «Три года Отечественной войны Советского Союза», и тотчас же политработники стали организовывать собрания, на которых бойцам разъяснялось содержание этого документа. А на рассвете 23 июня, за два-три часа до начала наступления, во всех частях и подразделениях прошли митинги. На них было зачитано обращение Военного совета и политуправления фронта к войскам.

Операция «Багратион» началась. Настало время победоносного освобождения истерзанных белорусских земель от гитлеровских захватчиков.

На нашем 2-м Белорусском фронте еще до рассвета летчики маршала Голованова непрерывно бомбили вражеские позиции.

Как раз в это время я приехал на наблюдательный пункт 49-й армии, где находился командующий фронтом. Все были в приподнятом настроении. Над вами то и дело пролетали наши бомбардировщики. От взрывов бомб горизонт окрашивался яркими вспышками.

Г. Ф. Захаров был в отличном настроении, улыбался, шутил.

— Не до сна сейчас гитлеровцам, — говорил командующий. — А то ли еще будет, когда на них обрушатся снаряды и мины! Прошли те времена, когда нам не хватало боеприпасов. Теперь страна нам дает их вволю.

На командном пункте я оставался недолго. Георгий Федорович попросил меня проверить морально-политическое состояние саперных подразделений, которые должны были навести понтонную переправу через реку Проню — первый водный рубеж, который должны были преодолеть войска 2-го Белорусского фронта. Переправу предстояло построить в предельно короткие сроки. Она практически решала судьбу наступления, по крайней мере его начала. Мне и члену Военного совета 49-й армии генерал-майору В. А. Сычеву необходимо было мобилизовать саперов на сверхбыструю работу в тяжелейших условиях.

Мы подоспели вовремя. Противник обрушил на строящуюся переправу мощный артиллерийский огонь, работа замедлилась. Генерал Сычев немедленно связался с командиром артполка, который должен был прикрывать огнем строительство переправы. Вскоре вражеские батареи были подавлены, работа у понтонеров пошла значительно быстрее, строительство переправы было успешно завершено.

У нас на глазах по только что наведенному мосту на западный берег Прони стали переправляться артиллерия и танки. Мы поблагодарили понтонеров за отличную работу.

Наступление началось 23 июня в 9 часов утра после мощной артподготовки, а к 11 часам части 49-й армии уже прорвали первую позицию обороны противника. Еще три часа спустя были освобождены первые населенные пункты — Старый Прибуж, Сластены, Новоселки и другие.

Когда 44-й стрелковый полк занял одну из деревень, бойцы обнаружили трупы двух зверски замученных гитлеровцами пленных красноармейцев. Агитатор подразделения комсомолец Рудаков собрал бойцов и сказал им: «Смотрите, что делают фашистские собаки. Над телами наших братьев покланемся, что отомстим врагу!»

Едва прозвучал сигнал к атаке, бойцы рванулись к высоте и уничтожили заслон противника у ее подножия. Смертью героя в этом бою пал коммунист Осипов. Рудаков написал листовку-молнию: «Будучи окруженным,

коммунист Осипов героически сражался до последней капли крови. Товарищи! Деритесь с врагом так, как коммунист Осипов!» Простые слова листовки доходили до сердца каждого бойца.

Личный пример коммунистов, листовки-молнии, рассказывающие о героях, люта я ненависть к фашистским захватчикам — все это поддерживало, укрепляло наступательный порыв наших войск.

Когда мы осматривали вражеские позиции, захваченные нашей пехотой во взаимодействии с танками, то воочию могли убедиться, сколь велика мощь артиллерии фронта. Двойной огневой вал буквально расчистил дорогу наступающей пехоте.

У пленных, взятых нашими бойцами, вид был жалкий, растерянный. Кажется, они не верили в то, что выжили. Ефрейтор 377-й пехотной дивизии сказал на вопросе: «Не могу понять, как я пережил эту страшную ночь. Это было похоже на конец света». Унтер-офицер той же дивизии сообщил, что солдаты были оглушены артиллерийским огнем. «Когда мы выскочили из блиндажа, — сказал он, — русские были уже в траншее. Они ворвались в траншею до окончания артобстрела, хотя их передовые позиции находились по другую сторону реки. Я увидел, что положение безнадежно, приказал бросить оружие и сдаться в плен».

Такие признания вражеских солдат мы старались довести до наших войск, чтобы солдаты и офицеры еще яснее ощутили силу нашего оружия.

Сломив сопротивление врага, войска фронта после полудня вышли на рубеж реки Бася. Особенно успешно в первый день наступления воевали 42-я и 290-я дивизии. Так, передовой отряд 42-й дивизии, уничтожая на своем пути мелкие группы немцев и обходя очаги сопротивления, к 17 часам на плечах отходившего противника ворвался в местечко Чернявка. Но гитлеровцы подтянули пехотный батальон, усиленный танками, и выбили передовой отряд из Чернявки. Однако командир отряда не растерялся и проявил незаурядное тактическое мастерство. Оставив перед противником одну стрелковую роту, остальными силами отряда он нанес врагу неожиданный удар с фланга. Неприятельский батальон был разгромлен, и передовой отряд, преследуя врага, форсировал реку Бася.

В первый день наступления 49-я армия, прорвав сильно укрепленную главную полосу обороны противника, расширила прорыв до 20 километров по фронту и продвинулась в глубину от 8 до 10 километров, освободив около 70 населенных пунктов. Вечером командование 49-й армии, начальники фронтовых управлений собрались на командном пункте фронта, докладывали командующему о проделанной работе, делились впечатлениями первого дня наступления. Г. Ф. Захаров отдал распоряжение — в течение ночи подтянуть к боевым порядкам пехоты артиллерию, в том числе и самоходную, а также танки, доставить наступающим стрелковым частям пищу и боеприпасы.

Политическая работа в наступающих войсках шла непрерывно, в буквальном смысле и днем и ночью.

В подразделениях, подсвечивая себе карманными фонариками, политработники, парторги рот, члены партийных бюро выпускали газеты-молнии, писали короткие листовки — их передавали из рук в руки. А в частях и подразделениях второго эшелона, которым под утро предстояло вступить в бой, политработники проводили митинги, там проходили партийные и комсомольские собрания.

В политуправлении фронта в эту ночь тоже никто не прилегал. Мы обсуждали итоги первого дня наступления, определяли очередные задачи. На войне буквально каждый день приносит бесценный боевой опыт. Вот и первый день операции «Багратион» преподнес нам, фронтовым политработникам, очень серьезный урок: мы поняли, что необходимо уделять особое внимание политическому обеспечению технических частей — саперов, связистов, радистов, их взаимодействию со стрелковыми частями.

24 июня перешли в наступление и две другие армии фронта — 33-я и 50-я. Они развили наступление на флангах, примыкавших к 49-й армии. 330-я дивизия овладела городом Чаусы. Вечером 25 июня Москва отметила салютом первые успехи войск 2-го Белорусского фронта.

26 июня войска фронта, энергично преследуя противника, вышли на восточный берег Днепра. В районе Могилева Днепр не очень широк, однако гитлеровцы создали на его западном берегу сильные оборонительные укрепления. Но это им не помогло...

В тот день я побывал в 42-й и 369-й стрелковых дивизиях, в саперных и понтонных частях, не раз был сви-

детелем мужества воинов, их боевой инициативы при форсировании Днепра.

Младший сержант И. Е. Андреев из 409-го саперного батальона при форсировании Днепра на участке 843-го стрелкового полка первым переплыл на западный берег реки, нашел там две рыбацкие лодки, сумел вернуться с ними обратно и помог переправить на этих лодках под огнем противника первую штурмовую группу пехоты. Вслед за тем отделение, которым командовал И. Е. Андреев, приняло активное участие в наведении моста через Днепр.

Передовой отряд 42-й стрелковой дивизии перерезал шоссе Могилев — Орша и к четырем часам достиг берега Днепра. Используя успех передового отряда, 42-я стрелковая дивизия форсировала Днепр. В то же время передовой отряд 152-й стрелковой дивизии форсировал реку несколько севернее. Отразив контратаки, оба отряда прочно закрепились на западном берегу. Это позволило быстро навести переправы. К реке подошел 92-й отдельный понтонно-мостовой батальон и, несмотря на огонь противника, в кратчайший срок навел два моста. В полосе наступления фронта эти переправы оказались первыми. Они сыграли очень важную роль в последующем наступлении на западном берегу Днепра. За доблесть и отвагу 92-й понтонно-мостовой батальон был награжден орденом Красного Знамени, а его командиру майору А. И. Канарчику было присвоено звание Героя Советского Союза, 120 солдат и офицеров батальона получили правительственные награды.

За успешное форсирование Днепра звание Героя Советского Союза получили командир 42-й стрелковой дивизии Антон Иванович Слиц и командир 369-й стрелковой дивизии генерал-майор Иван Сидорович Лазаренко. Генерал Лазаренко лично возглавил передовой отряд.

Неподалеку от места, с которого И. С. Лазаренко руководил боем, было установлено наше артиллерийское орудие. Враг своим огнем сумел вывести из строя его расчет. Генерал стал к орудию и уничтожил несколько вражеских танков. Дивизия И. С. Лазаренко отбросила гитлеровцев к Днепру и с ходу форсировала реку. А комдив был убит осколком снаряда. Ивану Сидоровичу Лазаренко звание Героя Советского Союза было присвоено посмертно. Его именем названа одна из улиц Могилева.

Героями Советского Союза стали командиры корпу-

сов.: 62-го — генерал-майор Н. Н. Мультап и 121-го — генерал-майор Д. И. Смирнов.

В дни стремительного наступления наших войск совершенствовалась партийно-политическая работа, обогащалось ее содержание, разнообразнее становились ее формы и методы. В основу этой работы был положен призыв к воинам фронта: «Освободим родную Белоруссию!» Священная ненависть к оккупантам удваивала силы людей.

У въезда в освобожденный город Чаусы висел обрывок фашистского объявления, которое гласило: «Въезд в город воспрещен. За нарушение — расстрел». Агитатор политотдела 330-й дивизии Шатнов тут же остановил проходившую мимо роту и, показав бойцам объявление гитлеровцев, задорно сказал: «А вот мы, ребята, вошли сюда, не спросив у фашистов разрешения. И во все другие советские города, которые ждут освобождения, тоже войдем. И во вражеские, придет время, войдем...»

...Перед форсированием Днепра на лесной поляне выстроился один из батальонов 110-й стрелковой дивизии. Прозвучала команда: «Под знамя, смирно!» Командир батальона майор Лыков произнес клятву, слова которой повторяли все бойцы: «Клянусь перед Родиной выполнить боевой приказ — форсировать Днепр, беспощадно уничтожать проклятых врагов. Никакие лишения и трудности не остановят меня. Вперед, за Родину!»

Клятвы, данные на митингах перед боем, свято выполнялись. Произносившие их командиры показывали бойцам пример храбрости. Коммунист майор Голубев, командир батальона связи 369-й дивизии, одним из первых форсировал Днепр и протянул связь на правый берег, за командиром последовали автоматчики и связисты.

Сержант 42-й стрелковой дивизии комсомолец Костенко также в числе первых вышел к берегу Днепра. Под сильным огнем противника отважный комсомолец сумел благополучно переправиться на западный берег и открыть огонь из автомата, отвлекая на себя внимание противника. Воспользовавшись этим, бойцы отделения Костенко на подручных средствах быстро переправились через реку и захватили плацдарм на западном берегу.

Личный пример командира, политработника, коммуниста, комсомольца был лучшей формой политической работы.

27 июня 49-я армия форсировала Днепр главными силами севернее Могилева и начала обходить город с северо-запада. В тот же день на северных окраинах Могилева завязались бои.

33-я армия в этот день продвинулась на 40 километров к западу, освободив 190 населенных пунктов, и с ходу форсировала Днепр.

Успешно действовала и 50-я армия. Ее части быстро форсировали реку южнее Могилева. К 13 часам 27 июня передовые отряды овладели южными пригородами, а вечером 238-я и 139-я дивизии уже вели уличные бои в центре города.

Фашисты превратили Могилев в мощный узел обороны. Здания стали опорными пунктами, улицы и кварталы были перегорожены баррикадами. Используя эти многочисленные укрепления, противник преграждал путь нашим наступающим войскам автоматным, пулеметным и артиллерийским огнем. И все же наши бойцы занимали дом за домом, улицу за улицей. Вскоре сопротивление гитлеровцев было сломлено. Остатки 12-й пехотной дивизии и 622-го охранного полка противника, поняв безнадежность дальнейшего сопротивления, сдались в плен вместе с командиром дивизии генерал-лейтенантом Бамлером и комендантом Могилевского укрепленного района генерал-майором фон Эрмансдорфом.

В боях за Могилев отличился командир орудия 57-го артиллерийского полка комсомолец сержант Стяженко. Политуправление фронта оперативно издало и распространило листовку о его подвиге: «Невзирая на сильный огонь противника, Стяженко выдвинул свое орудие на прямую наводку и с расстояния 200 метров начал расстреливать отходящую пехоту противника, метким огнем уничтожил самоходную пушку «фердинанд», один танк, два орудия, четыре автомашины с пехотой».

Дивизион коммуниста Я. Т. Андрющенко того же артиллерийского полка отлично прикрывал огнем подразделения, форсировавшие Днепр. А затем, переправившись через реку, дивизион двинулся в обход Могилева. На шоссе Могилев — Минск бойцы дивизиона прямой наводкой уничтожили два самоходных орудия, два танка, восемь противотанковых орудий, захватили знамя вражеской дивизии.

Итак, воины 2-го Белорусского фронта, форсировав Днепр на участке протяженностью 120 километров, про-

вали вторую оборонительную полосу гитлеровских войск на западном берегу реки и овладели Могилевом — важным узлом вражеской обороны на минском направлении. Были освобождены также города Шклов и Быхов.

Под Могилевом гитлеровцы понесли большие потери. Достаточно сказать, что более 3500 вражеских солдат и офицеров были взяты в плен. Войска фронта уничтожили и захватили около 300 орудий и более 1700 автомашин. За шесть дней операции была разгромлена противостоящая группировка противника со всеми ее тактическими и оперативными резервами. Деморализованные остатки группировки беспорядочно отходили на запад.

После взятия Могилева штурмовая авиация фронта нанесла исключительно мощный удар по колоннам противника, отходящим по Минскому шоссе и преследуемым войсками 49-й армии.

Командующий 4-й воздушной армией генерал-полковник авиации К. А. Вершинин и его штаб отлично организовали взаимодействие авиации с наземными войсками. Преследуя противника, летчики фронта сделали 3284 самолето-вылета, из которых 797 — в почное время. Политотделу 4-й воздушной армии во главе с генерал-майором Ф. И. Жмулевым немало помогли инспекторы по авиации политуправления фронта В. П. Мосталыгин и В. А. Вагин, которые вместе с работниками политотдела проводили партийные собрания и митинги на аэродромах, беседовали с летчиками перед вылетами, пропагандировали боевой опыт лучших экипажей и наземных служб, таких, например, как летчики звена коммуниста лейтенанта А. С. Моисеенко, которому в феврале 1945 года было присвоено звание Героя Советского Союза.

После авиационных ударов на шоссе и обочинах оставались тысячи разбитых машин гитлеровцев, самоходные орудия, пушки. Движение отступающих колонн дезорганизовывалось. На отдельные группы фашистов нападали партизаны. Они уничтожали гитлеровцев, брали их в плен.

В эти дни в войсках фронта царил обстановку боевого и политического подъема. Лучшие воины, отличившиеся в боях за Могилев, в преследовании отходящего противника, вступали в ряды Коммунистической партии. Только в 50-й армии с 23 июня по 5 июля были поданы 1692 заявления о принятии в ряды ВКП(б). В июле в партию на нашем фронте вступило свыше 8 тысяч чело-

век. Это в два раза больше, чем в предшествующем месяце. Коммунисты и комсомольцы составили около 40% личного состава, и в этом, несомненно, одна из главных причин успеха операции.

Мы стали сильнее врага. И враг, конечно, понимал это. Но силы у него еще были. Предстояли тяжелые бои. Мы знали, что во имя Победы придется принести еще немалые жертвы.

Освобождение Белоруссии началось успешно, но значительная часть белорусской земли еще оставалась под игом оккупантов. Необходимо было как можно быстрее преследовать разбитые части 4-й немецкой армии и главное — не дать им закрепиться на реке Березина.

Наши соседи, 1-й и 3-й Белорусские фронты, также прорвали оборону противника и успешно выполняли свои боевые задачи. 1-й Белорусский фронт 29 июня освободил Бобруйск, а на следующий день — Слуцк, 3-й Белорусский 1 июля выбил неприятеля из Борисова.

Сразу же после освобождения Могилева Г. Ф. Захаров приказал командующему 49-й армией генерал-лейтенанту И. Т. Гришину решительно преследовать противника и захватить плацдарм на западном берегу Березины. К исходу 1 июля 14, 110 и 385-я стрелковые дивизии, успешно преследуя отходящего противника, форсировали Березину и не дали гитлеровцам закрепиться на этом выгодном естественном рубеже.

Гитлеровцы пытались организовать на правом берегу Березины новую оборонительную линию. Но наши части, преследуя врага широким фронтом, не дали ему возможности произвести маневр. Наша авиация не позволила неприятельским войскам переправляться на западный берег Березины. Туда просочились лишь жалкие остатки 4-й немецкой армии. Восточный берег Березины был забит искореженными автомашинами, танками и другой техникой противника.

Форсировав Березину, войска фронта продолжали преследовать врага. Успешно развивалось наступление и на соседних фронтах. 1-й и 3-й Белорусские фронты нанесли охватывающий удар в направлении Минска и 3 июля 1944 года освободили столицу Белоруссии. Одновременно с ними в Минск ворвались и передовые отряды 50-й армии 2-го Белорусского фронта. В результате этого глубокого маневра замкнулись гигантские клещи вокруг главных сил гитлеровской группы армий «Центр». В мин-

ском котле восточнее и юго-восточнее Минска было окружено 105 тысяч солдат и офицеров противника.

Сложилась весьма своеобразная оперативная обстановка: западнее Минска наступали войска 1-го Белорусского фронта, а восточнее столицы Белоруссии наш фронт добивал окруженную 4-ю гитлеровскую армию и части противника, отброшенные сюда наступавшими войсками 1-го и 3-го Белорусских фронтов. В связи с этим Ставка ВГК передала в состав нашего фронта 3-ю армию 1-го Белорусского фронта под командованием генерал-полковника А. В. Горбатова, сражавшуюся западнее Минска, а 33-я армия была передана 3-му Белорусскому фронту. Уничтожение окруженной группировки было возложено на усиленную 49-ю армию.

Я срочно собрал начальников политотделов армий и вместе с ними и начальниками отделов политуправления фронта выработал план дальнейшей партийно-политической работы. В частности, перед начальником политотдела 49-й армии полковником В. Я. Головкиным была поставлена задача мобилизовать личный состав на скорейшее уничтожение окруженных войск противника. В то же время политотдел 49-й армии должен был усилить политическую работу среди окруженных гитлеровцев. Поэтому я откомандировал в 49-ю армию начальника отдела политуправления фронта подполковника М. Д. Забаштанского с группой политработников. Забаштанский должен был организовать массовый выпуск листовок для гитлеровских солдат, передачи по мощноговорящим установкам, вылеты агитсамолетов, засылку антифашистов в окруженные вражеские войска.

На такую работу нас нацеливало Главное политическое управление. Еще в мае на совещании начальников политических управлений фронтов, где были определены главные направления политической работы, А. С. Щербаков, в частности, сказал: «...Не прекращать, а усилить политическую работу среди войск и населения противника, не преувеличивать успехи нашей работы, а максимально поднимать ее результаты»¹.

Новые задачи получили политорганы и других армий фронта. Так, начальник политотдела 3-й армии генерал-майор Н. Н. Амосов должен был организовать партийно-политическую работу в условиях стремительного насту-

¹ ЦПА, ф. 113099, д. 157, л. 177.

пленения войск на запад, а начальник политотдела 50-й армии генерал-майор Н. М. Александров — организовать такую работу в условиях марша.

Как только завершилось окружение вражеской группировки под Минском, Военный совет фронта предложил мне срочно подготовить ультиматум окруженному противнику. В политуправлении мы написали текст ультиматума на русском и немецком языках. Я доложил его Военному совету фронта. Не буду пересказывать весь текст, а приведу лишь последние слова: «Капитуляция — единственный путь спасения вашей жизни. Все, кто будет продолжать бессмысленное сопротивление и попытки прорваться с боями, будут беспощадно уничтожены».

В самый короткий срок было отпечатано свыше 100 тысяч экземпляров ультиматума. Их разбрасывали с самолетов, зачитывали через мощные громкоговорящие установки, засылали с парламентарями.

Над окруженными немецкими войсками непрерывно кружили наши агитсамолеты. С них не только разбрасывали листовки, но и зачитывали на немецком языке призывы сдаваться в плен. На одном из таких самолетов вновь, как и на Северо-Западном фронте, летал капитан В. Б. Гердик.

Большой размах получила работа по засылке немцев-антифашистов в гитлеровские войска. Среди пленных солдат мы отбирали людей, которые, с нашей точки зрения, заслуживали доверия, и отправляли их через линию фронта, с тем чтобы они разъяснили товарищам, что в русском плену вопреки геббельсовской пропаганде с ними ничего плохого не произойдет.

Через несколько дней эта работа принесла весьма ощутимый результат. Но обо всем по порядку.

Войска 49-й армии стремительно сжимали кольцо окружения, пресекая все попытки врага вырваться из котла. 3-я армия и часть сил 50-й армии, встречая лишь слабое сопротивление разрозненных групп противника, успешно продвигались на запад.

Окруженные войска противника пытались прорваться на запад, но все попытки оказывались безуспешными. В частности, 6 июля около 800 гитлеровских солдат напали на командный пункт 49-й армии, но личный состав штаба и политотдела армии оказался на высоте: около 400 солдат и офицеров противника было уничтожено, 300 взято в плен.

Остатки разбитых частей 4-й немецкой армии во главе с генерал-лейтенантом Мюллером капитулировали 8 июля в 16.00. Мюллер собственноручно подписал 2500 экземпляров приказа, который предписывал этим войскам немедленно сдаться в плен. Впрочем, сделал он это не сразу, а лишь тогда, когда понял, что наши войска преследуют немецкие части уже за Неманом.

Политуправление фронта размножило подписанный Мюллером приказ; 50 тысяч листовок разбросали с самолетов над всеми окруженными войсками врага.

Под Минском мы взяли в плен 38 тысяч гитлеровцев. Почти все они имели с собой наши листовки — у кого ультиматум Г. Ф. Захарова, у кого приказ Мюллера. Среди пленных оказалось 12 генералов. 17 июля 1944 года эти генералы вместе со своими офицерами и солдатами прошли по Москве под конвоем наших бойцов...

Пока 49-я армия уничтожала остатки окруженных войск противника, главные силы 3-й армии вышли на западный берег Немана. Разрыв между окруженной группировкой и основными силами противника достиг трехсот километров.

В дни наступления армейские и дивизионные газеты, листовки, издаваемые политуправлением фронта и политотделами армий, широко пропагандировали успехи 2-го Белорусского и соседних фронтов, рассказывали о героизме воинов. Был налажен выпуск листовок и памяток в помощь наступающим войскам — об отражении контратак противника; об обезвреживании мин и т. п. Вышли памятки для разведчиков, радистов, артиллеристов, саперов. Как только позволяла обстановка, в частях и подразделениях проходили митинги в связи с присвоением дивизиям почетных наименований Верхнеднепровских и Могилевских, награждением их боевыми орденами.

По директиве Ставки в состав войск фронта была передана из 1-го Белорусского фронта 48-я армия. Вместе с группой политработников я немедленно выехал в эту армию, чтобы на месте познакомиться с командирами и политработниками, проверить состояние партийно-политической работы. Здесь я встретился с начальником политотдела 48-й армии генерал-майором И. И. Михальчуком. Игнатий Иванович рассказывал мне о замечательном парторге 5-й роты 47-го стрелкового полка 194-й Речицкой Краснознаменной стрелковой дивизии ефрейторе Г. В. Комарове, показал номера армейской газеты

«Слово бойца», в которой регулярно печатались заметки парторга, рассказывающие об опыте партийной работы в роте. Эти заметки оказались настолько ценными, что политуправление вскоре издало их отдельной брошюрой под названием «Парторганизация роты в наступлении»¹. Написанные очень живо и просто, они были предельно конкретны и послужили хорошим практическим пособием для многих ротных парторгов. Вот почему я считаю заметки Г. В. Комарова серьезным вкладом в опыт партийно-политической работы на фронте. Приведу несколько выдержек из них:

«...У нас вошло в практику — перед выполнением боевой задачи созывать партийные собрания, которые повышают ответственность коммунистов за выполнение приказов командира. Перед выходом нашей роты на исходное положение я созвал партийное собрание. Оно длилось не более 15 минут. Перед коммунистами выступил командир роты. Он кратко ознакомил с обстановкой, рассказал о полученной боевой задаче, просил коммунистов разъяснить красноармейцам боевой приказ, популяризировать опыт отличных действий в атаке Кулагина, кавалера двух орденов Славы, и старшего сержанта Чабина. В заключение командир роты сказал, что в бою он ждет от всех членов парторганизации смелых и решительных действий. После этого я дал каждому коммунисту партийное поручение...»

Как важны были для фронтовых политработников эти строки! Опыт парторга Комарова учил, что партийную работу нужно планировать в любой обстановке, а в наступлении — тем более. Ведь события порой развиваются очень быстро, и плохо, если парторг будет метаться из стороны в сторону, не зная, к чему приступить в первую очередь, за что взяться.

«Нередко обстановка неожиданно меняется, — пишет Комаров, — часто поступают новые важные документы и сообщения, вокруг которых необходимо организовать политическую работу. Тогда вносятся изменения и в план. Целесообразно иметь ежедневный личный план, и он у меня имеется».

Рассказывает Комаров в своих заметках и о личном примере коммуниста, и об организации отдыха бойцов, и о многом другом.

¹ Издательство НКО при 2-м Белорусском фронте, 1944 г.

Думаю, что заметки ефрейтора Г. В. Комарова, бойца и коммуниста, и сегодня не утратили для наших армейских политработников своего практического значения.

К сожалению, объезжая в тот день с генералом И. И. Михальчуком дивизии 48-й армии, я не попал в роту, где служил ефрейтор Г. В. Комаров, и не встретился с ним. В 5-й роте 47-го полка я побывал позже, но незадолго до этого, уже на польской земле, ее парторг пал смертью героя. Я беседовал с его однополчанами, перечитывал заметки в армейской газете, и передо мной вставал замечательный образ партийного вожака.

Георгию Владимировичу Комарову, участнику гражданской войны, было уже за сорок, когда началась Великая Отечественная война. Отправив на фронт старшего сына, Комаров вскоре и сам ушел воевать добровольцем. Он быстро сжился с людьми и уже в первом бою заслужил уважение товарищей: в решительный момент атаки увлек за собой бойцов. Георгий Владимирович, коммунист с десятилетним стажем, стал парторгом роты.

В роту капитана Чугаева Комаров пришел уже опытным воином, грудь его украшала медаль «За отвагу». Бойцы потянулись к нему — с ним делились новостями из дому, приходили за советом и помощью. В свободную минуту Комаров охотно читал товарищам газеты, рассказывал о том, как должен действовать солдат в той или иной боевой обстановке. Неудивительно, что именно Комаров, человек подготовленный, общительный, завоевавший уважение воинов, вскоре стал парторгом и этой роты.

В роту приходили новые, молодые бойцы, а ротная партийная организация состояла всего из трех человек. Близились тяжелые бои, и ефрейтор Комаров работал без устали. После напряженного дня учёбы он заводил беседы с красноармейцами о стрельбе и перебежках, о повадках противника, подкрепляя свои доводы примерами из собственного боевого опыта.

Комаров воспитал актив роты. Отличниками учебы стали сержанты Карась и Морозов, красноармейцы Зерный и Салиев. Они в свою очередь обучали других бойцов, и вскоре боевая подготовка роты заметно повысилась. Выросла и партийная организация — в роте стало уже семь коммунистов.

Предстояло форсировать реку Нарев, и, готовясь к этому, Комаров с согласия командира роты расставил

коммунистов по отделениям и пулеметным расчетам. Парторг старался предусмотреть все: кто окажет помощь бойцам, не умеющим плавать, кто сможет заменить в бою командира или пулеметчика. Коммунисты заранее договорились о том, кому провозгласить в атаке лозунг, передать по цепи сообщение.

Со взводом, которому предстояло переплыть реку первым, шел парторг Комаров. Ночью бойцы переправились на противоположный берег. На рассвете началась артиллерийская подготовка. Люди не слышали сигнала к атаке — они увидели парторга, поднявшегося во весь рост, и поняли — пора.

Среди первых бойцов, ворвавшихся в траншею противника, был Комаров. В прорыв, образованный ротой капитана А. С. Чугаева, устремились все подразделения части. После этого боя парторга роты наградили орденом Красного Знамени; такой же награды были удостоены и его воспитанники — Мухин, Галат, Зимин, Осипенко. А коммунисту капитану Анатолию Сергеевичу Чугаеву было присвоено звание Героя Советского Союза.

Об отношении бойцов к своему парторгу свидетельствует письмо, присланное из госпиталя старшим сержантом Грибоводом: «Передайте мое солдатское спасибо нашему парторгу ефрейтору Комарову. Этот человек был для меня словно учитель. Я всегда равнялся на него. Когда меня ранило, я не ушел в тыл, а вместе со всеми ворвался в окопы немцев, потому что видел, как лихо бил врага наш парторг».

На наревском плацдарме парторг Комаров был ранен в руку. Превозмогая боль, он бросился вперед, увлекая за собой бойцов. Противник при поддержке танков перешел в контратаку. Силы были неравными, но Комаров, истекая кровью, продолжал вести автоматный огонь, пока не потерял сознание. 37 убитых фашистов насчитал командир роты около тяжело раненного Комарова, когда наши бойцы овладели вражеской траншеей.

После возвращения из госпиталя Г. В. Комаров в первом же бою пал смертью храбрых. Эта печальная весть быстро разнеслась по цепи. Бойцы, мстя за гибель своего парторга, выбили врага из двух траншей, выполнив боевую задачу. Ефрейтору Г. В. Комарову, лучшему парторгу 48-й армии, посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

24 июля наши войска освободили город Гродно —

ключевой пункт обороны гитлеровцев, прикрывавший подступы к Восточной Пруссии. Группа армий «Центр» была разгромлена, ее остатки поспешно отступали на запад. Войска 1, 2 и 3-го Белорусских фронтов очистили от гитлеровских захватчиков Белоруссию. Советская Белоруссия вновь стала свободной.

Много горя повидали мы в освобожденных белорусских деревнях и городах. Но больше всего болело сердце при виде ребятишек — худых, бледных, в рваной одежде. Я разговорился с ребятами в деревне Смолки Могилевской области. Только что здесь шли бои, рвались снаряды, и еще тянуло гарью от пожарищ, а мальчишки и девочки лет десяти-одиннадцати уже играли у дороги в какую-то немудреную игру. Я задал ребятам обычный вопрос: как живете?

— Раньше жили плохо, а сейчас — хорошо, — ответил самый храбрый паренек, курносый, с выгоревшими волосами. И, набравшись смелости, в свою очередь спросил меня: — А школа у нас теперь будет?

— Будет, конечно. Не забыл еще, когда учеба начинается?

— Первого сентября.

— Ну так первого сентября и пойдете в школу...

Может быть, эти ребята помнят нашу мимолетную встречу, а может, и забыли о ней: многие задавали им те же вопросы. Они давно уже окончили школу, у них свои дети, тоже, наверное, школьники, которые знают о войне только из книг и рассказов старших. Пусть они никогда не узнают о ней иначе!

После ликвидации окруженной группировки гитлеровских войск восточнее Минска я заехал к начальнику штаба фронта А. Н. Боголюбову, которому только что присвоили воинское звание генерал-полковника. Поздравив Александра Николаевича, я попросил его рассказать о дальнейших боевых задачах фронта. Согласно новой директиве Ставки нашему фронту предстояло нанести главный удар в направлении города Новогрудок, с тем чтобы выйти на Неман, овладеть Волковыском и наступать в направлении на Белосток.

На столе у А. Н. Боголюбова лежала карта, на которой было помечено продвижение войск нашего фронта по дням в ходе операции «Багратион». Я в шутку сравнил эту карту со сводкой военно-производственных успехов фронта.

— Пожалуй, вы правы,— серьезно сказал Александр Николаевич.— У каждого предприятия есть свой план, у нас, у военных,— тоже. Похоже, что фронт выполняет его по всем показателям. Вот посмотрите. С 23 июня по 12 июля войска с боями прошли по территории Белоруссии свыше 500 километров, освободили 34 тысячи квадратных километров с 79 городами и поселками, уничтожили свыше 77 тысяч гитлеровцев, взяли в плен более 34 тысяч вражеских солдат и офицеров. Только на шоссе Минск — Могилев наша авиация уничтожила не менее 3000 автомашин врага с войсками и боевой техникой.

— А можно ли привести эти цифры в листовках?

— Думаю, что можно. Пусть наши бойцы знают, что Второй Белорусский фронт тоже кое-что сделал для уничтожения гитлеровской армии. Кстати, не забудьте упомянуть в листовке, что мы подходим к тем местам, откуда фашисты напали на нашу Родину.

Начальник штаба подвел меня к новой карте. На ней были изображены западные области Белоруссии и восточные области Польши; нарисованные красным стрелы были нацелены на запад. Появилось новое операционное направление — белостокское, и штаб фронта разрабатывал план Остроленка-Ломжинской операции. Завершая освобождение Белоруссии, советские войска шли на помощь братскому польскому народу.

НА ПОЛЬСКОЙ ЗЕМЛЕ

Земля Советской Белоруссии была очищена от гитлеровских захватчиков. Красная Армия приступила к освобождению братской Польши.

18 июля я выехал в 50-ю армию. Вместе с начальником политотдела 50-й армии генерал-майором Н. М. Александровым мы направились в приданную армии отдельную танковую бригаду, которой предстояло вступить в бой с противником. Мы собрали митинг, разъяснили танкистам положение на фронте, рассказали, что бригаде придется драться с танковой дивизией СС «Мертвая голова» и что успех боя и дальнейшее продвижение войск фронта зависят от их мужества.

Вечером, когда мы вернулись в политотдел, Н. М. Александров сказал мне:

— В политработе с танкистами самое важное, по-видимому, — индивидуальные беседы перед боем. В бою экипаж танка отгорожен от всех броней. У танкиста лишь радиосвязь с командиром, поэтому основную политическую работу надо проводить заранее. Конечно, до боя нужны и митинги, и листовки, и газеты. Но самое главное — поговорить с танкистом по душам, настроить его на трудный бой с врагом.

С этим выводом, основанным на богатом боевом опыте политработника, я не мог не согласиться. Николай Михайлович знал людей, умел находить для беседы задушевные, точные, единственно нужные слова. И я верил, что политработники армии сумеют создать в войсках необходимый наступательный порыв.

Наутро я уже выехал в 3-й гвардейский кавалерийский корпус, совершавший стремительный рейд в район польского города Августов. Со мной поехали работники

политуправления — бывшие кавалеристы. Вообще, подбирая группы политработников, выезжающих в войска, мы старались учитывать их военное образование и личный военный опыт. Я в свое время был начальником политотдела Тамбовского кавалерийского училища, поэтому в седле чувствовал себя уверенно и знал основы кавалерийского боя. Мне всегда было приятно встречаться с конниками: у меня быстро устанавливался с ними необходимый контакт.

Вместе с командиром корпуса генерал-лейтенантом Н. С. Осликовским мы побывали в полках. Кавалеристы произвели на меня отличное впечатление и своей подтянутостью, я бы даже сказал, щеголеватостью, и великолепным боевым настроением, которое умело создавали и поддерживали политработники корпуса. Я с детства неравнодушен к лошадям, а здесь буквально глаз не мог отвести от чистых, статных, хорошо ухоженных коней.

Перед конниками Осликовского в предстоящих боях стояли серьезные задачи: во взаимодействии с танковой бригадой отбросить дивизию «Мертвая голова», обеспечить стык с войсками 3-го Белорусского фронта. Я напомнил политработникам корпуса о важности работы по политическому обеспечению совместных боевых действий различных родов войск.

Вскоре 50-я армия, соединившись с кавалерийским корпусом, захватила город Августов, разгромила танковую дивизию СС «Мертвая голова» и заняла оборону.

От кавалеристов я поехал в 3-ю армию, которой предстояло освобождать от гитлеровцев важный железнодорожный узел — Белосток.

Командующий 3-й армией генерал-полковник А. В. Горбатов ознакомил меня с хорошо разработанным планом овладения Белостоком. 41-му стрелковому корпусу предстояло обойти город с севера и во взаимодействии с 40-м стрелковым корпусом прорвать оборону противника. В эти корпуса поехали член Военного совета армии генерал-лейтенант И. П. Коннов и начальник политотдела армии генерал-майор Н. Н. Амосов, а я направился в 35-й стрелковый корпус, который вводился в прорыв через белостокские леса. Перед отъездом И. П. Коннов, Н. Н. Амосов и я наметили план работы: там, где позволит обстановка, провести короткие митинги; восстановить до полного штата политсостав корпусов за счет армейских курсов политсостава и фронтового резерва; помочь по-

литотделам дивизий в организации партийно-политической работы. Выехавшим с нами офицерам штаба фронта и штаба армии командарм поручил рассказать командирам частей и подразделений об опыте уличных боев в больших городах.

В 348-й стрелковой дивизии, входившей в состав 35-го стрелкового корпуса, я встретил командира корпуса генерал-майора Н. А. Никитина. Он доложил мне, что намерен ввести в прорыв одновременно все три дивизии. Дивизионные политработники уже разъехались по частям. Они проводили в полках митинги. На одном из таких митингов выступил и я.

План генерала Н. А. Никитина удался. 348-я стрелковая дивизия во взаимодействии со 120-й гвардейской дивизией блестяще выполнила свою боевую задачу. Гитлеровцы не выдержали мощного удара 40, 41 и 35-го стрелковых корпусов. Под натиском наших войск они оставляли улицу за улицей Белостока. К вечеру 27 июля город и его окрестности были полностью очищены от врага.

Уже ночью генерал-полковник А. В. Горбатов поделился со мной опасением, что госпитальная армейская база не сможет быстро оказать помощь всем поступившим раненым. Тогда мы связались по ВЧ с командующим 4-й воздушной армией генерал-полковником К. А. Вершининым и попросили его помочь вывезти раненых из Белостока. К. А. Вершинин в свою очередь попросил нас привести в порядок белостокский аэродром. В течение ночи воронки на полевом аэродроме были засыпаны, взлетно-посадочная полоса приведена в порядок. С утра самолеты начали доставлять боеприпасы, а обратными рейсами вывозили из Белостока раненых.

Лишь после того как раненые были вывезены, я решил объехать на машине Белосток. А мне, признаться, не терпелось сделать это. Ведь до войны здесь размещался 1-й стрелковый корпус, в котором я работал начальником отдела политической пропаганды. Этот корпус принял на себя страшный удар в июне сорок первого года, попал в окружение под Белостоком, с боями прорвался из окружения — уже под Смоленском. А отважный командир корпуса Федор Дмитриевич Рубцов, с честью выдержавший тяжкое испытание, вскоре пал смертью героя на поле боя.

И вот я вновь в этом старинном городке — через три года после начала войны. В доме, где я когда-то жил,

разорение и хаос. Все перевернуто вверх дном, разбросаны в снешке бумаги, валяются под ногами тысячи карточек с фотографиями и отпечатками пальцев. «Здесь был полицай-президиум», — объясняет переводчик советской комендатуры.

Не будет больше на этой земле фашистских полицай-президиумов, не будет гитлеровских комендатур и отделений гестапо, не будет гетто и концентрационных лагерей...

Вскоре по договоренности Польского Комитета Национального Освобождения с Советским правительством Белосток вместе с областью вошел в состав польского государства — в связи с тем, что на территории области преобладало польское население.

После освобождения Белостока Л. Э. Мехлис был назначен членом Военного совета 4-го Украинского фронта. Вместо него к нам прибыл генерал-лейтенант Н. Е. Субботин, с которым мы вместе служили в 8-й армии, оборонявшей Ленинград. До прибытия на наш фронт Н. Е. Субботин был членом Военного совета 2-й гвардейской армии, принимал участие в освобождении Донбасса и Крыма. И вот фронтовые дороги вновь свели нас вместе. Никита Егорович был обаятельным человеком, с ровным, спокойным характером. Он всегда тепло, с участием относился к людям, независимо от их должности и звания, быстро находил общий язык как с солдатами, так и с командирами, умел сплотить людей. Работать с ним было легко и интересно.

Я подробно доложил Н. Е. Субботину о состоянии партийно-политической работы в войсках фронта, поделился своими планами на ближайшие дни — вновь выехать в 3-ю и 48-ю армии, действовавшие на главном направлении наступления войск фронта.

Перед отъездом в войска я заехал, как обычно, к начальнику штаба фронта А. Н. Боголюбову, который всегда охотно вводил меня в курс последних фронтовых событий. Разговор зашел о взаимоотношениях политорганов армий и дивизий со штабами. Александр Николаевич заметил, что политработники могут помочь штабным офицерам расширить политический кругозор, а политработникам отнюдь не помешают более глубокие военные знания, которые можно почерпнуть у штабистов.

Я предложил провести разбор боев за Белосток. Такой разбор мог взять на себя начальник оперативного у-

правления штаба фронта генерал-майор П. М. Котов-Леоньков. Предложил также организовать цикл лекций по марксистско-ленинскому учению о войне. В те дни мы в политуправлении фронта много думали о формах и методах партийно-политической работы в штабах. Нужно было добиваться, чтобы каждый штабной офицер глубоко сознавал свою ответственность, чувствовал ежеминутно, что за линиями и стрелами, которые он чертит на карте, стоят батальоны, полки, дивизии, стоят живые люди, наши воины. Идея, родившаяся в беседе с генералом Боголюбовым, показалась мне исключительно удачной.

А. Н. Боголюбов добавил, что, по его мнению, индивидуальную работу необходимо сочетать с массовой — готовить и распространять рефераты по итогам боев, проводить беседы и доклады. Мы пришли к выводу, что сейчас необходим обстоятельный бюллетень, посвященный партийно-политической работе в штабах фронта, армий, дивизий и полков. Такой бюллетень, в котором были освещены вопросы взаимодействия штабов и политорганов, формы и методы партполитработы, был вскоре составлен и разослан в штабы армий и дивизий.

Разборы крупных армейских и фронтовых операций, лекции по марксистско-ленинскому учению о войне, специальные бюллетени политуправления фронта, посвященные политическому обеспечению работы штабов, — все это было взято нами на вооружение и принесло, бесспорно, ощутимую пользу в дальнейших боевых действиях 2-го Белорусского фронта.

29 августа 1944 года операция «Багратион» была успешно завершена. Фронты, которые принимали в ней участие, выполнили свои боевые задачи, освободив Белоруссию, большую часть Литвы и восточные районы Латвии. Согласно директиве Ставки ВГК от 29 августа часть сил 1-го и 2-го Белорусских фронтов должна была продолжать наступление: 48-й и 3-й армиям нашего фронта 4—5 сентября предстояло выйти к реке Нарев, захватить плацдарм в районе Остроленка и перейти к обороне.

К этому времени фронтовые базы снабжения отстали почти на 300 километров от армейских баз снабжения, и возникла угроза нехватки материально-технических средств для продолжения наступления и эвакуации раненых. Необходимо было, не снижая темпов наступления,

в кратчайшие сроки подтянуть тылы к действующим войскам. Содействуя выполнению этой задачи, политуправление фронта усилило партийно-политическую работу в тыловых частях и учреждениях фронта, не ослабляя внимания и к боевым частям. Поэтому почти весь личный состав политуправления был разбит на две группы. Одна была направлена в автомобильные и дорожные части, на базы и склады фронта, в медицинские эвакуационные пункты и железнодорожные войска, другая — в 3, 48 и 50-ю армии. В политуправлении осталось лишь несколько политработников во главе с полковником А. Н. Будкиным.

Я поехал в 3-ю армию, которая уже вышла с боями ко второй излучине реки Нарев западнее Белостока. Направляясь в 41-й стрелковый корпус, встретил танковую роту лейтенанта А. И. Брынова. Перед ротой стояла задача вместе с одним из полков 283-й стрелковой дивизии участвовать в прорыве обороны противника. Я давно уже планировал найти время и детально ознакомиться с боевыми действиями танкистов. А так как на командирских занятиях я довольно сносно научился стрелять из танковой пушки и пулемета, то занял место стрелка в экипаже лейтенанта Брынова. Конечно, начальнику политуправления фронта не следовало занимать место в танковом экипаже, но я оправдывал себя тем, что участие в танковом бою позволит мне лучше понять танкистов, узнать их пужды и настроения.

Наши танки вклинились в оборону противника, подавили его огневые точки. Неожиданно с окраины небольшого местечка открыла огонь гитлеровская противотанковая батарея. Командир роты приказал: двум машинам отойти в укрытие и, маневрируя, вести огонь, чтобы отвлечь внимание противника, остальным танкам незаметно приблизиться к батарее с юго-востока и нанести внезапный удар. Вражеская батарея была разбита, оставшиеся в живых гитлеровцы побросали свои пушки и бежали, но были отрезаны и уничтожены нашими танкистами.

Броня нашей машины оказалась в нескольких местах пробитой, лейтенант Брынов получил ранение, но довел бой до конца. Рота уничтожила 8 огневых точек и 5 орудий, около 100 гитлеровцев были взяты в плен. Мы выполнили боевую задачу — расчистили путь пехоте, не потеряв ни одного танка.

Лейтенант А. И. Брынов за мужество и умелое руководство боем был награжден орденом Красного Знамени. А я прошел кратковременную боевую практику в роли танкиста...

6 сентября 1944 года войска 3-й армии овладели городом и крепостью Остроленка — важным опорным пунктом обороны гитлеровцев в излучине реки Нарев, а 16 сентября был освобожден город Ломжа.

Под ударами войск фронта враг непрерывно отступал. За сутки наши дивизии уходили далеко вперед. И потому нередко у политработников возникали трудности с доставкой в войска газет, особенно на языках народов СССР. Случалось, что воины-татары получали газету на узбекском языке, а узбеки — на казахском. Начальник войск связи фронта генерал-лейтенант Н. А. Борзов помог нам организовать доставку газет, и в дальнейшем такая путаница не повторялась.

Находясь в армиях, я не упускал случая, чтобы ознакомиться с захваченными у врага документами, с письмами гитлеровских солдат и офицеров, присутствовал на допросах пленных. Нельзя было не заметить глубоких перемен в моральном состоянии фашистских войск. В подтверждение приведу выдержки из дневника пленного гитлеровца: «16.8. Из Цимена в Ломжу. 18.8. Из Ломжи в Снядово. 19.8. Замбрув. 20.8. Русские стреляют из всех орудий. Большие потери. Русские все ближе. 21.8. Кажется, что началось светопреставление, так стреляют русские по нашим позициям. 22.8. Русские прорвались. Спасайся кто может! 23.8. Мы снова занимаем позицию у шоссе. 24.8. Отсюда тоже приходится удирать...»

Помню, как Н. Е. Субботин читал при мне этот дневник, переведенный в политуправлении фронта на русский язык. Читал и довольно улыбался:

— Сравни-ка, Андрей Дмитриевич, эти записи с папыщенными и самодовольными высказываниями гитлеровских вояк в начале войны — изрядно мы с них сбили спесь!

После поражений в Белоруссии и Польше в гитлеровской армии снизилась воинская дисциплина, среди солдат распространились упаднические настроения. Офицеры все чаще прибегали к мерам дисциплинарного воздействия на рядовой состав, вплоть до самых крайних. Солдат-штрафников приковывали к пулеметам, участились расстрелы. Пленный солдат 931-го охранного полка

286-й дивизии рассказал на допросе: «Был зачитан приказ о том, что каждый, кто покинет позиции, будет расстрелян без суда». Но никакие приказы, никакие угрозы не могли помочь гитлеровскому командованию остановить наступление советских войск.

Поражение немецкой группы армий «Центр» создавало благоприятные условия для антифашистской пропаганды среди войск противника. В листовках, издаваемых политуправлением фронта, политотделами армий, в передачах через мощные громкоговорящие установки мы разъясняли гитлеровским солдатам и офицерам, почему фашистские лидеры вынуждены усиливать репрессии в армии, неопровержимо доказывали, что гибель фашизма неизбежна. Засылаемые в войска противника немцы из антифашистской фронтовой школы приводили с собой обратно, как правило, десятки, сотни немецких солдат, решивших сдаться в плен.

Однако враг был еще силен и сопротивлялся. Изодня в день в упорных боях войска фронта освобождали польские города и села. И всюду население восторженно встречало советских солдат — были и цветы, и взволнованные слова, и слезы радости. И еще были митинги у солдатских могил и сухие залпы прощальных салютов...

События на фронте развивались быстро. 2-й Белорусский фронт, подтянув тылы к наступающим войскам, успешно развивал наступление. В частности, в армиях стали широко практиковать десанты автоматчиков на танках. Такие танковые десанты облегчали наступление пехоты. Начальники политотделов дивизий лично по указанию политуправления фронта организовывали политическую работу среди десантников. Необходимо было укомплектовать десантные подразделения лучшими воинами, коммунистами и комсомольцами, проводить перед боями митинги, пропагандировать в дивизионной, армейской и фронтовой печати подвиги воинов-десантников, их боевой опыт.

К концу сентября 1944 года 3, 48 и 49-я армии фронта захватили обширный рожанский плацдарм на западном берегу Нарева. После этого 2-й Белорусский фронт, следуя директиве Ставки ВГК, перешел к обороне по восточному берегу реки. Необходимо было восполнить потери личного состава и боевой техники.

Войска фронта уже сражались за пределами Советского Союза. Это обстоятельство требовало от политорганов принятия особых мер: широкого разъяснения в

войсках освободительной миссии Красной Армии, пропаганды принципов интернационализма. Еще в апреле 1944 года, после того как части Красной Армии в конце марта пересекли советско-румынскую границу, Советское правительство опубликовало заявление, проникнутое духом интернационализма.

И на польской земле политорганы фронта руководствовались этими же принципами, воспитывали воинов в духе пролетарского интернационализма, напоминали известное высказывание В. И. Ленина о том, что бойцы Красной Армии, преследовавшие белополяков на их территориях, не угнетатели, а освободители польского народа¹.

Активная разъяснительная работа непрерывно велась и среди польского народа. По указанию А. С. Щербакова политуправление фронта стало издавать на польском языке газету «Вольность», где разъяснялись цели и задачи Красной Армии. Газета быстро завоевала популярность среди польских трудящихся. Жители городов и сел, находившихся в полосе нашего фронта, охотно читали ее. Подобную газету — «Новая жизнь» — издавали и наши соседи, политработники 1-го Белорусского фронта.

Политуправление фронта издавало массовым тиражом листовки на польском языке, проводило митинги и беседы. Мы старались как можно точнее довести до каждого поляка суть интернациональной политики Советского государства. Наши пропагандистские мероприятия привлекали, как правило, большое внимание, на них собиралось много народа. Очень помогали нам советские кинокартины, они пользовались неизменным успехом, и мы часто заканчивали митинги и собрания демонстрацией фильмов.

О размахе пропагандистской работы в полосе наступления фронта можно судить по таким цифрам: начиная с августа 1944 года политорганы фронта распространили свыше 1 600 000 экземпляров газет и листовок на польском языке. Все они были напечатаны в нашей скромной походной типографии.

Еще во время подготовки к наступлению в Польшу политуправление фронта позаботилось о кадрах квалифицированных политработников, которым предстояло стать заместителями военных комендантов по политчасти

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 110.

в освобожденных польских городах. Эти политработники на фронтовых курсах знакомились с историей страны и национальными традициями, многие серьезно изучали польский язык. Коменданты и замполиты, оставаясь в освобожденных городах, развертывали политическую работу среди населения, всемерно способствовали укреплению польско-советской дружбы, оказывали помощь местным партийным организациям и органам самоуправления.

подавляющее большинство поляков тепло, по-дружески, относились к советским воинам. Мне не раз доводилось убеждаться в этом. В деревне Тружицы-Трояны я разговорился с крестьянином Бацлавом Сыгляком, который добровольно взялся вывозить на своих лошадях раненых с поля боя.

— Я вывез четыре фургона с ранеными, — сказал Сыгляк. — А если бы не сделал этого, то век бы себе не простил. Фашисты убили у меня сына, сам я уже стар, чтобы воевать. Мы с моей Ядвигой решили хоть чем-нибудь помочь русским. Мы всегда уважали русских, а теперь, когда они освободили нас от фашистов, стали уважать их еще больше.

Много раз приходилось видеть, как горячо приветствуют поляки своих освободителей, как стараются хоть чем-то помочь советским войскам. Крестьянин Йозеф Степневский вынес бойцам три буханки белого хлеба и сказал:

— Спасибо вам, братья. Вы положили конец нашим страданиям. Все мы благодарны Красной Армии за то, что она освободила нас от проклятых душегубов.

26 июля 1944 года в боях у села Герасимовиче Домбровского района Белостокской области пал смертью храбрых парторг стрелковой роты 1021-го стрелкового полка 307-й Новозыбковской дивизии ефрейтор Григорий Павлович Кунавин, повторив подвиг Александра Матросова. На его похороны собралось все село. На траурном митинге выступили и красноармейцы, и крестьяне. Житель села Ян Крастанович сказал:

— Русский солдат Григорий Кунавин пришел к нам, чтобы освободить нашу землю от врага всех славян — германских фашистов. И мы никогда не забудем имя героя Григория Кунавина.

На этом митинге крестьяне приняли решение занести имя русского воина Григория Кунавина навечно в спи-

сок почетных граждан польского села Герасимовиче, высечь его имя на мраморной плите и установить ее в центре села, просить, чтобы школе присвоили имя героя, а учителям каждый год начинать первый урок в первом классе с рассказа о воине-герое и его соратниках, чьей кровью добыто право на счастье и свободу для польских детей. «Пусть прослушают дети рассказ стоя, — было записано в решении. — Пусть их сердца наполняются гордостью за русского брата воина-славянина. Пусть их понимание жизни начинается с мысли о братстве польского и русского народов»¹.

На похоронах двух отважных санинструкторов 193-й дивизии Новиковой и Кузнецовой у могилы собралось много людей — бойцы, офицеры, несколько сот крестьян. Староста Пултуского уезда Скочень, заканчивая краткое выступление на митинге, сказал:

— Спите, наши дорогие сестры. Светлая память о вас вечно будет жить в сердцах ваших друзей — поляков. Дело, за которое вы отдали свои жизни, победит.

Крестьянин Бральский выступил от имени жителей села Паво:

— Всей своей черной кровью гитлеровские палачи не смогут заплатить за пролитую ими святую кровь русских и поляков. Смерть фашистским захватчикам!

И все крестьяне в ответ на эти слова троекратно повторили: «Смерть, смерть, смерть!» Многие не скрывали слез...

На первую конференцию Польской рабочей партии (ППР) Белостокского воеводства были приглашены работники политуправления фронта. Мы стали свидетелями незабываемой, волнующей встречи освобожденных и освободителей, мы почувствовали силу братской международной солидарности. В приветствии от имени Военного совета и политуправления фронта было высказано пожелание, чтобы молодая организация ППР всегда и во всем, а прежде всего в борьбе с врагами новой Польши, опиралась бы на широкие народные массы.

Выполняя свои боевые задачи в ходе Остроленка-Ломжинской операции, войска фронта неуклонно продвигались вперед. Все новые и новые освобожденные районы становились тылом фронта. На огромной территории не

¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза. М., 1964, т. 4, с. 197.

прекращалась борьба с вражескими лазутчиками и вооруженными бандами националистов. Помощь прогрессивным силам Польши была в центре внимания Военного совета и политуправления фронта. Эта работа велась в тесном контакте с местными органами ППР.

Очень острая политическая обстановка сложилась в Белостокском воеводстве, расположенном вдали от основных рабочих центров страны. Здесь развернули свою деятельность крайне реакционные силы, поддерживаемые антинародной Армией Крайовой (АК) и контрреволюционной организацией «Народовые силы збройне» (НСЗ). В лесах скрывались вооруженные банды.

Основная тяжесть борьбы с бандитами легла на плечи молодой белостокской организации ППР. Эту организацию тогда возглавляла Н. Орловская, впоследствии секретарь Общества польско-советской дружбы. Военный совет и политуправление фронта оказывали коммунистам и всем прогрессивным силам новой Польши всемерную помощь.

Хотя фронт все дальше уходил от Белостока, политуправление не теряло связи с обкомом Польской рабочей партии. Мы вели оживленную переписку: советовали, как лучше наладить организационную работу, обсуждали методы борьбы с силами реакции. И конечно, не забывали помогать белостокским товарищам оружием, обмундированием, транспортом.

Вот две выдержки из адресованных в политуправление писем обкома:

«...По мере отдаления войск Красной Армии от Белостока банды АК стали все более поднимать голову. Нападения до зубов вооруженных банд на посты милиции, на сотрудников госбезопасности, на членов ППР и лучших демократов стали повседневным явлением. В последний месяц зверски убиты 5 членов райкомов партии, десятки членов ППР, лучших наших товарищей».

«...Мы мобилизовали членов партии, старых подпольщиков, партизан. Создали особые отряды по борьбе с АК-бандами. Ребята рвутся на борьбу с этим гитлеровским отродьем. Но у нас нет обмундирования, не хватает оружия и транспорта... И вот, товарищ Огороков, обращаемся к вам с горячей просьбой: помогите как только можете, чтобы вооружить и обмундировать отряды».

Мы не могли остаться безучастными к такой просьбе и выделили польским товарищам 200 винтовок, 200 ав-

томатов, 36 000 винтовочных патронов, 50 000 автоматных патронов, 300 гранат.

Это вооружение, а впридачу еще и обмундирование, погрузили в десять грузовиков и с нашей охраной отправили в Белосток.

Вскоре мы получили письмо из Белостокского обкома ППР: «Трудно передать, как мы благодарны за ту помощь, которую вы нам оказали в особенно тяжелой для нас обстановке. И надо прямо сказать, что благодаря вам нам удалось создать отряды преданных ребят, бывших партизан, которые совместно с работниками госбезопасности и самостоятельно оказывают сопротивление террористическим бандам...»

Такую помощь польским друзьям мы предоставляли неоднократно.

Как ни бесновались враги новой, народной Польши, к каким подлым приемам ни прибегали, повернуть вспять ход истории они не могли. Польская рабочая партия крепла день ото дня, авторитет ее в массах рос неуклонно. Вскоре на помощь активистам партии в Белостокское воеводство прибыл Пражский полк 1-й дивизии имени Тадеуша Костюшко. Этот полк окружил и ликвидировал одну из опаснейших банд, которой командовал некто по кличке Мстислав, а затем очистил от бандитов леса в районе Сувалки, Августов.

В это время низовые организации Польской партии социалистов (ППС) стали объединяться с организациями Польской рабочей партии (ППР). К концу 1945 года, как известно, обе партии объединились в Польскую объединенную рабочую партию (ПОРП).

Остроленка-Ломжинская наступательная операция стала завершающим этапом непрерывного летнего наступления войск 2-го Белорусского фронта, в результате которого наши войска продвинулись на 670 километров и вышли на исходные рубежи для последующего решительного наступления.

После завершения Остроленка-Ломжинской операции появилась возможность собрать основные кадры политработников, чтобы подвести итоги партийно-политической работы во время летних и осенних наступательных боев, обменяться опытом, определить основные задачи на будущее. При высоких темпах наступления никак не удавалось выкроить время, чтобы собрать политработников различных частей и соединений, да и вряд ли было ра-

зумно отрывать их в такой период от политической работы непосредственно в войсках. А в октябре нам удалось собрать сначала пропагандистов и агитаторов, а потом — начальников политорганов соединений.

Вскоре наш фронт должен был выйти на подступы к Восточной Пруссии. Предстоящие боевые действия на вражеской территории требовали, естественно, нового подхода к политической работе в войсках. До сознания каждого бойца надо было довести, что мы воюем с гитлеровской армией, а не с мирным немецким населением.

Выступивший на совещании начальников политорганов соединений Г. Ф. Захаров отметил, что войска фронта в предстоящих боях будут, как правило, брать города стремительным обходом, чтобы избежать лишних человеческих жертв и ненужных разрушений.

Поскольку впереди были фронтовые операции крупного масштаба, в которых неизбежны значительные перегруппировки войск, на совещании с особой остротой шла речь о повышении бдительности, сохранении военной тайны, обеспечении скрытности перегруппировок.

И еще говорилось о том, что рано успокаиваться, надо отдыхать, что мир на земле установится лишь тогда, когда с гитлеризмом будет покончено раз и навсегда.

После напряженных боев командование фронта периодически выводило во фронтовой резерв ту или иную дивизию, чтобы пополнить ее, дать бойцам возможность набраться сил. Политическое управление пользовалось благоприятным моментом, чтобы укомплектовать дивизию кадрами политсостава, укрепить парторганизацию (обычно туда посылали коммунистов из резервного полка фронта), провести семинары, беседы, доклады о военных событиях, международном положении. Старались, конечно, и показать бойцам свежие кинофильмы, организовать для них концерты, снабдить хорошими книгами.

2-й Белорусский фронт набирал силы для нового удара по врагу, но мы еще не знали, какие конкретные задачи предстоит решать. В середине ноября пришло решение Ставки Верховного Главнокомандования: командование войсками фронта принимает Маршал Советского Союза Константин Константинович Рокоссовский, а генерал армии Г. Ф. Захаров назначается заместителем командующего 4-м Украинским фронтом.

Мы понимали, что назначение К. К. Рокоссовского,

командовавшего войсками в блистательных операциях под Сталинградом и на Курской дуге, не случайно. Скорее всего это было сделано в преддверии операций особой важности.

Незадолго до приезда К. К. Рокоссовского в штаб фронта поговаривали, будто новый командующий привезет с собой новых начальников управлений. Однако на деле все оказалось не так. Позже К. К. Рокоссовский рассказал мне, что И. В. Сталин действительно предлагал ему взять с собой на 2-й Белорусский фронт любых генералов и офицеров с 1-го Белорусского фронта, которым Константин Константинович командовал до этого. Однако Рокоссовский отказался. Он надеялся, что на 2-м Белорусском фронте работают опытные люди, хорошие коммунисты, с которыми ему удастся быстро найти общий язык. И действительно, так оно и случилось.

Константин Константинович Рокоссовский, которого я видел прежде лишь мельком, производил незабываемое впечатление. Высокий, статный, подтянутый, он держался неизменно вежливо.

Приехав к нам, на 2-й Белорусский фронт, никаких перемещений Рокоссовский приходить не стал. Вместе с ним прибыл только заместитель командующего генерал-полковник Кузьма Петрович Трубников.

Прежде у нас на фронте командующий и начальник штаба работали в отдельных помещениях. Рокоссовский решил иначе — он стал работать вместе с начальником штаба в одной комнате. Такого я прежде не видел. Это повествование мне очень понравилось: командующий и начальник штаба имели возможность оперативно обсудить вопрос; когда командующий принимал решение, начальник штаба немедленно готовил необходимый документ — и в результате дело значительно ускорялось. Кроме того, начальникам фронтовых управлений не надо было два раза докладывать один и тот же вопрос...

Вообще К. К. Рокоссовский был очень общительным. Даже поздно ночью, закончив наконец дела, Константин Константинович приглашал всех, кто у него был, на ужин. Рокоссовский любил веселый разговор, удачную шутку, его общество всегда было приятным. Случалось, что Константин Константинович заканчивал дела на рассвете. И тогда ужин скорее походил на завтрак.

Рокоссовский не разделял обязанности военачальника на крупные и мелкие. Все было для него важно — от

стратегического вопроса до письма красноармейца. И то и другое, пусть и в несопоставимых масштабах, влияло на успех боевых действий. Не раз он говорил мне:

— Андрей Дмитриевич, не смогли бы вы проверить жалобу солдата? Очень прошу вас, сделайте это сами, на месте, а заодно посмотрите, как воюет дивизия, как работают командир и его заместитель по политчасти.

Вот так умел он совместить частный вопрос — проверку жалобы — с таким ответственным поручением, как проверка дивизии.

Я невольно опережаю события: совместная моя работа с Константином Константиновичем Рокоссовским только еще начиналась. Но такой уж это был человек — все, кто хоть раз встречался с ним, поддавались его обаянию, восхищались его умом. Я не исключение. И хотя главный мой рассказ о Константине Константиновиче еще впереди, я не удержался от искушения сказать о нем и здесь хотя бы несколько теплых слов.

НА ПОРОГЕ СОРОК ПЯТОГО

Глубокой осенью 1944 года войска 2-го Белорусского фронта были значительно усилены. В ноябре и декабре из состава 1-го Белорусского фронта нам были переданы 65-я армия под командованием генерал-полковника П. И. Батова и 70-я армия генерал-полковника В. С. Попова. Вместе с ними Ставка Верховного Главнокомандования передала 2-му Белорусскому фронту сероцкий плацдарм на реке Нарев. К нам также прибыли 2-я ударная армия генерал-полковника И. И. Федюнинского и 5-я танковая армия генерал-полковника В. Т. Вольского. И еще — отдельные танковые, авиационные, кавалерийский и артиллерийский корпуса. В войсках фронта было свыше 2000 танков, 1500 самолетов, более 8000 орудий. Концентрация на участке фронта такого количества войск свидетельствовала о том, что мы стоим на пороге больших событий. И это было действительно так.

В своей директиве от 28 ноября 1944 года Ставка ВГК приказывала войскам 2-го и 3-го Белорусских фронтов нанести два мощных охватывающих удара из районов южнее и севернее Мазурских озер по флангам группы армий «Центр». Перед войсками двух фронтов ставилась задача прорвать оборону противника и, развивая наступление в направлении на Мариенбург и Кенигсберг, выйти к морю, чтобы отрезать обороняющиеся здесь войска гитлеровцев от главных сил вражеской армии, расчленить окруженные соединения, уничтожить их и занять территорию Восточной Пруссии.

Наш фронт должен был разбить пшаснышко-млавскую группировку противника и на десятый-одиннадцатый день наступления выйти на рубеж Мышинец, Найденбург,

Дзядлово, Бельск, Плоцк, а затем продвигаться в направлении Мариенбурга. Главный удар следовало наносить силами трех общевойсковых армий, танковой армии и трех корпусов с рожанского плацдарма на Пшасныш, Млаву. Второй удар предстояло наносить силами двух общевойсковых армий и одного танкового корпуса с сероцкого плацдарма в направлении на Бельск. Одна из этих армий должна была частью сил оказать помощь правому крылу 1-го Белорусского фронта и не допустить отхода варшавской группировки гитлеровцев за Вислу.

Восточная Пруссия справедливо считалась цитаделью германского империализма. Отсюда кайзеровские войска напали на Россию в 1914 году, отсюда фашисты нанесли свой основной удар в 1941 году по советской Прибалтике и Белоруссии. Преодолеть мощные оборонительные сооружения, овладеть северо-восточным форпостом гитлеровского рейха было чрезвычайно сложной задачей.

В конце декабря 1944 года Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский собрал всех командующих армиями, членов военных советов, командиров отдельных корпусов, чтобы провести военную игру на карте. Разумеется, командующий фронтом мог ограничиться рассылкой фронтовой оперативной директивы, однако он принял другое решение — разыграть предстоящую операцию, чтобы каждый исполнитель ясно представлял значение и суть своего маневра в общем замысле. Для игры фронтовые картографы подготовили превосходную рельефную карту Восточной Пруссии, Восточной Померании и западной части Польши. На карте было показано расположение наших войск, войск противника и его резервов.

— Скоцентрированная на подступах к Восточной Пруссии пшаснышско-млавская группировка противника нависает с севера над нашим фронтом и угрожает войскам нашего и 1-го Белорусского фронтов, — сказал маршал Рокоссовский. — Эта группировка может сковать действия наших войск, нанести фланговый контрудар. Следовательно, пока фашистские войска здесь не разгромлены, успешное наступление на запад вряд ли возможно. Однако тот факт, что группировка противника как бы нависает над нами, создает 2-му и 3-му Белорусским фронтам особо благоприятные условия для ее охвата и окружения. Таким образом, предстоящая Млавско-Эльбинская операция станет составной частью Восточно-Прусской опе-

рации, которая будет проводиться нами во взаимодействии с 3-м Белорусским фронтом. Войска нашего фронта захлестнут Восточную Пруссию с юго-востока и замкнут кольцо окружения по берегу Балтийского моря у Эльбинга.

Простое и доходчивое изложение сложной оперативной обстановки — характерная черта полководческого таланта маршала К. К. Рокоссовского. Он всегда четко и доходчиво разъяснял сложнейшие вопросы.

Затем К. К. Рокоссовский поставил конкретные задачи каждой армии. На млавском направлении будут наступать 3, 48 и 2-я ударная армии; в полосе 48-й армии в прорыв будет введена 5-я гвардейская танковая армия. Удар с сероцкого плацдарма в обход крепости Модлин нанесет частью сил 70-я армия. Правофланговая 50-я армия обеспечит стык с 3-м Белорусским фронтом, а 70-я армия — с 1-м Белорусским. Наконец, 49-я армия будет введена в сражение после прорыва обороны противника войсками 3-й армии.

Ставка требовала ускорить подготовку операции. События на западном фронте развивались неблагоприятно для союзников: гитлеровские войска наступали в Арденнах, и союзники просили, чтобы Красная Армия как можно скорее перешла в наступление. Фронт получил окончательное указание Ставки — начать наступление 14 января.

Военный совет и политуправление фронта в декабре 1944 года собрали членов военных советов и начальников политотделов армий, начальников фронтовых управлений и ведущих работников политуправления, чтобы обсудить партийно-политические вопросы наступательной операции. Константин Константинович, приехав на совещание, скромно занял место в конце стола и сказал, что собирается слушать, а не председательствовать.

Первым выступил начорг политуправления И. М. Кошик, подготовивший краткий обзор политических мероприятий. Он привел впечатляющие данные: свыше четверти миллиона коммунистов и комсомольцев насчитывалось в войсках фронта.

Редактор «Фронтальной правды» Т. В. Миронов рассказал о том, как газета популяризирует героические поступки солдат и офицеров. В конце его выступления К. К. Рокоссовский бросил реплику:

— До сих пор у нас награждены не все отличившиеся в боях за Белоруссию. Надо исправить это положение.

Оказалось, что свыше 3000 бойцов и командиров, заслуживших награды в предыдущих боях, еще не награждены. Все они вскоре получили боевые ордена и медали.

Затем командующий бронетанковыми и механизированными войсками генерал-лейтенант М. Л. Чернявский остановился на особенностях политработы в танковых частях, обратив внимание политработников на индивидуальную политическую работу с танкистами до начала боя. Заместитель начальника отдела пропаганды и агитации А. П. Голубев доложил о работе среди бойцов разных национальностей, о новом пополнении, прибывшем на фронт. Начальник штаба фронта генерал-полковник А. Н. Боголюбов остановился на вопросах воинской дисциплины и бдительности.

Замечу, что вскоре после совещания мы издали большим тиражом листовку «О чем нельзя писать в письмах» и переиздали плакат «Болтун — находка для шпиона».

Начальник тыла фронта генерал-лейтенант Ф. Н. Лагунов попросил политработников уделять больше внимания работе в госпиталях. В ответ на это К. К. Рокоссовский предложил организовать специальные посещения госпиталей — вручить награды раненым, отличившимся в боях, а заодно проверить работу медицинских учреждений.

— Что-то все говорят только о наземных войсках, — сказал командующий 4-й воздушной армией генерал-полковник К. А. Вершинин, — и совсем забыли об авиации. Истребители, бомбардировщики, штурмовики, разведчики, транспортники, да еще служба наземного обеспечения — политработникам дела хватит...

— А вы правы, Константин Андреевич, — вновь подал реплику Рокоссовский. — Надо бы подумать о политическом обеспечении взаимодействия родов войск, особенно авиации с пехотой и танкистами. Почему бы не провести, например, встречи летчиков, танкистов, артиллеристов с пехотинцами? И пехота без них воевать не может, и они без пехоты... Как вы смотрите на это, товарищи политработники?

Замечание Константина Константиновича о политическом обеспечении взаимодействия разных родов войск мы сочли особо важным. Были использованы самые различ-

ные формы работы: встречи летчиков с артиллеристами, пехотинцев с танкистами, встречи политработников общевойсковых частей с политработниками различных родов войск. Так, начальник политотдела 13-й истребительной противотанковой бригады подполковник С. В. Стрелков за три дня до прорыва побывал у начальника политотдела 290-й стрелковой дивизии полковника И. М. Полякова, познакомился с людьми, согласовал все вопросы политической работы, необходимой для четкого взаимодействия истребителей танков и пехоты. А заместители командиров по политчасти всех полков бригады установили личные контакты с командирами и политработниками стрелковых полков.

В армиях проводились лекции для офицеров и беседы для рядового и сержантского состава о взаимодействии родов войск при прорыве обороны противника и во время боев в оперативной глубине. Эту работу, в частности, отлично организовали во 2-й ударной армии (начальник политотдела полковник К. И. Калугин), где был широко обобщен опыт боев при прорыве блокады Ленинграда.

Политработники старались разнообразить формы пропаганды. Митинги боевого содружества различных родов войск, семинары политработников танковых, авиационных и артиллерийских соединений, взаимные посещения бойцов различных подразделений — все это, безусловно, сыграло большую роль в подготовке операции. Не осталась в стороне и армейская печать. Редакция газеты 4-й воздушной армии «Крылья Родины» устроила встречу представителей разных родов войск с героями-летчиками, напечатала на своих страницах отчет об этой встрече. Была издана специальная листовка «Слово летчиков к наземным войскам». По инициативе начальника штаба 4-й воздушной армии генерал-майора А. Н. Алексеева и начальника политотдела этой армии генерал-майора Ф. И. Жмулева в частях прошли летно-тактические конференции, были прочтаны лекции о взаимодействии авиации с наступающей пехотой и механизированными частями, о совместных действиях истребительной, штурмовой и бомбардировочной авиации.

Важнейшая забота политорганов в преддверии большого наступления — создать в каждой роте, батарее крепкие партийную и комсомольскую организации. Политотделы дивизий тщательно ознакомились с поступающим на фронт пополнением, беседовали с каждым новым комму-

нистом, старались направить его именно в то подразделение, где он больше всего нужен. Члена партии, имеющего опыт агитационной работы в войсках, направляли агитатором, человека, бывшего до ранения членом партийного бюро, рекомендовали на партийную работу в подразделение. Не забывали при этом и об укомплектовании дивизионных резервов парторгов.

Серьезное внимание уделялось правильной расстановке коммунистов по подразделениям. Политуправление фронта дало указание всем политотделам укрепить партийные и комсомольские организации штурмовых батальонов, разведывательных рот, рот автоматчиков. К началу наступления первыми номерами в пулеметных расчетах были, как правило, коммунисты и комсомольцы.

Воспитывая у воинов высокий наступательный порыв, политработники использовали многие формы работы, в том числе и наглядную агитацию. Так, на одном из контрольно-пропускных пунктов под Рожанами была нарисована стрела, направленная на запад, а под ней подпись: «До Берлина 520 км».

По вполне понятным причинам нельзя было открыто говорить о готовящемся наступлении. В документах политуправления, в его планах не раскрывался замысел командования, не говорилось о сроках операции и ее масштабах, о месте нанесения удара. Незадолго до начала наступления в войсках фронта прошли митинги и красноармейские собрания, которые с целью сохранения военной тайны назывались так: «1945 год — год окончательного разгрома фашистских захватчиков».

Политическая мобилизация войск неразрывно связана с воспитанием ненависти к врагу — германскому фашизму. Проводя беседы и митинги, политработники широко использовали материалы Чрезвычайной комиссии, расследовавшей зверства гитлеровцев на территории СССР, сообщение Совинформбюро о злодейском убийстве советских парламентариев под Будапештом, письма людей, испытавших на себе ужасы фашистского гнета. По инициативе начальника политотдела 48-й армии генерал-майора И. И. Михальчука политработники опросили бойцов и офицеров, кто из них имеет личный счет к фашистам. Только в 68-й артиллерийской бригаде из 842 опрошенных 609 человек заявили, что оккупанты убили или угнали в Германию их родственников.

Воспитывая и укрепляя у бойцов святое чувство ненависти к фашистам, политработники неустанно разъясняли, что эта ненависть должна быть обращена против врага, который держит в руках оружие, а не против немецкого народа. Советский воин — освободитель, а не завоеватель, и наш интернациональный долг освободить немецкий народ от фашистского гнета. На это не раз указывал Центральный Комитет партии, об этом напоминали директивы Главного политического управления.

В войсках была распространена специальная директива Военного совета и политуправления фронта, в которой еще раз разъяснялись указания партии и правительства о неуклонном претворении в жизнь интернациональных принципов советской внешней политики, об освободительном характере Великой Отечественной войны советского народа против германского фашизма. На собраниях и митингах политработники разъясняли личному составу недопустимость даже малейшего ущемления прав польского и немецкого населения. Мы неустанно разъясняли: наши враги — фашисты, но ни в коем случае не простые немцы, которым гитлеровские порядки принесли неисчислимые бедствия.

Ответственный участок политической работы — воспитание пополнения. А его состав осенью 1944 года оказался чрезвычайно разнородным. В части фронта пришли бывшие белорусские партизаны, граждане, оставшиеся на временно оккупированной врагом территории, бойцы, освобожденные нашими войсками из фашистского плена.

Как только бойцы прибывали в действующие части, с ними проводили беседы о военной присяге, о долге, о боевых традициях. Эти беседы вели командиры и политработники, парторги, комсорги, агитаторы. К принятию присяги готовились очень тщательно, старались создать торжественную обстановку. Бойцы выстраивались перед боевым красным знаменем воинской части, произносили присягу, каждому вручалось оружие.

Широко практиковались митинги при встрече пополнения. Политорганы проводили встречи новичков с ветеранами части. Так, в 1922-м полку 413-й стрелковой дивизии встреча состоялась у Боевого Знамени. Командир полка рассказал о боевом пути и традициях полка, о его героях. В заключение беседы командир опустился на колени, поцеловал Знамя и дал клятву неустанно множить боевую славу советского оружия. Участник многих боев

старший сержант Прохоров сказал: «Я клянусь под этим знаменем, что не вернусь в свою семью, не войду в свой дом, пока не будет уничтожен фашизм». Один за другим к знамени подходили ветераны, а вслед за ними и молодые солдаты. Они давали торжественную клятву храбро сражаться с фашистскими захватчиками.

Перед наступлением к нам прибыли тысячи бойцов из освобожденной Молдавии. Многие молдаване не понимали русского языка, среди них были малограмотные и вовсе неграмотные. Политорганам пришлось немало поработать с новичками. Главное политическое управление разрешило фронту выпускать газету на молдавском языке, политуправление стало издавать листовки, памятки и учебные пособия для бойцов-молдаван на их родном языке. В политотделах создали группы агитаторов, знающих молдавский язык, а из пополнения выделили активистов, которые были переводчиками во время политических занятий и бесед с бойцами. Эта работа не пропала даром. Молдаване воевали отлично, а имена многих из них, например Тимофея Пронеску и Василия Гояна, стали известны всему фронту.

Как всегда, в число повседневных забот политуправления входил контроль за своевременной доставкой газет в воинские части. Эта работа в значительной мере облегчалась тем, что центральные газеты фронт получал в день их выхода. Наверное, не один ветеран войны с благодарностью вспоминает летчиков 73-й транспортной авиационной дивизии, которая базировалась на аэродроме под Москвой и доставляла газеты на узел связи фронта. Командовал дивизией генерал-майор авиации Н. А. Захаров, работавший прежде в гражданском воздушном флоте. Незаурядный специалист, он сумел, что называется, «выжить» из самолета Ли-2 все, на что тот был способен. Под руководством Н. А. Захарова летчики авиадивизии в совершенстве овладели слепой посадкой, что в те годы, при невысоком уровне технической оснащенности аэродромов, особенно фронтовых, было делом весьма непростым. Дивизия доставляла нам газеты в любую погоду.

При подготовке войск к наступлению особое значение приобретает боевая учеба, учитывающая характер предстоящих действий. Поэтому политорганы всемерно пропагандировали удачный опыт недавних наступательных боев, выпускали памятки и листовки на наиболее актуальные темы, например такие: «Каждый боец должен овладеть

саперным делом», «Бой в траншеях и ходах сообщения», «Захватил рубеж — закрепляй его». Каждая листовка и каждая статья в газете становились темой бесед агитаторов с бойцами. Кроме того, командиры отделений использовали листовки на занятиях по боевой и специальной подготовке. Командиры, политработники и агитаторы провели во всех частях и подразделениях рекомендованные политуправлением беседы о боевом опыте, например о действиях в лесисто-болотистой местности, о том, как преодолевать вражескую траншейную оборону.

За несколько дней до наступления я побывал в 1172-м стрелковом полку 348-й дивизии, где проводились тактические учения «Батальон в наступательном бою». Выяснилось, что бойцы нового пополнения неумело маскируются, медленно перебегают, плохо используют залповый огонь. Командиры, политработники полка и агитаторы по моему указанию провели в подразделениях цикл бесед с новичками. Темы этих бесед были предельно конкретными: «Лопата — друг солдата», «Граната — грозное оружие ближнего боя», «При атаке ближе прижимайся к разрывам своих снарядов». Разумеется, беседами дело не ограничилось. Командиры подразделений повысили требовательность, стали добиваться безукоризненного выполнения боевых уставов и наставлений. Результат не замедлил сказаться — на повторных тактических учениях бойцы действовали настолько грамотно, что заслужили благодарность командира дивизии генерал-майора И. Ф. Григорьевского.

Во втором эшелоне фронта в этот период находились танковая армия, два танковых и два механизированных корпуса, а также две резервные танковые бригады. Политуправление фронта провело учебный семинар начальников политотделов корпусов и дивизий, заместителей командиров полков по политчасти. Были общие занятия и занятия по секциям.

После семинара политуправление взяло под контроль политическую работу в танковых соединениях. Ее сосредоточили на двух важнейших направлениях. Первое — мобилизовать личный состав на подготовку материальной части к длительным маршам: на протяжении всей операции техника должна работать безотказно. Второе — разъяснить танкистам, что от них потребуются большое физическое и моральное напряжение, умение принимать самостоятельные решения. Танковым и механизированным

соединениям предстояло действовать впереди стрелковых частей, и это увеличивало ответственность, ложившуюся на плечи танкистов.

Готовя танковые части к вводу в прорыв, командиры и политработники распределяли коммунистов по танковым экипажам. Политотдел 1-го гвардейского танкового корпуса создал 64 первичные и 160 ротных парторганизаций — практически во всех батальонах; в каждом экипаже обязательно были коммунисты и комсомольцы. Теперь все подразделения корпуса имели полнокровные партийные и комсомольские организации. Подобная же работа была проведена во всех танковых и механизированных соединениях. Во всех частях прошли совещания командиров и политработников, посвященные подготовке личного состава и техники к боям. Механиков-водителей собирали на технические конференции, популяризовали опыт лучших, обучали вождению машин в различных условиях боя.

Если на Северо-Западном фронте заботой политуправления было развитие снайперского движения, то в условиях наступательных операций конца войны первостепенное значение приобрела борьба с вражескими танками. Политуправление издало специальные листовки с рисунками вражеских танков, с указанием на них самых уязвимых точек. Были изданы листовки о борьбе со средним танком «пантера», тяжелым танком «тигр», с самоходными установками «фердинанд».

В эти дни у танкистов зародилось массовое движение: вести личные счета уничтоженных вражеских танков. Звездочкой на башне своей машины отмечался каждый подбитый танк гитлеровцев. Политуправление фронта поддерживало инициативу танкистов, широко пропагандировало ее в печати, в беседах, на митингах.

В разгар подготовки новой операции в политуправление прибыл начальник фронтового эвакуационного пункта генерал-майор медицинской службы Н. М. Невский. Он сообщил, что госпитали, направленные к нам из бывших Прибалтийских фронтов, застряли в пути и могут не успеть к началу наступления.

Я сразу же послал телеграмму в Главное политическое управление, а вслед за тем позвонил И. В. Шикину и начальнику тыла Вооруженных Сил А. В. Хрулеву, попросил их оказать содействие фронту, с тем чтобы ускорить передислокацию госпиталей. В скором времени госпитальная база фронта существенно пополнилась.

В два фронтовых эвакуационных пункта (ФЭПа) входили свыше ста фронтовых и армейских госпиталей. В каждом ФЭПе был политотдел, который направлял партийно-политическую работу в госпиталях. Во главе политотделов стояли опытные и инициативные политработники полковник В. И. Гомозков и подполковник А. А. Кулицкий.

Политуправление фронта, политотделы армий и эвакуационные пункты считали своим важнейшим долгом постоянно заботиться о раненных в боях красноармейцах. Лучшие лекторы и бригады артистов всегда направлялись в первую очередь в госпитали, туда же мы посылали газеты, новые кинофильмы. Быт и питание раненных, их медицинское обслуживание постоянно находились под контролем политорганов.

Разумеется, партийно-политическая работа проводилась не только среди раненных, но и среди медицинского персонала. В частности, работники политуправления фронта всегда принимали деятельное участие в работе медицинских конференций фронтовых врачей, на которых специалисты-медики выступали с докладами по организационным и сугубо медицинским вопросам.

Конечно, принимая участие в медицинских конференциях, политработники не подменяли специалистов, грубо говоря, не учили их, как лечить раненных. Но когда обнаруживались организационные недостатки в работе медиков, мы считали своим долгом указывать на них и помогать изживать. На одной из конференций по инициативе политуправления фронта был поднят вопрос об эвакуации раненных с поля боя. Я зачитал письмо красноармейца Чащина, который писал о случаях, когда раненым на поле боя несвоевременно оказывают помощь. И хотя такое бывало крайне редко, это письмо нельзя было оставить без внимания.

После конференции начальник военно-санитарной службы фронта генерал-майор К. А. Жуков организовал детальную проверку всей системы эвакуации — от ротного санинструктора до медсанбата. В проверку активно включились политорганы двух фронтовых эвакуационных пунктов.

Выяснилось, что не все фронтовые и госпитальные базы имеют в достаточном количестве необходимые эвакуационные средства. Я немедленно обратился к А. В. Хрулеву с просьбой помочь в этом деле. И Андрей Васильевич, как это бывало уже не раз и прежде, помог фронту. Вскоре мы получили целый железнодорожный эшелон

с эвакуационными — от легких саночек, на которых санитары вывозили раненых с поля боя, до вместительных санитарных автобусов.

Враг догадывался о подготовке фронта к наступлению, но его сроков и подлинных масштабов так и не открыл. Сохранить военную тайну было нелегким делом — ведь на плацдармах за рекой Нарев сосредоточились огромные массы пехоты, артиллерии, танков. Политуправление потребовало от политорганов и партийных организаций повысить бдительность.

Накануне наступления, вечером 13 января, начальники фронтовых управлений собрались у маршала К. К. Рокоссовского.

К. К. Рокоссовский детально выяснил у начальника тыла фронта Ф. Н. Лагунова, как будут подвозиться боеприпасы и продовольствие, где размещены госпитальные базы. Потом обратился ко мне:

— Как, Андрей Дмитриевич, разослали обращение Военного совета и политуправления к войскам?

Я ответил, что обращение своевременно размножено и разослано и сегодня инструкторы политуправления повезли пакеты в армии, а утром, когда наше наступление станет для противника свершившимся фактом, обращение будет напечатано во всех армейских газетах.

— Хорошо, — сказал Константин Константинович. — А когда его будут зачитывать?

— Во время артиллерийской подготовки, после того как командиры разъяснят боевые задачи.

— Что ж, самое время. А когда вы, Феофан Николаевич, собираетесь кормить бойцов? — обратился командующий к начальнику тыла генералу Лагунову.

— Примерно за полчаса до артподготовки.

— Все правильно. А вы приказали выдать каждому бойцу дополнительно хлеба и сала, чтобы он мог и в середине дня перекусить?

Ф. Н. Лагунов подтвердил, что такое указание дано и со складов отпущено дополнительное продовольствие, в том числе сало и консервы.

После доклада начальника разведуправления фронта генерал-майора И. В. Виноградова командующий дважды подходил к карте, лежавшей на столе А. Н. Боголюбова, видимо размышляя о чем-то, и наконец сказал:

— Опасаюсь я, Александр Николаевич, за правый фланг ударной группировки. Смотрите: моторизованная

дивизия «Великая Германия» находится восточнее Млавы, она наверняка нанесет удар по нашей третьей армии. За левый фланг я не беспокоюсь: у Попова и Батова достаточно сил, чтобы отразить контратаки, да и не будут немцы отводить свои силы с варшавского направления. А вот третьей армии надо бы помочь.

Боголюбов, прикинув ситуацию, согласился с мнением Рокоссовского, а командующий артиллерией генерал Сокольский тут же внес предложение: поскольку у противника в глубине было выявлено новое соединение, перебросить в 3-ю армию генерал-полковника Горбатова еще одну истребительную противотанковую бригаду из резерва фронта.

— Верное предложение, — поддержал Сокольского командующий.

Когда разговор перешел уже на другую тему, Рокоссовский прервал его, подошел к телефонному аппарату ВЧ и попросил соединить его с генералом Горбатовым. Видно, этот участок фронта продолжал волновать командующего.

— Прошу вас учесть, Александр Васильевич, — сказал Рокоссовский, — что немцы попытаются нанести контрудар по вашей армии, после того как фронт прорвет оборону. По всей вероятности, контрудар надо ждать на второй или третий день наступления. Разведка установила, что северо-западнее вас, в районе Млавы, находится крупная танковая группировка противника. Подготовьтесь к отражению контрудара. Фронт вам поможет. Дадим дополнительно истребительную противотанковую и танковую бригады. Учтите, если немецким танкам удастся прорваться к нам в тыл, наступление может быть сорвано...

Положив телефонную трубку, Рокоссовский задумался. Никто не решался тревожить его.

Наступила ночь, последняя перед наступлением. Командующий дал указание Боголюбову остаться в штабе, сам же с заместителем по артиллерии и командующим бронетанковыми войсками решил выехать на наблюдательный пункт фронта. Он был создан на рожанском плацдарме, чтобы в решающие моменты наступления командование находилось ближе к войскам. Мне К. К. Рокоссовский предложил поехать вместе с ним, члена Военного совета фронта Н. Е. Субботина попросил отправиться в 65-ю армию, а второго члена Военного совета А. Г. Русских — в 3-ю армию.

Получив последние указания командующего, все разошлись, чтобы немного отдохнуть. Лишь неутомимый наш труженик начштаба А. Н. Боголюбов остался, чтобы еще раз проверить готовность войск к решающему дню.

Солдатам объявили о наступлении ранним утром 14 января. Ровно в 9 часов командиры и политработники разъяснили подразделениям боевые задачи, зачитали обращение Военного совета и политуправления фронта.

«Дорогие товарищи! Боевые друзья! Верные сыны Советской Родины — красноармейцы, сержанты, офицеры, генералы! — говорилось в Обращении. — Настало время рассчитаться со злейшим врагом нашей Родины — немецко-фашистскими захватчиками за все их зверства и злодеяния, за уничтоженные и разграбленные советские города и села... В этот решающий час наш великий советский народ, наша Родина наша родная партия... призывают вас с честью выполнить свой воинский долг, воплотить всю силу своей ненависти к врагу в единое жгучее желание разгромить фашистских захватчиков. Новым мощным ударом ускорим гибель врага! Ваш боевой клич отныне должен быть только один: вперед на разгром врага! Вперед на Берлин!»¹

Там, где позволяла обстановка, были проведены короткие митинги.

У политработников было много надежных помощников — опытных, закаленных солдат, которые умели простым, добрым словом подбодрить уставшего товарища, укрепить в нем волю.

К 9 часам я прибыл на наблюдательный пункт фронта. К. К. Рокоссовский был уже там. Добираясь до рожанского плацдарма, я не мог не заметить высочайшей концентрации людей и боевой техники и высказал в связи с этим свои опасения командующему:

— Константин Константинович, у нас буквально под каждым кустом то бойцы, то пушка, то танк. Любой случайный снаряд противника попадет в цель. Вдруг немцы предугадают наши действия и проведут артиллерийскую контрподготовку?

— Мы с генералом Сокольским уже обсуждали такую возможность, — ответил Рокоссовский. — И пришли к выводу, что с нашим превосходством в артиллерии заставим противника немедленно прекратить огонь. Все его бата-

¹ ЦА МО СССР, ф. 237, оп. 2414, д. 101, л. 31—34.

реи засечены. Для их уничтожения выделены артдивизионы. Так что это не должно нас волновать. Другое дело, с юга потянул туман, не испортил бы он нам весь концерт...

Маршал пошел к выходу, Сокольский и я — вслед за ним. Все, будто сговорившись, посмотрели на часы — двадцать минут десятого. До начала артподготовки оставалось сорок минут.

Неподалеку от блиндажа, где мы находились, росла огромная, вековая сосна. Если приглядеться, то на разлапистой ее верхушке можно было заметить замаскированную наблюдательную площадку, к которой вела приставленная к стволу лестница. Рокоссовский подал нам знак — мол, следуйте за мной — и полез по лестнице вверх. Влезли на площадку, облокотились на перила, стали оглядываться. Ближние деревья просматривались отчетливо, но метрах в сорока все застилала белесая мгла, ничего не различишь.

Было над чем задуматься. Для артиллерии нет видимых целей — это раз. Самолеты не смогут вылететь — два. Не исключено, что танки могут сбиться с боевого курса, — три...

Неожиданно Рокоссовский обратился ко мне:

— Как по-вашему, Андрей Дмитриевич, не следует ли отложить операцию до лучшей погоды?

Признаться, я не был готов ответить на этот вопрос и, немного помедлив, сказал:

— Думается, что всякая отмена решений действует отрицательно на состояние людей. Однако бывают разные обстоятельства...

Константин Константинович углубился в свои мысли, и, казалось, совершенно не замечал нас. Потом огляделся, словно пытаюсь взглядом пробить полосу тумана, еще раз посмотрел на часы и вдруг, улыбнувшись мягкой, доброй, только ему присущей улыбкой, сказал:

— Давайте-ка закурим махорочку, она хорошо мозги прочищает, и подождем здесь, послушаем, как играет оркестр Сокольского...

Несколько минут оставалось до начала артиллерийской подготовки. Мы достали кисеты с махоркой, свернули сигарки и дружно задымили, добавляя к туману еще и махорочный дым... К слову сказать, обычно мы курили паниросы, но когда обстановка складывалась не из легких, то

предпочитали им добрую махорку: с ней как-то легче думалось.

Первыми огонь должны были открыть «катюши». Ровно в десять часов раздался их могучий гром. А вслед за тем ударили артиллерийские орудия и минометы. Все они били по строго определенным целям. Началось!

Час бушевал огонь. Военнопленные впоследствии показывали, что русского наступления ожидали со дня на день, и 14 января тоже. Однако, увидев усиливающийся туман, командование противника решило, что наступление будет отложено. Был дан отбой, солдаты вышли из траншей и блиндажей, пошли к походным кухням. И тут на их головы обрушился огненный шквал.

Как только артиллерия перенесла огонь в глубину обороны противника, наши штурмовые батальоны бросились вперед на растерявшегося и смятого врага:

Наши бойцы сражались вдохновенно. Стрелковая рота 110-й дивизии под командованием гвардии старшего лейтенанта М. С. Белецкого использовала погодные условия и во время артподготовки под прикрытием тумана подошла вплотную к первой траншее противника. Как только артогонь был перенесен в глубину обороны, Белецкий повел бойцов в атаку. Появились наши танки, и рота, не отставая от них, смело ворвалась в первую траншею, а затем и во вторую. Такая стремительность была характерна в тот день для многих подразделений, сражавшихся на участке прорыва. Особенно мужественно дрались коммунисты и комсомольцы. Молодой коммунист Терехин, получив ранение, не уходил в санчасть до тех пор, пока его рота не обратила фашистов в бегство. «Я обязан подавать пример беспартийным бойцам», — сказал он.

В первый день наступления войскам фронта сопутствовал успех. Особенно быстро развивались события в полосе наступления 3-й армии — она продвинулась на 8—10 километров, овладев несколькими опорными пунктами противника. Другие армии также прорвали первую полосу обороны и продвинулись на 3—6 километров.

15 января погода по-прежнему стояла ненастная: усилился туман, начался снегопад. Авиация вынужденно бездействовала, это затрудняло продвижение наземных войск. Противник, опираясь на глубоко эшелонированные оборонительные рубежи, пытался остановить наше наступление и провел на разных участках фронта около семидесяти контратак. Однако врагу не удалось остановить наши

армии. Они стремительно двигались вперед. 2-я и 65-я армии преодолели с боями вражеские оборонительные рубежи примерно на 10 километров в глубину, а 3-я армия — на 30 километров.

Однако успех 3-й армии оказался временным. Как и ожидал Рокоссовский, моторизованная дивизия «Великая Германия» ударила во фланг армии Горбатова. Я впервые услышал, как Рокоссовский выговаривал своему подчиненному:

— Вы увлеклись наступлением, — сухо говорил маршал по телефону, — и забыли, что врагу выгодно нанести удар по вашим войскам, когда они находятся вне оборонительных рубежей...

Положив трубку, командующий обратился к Боголюбову:

— Срочно передайте третьей армии резервную противотанковую бригаду.

Уже на следующий день после контрудара врага, 16 января, 3-я армия начала выправлять положение и через три дня продолжила успешно начатое наступление.

Погода несколько улучшилась, и летчики 4-й воздушной армии сделали 2500 самолето-вылетов. Особенно отличилась 230-я штурмовая авиадивизия под командованием генерал-майора С. Г. Гетьмана. Штурмовики уничтожили десятки танков противника из дивизии «Великая Германия».

К утру 17 января наши войска уничтожили большую часть вражеских танков. В этот момент К. К. Рокоссовский в полосе наступления 48-й армии ввел в бой 5-ю танковую армию под командованием генерал-полковника В. Т. Вольского. Танкисты, преодолевая ожесточенное сопротивление и контратаки противника на флангах, ворвались в оборону врага. За день 5-я танковая во взаимодействии с 48-й армией прошла с боями 15 километров, расширила прорыв до 100 километров по фронту и освободила 400 населенных пунктов.

2-я ударная армия с боями овладела городом Цеханув, 65-я армия — городом Нове-Място, 70-я завязала бои на окраинах города-крепости Модлин. 3-й гвардейский кавалерийский корпус под командованием генерал-лейтенанта Н. С. Осликовского, выведенный из состава 3-й армии, получил самостоятельную задачу — войти в прорыв и развивать наступление на Пшасныш. За четыре дня наступления наши войска повсюду продвинулись не менее чем

на 30 километров, а на левом фланге — до 100 километров. Сотни освобожденных населенных пунктов, большие трофеи...

На пятый день наступления войска фронта прорвали оборону противника в центре и продвинулись вперед до 50 километров, а введенные в прорыв механизированные соединения, взаимодействуя с 48-й и 2-й ударной армиями, не дали отходящему противнику закрепиться на промежуточных рубежах и вышли к городу Млава. 47-й корпус под командованием генерал-майора М. И. Дратвина овладел крепостью Модлин. Потеряв боевую устойчивость, противник отходил на запад и северо-запад.

21 января наши части вступили в Восточную Пруссию. Политработники разъясняли бойцам значение этого события, в наступающие части были посланы корреспонденты и кинооператоры, вышли специальные номера фронтовой, армейских и дивизионных газет, листовки...

Как только войска фронта вступили в Восточную Пруссию, К. К. Рокоссовский собрал в Млаве командующих армиями, членов военных советов и начальников политотделов армий, ведущих политработников фронта, чтобы заслушать доклады о ходе выполнения боевых задач. В заключительном слове командующий еще раз напомнил о необходимости воспитывать у советского воина чувство интернационального долга. По поручению Военного совета фронта политуправление подготовило адресованные местному населению листовки, в которых призывало жителей городов и сел сохранять спокойствие во время боев, своевременно прятаться в укрытиях, чтобы никто не пострадал от артиллерийского и минометного огня, от налетов авиации.

К. К. Рокоссовский требовал, как правило, чтобы наши войска брали населенные пункты не штурмом, а обходным маневром. В освобожденных городах политработники проводили собрания жителей, разъясняли им освободительные цели Красной Армии.

Во многих частях и соединениях проходили митинги и собрания на тему о солдатском долге, о нормах поведения на освобожденной территории. Мне понравилось выступление на митинге в 199-й стрелковой дивизии бойца Я. Бойко. «Мы — армия-освободительница, — сказал он, — мы вызволяем народы, поработанные фашистами, в том числе и немецкий народ...»

Политорганы развернули агитационно-пропагандистскую работу среди немецкого населения. Начала выходить газета «Дейче Цайтунг» и листовки «Известия для немецкого населения». Политработники знакомились с местными жителями, выявляя и изучая демократический и антифашистский актив. На своих собраниях жители выбирали местные органы самоуправления.

Политорганы уделяли много внимания наведению порядка в занятых городах, активно содействовали военным комендатурам. Так, в городе Найденбург (Оструда) были взяты на учет все ценности, организована охрана предприятий. Военный комендант майор К. Л. Зенаков привлек местное население к очистке улиц и дворов, к подготовке некоторых предприятий к пуску. Подобная работа велась во многих городах, занятых нашими войсками.

Вступление на территорию Восточной Пруссии вызвало огромный боевой и политический подъем в войсках. Самым популярным в те дни стал лозунг «Вперед, на Берлин!». Раненые бойцы отказывались покидать поле боя. Когда у ефрейтора Силкина спросили, почему он не идет на перевязочный пункт, он ответил: «Некогда, спешу в Берлин».

Политработники 48-й армии рассказали мне, как рядовой Смирнов, старый солдат, расцеловал бойца Ильина — самого юного в роте — и сказал ему: «Ну вот, сынок, настигли мы их, в их собственной берлоге...»

Выйдя на оперативный простор, войска, наступавшие на главном направлении, продолжали стремительно преследовать противника. Их прекрасно поддерживали летчики 4-й воздушной армии, которые совершали за день полторы-две тысячи самолето-вылетов.

Успехи нашего фронта перекликались с замечательными победами других фронтов. В эти дни 3-й Белорусский фронт уверенно наступал на Кенигсберг, 1-й Белорусский фронт 17 января освободил Варшаву и развил наступление на Быдгощ, войска 1-го Украинского фронта 19 января вошли в Краков. Еще южнее войска 2-го Украинского фронта ворвались в восточную часть венгерской столицы — Будапешта. Политработники старались как можно скорее довести до воинов радостные известия о новых успехах Красной Армии.

Вечером 21 января я, как всегда, заехал на КП фронта, чтобы доложить К. К. Рокоссовскому и члену Воен-

ного совета фронта Н. Е. Субботину об итогах дня. Маршал рассказал о своем докладе И. В. Сталину, о том, что есть план повернуть центр фронта на север и северо-запад, выйти к побережью Балтийского моря и своевременно отрезать восточно-прусскую группировку противника от померанской. Одновременно, по предложенному Рокоссовским плану, 70-я и 65-я армии должны были ускоренными темпами наступать на запад, к Висле, где гитлеровцы начали формировать новую группу армий «Висла» под командованием Гимmlера. Верховный Главнокомандующий одобрил предложение К. К. Рокоссовского.

Командующий войсками фронта отдал приказ: 49-й и 3-й армиям совершить поворот строго на север, 48-й армии — на северо-запад. 2-я ударная и 5-я танковая армии должны были наступать на Мариенбург (Мальборк) и Эльбинг (Эльблонг), завершая во взаимодействии с 3-м Белорусским фронтом окружение восточно-прусской группировки.

22 января Москва вновь салютовала войскам 2-го Белорусского фронта. В этот день, совершив дерзкий рейд, которого враг никак не ожидал, 3-й кавалерийский корпус овладел городом Алленштайн (Ольштын). Чтобы читатель мог судить, насколько неожиданно для противника конница подошла к городу, сошлюсь на один боевой эпизод. Эскадрон гвардии капитана Овчинникова ворвался в район железнодорожной станции Алленштайн. Вокзал был забит до отказа жителями города, которые ждали отправки в центральные районы Германии. Среди конников нашлись бывшие железнодорожники. Они заняли посты в диспетчерской, у стрелок и стали принимать подходившие эшелоны. Таким образом кавалеристы захватили 22 немецких эшелона с различными грузами, военной техникой, людьми. А командование противника и не подозревало, что станция уже в руках советских войск.

Образцы мужества проявили бойцы и командиры 17-й стрелковой дивизии под командованием полковника А. Ф. Гребнева (начальник политотдела — полковник П. И. Смирнов). Дивизия захватила важный узел дорог южнее города Вормдит (Орнета), по которым гитлеровская 4-я армия пыталась отойти на запад, чтобы соединиться со 2-й армией. Двое суток, 28 и 29 января, дивизия отражала натиск превосходящих сил врага и не дала ему продвинуться на запад. В ночь на 30 января во взаимодействии с подошедшими кавалерийскими частями

дивизия разорвала кольцо окружения и продолжила выполнение своей боевой задачи.

Активная круговая оборона, тщательно организованная непрерывная разведка, точная расстановка сил и средств, четкое управление частями и подразделениями, политическая работа среди воинов и личный пример коммунистов в бою — все это позволило дивизии с честью выйти из трудного положения. Командующий войсками фронта особым приказом объявил благодарность всему личному составу дивизии.

Политуправление фронта широко пропагандировало массовый героизм бойцов и командиров. В это время наши полиграфические возможности существенно расширились: в освобожденных городах оставались типографии, которые гитлеровцы не успели вывезти. Мы такие типографии использовали. В период Восточно-Прусской операции политуправление фронта и политотделы армий издали огромное количество газет, листовок, брошюр — общим тиражом свыше 17,5 миллиона экземпляров. Активная печатная пропаганда во многом способствовала поддержке и укреплению высокого наступательного духа войск фронта.

В ходе наступления перед командирами и политработниками возникали новые задачи. Так, уже спустя несколько дней после начала Восточно-Прусской операции встал вопрос о максимальном сокращении сроков ремонта танков. Мы с командующим бронетанковыми войсками фронта генерал-лейтенантом Михаилом Львовичем Чернявским, не откладывая дела в долгий ящик, сразу же принялись готовить проект приказа командующего войсками фронта. Командирам и политработникам приказывалось срочно мобилизовать танкистов и ремонтников на самую напряженную работу по восстановлению боевой техники. Указали, что недопустимо разбирать подбитые танки на запчасти. Редакторам газет предложили освещать опыт лучших ремонтников. Даже в напряженных, кровопролитных боях нельзя было забывать о том, что наша военная техника — это народное добро, что в каждую боевую машину вложен труд героев тыла.

С проектом приказа обратились к К. К. Рокоссовскому. Маршал одобрил наши предложения и вписал в приказ пункт о представлении лучших ремонтников фронта к правительственным наградам. Затем он позвонил на-

чальнику тыла фронта и попросил его усилить внимание к быту ремонтников, проследить за их питанием.

Наши войска неуклонно продвигались вперед. 24 января 5-я танковая армия завязала бои на окраинах Эльбинга (Эльблонга). 25 января части 50-й армии ворвались в район укреплений у Мазурских озер. К исходу дня 5-я танковая армия вышла к Балтийскому морю севернее Эльбинга. Теперь противник мог отойти на запад только морем, через Вислинский залив.

26 января Москва вновь салютовала войскам нашего фронта, которые вышли к Гданьской бухте и окончательно отрезали восточно-прусскую группировку гитлеровцев от группы армий «Висла». Соединения 1-го и 2-го Белорусских фронтов блокировали город Торн (Торунь), а войска нашего фронта захватили также обширный плацдарм на западном берегу Вислы и завязали бои за крепость Грауденц (Грудзендз).

В тот день командующий попросил меня съездить в 70-ю армию генерал-полковника В. С. Попова, посмотреть, как обстоят дела с Торном.

Василия Степановича Попова я знал давно, еще с довоенных лет, когда он командовал 28-м стрелковым корпусом. У нас сложились добрые отношения. Высокий, дородный донской казак, он с первого взгляда вызывал к себе расположение.

— А ты все не худеешь, Василий Степанович, — сказал я, заходя в блиндаж командарма.

— Видно, ничего уж тут не поделаешь, донская порода... — улыбнулся Василий Степанович. — Не худею, хоть работы невпроворот. Давай сперва пообедаем, а потом — за дела.

С этой привычкой Попова я был хорошо знаком — сперва поесть, потом браться за дело. Основательно подзаправившись, мы вместе с Василием Степановичем отправились в дивизию. С нами поехал и член Военного совета армии генерал-майор Н. Н. Савков, которого я также знал еще с комсомольских времен.

Все было в движении. Гитлеровские части отступали к своим тыловым рубежам. Лишь одно обстоятельство тревожило командарма и маршала К. К. Рокоссовского.

Дело в том, что разведка дала неточные сведения о гарнизоне города Торн (Торунь), определив его примерно в три тысячи человек. Поэтому город был блокирован только одной малочисленной 136-й стрелковой дивизией.

В действительности же, как выяснилось позже, гарнизон оказался почти в десять раз больше. В распоряжении гитлеровцев было 240 орудий и 20 самоходок. Одна стрелковая дивизия не могла противостоять удару такого количества войск. В ночь на 31 января немцы прорвали кольцо окружения и вырвались из города тремя колоннами. Образовался своеобразный кочующий котел. Торненская группировка стремилась пробиться на запад, чтобы соединиться с войсками группы армий «Висла».

Для уничтожения кочующего котла, угрожавшего тылам 65-й и 70-й армий, командованию фронта пришлось выделить дополнительно танковый корпус и три стрелковые дивизии. Наша фронтовая авиация бомбила вырвавшегося из города противника, а в дополнение к бомбам разбрасывала подготовленные политуправлением фронта листовки, призывавшие немецких солдат сдаваться в плен.

К 10 февраля кочующий котел был ликвидирован. Около 12 000 гитлеровцев сдались в плен. Большинство из них имели при себе наши листовки.

В Восточно-Прусской операции войска 2-го Белорусского фронта разгромили 13 неприятельских дивизий и 9 бригад, уничтожили свыше 208 тысяч вражеских солдат и офицеров, взяли в плен 37 300 гитлеровцев.

Ставка Верховного Главнокомандования внимательно следила за развитием боевых действий 2-го и 3-го Белорусских фронтов. В своей директиве она дала новую разграничительную линию между фронтами, передав 3-му Белорусскому фронту 50, 48 и 3-ю армии, а также 5-ю танковую армию. Наш фронт был освобожден от дальнейших боевых действий в Восточной Пруссии. Вскоре доблестные войска 3-го Белорусского фронта взяли штурмом Кенигсберг и тем самым ликвидировали восточно-пруссский плацдарм фашистов.

А перед 2-м Белорусским фронтом встала новая задача — разгромить восточно-померанскую группировку противника, уже во взаимодействии с 1-м Белорусским фронтом.

ВОЗВРАЩЕННОЕ ИМЯ — ГДАНСК

Войска 2-го Белорусского фронта участвовали в Восточно-Прусской операции с 14 января до конца февраля 1945 года. А наступление в Восточной Померании фактически началось 10 февраля. Таким образом, две крупнейшие операции, в которых принимал участие наш фронт, по сути дела, шли без всякой паузы, одна операция как бы перерастала в другую.

10 февраля войска 2-й ударной армии окончательно овладели городом Эльбинг (Эльблонг). К этому времени 70, 65 и 49-я армии заняли исходные рубежи для наступления в Восточной Померании и к 15 февраля овладели крупными узлами коммуникаций противника, сильными опорными пунктами гитлеровцев городами Конитц (Хойнице) и Тухель (Тухоля).

Этот период отмечен четырьмя исключительно важными событиями в боевой деятельности фронта. Во-первых, была уничтожена вражеская группировка, вырвавшаяся из блокированной крепости Торн. Во-вторых, 2-я ударная армия, овладев Эльбингом, вышла на побережье Балтийского моря. В-третьих, были решительно пресечены попытки 4-й гитлеровской армии вырваться из Восточной Пруссии и соединиться со 2-й армией. Наконец, 70, 65 и 49-я армии расширили плацдарм на западном берегу Вислы.

Все эти успехи были достигнуты благодаря высокому наступательному порыву войск 2-го Белорусского фронта, в результате умелого руководства командиров, неутомимой работы политорганов, авангардной роли в боях партийных и комсомольских организаций.

В боях на вислинском плацдарме бессмертной славой покрыл себя учебный батальон 44-й гвардейской стрелко-

вой дивизии. 5 февраля противник превосходящими силами атаковал батальон, правый фланг которого не был прикрыт. Фашистам удалось зайти с тыла и нанести удар. Рота старшего лейтенанта Белова оказалась в окружении, командир был ранен. Командир завода старший лейтенант Иван Семенович Хитник взял на себя командование ротой. Бойцы стойко отражали атаки гитлеровцев. Однако, несмотря на потери, враг не унимался — против горстки советских воинов он бросил батальон пехоты и три самоходных орудия. Один за другим погибали бойцы. Наконец в строю остался только командир. В последние минуты он наспех написал в тетрадке: «Товарищи! Дорогие! Здесь я погиб, не отступив ни на шаг. Остался один в тылу у немцев. Бился до последнего патрона. Гв. ст. лейтенант Хитник Иван».

На следующий день бойцы 44-й гвардейской стрелковой дивизии нашли погибших воинов, прочитали записку Ивана Хитника и передали ее в политотдел дивизии. Вскоре политотдел выпустил листовку, прославлявшую подвиг Ивана Хитника.

Перед началом Восточно-Померанской операции Рокоссовский часто бывал в войсках, расположенных на переднем крае. Как-то я поехал вместе с ним. Мы гуськом шли по ходу сообщения — впереди командующий, за ним мы, генералы и офицеры фронтовых управлений, — и вдруг наткнулись на группу бойцов, которые курили сигарки и о чем-то беседовали. Солдаты любили Рокоссовского, они сразу же узнали его, обступили, завязался общий разговор, посыпались обычные вопросы: когда кончится война? скоро ли возьмем Берлин? Константин Константинович отвечал на вопросы солдат, отшучивался, сам задавал вопросы о быте, еде, боевой подготовке. И вдруг, обратившись к молоденькому солдату, он попросил его расстегнуть противогазную сумку. Паренек густо покраснел...

— Да тут целый склад! — воскликнул удивленный командующий. — Выкладывайте все.

И боец начал выкладывать: ложку, махорку, газетную бумагу для курения, портянки, хлеб и еще невесть что. Все кругом смеялись. Смеялся и Рокоссовский. А паренек краснел все больше и больше.

— Вы что же, с немцем ложкой воевать думаете? Или махоркой? — согнав с губ улыбку и пряча смеющиеся глаза, стал выговаривать солдату Константин Константинович. — Об отравляющих газах слышали? Если такое нач-

нется, через портянку дышать будете? — И, уже обращаясь ко мне (лицо маршала сразу стало строгим), добавил: — Это в значительной степени относится и к вам, Андрей Дмитриевич. Вы, вероятно, плохо разьясняете в своей агитационной работе, что противогаз — такое же оружие боя, как и автомат.

Константин Константинович был неизменно корректным, вежливым человеком. Поэтому и выговор он облек в такую вот мягкую форму.

Все начальники фронтовых управлений собирались в те дни в «штаб-квартире» — так называл Константин Константинович комнату, в которой он работал вместе с А. Н. Боголюбовым. Мы приезжали сюда поздно вечером, возвращаясь из поездок в войска, докладывали командующему и члену Военного совета о результатах проделанной за день работы, о своих впечатлениях, об увиденном и услышанном. Естественно, всех интересовала предстоящая Восточно-Померанская операция.

В один из вечеров, когда все собрались в «штаб-квартире», Рокоссовский ввел нас в курс дела.

— У нас в штабе есть два варианта проведения Восточно-Померанской операции, — сказал он. — Первый вариант — нанести главный удар правым флангом фронта, от Мариенбурга в направлении на Данциг. Второй вариант — нанести главный удар левым флангом фронта, с вислинского плацдарма. Давайте-ка разберем плюсы и минусы этих вариантов.

Константин Константинович подошел к карте.

— От Мариенбурга до Данцига — кратчайшее расстояние. И в этом положительная сторона первого варианта. Однако на войне кратчайшее расстояние далеко не всегда приводит войска к победе. Если мы будем наносить главный удар правым флангом, то нам придется вновь форсировать Вислу, прорывать долговременные оборонительные сооружения на ее западном берегу, вести сражение с сильной группировкой врага без поддержки соседних фронтов. При этом мы будем лишь вытеснять противника из Восточной Померании. Нанести удар левым флангом фронта — вот перспективное решение.

Далее маршал К. К. Рокоссовский сообщил, что говорил с маршалом Г. К. Жуковым, который собирается внести в Ставку предложение о нанесении удара частью сил 1-го Белорусского фронта на Кольберг (Колобжег).

— Мы же нанесем главный удар на Кеслин, — сказал

командующий. — Таким образом, восточно-померанская группировка противника будет рассечена усилиями двух фронтов. Когда оба фронта выйдут к Балтийскому побережью, то 1-й Белорусский продолжит наступление на запад, а 2-й Белорусский повернет войска на восток, окружит 2-ю гитлеровскую армию, прижмет ее к Данцигу и Гдыне и там уничтожит.

Рокоссовский рассказал нам, что план предстоящей операции он уже доложил начальнику Генштаба, который его полностью одобрил и сообщил, что Ставка передает нам с Карельского фронта 19-ю армию.

Закончив краткое изложение плана, Рокоссовский улыбнулся и замолчал, как бы приглашая нас высказать свое мнение. Пока мы обдумывали сказанное, он добавил:

— Хотя расстояние до Данцига более чем удваивается, это направление, повторяю, более перспективное. Наноса удар левым флангом, мы, безусловно, выполним боевую задачу и понесем меньше потерь, так как здесь у гитлеровцев меньше сил.

Выражение «победа любой ценой» Константин Константинович недолюбливал. Он знал цену человеческой жизни и стремился достичь победы с наименьшими потерями.

Смелый маневр войсками был характерной чертой полководческого галанта К. К. Рокоссовского. Маршал всегда точно оценивал состояние войск противника, умел быстро разбираться во фронтовой обстановке, что было непросто.

К началу Восточно-Померанской операции фронт растянулся на 400 километров и несколько отстал от 1-го Белорусского фронта, потому что ликвидировал кочующий котел — вырвавшиеся из Торна гитлеровские войска.

Вскоре после того как К. К. Рокоссовский познакомил всех нас, начальников фронтовых управлений, с предстоящей операцией, состоялось заседание Военного совета фронта, на котором генерал-полковник А. Н. Боголюбов доложил детальный план операции, получившей кодовое название «Висла». Он говорил, как всегда, почти не глядя на карту, на память называл боевые задачи армий, их исходные рубежи и направления ударов. Память у Александра Николаевича была удивительной...

Главный удар на Кезлин (Кошалин), который уже упоминал командующий, должны были наносить 19-я армия и 3-й гвардейский танковый корпус. Однако и перед другими армиями фронта стояли сложные задачи.

Вместе с полковником И. М. Кошиком мы разработали детальный план политического обеспечения предстоящей операции и подготовки войск к новым наступательным боям. Этот план я доложил Никите Егоровичу Субботину.

Прежде всего предстояло проверить состояние партийно-политической работы в прибывающей на фронт 19-й армии, провести в ней семинары с политработниками, чтобы ознакомить их с опытом политического обеспечения наступательных боев. Ведь на Карельском фронте 19-я армия в основном находилась в обороне. Очень важно было разъяснить войскам новой армии нашего фронта нормы отношения воинов Красной Армии к местному польскому и немецкому населению. Ведь опыта боев на чужой земле у этой армии тоже не было. Наконец, в каждом прибывающем полку предстояло провести митинги: люди обязаны узнать о боевых традициях фронта, о наших успехах в предшествующих наступательных операциях.

Очень важной составной частью плана партийно-политической работы была помощь политорганам фронтового тыла. Мы ставили перед собой задачу мобилизовать личный состав частей и учреждений тыла на самоотверженную работу в период подготовки к операции, в период наступления. В огромной по своим масштабам операции очень многое зависело от железнодорожных, автомобильных и дорожных частей, от саперов, которым предстояло обеспечить переправу через Вислу, от медиков...

Мы с Никитой Егоровичем Субботиным договорились побывать во всех армиях, чтобы на месте ознакомиться с состоянием партийно-политической работы, проинструктировать политорганы, исходя из конкретной фронтовой обстановки, а также проверить партийно-политическую работу по обеспечению переправы через Вислу.

Почти весь состав политуправления фронта в соответствии с разработанным планом был направлен в войска. Большая группа во главе с начоргом политуправления И. М. Кошиком отбыла в 19-ю армию, инспекторы по танковым войскам выехали в 3-й гвардейский танковый корпус, включенный в состав фронта из резерва Ставки, были скомплектованы группы политработников для оказания помощи политорганам инженерных, понтонных, железнодорожных частей, организован специальный агитпункт на переправе через Вислу.

В это время Н. Е. Субботин немного приболел и не мог часто выезжать в войска. Мне пришлось взять на се-

бя часть его поездок. Сначала я вылетел в 70-ю армию, которая в те дни добивала торненскую группировку гитлеровцев, из 70-й на бронетранспортере выехал во 2-ю ударную армию, блокировавшую Грауденц (Грудзенда) и наступавшую на Эльбинг (Эльблонг).

Вместе с членом Военного совета 2-й ударной армии генерал-майором Н. И. Шабалиным я объехал все дивизии, наступавшие на Эльбинг. Там, где позволяла обстановка, мы провели короткие митинги. После взятия Эльбинга — 10 февраля — я осмотрел базу строительства подводных лодок. В порту Эльбинга на стапелях гитлеровцы вынуждены были оставить недостроенные подводные лодки. Между прочим, через несколько дней мы узнали о речи У. Черчилля, в которой премьер Великобритании, в частности, заметил, что с ликвидацией Эльбингской базы англичане наконец-то будут спокойны за свои водные коммуникации в Атлантике.

Заехав в политуправление фронта и доложив К. К. Рокоссовскому и Н. Е. Субботину о результатах своей поездки, я в тот же день отправился на вислинские переправы. Вражеская авиация непрерывно бомбила их. Во время одного из налетов я укрылся в большой воронке от авиабомбы и там столкнулся с генерал-лейтенантом Лагуновым. После взаимных приветствий начался деловой разговор. Я напомнил Феофану Николаевичу наш ладожский опыт и предложил провести по дну Вислы трубопровод для перекачки горючего на западный берег: под усиленным артиллерийским огнем противника, под непрекращающимися бомбежками переправлять горючее в цистернах было сложно и опасно. Оказывается, Лагунов не только сам подумывал о строительстве трубопровода, но уже предпринял практические шаги для реализации этой идеи.

Удивительный это был человек. В считанные дни он организовал работу, на которую и в мирное время, в спокойной обстановке, уходят месяцы. Чуть ли не под землей нашел трубы, добился присылки из Москвы насосов и емкостей. И вот уже по трем трубам, уложенным на дне Вислы, потекло на западный берег горючее для автомашин, самолетов, танков...

70, 49, 65 и 2-я ударная армии с боями занимали рубежи для наступления в Восточной Померании. В отведенных районах сосредотачивались 3-й гвардейский корпус и 19-я армия, которой командовал генерал-лейтенант

Г. К. Козлов. В 19-й армии я вновь встретился со своим старым боевым товарищем генерал-майором С. И. Панковым — членом Военного совета армии. Вместе с Сергеем Ивановичем мы объехали все дивизии, провели совещание начальников дивизионных политотделов, на котором я рассказал об опыте политобеспечения наступательных боев в Польше и Восточной Пруссии. Повторяю, у личного состава 19-й армии не было опыта наступательных боев, понятно, что такого опыта не было и у ее политработников. Поэтому непосредственный инструктаж парторгов и комсогов рот и батарей проводили инспекторы политуправления фронта. В беседах с личным составом большое внимание уделялось вопросам взаимодействия пехоты с авиацией, танками и артиллерией при прорыве обороны противника и во время дальнейших действий, когда бой ведется в глубине обороны.

Проверили мы в 19-й армии и состояние быта. После долгого пути с севера бойцам дали возможность хорошо помыться — в районе временной дислокации армии были развернуты бани, — выдали новое обмундирование. Не было у нас претензий и к питанию людей, и к работе медицинских служб. В общем, уезжали мы из 19-й армии в хорошем настроении.

Несколько часов в политуправлении фронта — и снова в дорогу. Теперь я решил лично проверить работу политработников в частях и учреждениях тыла, тем более что К. К. Рокоссовский и Н. Е. Субботин придавали большое значение этой работе и живо интересовались, что делает политуправление для обеспечения скорейшего восстановления железнодорожных коммуникаций фронта.

Особое внимание к железнодорожным войскам было вызвано еще и тем, что в период подготовки операции от них зависело очень многое. Гитлеровцы, отступая под натиском наших войск, взрывали мосты, разрушали железнодорожное полотно. Не восстановив фронтовые коммуникации, нельзя было полностью обеспечить наступающие войска материально-техническими средствами.

Вместе с начальником политотдела 41-й саперно-инженерной бригады полковником В. В. Корсаниди мы побывали в батальонах, которые совместно с железнодорожными подразделениями восстанавливали путь. Саперы работали на удивление споро. Они понимали, что от них зависит снабжение армии всем жизненно необходимым: боеприпасами, горючим, продуктами. Я с удовлетворением

отметил, что здесь, безусловно, сказался кропотливый труд инспекторов политуправления подполковников П. А. Прохорова и И. С. Железнякова.

Здесь же, в районе работ железнодорожных и саперных частей, находилась выездная редакция нашей «Фронтальной правды». Филиал фронтальной газеты, который возглавляла литературный сотрудник Татьяна Чугай, назывался «Фронтальная правда» — на стройке дорог». Выездная редакция выпустила для дорожников и саперов десятки номеров газеты, сотни листовок-молний.

«Дороги питают победу» — так называлась одна из листовок. И это не было преувеличением: без отлично подготовленных дорог могучее наступление войск 2-го Белорусского фронта было бы невозможным.

За время Восточно-Померанской операции наши дорожники восстановили 35 железнодорожных узлов, 21 мост, 1500 километров путей, разрушенных противником при отступлении.

А как был важен для фронта скромный и незаметный труд шоферов! «Фронтальная правда» неоднократно посвящала статьи и даже целые полосы водителям. Автомобильные батальоны все время в движении, поэтому во всех автомобильных бригадах по инициативе политуправления фронта были оборудованы специальные автобусы — своеобразные походные клубы на колесах. Там хранились книги, музыкальные инструменты, патефоны с пластинками, шахматы, шашки — словом, все, что нужно для досуга (хоть у шоферов он был очень редким).

Так уж получилось, что в середине февраля 1945 года чаще всего я бывал в 70-й и 65-й армиях, действовавших в центре и на левом фланге фронта. Член Военного совета 70-й армии генерал-лейтенант Н. Н. Савков и начальник политотдела полковник Я. Е. Масловский отлично сработались, как говорится, научились с полуслова понимать друг друга. Оба они были вдумчивыми, инициативными людьми. Почти по каждому вопросу политотдел армии оперативно принимал решения, не дожидаясь приказа и инструктивных указаний свыше.

В 65-й армии я встретился с командующим генерал-полковником П. И. Батовым и членом Военного совета генерал-лейтенантом Н. А. Радецким. Все на фронте уважали этих людей. Должен сказать, что командиры и политработники были просто влюблены в своего командарма — надо было видеть, как они его слушали. И не толь-

ко подчиненные тепло относились к П. И. Батову. Маршал К. К. Рокоссовский не раз говорил мне о той глубокой симпатии, которую он питал к Павлу Ивановичу.

После совещания, где командарм энергично, четко и ясно поставил задачи по дальнейшему расширению плацдарма, я поехал в дивизии вместе с генерал-лейтенантом Н. А. Радецким и начальником политотдела армии генерал-майором Х. А. Ганиевым. Эти два человека прекрасно дополняли друг друга. Спокойный, рассудительный Н. А. Радецкий вносил в политработу целеустремленность и планмерность, а темпераментный, энергичный Х. А. Ганиев — оперативность. В результате партполитработа велась масштабно, инициативно, с использованием всего богатого арсенала методов и средств.

Первый этап Восточно-Померанской операции начался наступлением с плацдарма на западном берегу Вислы 10 февраля 1945 года. В первые дни наступления, как я уже говорил, были освобождены города Эльбинг, Конитц и Тухель — мощные опорные пункты обороны гитлеровцев, а 21 февраля 49-я армия овладела городом Черск. Сложная для наступления лесисто-озерная полоса Восточной Померании была успешно преодолена.

Второй этап операции начался 24 февраля, с вводом в сражение 19-й армии. При поддержке авиации, артиллерии и танков армия прорвала оборону противника и продвинулась на 10—12 километров, овладев городом Прейс-Фридлянд (Дебно) и рядом крупных опорных пунктов. Вместе с 19-й армией в боях за Прейс-Фридлянд участвовал 3-й кавалерийский корпус, который обеспечивал стык нашего фронта с 1-м Белорусским.

На следующий день К. К. Рокоссовский ввел в сражение на левом крыле фронта 3-й гвардейский танковый корпус под командованием генерал-лейтенанта А. П. Панфилова. Развивая наступление, корпус овладел городом Прютценвальде (Прусиново). Все, казалось бы, шло хорошо, но тут случилось непредвиденное: наступление 19-й армии приостановилось. На направлении главного удара части 19-й армии не могли выбить противника с оборонительных рубежей. План операции находился под угрозой.

Вечером 26 февраля собрался Военный совет фронта, чтобы обсудить положение дел в 19-й армии. В это время раздался звонок по ВЧ — маршалу докладывал его заместитель генерал-полковник К. П. Трубников, находившийся на КП 19-й армии. Заместитель командующего доло-

жид о недостатках в управлении войсками, о том, что штаб армии с утра не имеет связи с танковым корпусом и своими дивизиями. Когда Константин Константинович отошел от телефона, вид у него был мрачный...

В это время 3-й гвардейский танковый корпус успешно громил гитлеровские части и далеко оторвался от войск 19-й армии. К. К. Рокоссовский предупредил комкора, чтобы он не отрывался от пехоты более чем на 30 километров и вел силовую разведку на флангах корпуса.

После долгих раздумий К. К. Рокоссовский все же попросил Ставку укрепить командование 19-й армии. Командующим армией был назначен генерал-лейтенант Владимир Захарович Романовский.

Прибыв на 2-й Белорусский фронт, Романовский представился командующему, а затем заехал в политуправление, чтобы подробнее узнать о кадрах армии и состоянии партийно-политической работы в дивизиях. Я рассказал ему, что армейские политработники находятся в корпусах, дивизиях и полках. Чтобы быстро реализовать свои решения, начальник политотдела армии создает оперативные группы, в которые входят обычно инспектор, агитатор, инструктор по информации. Работники политотделов дивизий в дни наступления всегда находятся в батальонах и ротах, а в политотделах остаются лишь небольшие оперативные группы для координации действий.

С прибытием В. З. Романовского войска 19-й армии получили твердое руководство и успешно продолжили наступление.

В конце февраля с группой офицеров политуправления я направился в 313-ю стрелковую дивизию, которая во взаимодействии с 205-й стрелковой дивизией вела бои на подступах к городу Хаммерштейн (Чарне).

Стоял хмурый зимний день, влажный снег крупными хлопьями засыпал разбитые бомбами и снарядами дороги, изломанные деревья, полуразрушенные дома. Командный пункт дивизии находился в небольшой деревушке. Командир дивизии полковник Н. В. Рогов приветливо встретил нас, угостил с дороги крепким горячим чаем.

Конечно, мой первый вопрос к командиру дивизии: как работает политотдел? Полковник Рогов стал рассказывать о том, как хорошо помогает ему политотдел, и в первую очередь начальник политотдела полковник В. М. Лапшин. В это время в дверях появился сам Лапшин.

— Товарищ комдив! — сказал он. — Мы, политотдельцы, конечно, стараемся, но не слишком ли много комплиментов в наш адрес?

— Зря скромничаешь, — ответил Рогов. — У тебя политработники — как на подбор. Им не откажешь ни в смелости, ни в инициативе. В какой полк ни пойду, всюду встречаю твоих орлов, работают не покладая рук. Вот вчера, скажем, кто помог быстро восстановить мост? Инструктор политотдела капитан Маслов. А дивизионный врач доложил мне сегодня, что капитан Трофимов помог ему в устройстве полковых медпунктов. Вот возьмем Хаммерштейн — обязательно представлю политотдельцев к наградам...

Я предложил В. М. Лапшину вместе отправиться в войска первого эшелона. Мы побывали в расположении 1080-го стрелкового полка, побеседовали с замполитом подполковником М. К. Калистратовым.

Вечером я вновь встретился с полковником Н. В. Роговым, поделился с ним впечатлениями о боевых действиях и о постановке политработы в дивизии. Прощаясь со мной, комдив сказал:

— Политотдел — моя опора, моя правая рука.

А 27 февраля Москва произвела очередной салют в честь новых боевых успехов нашего фронта, в том числе и в честь взятия города Хаммерштейн.

И командиры дивизий, и командующие армиями умело опирались в своей работе на политические отделы. Как правило, перед армейскими операциями командармы собирали командиров корпусов, дивизий и отдельных частей, их заместителей по политчасти, подробно разъясняли смысл и характер предстоящих боев. Вслед за тем члены военных советов, начальники политотделов армий ставили перед командирами и политорганами задачи, связанные с политическим обеспечением. К этому времени политотделы армий уже имели указания политуправления фронта и могли четко спланировать свою работу. В условиях стремительных наступательных боев планы политической работы составлялись на короткие сроки — на неделю, а иногда и на один-два дня.

Наступление в Восточной Померании развивалось успешно, но правый фланг 1-го Белорусского фронта отставал от нашего левого фланга. Это беспокоило командующего фронтом, и он доложил по телефону И. В. Сталину, что Ной-Штеттин (Щецинск), находящийся в полосе

1-го Белорусского фронта, забит гитлеровскими войсками и что противник может предпринять контрудар по нашему левому флангу.

Выслушав доклад К. К. Рокоссовского, Верховный Главнокомандующий предложил брать Ной-Штеттин силами 2-го Белорусского фронта.

После разговора со Сталиным, Рокоссовский вызвал к телефону командира 3-го гвардейского корпуса:

— Товарищ Осликовский, смогли бы вы овладеть Ной-Штеттином? Ну вот и отлично. Действуйте!

28 февраля наши замечательные конники освободили город, и Москва отсалютовала доблестным войскам 2-го Белорусского фронта. В этот день К. К. Рокоссовский шутливо сказал мне:

— Наверное, Георгий Константинович сердит на меня за то, что мы отобрали их законный салют. Ничего, сочтемся салютами.

К этому времени противник на своем правом фланге предпринял попытки остановить продвижение 70-й и 19-й армий, отрезавших восточно-померанскую группировку от группы армий «Висла». Враг накапливал силы для контрудара, сосредоточив у Руммельсбурга (Мястко) 7-ю танковую дивизию и 4-ю дивизию СС.

Предвидя возможность контрудара, К. К. Рокоссовский и Н. Е. Субботин 1 марта поехали проверить готовность 19-й и 70-й армий к его отражению. В эту поездку пригласили и меня. Генерал-лейтенант В. З. Романовский и генерал-полковник В. С. Попов заверили, что войска их армий отравят контрудар. Круглолицый улыбающийся Василий Степанович Попов успокаивал командующего фронтом:

— Не волнуйтесь, Константин Константинович, у нас столько танков и орудий, что не только гитлеровец, но и мышь мимо наших войск не пробежит.

Военный совет фронта поручил мне проверить готовность 3-го гвардейского танкового корпуса к отражению контрудара. С трудом отыскав в лесу штаб танкистов, я встретился с генерал-лейтенантом А. П. Панфиловым. Высокий, худощавый, подтянутый, он по своей радиостанции отдавал распоряжения дивизиям.

— Вот какая сложность, товарищ генерал, — сказал А. П. Панфилов, обращаясь ко мне, — отстает пехота от наших танков.

Я напомнил ему о приказе маршала К. К. Рокоссов-

ского — не отрываться далее чем на 30 километров от общевойсковых соединений.

— Все верно, только трудно мне удерживать танкистов, рвутся они к Балтийскому морю. Однако, думаю, разрыв скоро исчезнет.

Командование фронта надеялось: как только танковый корпус выйдет к Кезлину, пехота будет наступать быстрее по расчищенному им пути, а 3-й танковый корпус развернет боевые порядки на восток и начнет наступать вместе с 19-й армией на Данциг; правее будет наступать приданная фронту 1-я гвардейская танковая армия.

— Сегодня ночью у меня соберутся командиры дивизий, — сказал А. П. Панфилов, — и я доведу до их сведения приказ командующего войсками фронта.

Подошел начальник политотдела корпуса полковник И. В. Сидянин. Он был в запыленном комбинезоне — только что вернулся из частей. Сидянин коротко доложил о партийно-политической работе в корпусе. Я спросил, сможет ли он к ночи собрать начальников политорганов. Начальник политотдела обещал сделать это, и я остался у танкистов на ночь. Когда стемнело, в политотдел с передовой стали приходить политработники. Боевой день прошел удачно, и один из дивизионных политработников сказал мне уверенно:

— Не сегодня-завтра мы наполним фляги балтийской водой и пришлем в подарок Военному совету фронта.

Основания для такой уверенности были. Однако впереди танкистов ждали немалые трудности, и я обратил внимание политработников на необходимость разъяснять танкистам сложность предстоящих боевых задач: после выхода на побережье Балтики корпусу придется отражать контрудар противника. Лишь когда 1-й Белорусский фронт освободит Кольберг, у нашего фронта будет крепкая защита в тылу.

Гитлеровцы нанесли все-таки сильный контрудар. Но 3-й танковый корпус отбросил противника. Руммельсбург был взят, и наши войска, развивая наступление на кезлинском направлении, вышли к Балтийскому морю, а затем совместно с правым крылом 1-го Белорусского фронта отсекли данцигско-гдыньскую группировку гитлеровцев от остальных войск рейха.

Танкисты выполнили обещание: 3 марта экипаж младшего лейтенанта Аниканова первым вышел к берегу Балтийского моря. 19-я армия и 3-й гвардейский танковый

корпус стали наступать на восток, непосредственно на Гдыню и Данциг (Гданьск). А через день войска правого крыла 1-го Белорусского фронта взяли Кольберг и начали наступление на запад.

Важное событие произошло во 2-й ударной армии, войска которой окружили город и крепость Грауденц (Грудзендз). Уже две недели этот узел гитлеровской обороны был блокирован. Командующий 2-й ударной армией генерал И. И. Федюнинский направил ультиматум коменданту крепости генералу Фрикке, предложив ему капитулировать. Но комендант предпочел обречь на голод около десяти тысяч солдат и офицеров гарнизона. Он еще надеялся, что группа армий «Висла» сумеет пробиться к Грауденцу и деблокирует город.

Сразу же после окружения города я направил подполковника М. Д. Забаштанского с группой работников политуправления фронта в армию И. И. Федюнинского. Группа Забаштанского должна была организовать массовую антифашистскую пропаганду среди окруженных гитлеровцев. В ее распоряжение были переданы звено агитсамолетов и громкоговорящие установки. За время блокады самолеты сбросили на город более 400 тысяч листовок, дикторы провели 162 передачи. В гарнизон засылали военнопленных-антифашистов, они привели с собой 429 немецких солдат.

От перебежчиков стало известно, что дух сопротивления в гарнизоне сломлен, солдаты считают дальнейшую борьбу бессмысленной. Командующий 2-й ударной армией генерал И. И. Федюнинский подписал новый ультиматум с требованием немедленной капитуляции гарнизона. 5 марта в крепость направили парламентаря. Он вернулся с командиром одного из фортов. Вместе с нашим парламентарем его отправили снова в крепость. Вскоре они вернулись, приведя с собой остатки одного из батальонов бригады «Герман Геринг». Еще раз наш парламентарь отправился в крепость с ультиматумом к командиру гитлеровского 257-го полка. К концу дня он вернулся с большой группой гитлеровцев — более чем 350 солдат. А наутро к нам явился немецкий парламентарь и попросил представителя советского командования прибыть в крепость для уточнения условий капитуляции. 6 марта гарнизон Грауденца капитулировал.

В этот день я был во 2-й ударной армии и своими глазами видел, как из фортотв выходили жалкие и расте-

рянные гитлеровские вояки, как они складывали оружие.

Командующего 2-й ударной армией генерал-полковника И. И. Федюнинского я нашел в одном из домов освобожденного Грауденца. К Ивану Ивановичу Федюнинскому я испытывал глубокое уважение — его незаурядные способности проявились еще при обороне Ленинграда. Именно 2-я ударная армия нанесла мощный удар по врагу с приморского плацдарма, вместе с другими армиями Ленинградского фронта окончательно сняв кольцо блокады.

Командарм вместе с членом Военного совета армии генерал-майором Н. И. Шабалиным допрашивал Фрикке. Командант крепости говорил о том, как обострыла немцам безумная война, навязанная Гитлером, как открываются у многих глаза...

— И в этом, господа генералы, — заметил Фрикке, — сыграла свою роль ваша пропаганда.

— Постарались политработники, — улыбаясь, сказал Иван Иванович. — Если бы гарнизон продолжал сопротивляться, это стоило бы нам многих жизней.

...Разведка установила, что 2-я гитлеровская армия под командованием генерал-полковника Вейсха усиленно готовит оборонительные рубежи вокруг Гдыни и Данцига. В самих городах здания приспособляются к уличным боям.

На левом фланге фронта 19-я армия, 1-я танковая армия и 3-й гвардейский танковый корпус, очистив от противника побережье в районе Путунга (Пуцка), нависли с севера над Гдыней. Войска армий, действовавших на правом крыле и в центре, в упорных боях вышли на ближайшие подступы к Данцигу.

Воины фронта и на этом этапе операции действовали самоотверженно, проявляя массовый героизм. Как всегда, авангардная роль в боях принадлежала коммунистам и комсомольцам. В медсанбате 71-й дивизии умер от ран двадцатичетырехлетний сержант Иван Кононович Тимофеев, член партии с января 1943 года. В его личных вещах нашли записку: «Если я погибну героем — не забудьте меня. Если я струшу в бою — заклейте меня позором»... Сержант Тимофеев погиб как герой. Об этом мы сообщили его родным в далекую Башкирию. Наша победа над врагом была добыта ценою жизней миллионов бесстрашных, преданных своей Родине и народу советских людей...

Оперативная обстановка в полосе 2-го Белорусского фронта оставалась довольно сложной. На незначительном пространстве от Гдыни до Данцига сосредоточилась 2-я немецкая армия со всеми средствами усиления, а в бухте находилась значительная часть гитлеровского флота.

К. К. Рокоссовский решил нанести предварительный удар между Гдыней и Данцигом и тем самым разъединить окруженный район.

23 марта 70-я армия во взаимодействии с 49-й армией и 3-м гвардейским танковым корпусом успешно выполнили приказ командующего войсками фронта, овладели городом Цоппот (Сопот) и заняли побережье бухты до шести километров по фронту. Тем самым наши войска расчленили 2-ю немецкую армию на две отдельные группировки. Данциг обороняли девять пехотных дивизий и две танковые. В Гдыне против наших войск стояли восемь пехотных дивизий, одна механизированная и одна танковая. Вокруг городов были построены сильные оборонительные сооружения.

Перебежчики из вражеской армии сообщили, что генерал Вейсх отозван в Берлин, а на его место прибыл генерал фон Зауцен, что на имя командира 27-го артиллерийского корпуса генерала Фельдмана поступила радиogramма из ставки Гитлера, в которой приказывалось «оборонять Данциг до последнего человека. Офицеров и солдат, проявляющих малодушие, немедленно предавать военно-полевым судам и публично вешать».

Начальник узла связи данцигского гарнизона, перешедший на нашу сторону, рассказал, что во главе комендатуры Данцига стоит бывший командир 203-й пехотной дивизии генерал Гедике, фанатичный сторонник Гитлера. Он отсиживается в доте и рассылает частям приказы — отстаивать город до последнего солдата.

Гитлеровские войска, отступая, оставляли вдоль дорог своих повешенных солдат с дощечками на груди: «Я повешен за то, что плохо воевал». На шоссе у восточной окраины Кезлина танкисты обнаружили труп немецкого пулеметчика, прикованного к пулемету железной цепью.

Я видел и виселицы с мирными жителями, на груди которых были дощечки: «Я повешен за то, что рано хотел эвакуироваться».

У фанатиков, у убежденных нацистов почва уходила из-под ног, и они, пытаясь выкарабкаться, уцелеть, прибегали к жестокости, которую у них воспитывали столь-

ко лет, но теперь эта жестокость была обращена против своих...

В лагере для военнопленных я допросил унтер-офицера 75-го отдельного пулеметного батальона. Он убежденно сказал:

— Теперь настало время, когда надо задуматься, а у большинства в голове полная неразбериха, мозги испорчены нацистской пропагандой...

Листовки, которые выпускало политуправление, находили все больше читателей среди немецких солдат. Тематику мы нередко черпали из бесед с военнопленными, оперировали конкретными фактами, и листовки становились все более понятными даже для тех, кто был крепко одурманен нацистской пропагандой.

— Года два назад, — сказал мне другой пленный унтер-офицер, — мы посмеивались, когда читали русские листовки. Теперь их читают совсем иначе. Наши солдаты многому верят, особенно сообщениям о положении на фронтах, — все догадываются, что Геббельс правды не говорит.

Пропагандистская работа среди немецких солдат во время Восточно-Померанской операции приняла большой размах. В таких масштабах нам прежде не доводилось вести эту работу. За период операции мы распространили почти 10,5 миллиона листовок, провели полторы тысячи передач через громкоговорящие установки. Немцы-антифашисты, прошедшие подготовку во фронтовой школе и переброшенные через линию фронта, привели с собой почти 4 тысячи немецких солдат и офицеров. Нам очень помогли работники Главного политического управления М. И. Бурцев, А. М. Шевченко, С. А. Лесневский, которые разрабатывали и анализировали новые формы идеологического воздействия на противника.

Проводя антифашистскую пропаганду, политуправление не забывало и о работе среди мирного населения. В самый разгар сражения мне позвонил К. К. Рокоссовский и спросил:

— Вы знаете, что творится на дорогах? Все дороги забиты людьми. Бегут от нас жители...

— Знаю, Константин Константинович. Мы стараемся задержать беженцев: разбросали сотни тысяч листовок, ведем передачи с самолетов, разъясняем, что наша армия ничего худого мирным жителям не сделает.

Эффективность этих мероприятий превзошла все на-

ши ожидания. Вскоре поток беженцев хлынул обратно: жители возвращались в брошенные города и деревни.

Разумеется, тут сказались устная и печатная пропаганда. Но главное, что заставило жителей поверить в свою безопасность, понять благородную миссию Красной Армии, — это поведение советских воинов. Наши бойцы, командиры, политработники проявляли высокую гуманность по отношению к местному населению. Мы помогали организовать продовольственное снабжение и ликвидировать последствия тяжелых боев, постоянно разъясняли населению политику Советского государства.

Три года сержант Иван Суворов хотел найти гитлеровца, который издевался над его матерью и сестрой. И, представьте себе, — нашел. Однако Иван поборол желание расправиться со злодеем на месте и только коротко сказал ему: «За мной». Он сдал фашиста и все документы судебным органам.

Политуправление фронта подготовило специальную листовку о поступке Ивана Суворова, ему посвятили корреспонденции фронтовая и армейская газеты.

Перед штурмом Данцига и Гдыни политуправление фронта сосредоточило внимание на работе в соединениях, принимающих непосредственное участие в штурме. Мы решили провести семинары-совещания руководящих политработников армий, чтобы обменяться опытом организации партийно-политической работы в штурмовых отрядах. Я поехал в 65-ю армию, где вместе с начальником политотдела генерал-майором Х. А. Ганиевым провел такой семинар. Некоторым может показаться странным, что даже в напряженной боевой обстановке мы собирали семинары и совещания. И все же я уверен, что в политической работе без совещаний не обойтись. Сразу, что называется, в один присест, решается целый комплекс вопросов, которые при любых других формах общения (лично, по телефону, по телеграфу) согласовывались бы, утрясались и доводились до сведения неопределенно долгое время. Важно только, чтобы в боевых условиях совещания были тщательно подготовлены и предельно конкретны, чтобы они не отнимали долгие часы. Мы старались, чтобы совещания на всех уровнях были как можно более короткими, чтобы информация докладчиков была четкой, сжатой, деловой. Поменьше общих слов, побольше конкретных предложений — таким было требование к выступающим.

Перед штурмом я побывал во многих соединениях, беседовал с руководителями политорганов, давал рекомендации, делал записи. Высокую оперативность проявили политработники 46-й стрелковой дивизии. После взятия Грауденца эта дивизия совершила марш в район Данцига и получила задание прорвать сильно укрепленную оборону противника на подступах к городу. Времени на подготовку было в обрез, всего два дня. За эти дни во всех подразделениях прошли митинги в связи с обращением Военного совета фронта, посвященным предстоящему штурму, партийные и комсомольские собрания. Замполиты полков и поддерживающих частей обсудили партийно-политическую работу во время штурма города. Состоялись встречи бойцов, сержантов и офицеров танковых и авиационных частей с личным составом стрелковых подразделений. Перед началом штурма политработники дивизий и полков разъехались по подразделениям. Они помогли командирам довести боевую задачу до каждого бойца.

У 354-й дивизии было значительно больше времени на подготовку к штурму Данцига. Однако многие бойцы и офицеры дивизии не имели еще опыта уличных боев. Исходя из этого, политотдел и построил свою работу. Прежде всего политработники выявили участников боев в Сталинграде, в других городах, организовали их выступления во всех подразделениях. Пригласили опытных командиров из соседних соединений, чтобы те сделали доклады для офицеров об особенностях уличных боев. Политотдел усилил штурмовые группы коммунистами и комсомольцами. Бойцов знакомили с газетными статьями и памятками политуправления фронта: «Как вести уличный бой», «Боец в разведке», «О взаимной выручке в бою» и т. д.

Противник широко применял против наших танков и пехоты фаустпатроны. По инициативе политработников во многих подразделениях 354-й дивизии стали изучать это оружие. В боях за Данциг многие наши солдаты умело применяли фаустпатроны, захваченные у врага.

Совсем в иных условиях работал политотдел 10-й гвардейской стрелковой дивизии (командир дивизии генерал-майор Х. А. Худалов, начальник политотдела полковник В. В. Драгунов).

Времени на подготовку штурма совсем не было — дивизия вела непрерывные наступательные бои и 13 марта

с боями вышла на подступы к Гдыне. О каких-либо совещаниях, семинарах и встречах и речи быть не могло. Работники политотдела дивизии постоянно находились в частях, оказывали действенную помощь командованию. Например, 23 марта в боях за город Яново один из батальонов 35-го гвардейского стрелкового полка не выдержал контратаки противника. Комсорг полка коммунист старший лейтенант М. П. Логанов собрал коммунистов и комсомольцев и призвал их показать личный пример в бою. Бойцам батальона еще раз разъяснили обращение Военного совета фронта, рассказали о том, как важно в кратчайший срок разгромить данцигско-гдыньскую группировку фашистов. В последующих боях батальон, успешно отбив контратаки противника, выполнил свою боевую задачу.

Работники политотдела, находясь в частях, обращали внимание не только на боевую и политическую подготовку воинов. В ожесточенных боях за Яново на передовую не всегда могли доставить в положенном количестве пищу и, что еще хуже, воду. Политработники оперативно проверили на месте деятельность пищеблоков и вместе с тыловыми работниками быстро организовали своевременную доставку горячей пищи и чая на передний край.

Наиск войск 2-го Белорусского фронта неуклонно нарастал. 19-я и 1-я гвардейская танковая армии при поддержке 4-й воздушной армии 23 марта вышли на ближние подступы к Гдыне. В этих боях отличилась 1-я Польская танковая бригада, действовавшая в составе 1-й танковой армии.

В дни боев за Гдыню мне довелось познакомиться с работой парторганизации 2-го батальона 1065-го стрелкового полка, который входил в состав 272-й дивизии 19-й армии. Батальонная парторганизация насчитывала 66 человек. Благодаря тому что лучшие бойцы и командиры своевременно принимались в партию, удалось сохранить во время наступления полнокровные партийные организации во всех ротах.

Перед очередным наступлением батальон получил возможность в течение двух дней подготовиться к штурму Гдыни. Партийное бюро не тратило времени даром. Прежде всего собрался партийный актив батальона, на котором определили место и задачи каждого коммуниста в бою. Затем состоялись встречи с комсомольцами, с агитаторами и редакторами боевых листов. Каждый получил конкрет-

ные указания — на период подготовки, на время штурма. Были розданы изданные политуправлением фронта бланки листовок «Листок-молния» и «Будь героем!».

Накануне наступления партбюро провело заседание, на повестке дня которого стоял один вопрос — «Задачи парторганизации при штурме города». Всех членов партийного бюро обязали оказывать помощь ротным парторганизациям при подготовке к бою и в бою. Кроме того, членам бюро совместно с командирами предлагалось провести беседы с бойцами об особенностях боя в крупном населенном пункте, помочь парторгам провести в ротах партийные собрания.

Все намеченное было выполнено. Так, член партбюро красноармеец Брюхин перед штурмом Гдыни вместе с командиром минометной роты организовал беседу на тему «Штурмовая группа — главное звено уличного боя».

В бою коммунисты были впереди. Когда противник перешел в контратаку, приблизился к нашим огневым позициям и фаустпатроном вывел из строя миномет, для роты наступил тяжелый момент. И тогда коммунисты Брюхин, Гурьянов, Крюкин и Исаев подняли один из минометных взводов в атаку. Противник был отброшен. Однако он вновь и вновь предпринимал контратаки. В четвертой из них Гурьянов и Исаев были ранены, но не покинули поле боя, а продолжали вести огонь по фашистам. Член партбюро Брюхин помог Крюкину выпустить во время боя листок-молнию, рассказывающий о подвиге Гурьянова и Исаева и призывающий равняться на коммунистов. Такой листок, торопливо написанный карандашом, передавали по цепи. Бойцы читали его, восхищаясь мужеством своих товарищей. Вместе со стрелковыми подразделениями минометчики отбили контратаки и разгромили врага.

Умело организовал политическую работу в своем подразделении член партбюро командир 4-й стрелковой роты того же батальона лейтенант Л. Н. Филипчук, которому активно помогал член партбюро младший лейтенант С. П. Козлов. До штурма Гдыни оставалось несколько часов. Посоветовавшись с парторгом роты ефрейтором Зыряновым, они решили провести короткое собрание коммунистов «Водрузим красное знамя над Гдыней». Выступивший коммунист Макаров сказал: «Это не первый город, который мы освободим в бою. Так же, как и в других городах, в Гдыне нас ждут как освободителей!»

Рота сражалась геройски. В первом же доме коммунист Зырянов уничтожил гранатой пять гитлеровцев, обеспечив продвижение товарищей. Раненный в руку, он не покинул поле боя. В штыковом бою проявил отвагу коммунист Дронов. Он уничтожил трех фашистов.

В боевом листке, который я с волнением читал после боя, говорилось: «Товарищи! Час назад коммунисты Зырянов и Дронов в рукопашной схватке, гранатой и штыком, уничтожили восемь фашистских гадов и первыми ворвались в желтый дом на окраине города. Слава храбрым солдатам нашей роты! Бейте гитлеровцев, как Зырянов и Дронов!» Этот листок, выпущенный в четырех экземплярах, был отправлен с посылками во все взводы, и спустя короткое время батальон знал о подвиге двух коммунистов. В тот же день оба бойца были представлены к правительственным наградам.

В ходе Восточно-Померанской операции с особой остротой встал вопрос о взаимодействии различных родов войск. Политическое обеспечение такого взаимодействия вновь стало одной из важнейших задач политорганов фронта. Очень хорошо оно было организовано в саперных частях. Партийная организация и политотдел 41-й саперной бригады, который возглавлял В. В. Корсаниди, поставили своей целью помочь командирам научить саперов не только выполнять специфические, инженерные задачи, но и участвовать в бою вместе с пехотой, когда того потребует обстановка. Под Гдыней группа саперов под командованием сержанта Резвых, парторга роты, сопровождала танки. Путь танкам преградил противотанковый ров и большой завал. Саперы два часа работали под пулеметным огнем противника. Они засыпали ров и разобрали завал, открыв путь танкам. А потом вместе с автоматчиками сели на броню танков и ворвались в Гдыню. Там, в уличных боях, они уничтожали сопротивлявшегося противника, доказывая на деле, что умеют обращаться не только с саперным инструментом, но и с автоматом...

28 марта 1945 года Гдыня была освобождена. Над городом взвились два флага — советский и польский. Были взяты в плен свыше 10 000 солдат и офицеров, захвачено много военных трофеев.

В эти дни 2-я ударная армия, 49, 70 и 65-я армии зажали в полукольце Данциг. Теперь предстояло, преодолев мощные оборонительные рубежи, взять город. Военные

корабли в Данцигской бухте, береговая тяжелая артиллерия помогали вражеским сухопутным войскам удерживать оборону. В бой с кораблями вступили наши дальнебойные орудия, установленные на железнодорожных платформах, но главный урон фашистскому флоту нанесла 4-я воздушная армия под командованием генерал-полковника К. А. Вершинина. Заместитель командующего по политчасти генерал-лейтенант Ф. Ф. Веров и начальник политотдела 4-й воздушной армии генерал-майор Ф. И. Жмулев потратили много сил на организацию политической работы на аэродромах, и это было немалым вкладом в успешные боевые действия авиации. Бомбардировщики и штурмовики буквально висели над городом, один за другим выводили из строя вражеские корабли.

Летчики демонстрировали высокое мужество и мастерство. Старший лейтенант Чепеленко, заместитель командира эскадрильи 839-го штурмового авиаполка, в бою был тяжело ранен в лицо. Зепитный снаряд разбил передние и боковые бронестекла, разорвал тросы руля поворота. Несмотря на ранение и повреждение самолета, коммунист Чепеленко сбросил бомбовый груз на цель, привел свою группу самолетов на аэродром и мастерски посадил поврежденную машину. Другой летчик, коммунист Василий Дубских, повторил в боях за Данциг подвиг Николая Гастелло. Шестерка наших самолетов вылетела в район Данцига, чтобы штурмовать колонны противника. Дубских шел в паре с командиром звена Чегодаевым. Обнаружив цель, они при первом же заходе сбросили на колонну бомбы, а в следующем заходе открыли пушечно-пулеметный огонь. Когда самолет Дубских пикировал на цель, вражеский снаряд попал в бензобак. Летчик пытался сбить пламя, но огонь быстро охватил машину. Тогда отважный комсомолец направил горящий самолет на автоколонну врага и врезался в нее, дорого отдав свою жизнь...

Войска фронта в упорных боях преодолевали оборонительный рубеж, продвигаясь за сутки на один-два километра. Весенняя распутица несколько сдерживала темп наступления, однако наступательный порыв в частях попрежнему был высоким.

Гитлеровское командование прибегало все к новым и новым репрессиям, чтобы заставить войска сражаться. Всякий солдат, отставший от своей части и не присоединившийся к другим частям, подлежал немедленному преданию суду военного трибунала и расстрелу. А вскоре и

надобность в трибунале отпала: командирам частей гитлеровской армии были предоставлены права председателей военных трибуналов. Но, судя по всему, и репрессии не помогали...

По разведывательным данным, положение в осажденном Данциге, переполненном беженцами, стало катастрофическим. Население голодало. Бомбардировки парализовали жизнь города. Пленные сообщали, что были свидетелями случаев, когда во время авиационных налетов из некоторых домов неизвестные люди стреляли из ручных пулеметов по немецким солдатам и офицерам. В городе появились листовки, призывающие население и гарнизон к восстанию и сдаче Данцига, — это работали подпольные антифашистские группы.

24 марта, после очередной поездки в войска, я приехал к маршалу К. К. Рокоссовскому, чтобы доложить о проделанной работе. Командующий обсуждал с начальником штаба А. Н. Боголюбовым план взятия Данцига. Константин Константинович жестом показал мне, что я могу войти, и продолжал развивать свои мысли. Я пожалел, что не пришел несколько минутами раньше.

— Будущий историк, — говорил Константин Константинович, — изучая карту боевых действий в районе Данцига, удивится и скажет: «Маршал Рокоссовский отступил от правил военного искусства. Как он мог допустить, чтобы полосы наступления армий оказались такими узкими и загруженными!» Скажет так историк или нет, как вы думаете?

— Вполне может сказать, — ответил Боголюбов. — У нас действительно армейские полосы по мере наступления все время сужаются, сейчас дошли уже до пяти — семи километров. Несобычное это дело.

— И все же, — продолжал Рокоссовский, улыбаясь, — мы не будем бояться возможных обвинений в оперативной неграмотности. Что бы историки потом ни сказали, мы сохраним эти узкие полосы. Только еще раз уточним боевые задачи армиям и разграничительные линии между ними. И чтобы излишне не уплотнять боевые порядки, будем наращивать силы для наступления из глубины.

Боголюбов посмотрел на командующего поверх очков, закурил папиросу и, вооружившись цветным карандашом, принялся делать пометки на карте. А Константин Константинович отошел от стола, сел в свое любимое переносное кресло, которое всегда возил за собой, и достал

махорку. Угостил махоркой и меня. Мы свернули самокрутки и так крепко задымили, что Александр Николаевич недовольно поморщился. Маршал еще раз затаился, загасил самокрутку и вновь подошел к столу с картой.

— Почему мы сохраняем узкие полосы для наступления вопреки законам военного искусства? — спросил он и после небольшой паузы сам же ответил: — Потому, что противник имеет здесь крупные силы, которые он заранее отвел на сильно укрепленный оборонительный рубеж. И еще потому, что противник получает огневую поддержку с моря. Против его сконцентрированных сил мы должны выставить свои сконцентрированные силы.

— Конечно, армейские полосы не мешало бы немного расширить, — мечтательно произнес Боголюбов, — но для этого надо перегруппировать армии. А у нас нет времени.

— В том-то и дело, что время нас торопит, — сказал Рокоссовский. — Ну а флот противника постараемся нейтрализовать. Надеюсь, авиация Константина Андреевича Вершинина добьет вражеские корабли, да и Краснознаменный Балтфлот поможет.

— Константин Константинович, — спросил я, — как вы смотрите на то, чтобы обратиться к окруженным в Данциге гитлеровским войскам с ультиматумом о немедленной капитуляции?

К. К. Рокоссовский посмотрел на А. Н. Боголюбова и с удовлетворением сказал:

— Я об этом уже думал и говорил с Александром Николаевичем. Давайте, не откладывая дела в долгий ящик, сочиним текст ультиматума.

Втроем мы принялись писать текст. Начинался ультиматум так:

«Железное кольцо моих войск все теснее сжимается вокруг вас. Ваше сопротивление в этих условиях бессмысленно и приведет лишь к вашей гибели и гибели сотен тысяч женщин, детей и стариков.

Я предлагаю вам:

1. Немедленно прекратить сопротивление и с белыми флагами в одиночку, отделениями, взводами, батальонами, ротами и полками сдаться в плен.

2. Всем сдавшимся в плен я гарантирую жизнь и сохранение личной собственности».

Заканчивалось обращение суровым предостережением: «Все офицеры и солдаты, которые не сложат оружие, бу-

дут уничтожены в предстоящем штурме. Вся ответственность за гибель гражданского населения падет на ваши головы. Маршал Советского Союза К. Рокоссовский».

В политуправлении ультиматум отпечатали в типографии на русском и немецком языках. Текст послали в дивизии, чтобы передать его через линию фронта с помощью громкоговорящих установок. Несколько дней подряд наши дикторы читали ультиматум. Пятьсот тысяч листовок было сброшено с самолетов.

Эта пропагандистская работа не прошла даром. Многие вражеские подразделения стали сдаваться в плен целиком во главе с командирами. Под влиянием наших листовок, и в особенности ультиматума, добровольно сдались в плен более 14 тысяч гитлеровцев.

Командующий войсками фронта высоко оценил работу среди войск противника, позволившую значительно уменьшить потери с нашей стороны, и после взятия Данцига представил к орденам большую группу политработников.

Но, разумеется, работа среди войск противника оставалась лишь частью огромной работы, которую вели в эти дни политорганы и партийные организации. В книге «Солдатский долг» К. К. Рокоссовский так оценил деятельность фронтовых политработников: «Командиры и политработники поддерживали в войсках высокий наступательный порыв. Много было сделано в этом отношении политуправлением фронта... Партийные и комсомольские организации добивались, чтобы каждый солдат знал свою боевую задачу и выполнял ее, не жалея сил. Фронтовые, армейские, дивизионные газеты, агитаторы в своих беседах звали людей вперед, на быстрейший разгром врага»¹.

Действуя в тесном контакте и получая четкие директивы от командующего и штаба фронта, армии неуклонно продвигались вперед. 30 марта они ворвались в Данциг и освободили его. В этих боях приняли участие войска 70, 65, 49 и 2-й ударной армий совместно с польскими танкистами при поддержке танковых корпусов, авиации 4-й воздушной армии, артиллерийских дивизий и кораблей Краснознаменного Балтийского флота.

Гданьск, город с многовековой историей, насильственно отторгнутый от Польши в далеком прошлом, вновь воссоединился со своей родиной. Над Гданьском был под-

¹ Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М., 1980, с. 327.

пят национальный флаг польского государства. Отныне и навечно городу вернули его истинное имя — Гданьск.

Войска 2-го Белорусского фронта победоносно завершили очередную свою операцию, очистив от фашистов почти 22 тысячи квадратных километров территории и освободив 4465 населенных пунктов, в том числе 60 городов. Были разгромлены двадцать дивизий и десять бригад противника, уничтожено и захвачено много боевой техники.

Не менее важным результатом этой операции явилось освобождение тысяч людей из фашистской неволи.

Я видел ликующих людей, спасенных советскими воинами. Многие из них были так слабы, что их приходилось немедленно класть в госпиталь: они едва держались на ногах от истощения. Но все же выжили, дождался дня освобождения. Тех, кто не дождался, было больше.

...Начпоарм 65-й генерал-майор Х. А. Ганиев доложил мне, что в Гданьске обнаружена фабрика, на которой делали мыло из убитых военнопленных и заключенных концлагерей. Мы немедленно сели в машины и поехали на эту фабрику, пригласив с собой работника прокуратуры фронта.

Ничем не примечательное здание, у входа вывеска: «Анатомический институт». Мы прошли внутрь. Сколько лет уже прошло с того дня, но до сих пор у меня сохранилось чувство ужаса и гнева. Под скромной вывеской «научного» учреждения творились чудовищные злодеяния. Мы увидели обезглавленные трупы, огромные чаны для выварки жира, выделанные куски человеческой кожи. Но, пожалуй, самое страшное находилось в подвале-холодильнике: аккуратно расставленные на стеллажах сотни человеческих голов — мужских, женских, детских. Они стояли в строгой последовательности — русские, поляки, узбеки, казахи, евреи, грузины, цыгане.. Головы с сомкнутыми губами молча звали к месту.

Подполковник юстиции А. И. Гейтман провел полное расследование этого кошмарного преступления нацистов. Следствие установило имена военных преступников. Возглавлял «институт» профессор Рудольф Шпаннер, который в 1943 году разработал рецепт приготовления мыла из человеческого жира. Его помощниками были Ван Бергенц, Мазур, Вайхерт и Опинский. Шпаннер вел обширную переписку с тюрьмами и концлагерями, из которых

брал заключенных и военнопленных для своей жуткой деятельности. Работой «института» интересовались, сюда, как показало следствие, наведывались министр просвещения Руст, министр здравоохранения Конти, гауляйтер Данцигского округа Фостер и другие фашистские заправилы.

Военный трибунал приговорил захваченных гитлеровских преступников к высшей мере наказания. В некоторых западных странах серьезно ставится вопрос: не пора ли за давностью времени амнистировать военных преступников? Сама постановка вопроса кажется мне кощунственной. Тот, кто воочию видел звериное лицо фашизма, не может забыть и не может простить...

В освобожденных городах Гдыне и Гданьске налаживалась новая жизнь. Командиры и политработники помогали городской комендатуре, занимались организацией местного самоуправления, устанавливали должный порядок. Дел было немало, и все же я, улучив свободную минуту, отправился в знаменитый Гданьский порт, так много повидавший на своем веку — от ганзейских купцов до гитлеровских пиратов.

Бухта была спокойна, волны медленно набегали на песчаный берег. В море ни дымка. Даже не верилось, что еще недавно эти берега были свидетелями страшных событий. Здесь, в бухте, фашистские палачи утопили десятки тысяч военнопленных: советских граждан, поляков, англичан, американцев, французов...

Со всей Восточной Померании гестаповцы привезли в Данциг около 50 тысяч военнопленных. Когда стало ясно, что придется отступать, палачи начали методично уничтожать безоружных людей. Примерно с середины марта они вывозили пленных на баржах и кораблях в море и топили их — торпедами с подводных лодок или артиллерийскими снарядами с берега.

Зеленоватые волны Балтики мягко накатывались на берег. Стояла тишина, солнце по-весеннему пригревало, его яркие лучи искрились в морской воде. В эти древние польские края пришел наконец долгожданный мир.

Но где-то рядом еще падали бомбы и свистели пули: фашизм пока не сложил оружия. Фронтовые дороги вели нас на запад...

НАШ СОЛДАТ ВСЮДУ ПРОЙДЕТ

На берега Балтики пришла ранняя весна. Стоял март, но уже набухли почки, и на лугах пробивалась зелень. Ярко светило солнце, и настроение тоже было весеннее: никто не сомневался, что победа близка; что совсем скоро враг будет окончательно разгромлен.

Тихо было в Гданьске. Но разрушенные здания и запахи пожарищ напоминали о том, что совсем недавно здесь бушевал огненный смерч. А иногда ветер с востока или с севера доносил отдаленный шум артиллерийской канонады — там, у устья Вислы, на косе Хель и на косе Фриш-Нерунг, продолжались бои с остатками изолированных группировок противника.

После завершения Восточно-Померанской операции освободились 65, 70 и 49-я армии, а вслед за тем и 2-я ударная армия. На 19-ю и вернувшуюся в состав войск фронта 5-ю танковую армии была возложена задача оборонять Балтийское побережье, на 43-ю армию генерал-полковника А. П. Белобородова, переданную нам из состава 3-го Белорусского фронта, — уничтожить изолированные группировки гитлеровских войск на косе Фриш-Нерунг и юго-восточнее Гданьска.

Войска фронта готовились к новым боям: пополняли личный состав, приводили в порядок боевую технику, доукомплектовывали фронтовые и армейские склады боеприпасами, продуктами питания, горючим и другими необходимыми фронту военно-техническими материалами. Люди мылись в самодельных банях, переодевались в летнее обмундирование. Все мы с нетерпением ждали, как будет решен вопрос о дальнейшем использовании войск нашего фронта.

Наконец 1 апреля директивой Ставки 2-му Белорусскому фронту было приказано принять полосу правого

крыла 1-го Белорусского фронта по восточному берегу Штеттинского (Поморского) залива и реки Одер до Шведта. Для выполнения этой задачи войскам фронта предстояло за семь — девять суток передислоцироваться на 250—300 километров на запад от Гданьска.

Оперативное управление штаба фронта во главе с генерал-майором П. И. Котовым-Легоньковым в предельно короткие сроки разработало план перегруппировки войск. Условия оказались нелегкими: не было еще случая, чтобы целый фронт перебрасывался на такое большое расстояние в столь сжатые сроки. Отступавший противник разрушил железные дороги. Действовала лишь одна восстановленная железнодорожная магистраль Быдгощ — Старгард-Щецински, по которой перевозили танки, гусеничный транспорт и самоходную артиллерию, а остальные войска перебрасывались в походном порядке. Густая сеть автомобильных дорог позволяла на первый взгляд провести марш в форсированном темпе, к тому же мы использовали автотранспорт 19-й и 5-й танковой армий. Однако для перевозки всех стрелковых частей автомобильного транспорта не хватало. Поэтому марш был комбинированным: часть пехоты следовала на автомашинах, а часть — в походных пеших колоннах.

Мне позвонил заместитель начальника Главного политического управления генерал-лейтенант И. В. Шикин. Он интересовался, как политуправление фронта планирует вести работу во время передислокации войск. Я доложил, что основные усилия направлены на то, чтобы сохранить физическую силу, бодрость духа бойцов в условиях высокого темпа передислокации. Другая, не менее важная задача — поддержание дисциплины на марше, сохранение военной тайны.

— В то же время уже на марше хотелось бы начать беседы с бойцами о том, как следует вести себя при форсировании Одера, — сказал я, — объяснить им, в чем особенности этой водной преграды. Однако есть опасения — не преждевременны ли такие разъяснения?

И. В. Шикин ответил, что этот вопрос уже обсуждался в Главном политическом управлении.

— Не следует скрывать от личного состава, что предстоит преодолеть оборонительный рубеж фашистских войск по западному берегу Одера, — сказал он. — Да этого, собственно, и не скроешь. Однако выбранные участки

и время форсирования должны сохраняться в строжайшей тайне.

Весь политсостав фронта — от работников политуправления до замполитов батальонов и дивизионов — находился в дни марша в войсках. Политработники разъясняли, как важно соблюдать дисциплину на марше и проявлять высокую бдительность. Они умело использовали привалы, чтобы побеседовать с бойцами, организовать выступления самодеятельности, почтить воинам свежую газету, а порой и научить солдат, особенно молодых, правильно наматывать портянки. На марше это не последнее дело: плохо подвернул портянку — обязательно сотрешь ногу, отстанешь от части.

Командиры и политработники старались поддерживать у бойцов хорошее настроение, всячески развивали красноармейскую самодеятельность, организовывали концерты на привалах. Особой оперативностью отличались начальник фронтового Дома Красной Армии подполковник В. Н. Житковский и руководитель фронтовой эстрады Б. П. Карамышев. Не берусь даже сказать, сколько концертов дали наши фронтовые артисты. Знаю только, что, в какую часть ни приедешь, там или были недавно, или сейчас находятся артисты из фронтовых эстрадных бригад. Презжали к нам и столичные артисты.

Настроение у бойцов было приподнятое. В 76-й стрелковой дивизии я разговорился на привале с солдатом И. Ф. Прилепским.

— Мне пятьдесят лет, — сказал он, — вроде бы немолод. Должен бы уставать, а вот не устаю — не тяжело мне идти вперед, на запад. Как подумаю, что совсем скоро мы добьем врага, так сразу усталость словно исчезает. И кажется мне, будто каждый готов пройти хоть пятьсот километров и сразу вступить в бой, лишь бы раз и навсегда покончить с фашизмом.

Эти прекрасные слова старого солдата хорошо передают атмосферу тех дней, тот всеобщий подъем, который охватил наших воинов. Близкое окончание войны ощущали все. Несмотря на то что за плечами остались трудные сражения, усталости не чувствовалось. Смех и шутки я слышал во всех ротах и батареях, в которых мне пришлось побывать. Чуть ли не в каждом подразделении был солдат, чем-то напоминавший славного Василия Теркина. Частый мой спутник, фотокорреспондент газеты «Фронтальная правда» П. Б. Бернштейн, сфотографировал солда-

та, который вполне мог быть прообразом столь популярного в те дни литературного героя. Фотография этого ротного Теркина есть в книге. Пусть читатель внимательно посмотрит на нее. Вот он, человек, умевший хорошей песней, доброй шуткой снять у людей усталость после боя, после тяжелейшего марша. Такие бойцы были первыми помощниками политработников.

На дневках проводились собрания и митинги батальонов, дивизионов. Я присутствовал на одном из таких митингов в 136-й стрелковой дивизии. Много было выступлений, много было сказано хороших слов. Но, пожалуй, больше других я запомнил выступление солдата Л. С. Пятницкого, недавно освобожденного из фашистского плена.

— Все мы знаем, что такое фашизм, — сказал он, — и полны решимости добить врага. Нет сомнений, что мы выполним поставленную Родиной задачу.

В условиях комбинированного и длительного марша войск фронта успех продвижения во многом зависел от того, как фронтовой тыл организует работу автомобильных бригад и отдельных автобатов. Политуправление срочно издало большим тиражом «Памятку водителю автомашин», в которой подчеркивалась важность миссии, возложенной на солдата-шофера, приводились примеры бережного отношения к технике, примеры оперативности и смекалки. Во 2-ю автомобильную бригаду, выполнявшую значительный объем перевозок, выехала специальная группа политработников. Я объехал политотделы железнодорожных и автомобильных бригад, беседовал с заместителями командиров военно-дорожных частей по политчасти. Надо сказать, что водители и дорожники не подкачали, хотя на их плечи лег огромный объем работы.

В ежедневной политической работе по обеспечению передислокации войск политуправление фронта никогда не упускало из виду постоянную политическую информацию. События внутри страны, героический труд советских людей в тылу, успешные боевые действия Красной Армии на фронтах Великой Отечественной войны — освобождение столицы Словакии Братиславы, освобождение Кенигсберга, начало наступления нашего соседа, 1-го Белорусского фронта, — всем этим жил в те дни советский народ, и сама жизнь давала нам обильный материал для партийно-политической работы.

Каждый успех на фронтах Великой Отечественной

войны, успех труженников тыла немедленно находили отражение в наших многочисленных (их было больше ста) газетах — фронтовой, армейских, дивизионных, в газетах на немецком и польском языках — для местного населения, в газетах для солдат — узбеков и татар, казахов и молдаван. Политическую информацию несли в массы агитаторы. Темы для бесед они нередко черпали в листовках, выпущенных политуправлением фронта и армейскими политотделами.

С большой благодарностью вспоминаю напряженный труд наших редакторов и сотрудников редакций и с уважением называю их имена: редактор фронтовой газеты Т. В. Миронов, его заместитель Н. С. Ракита, ведущие журналисты газеты С. А. Савельев, М. Л. Матусовский, А. А. Исбах, Ш. А. Булатов, Х. Г. Гильманов, А. Е. Ельчебеков, Т. Г. Куприянов, М. И. Камышев. Эти журналисты и многие другие, здесь не названные, — редакторы и сотрудники армейских и дивизионных газет — своим вдохновенным творческим трудом немало сделали для окончательной победы над врагом. Со многими из них меня связала крепкая фронтовая дружба.

Во время подготовки к форсированию Одера из тыла страны непрерывно шли железнодорожные эшелоны с орудиями и танками, вместе с которыми ехали танковые экипажи и орудийные расчеты. Родина давала своим сыновьям для победы над врагом первоклассное оружие. А следом за оружием и боеприпасами непрерывным потоком поступали письма нашим солдатам и офицерам из тыла от рабочих и колхозников, инженеров и служащих, учителей и детворы. Воины с большой радостью отвечали на эти письма. А командиры и политработники писали еще отцам, матерям, женам воинов, отличившихся в боях, рассказывали об их подвигах.

Письма из тыла мы широко использовали в массовой агитационной работе. Очень часто их читали на привалах. Одно из таких писем у меня сохранилось — от Анисьи Леонтьевны Сенаторовой из села Волынцево Сумской области, матери солдата 38-й гвардейской дивизии. «Любимые дети мои, — писала Анисья Леонтьевна, — сегодня я получила ваше письмо, которое очень меня обрадовало. Вы сообщаете мне о подвигах моего сына Андрея. Большое вам спасибо за ваше письмо к старухе матери... Андрей у меня средний сын, а всех сыновей пятеро. Всех их воспитала я одна, их отец погиб еще в 1914 го-

ду. Все мои сыны ушли на фронт, и всем я говорила, чтобы мстили врагу, чтобы боролись за Родину, и обещала помогать своей любимой Родине тут, в тылу, чем только могу... С гордой победой ждем вас всех домой. До скорого свидания». Такие письма вдохновляли солдат, согревали сердца. Мы печатали эти письма в газетах, в листовках-молниях, которые издавались во время похода.

6 апреля, когда войска были еще на марше, Военный совет фронта получил директиву Ставки, уточняющую боевую задачу: форсировать Одер и разгромить штеттинскую группировку противника. Ставка приказала главный удар нанести силами трех общевойсковых армий, тремя танковыми, одним механизированным и одним кавалерийским корпусами из района севернее Шведта в общем направлении на Нейстрелиц.

Пока полки шли на запад, передовые отряды армий, переброшенные к одерскому рубежу на автомашинах, принимали боевые участки от 1-й Польской и 61-й армий 1-го Белорусского фронта. В это же время маршал К. К. Рокоссовский вместе с членами Военного совета, начальниками фронтовых управлений, командармами и группой генералов и офицеров проводил рекогносцировку принимаемого фронтом рубежа вдоль восточного берега Одера.

Водная преграда была нелегкой для форсирования. Река в нижнем своем течении разделяется на два рукава — восточный и западный, и между этими рукавами находится болотистая пойма шириною от двух до четырех километров, которую прорезает канал с высокими насыпными берегами. Потом уже, после форсирования, в ходу было меткое солдатское определение Одера: «Два Днепра, а посредине Припять».

— Трудно будет солдатам идти через эти топи, — сказал кто-то.

— Вспомним Суворова, — ответил К. К. Рокоссовский. — Русский солдат всюду пройдет... Будем надеяться, что это последнее тяжелое испытание. Переберемся за Одер, а там у нас дела пойдут веселее...

Вместе с командармами К. К. Рокоссовский намечал участки форсирования Одера и прорыва обороны противника, выбирал районы сосредоточения войск. Он тщательно изучил берег реки и прилегающие районы, а также донесения разведки. Лишь после этого маршал точно определил боевые задачи армий фронта и выбрал район

ложного сосредоточения наших войск — для дезинформации противника.

Наконец 16 апреля все войска фронта вышли на исходные рубежи. На другой день, прибыв на командный пункт фронта, я сразу же почувствовал, что произошло нечто особенное. Не дожидаясь расспросов, Константин Константинович протянул мне плотный лист бумаги:

— Читайте, Андрей Дмитриевич, последнюю директиву Ставки. Я и раньше знал о ней от Антонова. А теперь Верховный Главнокомандующий ее утвердил.

Я взял директиву и стал читать:

— «1. После форсирования реки Одер, не позднее 22 апреля 1945 года, главными силами развивать наступление на юго-запад в общем направлении: Грайфенберг, Гросс-Шенебек, Биркенвердер, нанося удар в обход Берлина с севера. 2. Установить с 24.00 20.4 с. г. разграничительную линию с 1-м Белорусским фронтом... 3. Об отданных распоряжениях донести. Сталин, Антонов»¹.

— Вам понятна эта директива? — спросил К. К. Рокоссовский.

— Более чем понятна, Константин Константинович. Выходит, что наш фронт не только будет обеспечивать наступление Первого Белорусского фронта с севера, но и сам примет участие в Берлинской операции.

— Правильно! Вы посмотрите на карту. Наш левый фланг форсирует Одер и после этого обходит Берлин с севера. По всей вероятности, мы встретимся за Берлином с войсками Первого Украинского фронта. На левом фланге у нас сорок девятая армия, надо ее основательно усилить. А вас, Андрей Дмитриевич, прошу проверить политическую работу в армии во всех звеньях.

Я немедленно выехал в 49-ю армию, где вместе с начальником политотдела полковником В. Я. Головкиным охунулся в самую гущу предшествующей наступлению политической работы. Настроение у солдат и офицеров было боевое, усталости после долгого марша словно и не было. Маршал К. К. Рокоссовский придал 49-й армии дополнительно стрелковый корпус, артиллерийский и механизированный корпуса, инженерные бригады.

Вместе с В. Я. Головкиным мы побывали в войсках первого эшелона, рассказывали на митингах и собраниях о значении одерского рубежа и о важности поставленной

¹ ЦА МО СССР, ф. 237, оп. 2394, д. 1424.

перед армией задачи. Не скрывали и трудностей: враг будет стремиться всеми силами остановить наступление советских войск на одерском рубеже и тем самым создать благоприятные условия для удержания Берлина.

Штаб фронта, изучив многочисленные данные разведки, установил, что гитлеровское командование сосредоточило против войск 2-го Белорусского фронта 3-ю танковую армию, 46-й танковый корпус. В резерве гитлеровцев находились, кроме того, три дивизии СС. Противник взорвал все мосты через Одер и уплотнил свои боевые порядки на западном берегу реки.

Взвесив все «за» и «против», маршал К. К. Рокоссовский пришел к выводу, что в такой обстановке форсировать Одер за один прием, с ходу, слишком рискованно. На заседании Военного совета фронта с участием командармов и членов военных советов армий он сказал:

— Мы не имеем права ошибаться. Обстановка такова, что наши войска обязаны форсировать Одер быстро и с гарантией успеха. Поэтому будем форсировать его в два этапа. 18—19 апреля сильные передовые отряды форсируют восточный Одер и очищают от противника междуручье. Здесь силы фашистов сравнительно невелики.

— А чтобы скрыть от противника наши участки форсирования, — добавил А. Н. Боголюбов, — эти боевые действия проведем как активную разведку боем по всему фронту.

— Совершенно с вами согласен, Александр Николаевич, — ответил Рокоссовский. — Итак, разведка боем, форсирование восточного Одера — на все это у нас только два дня, 18 и 19 апреля. С утра 20 апреля начинаем форсировать западный Одер.

Маршал К. К. Рокоссовский приказал командующему бронетанковыми войсками генерал-лейтенанту М. Л. Чернявскому, чтобы отдельные танковые батальоны и танковые бригады, непосредственно поддерживающие пехоту, находились в ее боевых порядках и ни в коем случае не отрывались бы от пехотных частей. После прорыва армией обороны противника три танковых корпуса будут вводиться в прорыв только по личному распоряжению командующего фронтом.

Знакомясь с этим планом, я невольно вспомнил форсирование Невы в 1941 году, маломощную танковую бригаду генерал-майора В. И. Баранова, с которой было связано так много надежд на легендарном невском пятач-

ке. Насколько же окрепла наша армия! В ноябре сорок первого года, перед форсированием Невы, мы горестно сожалели, что артиллерии слишком мало и снарядов явно не хватает.

Накануне наступления я зашел к генерал-лейтенанту А. К. Сокольскому и поинтересовался, как идут дела у артиллеристов. Впрочем, можно было, наверное, и не спрашивать: Александр Кузьмич был в превосходном настроении, улыбался, шутил со штабными офицерами. Так может вести себя только человек, уверенный в своих силах.

Я поинтересовался огневой мощью фронта. На мой вопрос командующий артиллерией ответил:

— Прикиньте-ка, Андрей Дмитриевич, сами: общая протяженность фронта 516 километров, а всего орудий и минометов у нас 6708. Простая арифметика: по 13 стволов на километр фронта... А на участках форсирования будет до 220 стволов на километр!

Как неизмеримо выросла за годы Великой Отечественной войны огневая мощь Красной Армии, как стали мы сильны, как выросли наши люди! Сразу же после разговора с командующим артиллерией я встретился с членом Военного совета 65-й армии генерал-лейтенантом И. А. Радецким. Наши боевые пути пересекались и прежде: до моего приезда на Северо-Западный фронт Николай Антонович был там заместителем начальника политуправления. Я рассказал ему о форсировании Невы у Невской Дубровки, он мне — о тяжелых боях сорок первого года на Северо-Западном.

— Посмотри, Николай Антонович, какая силища у нас! — сказал я Радецкому. — Мощь одной вашей 65-й армии превышает мощь Северо-Западного фронта в 1943 году. А как выросли наши партийные организации сегодня! Да разве можно нас победить?!

И вновь в тот день я вернулся в мыслях к форсированию Невы, когда встретился с начальником инженерных войск 2-го Белорусского фронта генерал-лейтенантом Б. В. Благославым. Вспоминал и плюски, снятые с морских кораблей, и неуклюжие плашкоуты.

— Мы можем, — говорил Борис Васильевич, — навести мосты общей протяженностью семь километров, не говоря о других средствах переправы. И начнем строительство с момента артиллерийской подготовки. План взаимодействия с артиллеристами уточнен, наши батареи должны

подавить огневые точки противника, тогда с переправой дела пойдут полегче...

Весь фронт деятельно готовился к операции, которая, верили мы, будет одной из последних в этой величайшей из войн. Готовились к ней и медики фронта.

Военно-санитарную службу фронта возглавлял генерал-майор медицинской службы К. М. Жуков, человек неумемной энергии, опытный врач и не менее опытный организатор. Фронт непрерывно наступал, госпитальная база, естественно, то и дело отставала, но генерал Жуков умел в решающий момент сосредоточить госпитали вблизи основных участков наступления и подготовить все для приема раненых. К началу форсирования Одера все госпитали, переброшенные в этот район, были готовы к приему раненых. За десять суток только из-под Гданьска в район Штеттина (Щецин) переправили свыше сорока госпиталей со всем персоналом и оборудованием. Хорошо была поставлена партийно-политическая работа в госпиталях и других лечебных учреждениях фронта — как среди персонала, так и среди раненых. В этом немалая заслуга начальников политотделов фронтовых эвакуационных пунктов — полковника А. А. Кулицкого, подполковника А. Ф. Гомазкова, других политических работников госпиталей.

Политуправление фронта в последние перед наступлением дни старалось уделить внимание всем без исключения участкам форсирования Одера. Мы обсуждали очередные задачи с начальниками политотделов армий, корпусов и дивизий, вникали в планы политотделов танковых и артиллерийских соединений, пехотных бригад, собирали инструкторов по печати и редакторов армейских и дивизионных газет. Офицеры политуправления объехали все армии и проверили, как ведется пропаганда среди войск противника: актуальность такой работы все более возрастала.

Но, конечно, главная работа развернулась в войсках — командиры, политработники, партийные и комсомольские организации готовили личный состав к последним схваткам с врагом, строжайшим образом следили за сохранением военной тайны.

На фронте было очень много журналистов, писателей, фотокорреспондентов, кинооператоров. Одних только корреспондентов республиканских и областных газет Главное политическое управление прислало к нам более

пятидесяти. Всех их нужно было разместить, создать им условия для работы, обеспечить оперативной связью с редакциями. Но это полдела. А как уберечь до поры до времени от этих энергичных, неутомимых людей абсолютно секретные сведения о предстоящем наступлении?

Все они собрались здесь, чтобы собственными глазами увидеть большие боевые события и рассказать о них всей стране, всему миру. Ежедневно по телефону мне звонили журналисты, писатели, просили дать хоть какую-нибудь информацию по существу. Я извинялся, ссылаясь на отсутствие полной ясности, переводил разговор на погоду и другие «светские» темы. В общем, положение мое становилось невыносимым.

В конце концов я понял, что сам с журналистской и писательской братней не справлюсь. Пришлось докладывать это не совсем обычное дело Военному совету фронта. И приняли наконец решение — направить весь корреспондентский корпус в район ложного сосредоточения войск. Во-первых, так будет наверняка сохранена военная тайна. Во-вторых, нашествие корреспондентов сделает в глазах противника еще более правдоподобными наши отвлекающие действия.

Так и поступили, недоуменные вопросы на некоторое время прекратились. А в ночь перед наступлением мы вызвали представителей прессы и кино и распределили их по армиям, чтобы они смогли рассказать в печати и кинохронике о предстоящих боях. Мне же пришлось извиниться за вынужденный в сложившейся обстановке обман.

Конечно, не обошлось без обид. Но потом «обманутые» товарищи простили меня. Тем более что события на фронте дали им обильную пищу для очерков и репортажей. Что может быть приятнее для военного журналиста, чем сообщать в редакцию о победоносных боях, об успешном наступлении, о мужестве и героизме наших воинов!

Несколько раньше я пригласил к себе начальника группы кинооператоров при политуправлении фронта М. А. Трояновского и обсудил с ним план киносъемок при форсировании Одера.

После окончания войны я смотрел многие ленты, запечатлевшие боевые эпизоды, вновь и вновь поражался смелости и находчивости фронтовых кинооператоров, не раз рисковавших жизнью. Вспоминаю заслуженного деятеля искусств А. М. Посельского, кинооператоров

Д. З. Микошу и Д. Г. Шаломовича. Члены фронтовой киногруппы засняли боевые действия войск у Пултуска и Цеханува, у Млавы и Насельска, Торуня и Эльблонга, Гданьска и Гдыни. Многие кинооператоры нашего фронта были награждены орденами Красного Знамени и Отечественной войны I степени.

Запланированная командованием разведка боем по всему фронту началась 18 апреля. Передовые отряды 65-й и 70-й армий успешно форсировали восточный рукав Одера и вышли к западному Одеру. На следующий день междуречье в полосе наступления этих армий было очищено от противника, а инженерные части тем временем наводили переправу через реку.

В тот день я был в правофланговой 65-й армии. Вместе с начальником политотдела генерал-майором Х. А. Ганиевым и фотокорреспондентом газеты 65-й армии «Сталинский удар» С. М. Альпериным отправился на берег Одера. В бинокль было видно, как группы бойцов, встреченные сильным пулеметным и винтовочным огнем противника, преодолев канал в пойме реки, по гнилой топи приближаются к западному руслу.

Хабиб Абдурахманович знал в своей армии по имени и в лицо не только всех замполитов и партторгов, но и очень многих коммунистов — офицеров, сержантов, рядовых бойцов. На таком расстоянии трудно было кого-либо узнать, но начпоарм уверенно называл имена идущих в наступление воинов.

— Вот туда взгляните! — сказал вдруг Ганиев.

Я посмотрел: по болотной жиже медленно шагали бойцы, сгибаясь под тяжестью ящичков с патронами и минами.

— Вот уж правду говорят — нелегко солдатский труд, — сказал Хабиб Абдурахманович. — Хорошо бы их сфотографировать...

— Сфотографировать можно, — ответил Альперин, — да только как-то неудобно снимать людей со спины. Разрешите, товарищ генерал, спуститься вниз, снять бойцов как полагается?

Получив разрешение, фотокорреспондент короткими перебежками приблизился к солдатам с ящичками. Полчаса спустя он вернулся — довольный, улыбающийся: отснял целую пленку. Лучшую из тех фотографий он прислал потом по моей просьбе в политуправление, читатель найдет ее среди иллюстраций к этой книге. Пройдя всю

войну, фотокорреспондент С. М. Альперин погиб как боец уже в мирные дни, когда делал фоторепортаж о металлургическом заводе.

Итак, передовые отряды всех армий успешно выполнили свою боевую задачу и создали благоприятные условия для намеченного на 20 апреля форсирования западного рукава Одера. Ночью работники политуправления развезли по армиям запечатанные пакеты с обращением Военного совета и политуправления фронта к воинам. «Родина ждет от воинов Красной Армии окончательной победы над фашистской Германией! Силы врага на исходе. Он не может долго сопротивляться!.. Шире шаг, советские герои! Вас ждет победа!» — говорилось в обращении. Готовили текст втроем — К. К. Рокоссовский, А. Н. Боголюбов и я. Надо признать, что в этом авторском триумвирате главная роль принадлежала все-таки Константину Константиновичу. Чаще всего именно его формулировки оказывались самыми точными и принимались единодушно.

В 7 часов 15 минут, после сорокапятиминутной артиллерийской подготовки, во время которой воинам зачитывали обращение, войска фронта начали форсировать широкий западный рукав Одера. 65-я и 70-я армии, преодолев водную преграду, взломали оборону противника на западном берегу реки.

Успешнее других начали форсировать Одер войска 65-й армии под командованием генерал-полковника П. И. Батова. По указанию Военного совета фронта я находился именно в этой армии и поэтому более подробно буду говорить о ней.

Первые подразделения, переправившиеся на западный берег реки, вскоре преодолели линию обороны противника, овладели опорными пунктами на переднем крае и продвинулись в глубину вражеской обороны до двух километров, захватив первые населенные пункты к западу от Одера.

С лучшей стороны проявили себя инженерные части, мужественно переправлявшие войска на западный берег и строившие мостовые переправы. Высокой похвалы заслуживает начальник инженерных войск 65-й армии генерал-майор Павел Васильевич Швыдкой. Образец героизма показали воины 14-й инженерно-саперной бригады, которые под огнем противника к 6 часам утра 20 апреля навели 60-тонный мост. Двое суток без отдыха и сна находился

на строительстве переправы начальник политотдела бригады подполковник В. Т. Мосенко. За двое суток работы я не раз приезжал на строительство понтонного моста и всякий раз — и почью и днем — встречал среди саперов напористого, энергичного начальника политотдела.

На участке 65-й армии отважно действовал понтонный батальон под командованием полковника И. В. Петрова, наводивший под огнем противника понтонный мост через западный рукав Одера. Девятнадцати (!) воинам этого батальона было присвоено звание Героя Советского Союза.

Политработники, парторги и агитаторы широко использовали листовки-молнии, чтобы популяризировать героические действия саперов. Вот одна из таких листовок, мне ее передали армейские политработники: «Товарищи саперы! Сегодня отличился при наведении понтонной переправы расчет мл. сержанта А. П. Луканина: рядовой П. В. Беляев, рядовой М. А. Чибышев, сержант В. Чибышев. Они первыми собрали паром и ввели его в линию моста на р. Одер. Слава героям! Агитатор Мокшин». Кратко, ясно и по существу — что и требуется в бою.

Отлично действовала пехота. Особенно успешно форсировала Одер 37-я гвардейская стрелковая дивизия. 1-й батальон 109-го гвардейского стрелкового полка (командир батальона майор Л. П. Гребенников) переправился через реку за полчаса и с ходу захватил траншею гитлеровцев. 2-й батальон 118-го гвардейского стрелкового полка (комбат капитан Симонов), форсировав водную преграду, захватил обширный плацдарм на западном берегу. Командир батальона 114-го гвардейского стрелкового полка майор И. С. Бирюков первым выпрыгнул из лодки с красным флажком в руке и увлек за собой бойцов...

В тот день тысячи бойцов и командиров проявили мужество и героизм. Мы же, политработники, стремились, чтобы ни один из отважных поступков не остался неизвестным в войсках. Бойцы узнавали о подвигах товарищей и сами совершали подвиги.

Героизм проявляли не только воины, действовавшие на переднем крае. Старшина 2-й минометной роты 44-го стрелкового полка Сурков доставлял в свое подразделение боеприпасы. За два дня он пятнадцать раз переправлялся на пароме под артиллерийским огнем через восточный Одер и вдвоем с красноармейцем Марцевым перенес в расположение минометчиков 70 ящиков с минами, а каж-

дый ящик приходилось нести полтора километра. В один из рейсов паром, па котором перевозили боеприпасы, попал под сильный обстрел и сел на мель. Сурков прыгнул в обжигающе холодную воду, его примеру последовали другие. Работая по грудь в воде, Сурков, старший сержант Голосов, сержанты Попов и Зайцев, бойцы Марцов и Статкунас вынесли на огневые позиции более тысячи мин и тем самым обеспечили поддержку пехоты минометным огнем.

Успех 65-й армии во многом был предопределен четким управлением боевыми действиями войск. Командарм генерал-полковник П. И. Батов, находясь на наблюдательном пункте армии, непрерывно получал информацию о ходе форсирования Одера и продвижении частей, оперативно отдавал распоряжения, обращая особое внимание на подавление опорных пунктов противника. Тут же, па наблюдательном пункте, находился командующий артиллерией армии генерал-лейтенант Н. Н. Михельсон — артиллерист с большим боевым опытом.

В то время как командарм управлял боем, член Военного совета армии генерал-лейтенант Н. А. Радецкий находился в 15-й и 238-й стрелковых дивизиях, сражавшихся на захваченных плацдармах на западном берегу Одера. Имея богатейший опыт партийно-политической работы, он умно и тактично, не навязывая своего мнения командирам, а подсказывая и советуя, помогал им руководить боевыми действиями полков. А порою и принимал подразделения в атаку.

Впрочем, Николай Антонович Радецкий, будучи человеком очень скромным, о своем личном участии в боевых действиях ничего не рассказывал. Вечером, герпнувшись на командный пункт, он говорил о героях форсирования Одера, о массовом мужестве бойцов и командиров. Об отваге генерала Радецкого, о его поистине геройских действиях па одерском плацдарме мне рассказал лейтенант Ермилов, парторг одного из батальонов 238-й стрелковой дивизии. Сам Ермилов, когда был ранен командир батальона, взял па себя командование подразделениями, отражавшими контратаки противника. И только после того, как контратаки были отбиты и подошло подкрепление, раненый парторг по настоянию сапиструктора отправился в медсанбат.

Агитатор комсомолец сержант М. Леннанкит, узнав, что войска маршала Жукова ведут бой в пригородах

Берлина, буквально помчался к бойцам своей роты и сразу же сообщил им радостную весть: «Хлопцы! Наши-то уже дерутся за Берлин! Покажем гитлеровцам и мы...» Через полчаса рота поднялась в атаку. Бойцы, воодушевленные сообщением агитатора, ворвались в траншею противника, уничтожили в рукопашном бою десятки фашистских солдат и офицеров.

В дни форсирования Одера в воздухе господствовала наша авиация. Летчики 4-й воздушной армии совершали ежедневно 2—3 тысячи вылетов. Хорошо помогала нам и авиация Краснознаменного Балтийского флота, базировавшаяся на аэродромах в Восточной Померании.

Немало подвигов совершили летчики нашей 4-й воздушной армии во время форсирования Одера. Расскажу лишь об одном. Младший лейтенант комсомолец А. Л. Колесников служил в 209-м отдельном корректировочно-разведывательном Керченском Краснознаменном полку, в истребительной эскадрилье. 20 апреля он вылетел в паре с лейтенантом Лебедевым, чтобы сопровождать самолет Ил-2, корректировавший огонь нашей артиллерии. Над расположением войск 49-й армии летчики встретили четыре истребителя противника и вступили с ними в бой. Когда у Колесникова кончились боеприпасы, он передал своему ведущему: «Иду на таран, за нашу Родину!» Догнав «Мессершмитт-109», Колесников ударил его плоскостью своего самолета. «Мессер» рухнул на землю.

Младший лейтенант А. Л. Колесников погиб. Тело его нашли артиллеристы и доставили на аэродром 209-го авиаполка. Летчики с почестями похоронили героя. Газета 49-й армии «За Родину» писала на следующий день: «Сотни наших воинов были свидетелями высшего мужества и самопожертвования одного из орлов советской авиации — летчика младшего лейтенанта Колесникова».

Успешно продвигались вперед и войска 70-й армии. А вот в 49-й армии произошла заминка. Передовой батальон при разведке боем не смог обстоятельно разведать передний край обороны противника: западный берег промежуточного канала в междуречье был ошибочно принят за западный берег Одера. Командир батальона доложил неточные сведения командиру 70-го корпуса, а тот в свою очередь сообщил их командованию армии. Поэтому артиллерийская подготовка 20 апреля не дала желаемого результата. Она началась в срок и закончилась в срок, но только артиллерия вела огонь по рубежу, поки-

путому противником. Когда же наши войска пошли вперед, они встретили яростное сопротивление врага, находившегося в обороне по западному берегу реки. Огневые точки противника не были подавлены, живая сила — не уничтожена. Бои сражались отчаянно, однако перелома добиться не смогли. Чтобы продолжить наступление, понадобилось перестроить боевые порядки, подвезти мины и снаряды — словом, драгоценное время было упущено. А ведь именно 49-я армия, воевавшая бок о бок с войсками 1-го Белорусского фронта, должна была нанести удар в обход Берлина с севера...

Я уже упоминал, что за долгое время совместной работы с К. К. Рокоссовским мне крайне редко доводилось видеть его рассерженным и резким. После того как командующий фронтом получил сообщение о делах в 49-й армии, я почувствовал, что он с трудом сдерживает волнение и досаду. А расстраиваться было из-за чего: из-за непредвиденной задержки 2-й Белорусский фронт уже не мог принять непосредственного участия в штурме Берлина.

Безусловно, большая вина здесь ложилась на фронтовую разведку. Это была ее вторая осечка за последние месяцы. Не так давно разведчики неверно определили численность фашистского гарнизона в блокированном нашими войсками Торне, и вот опять ошибка... Пожалуй, определенная доля вины здесь лежала и на политорганах, в том числе и на политуправлении фронта: вероятно, в партийно-политической работе с личным составом разведывательных подразделений были допущены просчеты.

Когда стало ясно, что на своем участке армия не сможет быстро форсировать Одер и, видимо, ей придется воспользоваться переправами в полосе соседней 70-й армии, Рокоссовский решил перенести направление главного удара. Доложив об этом Ставке, командующий фронтом приказал передать все находившиеся в распоряжении 49-й армии средства усиления 65-й армии, достигшей наибольшего успеха.

Весьма характерное для Рокоссовского решение! Никогда не боялся он смелого маневра войсками, всегда у него хватало духа, чтобы отказаться от ранее намеченного плана, если он не приводил к желаемым результатам, и принять новый.

В течение суток войска совершили быстрый маневр. Танковый корпус, артиллерийская дивизия, понтонные

бригады и другие воинские части были переведены с левого фланга фронта на правый — на усиление 65-й армии. В связи с новым приказом командующего я срочно отозвал значительную часть работников политуправления фронта из 49-й армии и распределил их по войскам усиления, поручив политработникам разъяснить бойцам, во-первых, значение и смысл маневра и, во-вторых, необходимость в кратчайшие сроки прибыть к новому рубежу и включиться в боевые действия 65-й армии. Уже 21 апреля усиленная 65-я армия, отразив пятьдесят три контратаки противника, овладела опорным пунктом врага Куров.

Успешно вела боевые действия в этот день и 70-я армия. Входящая в ее состав 162-я стрелковая дивизия захватила несколько опорных пунктов противника, понтонные части навели новые переправы.

На третий день наступления 65-я армия, взламывая оборону противника, продвинулась на два километра, а 70-я — на три километра. На следующий день войска обеих армий продвинулись еще на три — пять километров, перерезали шоссе, связывающее Штеттин (Щецин) со Шведтом, и железную дорогу.

К. К. Рокоссовский приказал командующему 2-й ударной армией генерал-полковнику И. И. Федюнинскому подготовить удар по Штеттину, переправив свои войска по мостам, наведенным в полосе 65-й армии, и приняв от этой армии ее боевой участок на севере.

Пятый день форсирования Одера принес новые успехи 65-й и 70-й армиям. В то же время инженерным частям приходилось вновь и вновь наводить и восстанавливать переправы, так как противник постоянно пускал по течению реки мины, прибегал к диверсиям, используя специально обученных водолазов.

К тому времени и 49-я армия, совершив перегруппировку, переправила свои войска через мосты 70-й армии и начала готовиться к нанесению флангового удара по обороне гитлеровцев на западном берегу Одера.

23 апреля Ставка Верховного Главнокомандования отменила свою последнюю директиву от 18 апреля о нанесении главного удара в обход Берлина с севера, поскольку войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов успешно завершили маневр по окружению берлинской группировки противника. Фронту предлагалось выполнять задачи, указанные в директиве Ставки от 6 апреля, — развивать наступление на запад и северо-запад, в Запад-

ной Померании, сковывать крупные силы противника, не давая им возможности прийти на помощь берлинской группировке.

В этот день войска фронта продвинулись на разных участках от 5 до 15 километров. В полосе 65-й армии был введен в прорыв 1-й гвардейский танковый корпус. 49-я армия после упорных боев овладела на юго-западном направлении городом Фридрихшталь. 2-я ударная армия усилила темпы наступления вдоль Балтийского побережья.

Неудержимо, подобно мощному валу, двигались наши войска на запад, сметая на своем пути гитлеровские дивизии. Враг еще пытался остановить нас, бросал в бой последние резервы. Но ничто уже не могло спасти фашистский рейх.

21 апреля 1945 года войска нашего соседа, 1-го Белорусского фронта, завязали уличные бои в Берлине. Мы знали и верили — скоро наступит победа, наступит мир...

ПОБЕДА

Четыре года мы ждали этих победных дней. И вот они настали — самые радостные для всех ветеранов Великой Отечественной войны, для всего нашего народа — весенние дни сорок пятого года.

2-я ударная и 65-я армии 26 апреля овладели крупным городом Штеттин — ныне польский город Щецин. 49-я армия, нанеся удар по флангу противника, освободила города Шведт, Пелитц, Поммерсдорф, Фирраден.

В самый канун победы наши воины бесстрашно шли в бой. Политработники, как всегда, были в эти дни в боевых порядках. Они вдохновляли людей, несли в войска слово партии.

Гитлеровцы остервенело защищали последние рубежи. Бои не были бескровными. Каждый день мы теряли наших людей, смелых и отважных воинов. А как это было тяжело, особенно накануне победы! Партийные и комсомольские билеты погибших поступали в политотделы армий, в политуправление фронта. Нам, политработникам, была доверена почетная и скорбная миссия — сделать последнюю пометку в партийных документах...

Мне доставили партийный билет Михаила Ивановича Данилова, Героя Советского Союза, гвардии лейтенанта 42-й Смоленской Краснознаменной, ордена Кутузова стрелковой дивизии. Сотрудники политотдела 49-й армии прислали также письмо, которое М. И. Данилов хранил вместе с партийным билетом. «Если я умру, — говорилось в письме, — знайте, дорогие товарищи, что я пал на поле боя за родную Коммунистическую партию, за будущее счастье нашего народа».

Это письмо было напечатано во многих газетах фронта под названием «Мое завещание». И после смерти офи-

цер-коммунист оставался в строю — его слова, шедшие от сердца, вдохновляли людей.

27 апреля войска фронта продвинулись на 15—30 километров и освободили от фашистов еще 225 населенных пунктов.

2-я ударная армия, развивая наступление вдоль Балтийского побережья, продвинулась за день на 20 километров. 65-я армия успешно наступала к западу от Штеттина в направлении города Фридлянд. 70-я армия, действуя южнее, продвинулась за день на 30 километров и к исходу дня овладела городом Пренцлау. 49-я армия, овладев городом Ангермюнде, 28 и 29 апреля продвинулась более чем на 20 километров. Войска фронта, встречая отдельные очаги сопротивления, неуклонно наступали.

Входившие в состав 2-й ударной армии 90-я стрелковая дивизия под командованием генерал-майора Н. Г. Лященко и 46-я стрелковая дивизия под командованием генерал-майора С. И. Борщова 30 апреля овладели городом Грайфсвальд, неподалеку от побережья Балтийского моря.

Начальник политотдела 90-й дивизии подполковник М. Д. Незамаев доложил мне, что утром из города в расположение 286-го стрелкового полка прибыла немецкая легковая машина с белым флагом. В машине находился парламентар — заместитель коменданта города. Он привез заявление о капитуляции гарнизона, насчитывавшего около 6 тысяч человек.

Член Военного совета 2-й ударной армии генерал-майор Н. И. Шабалин рассказал мне по телефону подробности капитуляции Грайфсвальда. Я заметил, что комендант гарнизона, по-видимому, честный человек — он доказал это, разорвав отношения с нацистами, — и мог бы, наверное, стать хорошим бургомистром города.

— Безусловно, такой бургомистр будет очень популярен среди населения, — согласился Шабалин. — Я скоро встречусь с городской группой комитета «Свободная Германия» и узнаю их мнение на этот счет.

Часа через два Николай Иванович вновь позвонил мне и доложил, что местные антифашисты поддержали наше предложение, однако комендант гарнизона Петерсхаген отказался стать бургомистром. «Я офицер, — сказал он, — и поэтому обязан быть со своими солдатами, идти вместе с ними в плен».

Бургомистром города был избран адвокат Эвальд Руст, известный своими прогрессивными взглядами, а его заместителем — рабочий-коммунист Гуго Пфайдер.

События в Грайфсвальде легли в основу телефильма «Свесь пробуждается», поставленного в 1961 году в ГДР. Этот фильм пользовался большим и заслуженным успехом у советских зрителей.

К северо-западу от Грайфсвальда, в нескольких десятках километров, находится город Штральзунд. Полковник Петерсхаген связался по телефону с комендантом Штральзунда, сообщил ему о капитуляции и сказал, что Красная Армия, заняв Грайфсвальд, установила в нем образцовый и твердый порядок. В заключение полковник посоветовал коменданту Штральзунда последовать его примеру и сдать город без сопротивления, но тот отказался прислушаться к доброму совету.

В тот же день, 30 апреля, 90-я дивизия, пройдя с боями свыше 50 километров, подошла к Штральзунду. А на следующий день, преодолев сопротивление гитлеровских частей, дивизия овладела городом и взяла в плен значительную часть гарнизона. Теперь перед ней встала задача очистить от фашистов остров Рюген, отделенный от Штральзунда нешироким проливом.

1 мая командир 90-й дивизии генерал-майор Н. Г. Лященко предъявил коменданту гарнизона острова ультиматум о безоговорочной капитуляции. Политотдел дивизии подобрал из жителей Штральзунда две группы парламентариев для передачи ультиматума. Если комендант острова отклонит ультиматум, то, как было договорено, парламентарии обратятся непосредственно к населению и солдатам, призывая их не выполнять распоряжения коменданта, сложить оружие и не оказывать сопротивления советским войскам. Чтобы облегчить парламентариям задачу, бургомистр Штральзунда Кортум подписал воззвание к населению и солдатам острова.

На следующий день обе делегации были переправлены на остров на катерах. Вскоре после этого командир дивизии получил телеграмму от коменданта острова Рюген генерал-майора Фугта, которая подтверждала, что ультиматум получен. Комендант высказал пожелание переговорить непосредственно с представителем Красной Армии. Полчаса спустя состоялся разговор по телефону между генералом Н. Г. Лященко и комендантом (телефонная связь между Штральзундом и островом действовала нор-

мально). Было договорено, что комендант пришлет делегацию. В 16 часов прибыли два офицера немецкой армии, которые сообщили, что переговоры о сдаче острова уполномочен вести комендант южного участка острова генерал Бройзниг. Вскоре генерал в сопровождении офицеров прибыл в расположение наших частей. В переговорах приняли участие член Военного совета 2-й ударной армии генерал-майор Н. И. Шабалин, начальник штаба армии генерал-лейтенант П. И. Кокорев, командир 108-го стрелкового корпуса генерал-лейтенант В. С. Поленов и командир 90-й стрелковой дивизии генерал-майор Н. Г. Лященко. Немецкая сторона приняла все условия капитуляции. Генерал Фугт обязался встретить части Красной Армии на мосту через пролив, разделяющий остров Рюген и Штральзунд. Фугт сказал, что немецкий гарнизон будет выстроен и представлен командиру 90-й стрелковой дивизии.

Однако на Рюгене все произошло иначе, чем в Грайфсвальде. В ночь перед сдачей гарнизона генерал Фугт позорно бросил свои войска и с группой приближенных офицеров сбежал с острова, воспользовавшись катером.

Узнав о бегстве генерала, Н. Г. Лященко не поехал на остров, а послал туда своего представителя, инструктора политотдела капитана М. П. Цыганкова, поручив ему переговорить с немецкими солдатами. В течение нескольких часов Цыганков организовал сдачу в плен более чем 1100 немецких солдат и офицеров, а вскоре сложили оружие все войска, находившиеся на острове Рюген. Всего около 6 тысяч человек.

Так завершилось бескровное взятие острова Рюген. Политработники 90-й дивизии разъясняли жителям острова задачи нашей армии, вместе с созданными органами самоуправления налаживали снабжение продовольствием.

Войска фронта, выйдя 3 и 4 мая к Эльбе и ее притоку Эльде, очистили обширную территорию между Одером и Эльбой.

В эти дни армии фронта впервые встретились с войсками союзников — на западном берегу Эльбы пахотились американские и английские части.

К. К. Рокоссовский предложил мне срочно вылететь в расположение гвардейского кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта Н. С. Осликовского. Здесь, в месте впадения реки Эльды в Эльбу, должна была произойти встреча наших кавалеристов с войсками союзников.

Я прилетел вовремя. Николай Семенович Осликовский уже припимал американских генералов, среди которых был командир 13-го армейского корпуса армии США генерал Эрвин К. Гиллем. Американским военачальникам очень понравились выправка и отличный вид советских кавалеристов. Генерал Гиллем пригласил наших командиров в гости. На встрече он сказал теплые слова: «Большое удовольствие для меня приветствовать наших замечательных союзников при таких счастливых обстоятельствах. Мы встретились на земле немецкого врага не как завоеватели, а как братья по оружию, как друзья. Нет слов, чтобы я смог описать великие подвиги, совершенные армиями России. Мы горды и счастливы принимать участие в этом историческом событии».

На следующий день состоялась встреча с англичанами. Английского генерала Мура, командира 8-й пехотной дивизии, принимали командир 96-го корпуса генерал-лейтенант Я. Д. Чанышев и командир 38-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майор Г. М. Соловьев. Генерал Мур сказал много теплых слов в адрес нашей армии и ее воинов. Он был поражен, когда узнал, что 38-я дивизия за время войны прошла с боями 3500 километров.

В эти дни боевые действия армий фронта на западном направлении фактически закончились.

5 мая 2-я ударная армия полностью овладела крупным островом Узедом, а 10-я гвардейская стрелковая дивизия 19-й армии под командованием генерал-майора Х. А. Худалова — Свиномюнде (Свипоуйсьце), важным портом на Балтике. Юго-восточнее Гдапска и севернее Гдыни отдельные изолированные группировки гитлеровцев некоторое время еще продолжали сопротивление. Как показали многочисленные пленные, командиры этих группировок, вопреки разуму не желавшие признать поражение, объявили своим войскам, что за отход с занимаемых рубежей, а также за попытку перейти на сторону противника виновные будут повешены. Однако, несмотря на столь суровое предупреждение, солдаты ежедневно сдавались в плен. Они шли, зажимая в поднятой руке листовку-пропуск. Десятки тысяч таких листовок, подготовленных политуправлением фронта, были разбросаны с самолетов в расположении фашистских войск.

На всем пространстве от Одера до Эльбы разбитые группы противника поспешно сдавались в плен. Маршал

К. К. Рокоссовский отдал приказ 65, 70, 49 и 2-й ударной армиям закрепиться на достигнутых рубежах.

7 мая командующий английскими войсками фельдмаршал Бернард Лоу Монтгомери пригласил Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского в гости. На командный пункт Монтгомери вместе с Рокоссовским отправились генералы Н. Е. Субботин, К. А. Вершинин, А. Н. Боголюбов, А. К. Сокольский, И. В. Виноградов. В поездке принял участие и я.

Делегацию встретил почетный караул. Рокоссовский и Монтгомери обменялись приветствиями, сфотографировались вместе. В старинном немецком замке состоялся прием. Угощали трофейными винами, консервами и сигаретами, не за столом, а, как говорится, «а ля фуршет». Фельдмаршал Монтгомери произнес тост, в котором сказал знаменательные слова: «Русская армия спасла Англию».

Встреча прошла в теплой, дружеской атмосфере. На прощание К. К. Рокоссовский пригласил Монтгомери и его штаб посетить советские войска. Фельдмаршал поблагодарил, но, ссылаясь на занятость, сказал, что сумеет приехать не более чем на один час.

Спустя три дня, 10 мая, состоялся ответный визит. В расположение наших войск приехал фельдмаршал Монтгомери в сопровождении группы генералов и офицеров. Встретили делегацию торжественно и радушно. Уж не знаю, какое впечатление произвела на гостей русская кухня, только обедали все с превеликой охотой и никто не торопился уйти из-за стола, хотя фельдмаршал и предупредил, что заедет только на час.

Английский фельдмаршал выглядел очень пожилым (чтоб не сказать, старым), утомленным человеком. Говорил он медленно, то и дело прикрывая глаза. Иногда даже казалось, что он задремал. Но за обедом он внезапно оживился и произнес тост.

— Мы начали наш путь с разных концов Европы, — сказал он. — Все эти годы испытаний англичане с восхищением следили за борьбой мужественного русского народа. Как солдату, мне не приходилось видеть до сих пор русского солдата. Сегодня я с ним встретился впервые и восхищен до глубины души. С начала этой большой войны англичане на своих островах все время видели, как росли замечательные военные руководители России, и одним из первых имен, которое я узнал, было имя маршала Рокоссовского. Если бы о нем не говорили по радио, я

все равно проследил бы его славный путь по салютам в Москве. Я сам пробил себе дорогу через Африку и был во многих боях, но, думаю, то, что сделал я, не похоже на то, что сделал маршал Рокоссовский. Я поднимаю бокал за маршала Рокоссовского! ¹

После обеда все участники встречи дружески беседовали, обменивались впечатлениями и сувенирами. Фельдмаршал Монтгомери пробыл у нас не час, а целых восемь часов...

Особенно понравилось англичанам выступление фронтового ансамбля песни и пляски. Монтгомери высказал даже сожаление, что в английской армии нет подобных ансамблей, и поэтому он не может доставить русским генералам и офицерам такое же удовольствие.

Если на Эльбе и Эльде боевые действия закончились, то на некоторых других участках фронта еще оставались отдельные очаги сопротивления. Ставка Верховного Главнокомандования приказала командующим фронтами издать обращения к не сдавшимся еще немецким войскам и их командирам с предложением безоговорочной капитуляции. Если противостоящие войска противника не сложат оружие к указанному сроку, было приказано нанести решающий удар. На 2-м Белорусском фронте остались изолированные вражеские группировки на косе Хель, к востоку от Гдапска, и на датском острове Борнхольм.

Текст обращения к немецко-фашистским войскам, составленный в политуправлении фронта, был одобрен Военным советом, тут же передан в типографию и отпечатан массовым тиражом.

Утром 8 мая войска 19-й армии атаковали вражеские позиции на косе Хель, а войска 43-й армии под командованием генерал-полковника А. П. Белобородова, вошедшей в состав фронта 24 апреля, — оборонительные рубежи противника юго-восточнее Гдапска.

Ночью К. К. Рокоссовский срочно пригласил к себе начальников управлений фронта и объявил: только что получено сообщение — командующий 1-м Белорусским фронтом Маршал Советского Союза Г. К. Жуков принимает в Берлине безоговорочную капитуляцию Германии от представителей главнокомандования гитлеровской армии, 9 мая во всех газетах будет опубликован приказ И. В. Ста-

¹ ЦА МО СССР, т. 237, оп. 2414, д. 132.

лина о победном завершении Великой Отечественной войны.

В комнате стояла тишина. Поздравления, смех, объятия, слезы — все это будет, будет позже. Сейчас каждый оставался наедине со своими мыслями, со своими чувствами, радостями и потерями. Позади 1418 труднейших дней, ступенек к Великой Победе, политых кровью наших людей...

Стоял теплый майский день, светило солнце, и хотя окна были распахнуты настежь, нам казалось, что в комнате невыносимо душно, дышать нечем. То ли в самом деле был душный день, то ли в горле перехватило от волнения — не знаю...

И тут Константин Константинович предложил:

— Не пойти ли нам в сад и не покурить ли махорочку? Так просто, сесть и покурить, ни о чем не думая, не размышляя о тактике и стратегии...

Мы вышли в сад. Маршал развязал кисет. Боголюбов вынул из кармана кителя курительную бумагу. Все протянули руки, разобрали тонкие листочки. К Константину Константиновичу выстроилась небольшая очередь за махоркой. А потом мы молча сидели на скамейках, усердно дымили, затем гуляли по саду, тихо, словно боясь нарушить спокойствие этого весеннего дня, которому суждено запомниться навеки...

И вот настал день, который стал для всех нас, для последующих поколений великим днем, Днем Победы. В ночь на 9 мая пришла телеграмма с приказом Верховного Главнокомандующего. «Великая Отечественная война, — говорилось в приказе, — которую вел советский народ против немецко-фашистских захватчиков, победоносно завершена...»

Война окончена. Люди, знакомые и незнакомые, поздравляют друг друга, обнимаются и целуются. И каждый, кто имеет оружие — от пистолета до зенитной пушки, — стреляет в воздух, салютуя победе над врагом.

Наш родной 2-й Белорусский фронт внес немалый вклад в разгром фашизма, каждый воин был причастен к Великой Победе. За год своего существования войска 2-го Белорусского фронта очистили от гитлеровцев многие районы родной земли, а также часть территории Польши и Германии, освободили более чем 30 тысяч населенных пунктов. С боями войска фронта прошли около полутора тысяч километров, от реки Проня до Эльбы, разгромив

110 вражеских дивизий, 52 отдельные бригады, 74 отдельных полка и свыше 300 отдельных батальонов и дивизионов¹. Сорок три раза торжественно салатовала Москва в честь побед воинов фронта над врагом.

Поистине великую роль в победе над гитлеровской Германией сыграли труженики тыла. Только для проведения трех последних операций 2-й Белорусский фронт получил 886 000 тонн боеприпасов, горючего, продовольствия, огромное число танков, артиллерийских орудий. Все это было необходимо для победы, без этого победа была бы невысказима.

Я вспоминаю строгие слова приказов Верховного Главнокомандующего, звенящий и торжественный голос Левитана по радио, перечень взятых городов и имена доблестных командиров, но чаще всего — те слова, которые неизменно завершали каждый приказ: «Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!» Вечная им слава...

9 и 10 мая капитулировали сохранившиеся в полосе нашего фронта вражеские группировки: юго-восточнее Гданьска, на косе Хель и на острове Борнхольм. Среди сдавшихся в плен свыше 10 тысяч гитлеровских офицеров и генералов, в том числе бывший командующий 2-й армией генерал фон Заукен.

Освобожденный остров Борнхольм наша фронтовая делегация вскоре торжественно передала датскому правительству. Это событие имело большое политическое значение. Уже тогда предшественники современных западных фальсификаторов истории в один голос трубили: «Русские намерены превратить Борнхольм в Мальту Балтики». Их злобные выпады не прекратились и после того, как в газетах было опубликовано сообщение, что войска Красной Армии занимают остров временно — до тех пор, пока на нем остаются недобитые гитлеровцы. И вот остров Борнхольм передан Дании. В который уж раз наши идейные враги были вынуждены замолчать.

В первые послевоенные дни мне много пришлось бывать в войсках. По поручению Военного совета фронта я вручал боевые ордена героям последних боев, проверял вместе с работниками тыла бытовое обеспечение частей, размещаемых в военных городках, инспектировал госпитали, проводил митинги, посвященные отъезду на Родину

¹ ЦА МО СССР, ф. 237, оп. 2394, д. 1424.

демобилизованных воинов. Поездок было много. Но особенно запомнилась одна.

В 46-й гвардейский полк легких бомбардировщиков — женский полк, как называли его на фронте, — мы поехали втроем — К. К. Рокоссовский, К. А. Вершинин и я. Признаться, прежде мне не доводилось бывать в этом удивительном полку, полностью женском, хотя с воздушной армией генерал-полковника К. А. Вершинина я был знаком неплохо. Командовала этим полком замечательная женщина и отличный боевой летчик подполковник Е. Д. Бершанская.

Этот маленький и чудесный мир девушек-летчиц явил всем образец доблести и отваги. Двадцати трем девушкам, летчицам и штурманам, было присвоено звание Героя Советского Союза, почти все девушки были награждены боевыми орденами. Мы с волнением читали книгу боевой славы комсомольцев, нас познакомили с героями этой книги — Женей Рудневой, Женей Жигуленко, Руфиной Гашевой, Наташей Меклин, Ниной Ульяненко...

Хрупкие девчата, не для такой участи вы родились. Но пришла война, и вы встали рядом с братьями, отцами и мужьями. Вы героически сражались на фронте и трудились в тылу. Вы защищали Родину наравне с мужчинами и показали себя достойными дочерьми своего великого народа. Честь вам и хвала!

Мы долго осматривали хозяйство полка. А потом К. К. Рокоссовский стал спрашивать девушек об их планах на будущее, чем они хотят заняться в мирной жизни. Многие отвечали, что хотят по-прежнему летать, учиться. Константин Константинович, прощаясь с летчицами, сказал:

— Вы мужественно воевали, перенесли тяготы войны. И в мирной жизни, верю, не спасете. Пишите рапорты на имя командующего Вершинина, всех как следует устроим. А кто захочет учиться, пошлем учиться. Вы это заслужили...

Много лет спустя, работая в Приволжском военном округе, я слушал в городе Куйбышеве, в политехническом институте, лекцию об экономической политике партии. После лекции ко мне подошла молодая женщина, которая только что выступала перед нами.

— Не узнаете, товарищ генерал? Я Хорошилова, комсорг 46-го авиаполка.

Александра Васильевна рассказала мне, что недавно

защитила кандидатскую диссертацию, подумывает о докторской. Сейчас она уже профессор, доктор экономических наук.

А кто не знает в нашей стране имя Героя Советского Союза Марины Чечневой? Ныне она активно участвует в работе Советского комитета ветеранов войны и Комитета советских женщин. Большими людьми стали славные летчицы полка Бершанской — привыкли летать высоко!

Разгромив фашистскую Германию, наши войска распахнули ворота гитлеровских тюрем и концлагерей, освободили сотни тысяч узников, согнанных фашистами в лагерь из разных стран Европы. Ежедневно мы получали страшные свидетельства преступлений нацистов.

Политуправлению фронта стало известно, что в живых осталась семья Эрста Тельмана. Начальник политотдела 70-й армии генерал-майор Я. Е. Масловский сообщил мне, что вблизи города Нейбранденбурга войска армии освободили женский лагерь, в котором гитлеровцы держали около четырех тысяч женщин разных национальностей. Среди освобожденных — Ирма Вестер Тельман, дочь Эрста Тельмана. Мы встретились с ней — молодой, измученной, но не сломленной женщиной.

— После ареста меня отправили в лагерь Вальдбау, — сказала Ирма Вестер Тельман. — Там я работала на кухне. Охрана лагеря надо мной всячески издевалась. Однажды я не выдержала — ударила надзирательницу эсэсовку. За это меня посадили на неделю в карцер, где кормили горячей пищей только раз в три дня, а так давали лишь холодную воду. Потом меня перевели в лагерь в Нейбранденбурге. За несколько дней до прихода Красной Армии охранники спешно эвакуировались, а нас, к счастью, не тронули. Я в это время болела, лежала в лазарете. Когда в город вступили советские солдаты, русская женщина, которая ухаживала за мной в лазарете, сообщила советскому офицеру кто я. Ко мне отнеслись очень сердечно.

Мы поинтересовались, что ей известно о судьбе отца и матерп — Розы Тельман.

— Последний раз я видела отца в сентябре сорок третьего года, в тюрьме города Баутцен, — ответила Ирма. — К нашим семейным праздникам отцу разрешали писать письма, и он всегда писал их — большие, страниц на десять — двенадцать. Мы обязаны были читать эти письма вслух чиновникам гестапо. Позднее все письма у нас ото-

брали. Мою мать арестовали 5 мая 1944 года. Нас четыре месяца допрашивали в разных тюрьмах — сначала в Зингепе, потом в Гамбурге и Берлине. Мать я видела один раз, в тюрьме Шарлоттенбург, в Берлине, но мне не разрешили с ней поговорить. А потом ее отправили в лагерь Равенсбрюк.

Розу Тельман, жену Эрнста Тельмана, его боевого товарища, вызволили из фашистской неволи еще 2 мая, когда Равенсбрюк был освобожден войсками 49-й армии. Мы устроили встречу Розы Тельман с дочерью, а вскоре отправили их на самолете в Москву. Перед отлетом я беседовал с Розой Тельман.

— После того как в 1939 году был заключен договор между СССР и Германией, — сказала она, — мне разрешили свидания с Эрнстом один раз в две недели. Последнее письмо от него я получила в конце июля 1944 года, когда находилась в лагере. А потом мне сообщили, что он погиб в Бухенвальде...

Войска 2-го Белорусского фронта освободили из фашистских тюрем и лагерей сотни тысяч человек — русских и немцев, поляков и французов, англичан и американцев, бельгийцев и голландцев. Эти измученные, голодные, истощенные люди нуждались не только в уходе и хорошем питании, но и в теплом, сердечном отношении. На солдат и офицеров Советской Армии они смотрели как на избавителей.

За политическую работу среди освобожденных граждан несли ответственность политуправление фронта и политотделы армий. Политработники помогали органам тыла взять на учет все лагеря, разместить больных по госпиталям (а нуждающихся в неотложном лечении было очень много), снабдить людей продуктами, выделить им одежду, создать человеческие условия существования, разъясняли освобожденным гражданам политику Советского государства, освободительную миссию Советской Армии. Конечно, такую работу мы выполняли и раньше, но в Западной Померании, где находилось много гитлеровских лагерей, ее масштаб резко возрос.

Множество людей прошло перед нами, немало было волнующих встреч. Вспоминаю беседу с Мари Клод Вайяп-Кутюрье. Она буквально рвалась во Францию, чтобы без промедления включиться в работу компартии. Запомнилась встреча с командирами бельгийской армии — начальником генерального штаба генерал-лейтенантом

Францем Минкельсом и командиром 5-го армейского корпуса генерал-лейтенантом Ван-дер-Бергеном перед их отъездом домой.

В лагере в Нейбранденбурге находились более 18 тысяч солдат и офицеров из разных стран. Я беседовал с английскими и американскими офицерами, освобожденными из этого лагеря. Они рассказали, что при фашистах лагерь содержался в ужасных условиях. Но хуже всего было, конечно, в тех лагерях, где находились русские, поляки и югославы. Там все было откровенно рассчитано на физическое уничтожение людей. На прощание бывший военнопленный полковник американской армии Хьюз сказал: «Я хочу выразить искреннюю благодарность советскому командованию за проделанную работу и за то внимание, которое нам оказали»¹.

Полным ходом шла работа на сборно-пересыльных пунктах, через которые освобожденных людей отправляли на их родину. Руководители 14-го сборно-пересыльного пункта для иностранных граждан, на который я заехал, возвращаясь из поездки в войска, сказали мне, что через их руки прошло уже свыше 19 тысяч человек, в том числе более трех тысяч женщин и детей. Этот пункт был многонациональным, тут можно было встретить представителей почти всех европейских стран — французов и англичан, итальянцев и чехов, бельгийцев и венгров, испанцев, югославов, поляков, румын, голландцев, греков, датчан... Они уже немного пришли в себя и, несмотря на явные признаки истощения, были веселы, говорили оживленно — радовались концу войны и ждали встречи с родиной.

Советское командование получало многочисленные благодарственные письма от освобожденных из плена солдат и офицеров союзников. В лагере «Шталаг люфт № 1» в городе Барт томились более 8 тысяч человек, в основном американцы и англичане. Как только лагерь был освобожден войсками 65-й армии, Военный совет и политотдел армии приняли срочные меры для того, чтобы бывшие военнопленные до отправки домой могли жить в человеческих условиях. В лагере восстановили водопровод, подвели электричество и газ, доставили туда продовольствие, причем в достаточном количестве (белой муки — 15 тонн, сахара — 20 тонн, рыбы — 7 тонн, капусты — 1 тонну, коров — 67, свиней — 76). Надо было видеть ра-

¹ ЦА МО СССР, ф. 237, оп. 2414, д. 123.

дость в глазах людей, впервые после долгих дней полу-голодного существования почувствовавших вкус настоящей еды.

Освобожденные военнопленные выбрали комендантом этого лагеря американского полковника Г. Земки, его заместителем полковника английской армии Уира. В благодарственном письме па имя командующего 65-й армией генерал-полковника П. И. Батова полковник Земки, в частности, писал: «Отношения между Советской Армией и армиями США и Англии были в высшей степени согласованными и сердечными. Пусть эти отношения будут вечными»¹.

Политорганы, командиры и политработники помогали немцам возрождать новую жизнь на освобожденной от фашистов земле. Политуправление издавало газету и листовки на немецком языке, оказывало всемерное содействие вышедшим из подполья антифашистским организациям и группам, создававшим в городах и селах местные органы самоуправления. Работники военных комендатур и политработники помогали налаживать снабжение продовольствием, вели политическую и культурную работу среди местного населения. Большую помощь в организации разъяснительной работы нам оказали старейшие немецкие коммунисты Вилли Бредель и Густав Субботка. Эти товарищи в популярной форме, доходчиво рассказывали своим соотечественникам о целях и задачах Красной Армии. Сознание немцев пробуждалось день ото дня. Многие начали включаться в активную работу по восстановлению новой Германии.

Война окончилась, но политическая работа продолжалась...

Более тридцати лет прошло с той памятной весны — весны Победы. Но до сих пор наши друзья и наши недруги размышляют о причинах победы Советской Армии над таким мощным противником, каким явилась гитлеровская Германия. Есть люди, склонные объяснять поражение фашизма пороками Гитлера, нерасторопностью германских штабов, консервативностью военного мышления фашистского генералитета. Наверное, все эти обстоятельства следует учитывать, и все же не в них суть. Наша Великая

¹ ЦА МО СССР, ф. 237, оп. 2414, д. 123.

Победа была обеспечена крепостью нашего социального строя, монолитным единством народа и партии, верностью идеям ленинизма. Не могу не привести здесь слова из речи В. И. Ленина перед красноармейцами, произнесенной в 1919 году: «Во всякой войне победа в конечном счете обуславливается состоянием духа тех масс, которые на поле брани проливают свою кровь. Убеждение в справедливости войны, сознание необходимости пожертвовать своею жизнью для блага своих братьев поднимает дух солдат и заставляет их переносить неслыханные тяжести... ..каждый рабочий и крестьянин... знает, за что он идет, и сознательно проливает свою кровь во имя торжества справедливости и социализма»¹.

Верность этих бессмертных слов вождя многократно подтвердили советские воины, сражавшиеся на всех фронтах и проявившие массовый героизм «во имя торжества справедливости и социализма».

Только на 2-м Белорусском фронте за год наступательных боев орденами были награждены 228 113 человек, 1249 соединений и частей прикрепили ордена к своим знаменам.

Через несколько дней после окончания войны маршал К. К. Рокоссовский и я поехали в 90-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Воины дивизии отважно сражались до самой Победы — в первых числах мая они форсировали пролив Штральзунд-Вассер, заняли остров Рюген, город Берген. Среди других соединений фронта дивизия была отмечена в приказе Верховного Главнокомандующего 6 мая 1945 года. Мы с командующим должны были вручить этой славной дивизии орден Красного Знамени.

Дивизию выстроили в поле, на открытом месте, — война кончилась и не было больше надобности в укрытиях и маскировке. Ласковый весенний ветерок, нежная молодая зелень, радостное, светлое настроение...

Командующий войсками фронта зачитал приказ о награждении дивизии и прикрепил орден к ее знамени. Перед воинами выступили командир дивизии генерал-майор Н. Я. Лященко, начальник политотдела, полковник М. Д. Незамаев. А потом дивизия, четко чеканя шаг, прошла перед командующим.

...Идут солдаты, сержанты, офицеры. Прекрасные родные лица, смеющиеся глаза, радостные улыбки. Все в но-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 121.

вом, только что выданном обмундировании, а о том, что эти люди всего несколько дней назад шли в смертельный бой с врагом, напоминают лишь мелькающие то здесь, то там белые повязки — легко раненные остались в строю. Да и как их в такой день отправить в медсанбат?!

Я всматриваюсь в лица этих людей и думаю, какие великие силы заложены в нашем народе.

Коммунистическая партия воспитала славных сынов Отчизны, воспитала в них высочайшие моральные качества. Политорганы и партийные организации, все коммунисты укрепляли силы наших воинов, поднимали боевой дух, воспитывали у всего личного состава твердую веру в мощь советского оружия, веру в нашу победу. Коммунисты всегда находились в первых рядах. Это была их единственная привилегия. Для защиты Родины они не жалели ни крови своей, ни жизни. На место погибших коммунистов приходили новые. И это также служило залогом нашей победы. Более 95 тысяч человек было принято в члены ВКП(б) на 2-м Белорусском фронте. Наша партийная организация, несмотря на потери, росла и крепла. Ко дню окончания войны она насчитывала свыше 25 тысяч коммунистов.

Все фронты внесли свою лепту в общее дело победы, и я не пытаюсь преувеличить роль 2-го Белорусского фронта. Просто я там воевал, и мне этот фронт особенно дорог — так же, наверное, как и многим другим ветеранам 2-го Белорусского.

В русском народном эпосе сохранилось предание о живой воде, которая воскрешала мертвых, давала новые силы ослабевшим в борьбе с врагом. Такой живой водой, таким источником силы было для нас в годы Великой Отечественной войны большевистское слово — слово партии Ленина. Слово партии призывало преодолевать трудности сурового военного времени, удесятерило силы людей в самой тяжелой боевой обстановке, звало их к победе. Оно было могучим боевым оружием командиров и политработников, всех коммунистов и комсомольцев — людей удивительной отваги и высочайшего партийного долга.

Я счастлив, что жил и воевал рядом с ними...

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Первые недели войны	3
Оборона приморского плацдарма	19
У легендарной Невской Дубровки	59
Жаркое лето на Ладого	80
Рамушевский коридор	102
Герои Валдайских высот	117
Фронтовые будни политработников	134
Капля долбит камень	174
Партизанский край	187
Конец демянского плацдарма	196
Вперед, только вперед!	219
На польской земле	249
На пороге сорок пятого	265
Возвращенное имя — Гданьск	288
Наш солдат всюду пройдет	316
Победа	335

Андрей Дмитриевич Огороков

СЛОВО,
ВЕДУЩЕЕ
В БОИ

Литературная обработка М. А. Гуревича

Редактор *Л. М. Пантелеева*
Художник *Г. Г. Чернигова*
Художественный редактор *И. И. Карпиков*
Технический редактор *А. А. Перескокова*
Корректор *Л. П. Свинухова*

ИБ № 838

Сдано в набор 20.11.79. Подписано в печать 31.07.80. Г-32427
Формат 84×108/32. Бумага тип. № 2. Гарн. об. новая. Печать высокая
Печ. л. 11. Усл. печ. л. 18,48+2 вкл. ⁸/₁₆ печ. л., 1,05 усл. печ. л.
Уч.-изд. л. 20,629. Тираж 65 000 экз. Изд. № 3/1317. Зак. 311.
Цена 1 р 60 к

Воениздат
103160, Москва, К-160
1-я типография Воениздата
103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

